

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ПЕДАГОГИКИ
И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

*Юбилею Удмуртского
государственного университета
и
75-летию профессора
Левицкого Юрия Анатольевича
посвящается*

Ижевск 2006

ББК 81.2 -9 я 431

УДК 811.1'36

В 748

Редакционная коллегия:

Н.И. Пушина, д-р филол.н., проф. (отв. ред.),

Ф.Ш. Акмалова, канд. филол.н., ст. преп.,

Р.П. Кайшева, канд. пед.н., профессор,

Л.С. Колодкина, канд. пед. н., ст. преп.,

Н.В. Маханькова, канд. пед. н., доц.,

Е.А. Широких, канд. филол. н., доц.

Н.С. Широглазова, канд. филол. н., доц.

Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Юбилею Удмуртского государственного университета и 75-летию профессора Левицкого Юрия Анатольевича посвящается / Ижевск: Изд. дом “Удмуртский университет”, 2006, 377 с.

ББК 81.2 -9 я 431

УДК 811.1'36

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАУКА – ОСНОВА РАЗВИТИЯ ВУЗА XXI ВЕКА. НА ПУТИ К ЮБИЛЕЮ «75»	6
<i>Левицкий Юрий Анатольевич</i> ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	11
<i>Ф.Ш. Акмалова</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	29
<i>Н. Боронникова</i> ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ДЕЙКТИКОВ (на материале македонского языка)	40
<i>Е.Е. Бразговская</i> ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Х.Л. БОРХЕСА	56
<i>Л.Г. Васильев</i> СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ	67
<i>И.Б. Ворожцова</i> РЕЧЕВОЙ СУБЪЕКТ ИЛИ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ?	80
<i>С.Я. Гельберг</i> КОРРЕЛЯТЫ В БЕССОЮЗНОМ СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (на материале современного английского языка)	90
<i>В.В. Гуревич</i> О НЕКОТОРЫХ ЭФФЕКТАХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ	94
<i>Е.Б. Гусынина</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛИЙ в 14-17 вв.	98
<i>Л.И. Донецких</i> КОНТЕКСТ СЛОВООБРАЗА ОТЦА КАК НЕОМИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТАНТА В ПОЭТИКЕ Ю. КУЗНЕЦОВА	108
<i>Р.П. Кайшева</i> УЧЕБНАЯ КНИГА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ	115
<i>Ю. С. Каракулина</i> ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ	130

<i>В.И. Карасик</i> ОТРИЦАНИЕ И ШКАЛА КОНТРАСТИВНОСТИ	139
<i>Ю.Н. Караулов</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЧЕТЫРЕХМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ.....	146
<i>Л.С. Колодкина</i> РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ	162
<i>Г.Е. Крейдлин</i> КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ НЕВЕРБАЛЬНОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ЭМОЦИЙ.....	170
<i>В.М. Лейчик</i> РЕКЛАМА КАК ДИСКУРС.....	180
<i>Ф.А. Литвин</i> ПРЕДИКАТИВНОСТЬ ИЛИ ПРЕДИКАТИВНОСТИ?.....	204
<i>М.Л. Макаров</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: НОВОЕ ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?	210
<i>Н.В. Маханькова</i> ПОВЫШЕНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА, КАК СПОСОБА ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ	224
<i>И.М. Некрасова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ (на материале английского языка)	236
<i>Н.Н. Орехова</i> СЕМИОТИКА ЗАГЛАВНЫХ НАПИСАНИЙ В ДИАХРОНИИ: ОТ ДЕЛИМИТАЦИИ К ПРОПРИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ	243
<i>З.Д. Попова</i> КОГНИТИВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ СОЧИНЕНИЯ.....	257
<i>Н.И. Пушина</i> НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ (На примере инфинитива и причастия).....	261
<i>И.М. Румянцева</i> ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ОЩУЩЕНИЙ И ВОСПРИЯТИЯ	273

<i>Г.Г. Сильницкий</i> ТРЕХМЕРНАЯ СИСТЕМА МЕЖЧАСТЕРЕЧНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ.....	282
<i>Ю.В. Терешина</i> ИДЕЯ ПРИЧИННОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ.....	305
<i>Е.В. Тетерлева</i> ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ VS	325
<i>А.Н. Утехина</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	331
<i>Н.С. Широглазова</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	338
<i>Е.А. Широких</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕТЕРМИНАТИВОВ (в английском и русском языках).....	350
<i>Д. Шишков</i> КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СЕМАНТИКИ ЧАСТИЦ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	360
Tanya Bizon WHAT THE “GOOD LANGUAGE LEARNER” CAN TEACH US	368
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	376

**НАУКА – ОСНОВА РАЗВИТИЯ ВУЗА XXI ВЕКА
НА ПУТИ К ЮБИЛЕЮ «75»**

Где господствует дух науки, там
творится великое и малыми средствами
Н.И. Пирогов

Приближается знаменательная дата в истории Удмуртии – 75 летие Удмуртского университета и высшего образования в Республике. В 2006 году Удмуртский государственный университет отмечает свой юбилей. За эти годы из его стен вышло более 60 тысяч специалистов с высшим образованием для различных сфер профессиональной деятельности. Университет стал крупным центром образования, науки, культуры Удмуртской Республики и России, центром телекоммуникаций и новых образовательных технологий, *alma mater* для огромного коллектива талантливой молодежи разных возрастных групп. В настоящее время в УдГУ обучается более 28 тысяч студентов на 86 специальностях. Мы в своей деятельности стремимся быть максимально полезными для профессиональных нужд региона – в подготовке кадров, в создании и развитии новых отраслей производства, в защите и безопасности населения, в популяризации культурных и научных ценностей, в развитии международных связей и во многих других направлениях. Юбилей – важная веха и большое событие в жизни университета, города Ижевска и всей Удмуртии. Перед университетом ставятся грандиозные задачи – превратить Удмуртскую республику в научно-образовательный регион и реализовать собственную оригинальную модель устойчивого функционирования классического университета – ведущего и старейшего вуза Удмуртии.

Сейчас, когда идет процесс смены поколений, необходимо обеспечить преемственность научных школ, сохранить научно-педагогический потенциал, сформулировав концептуальный базис развивающегося федерального университета как вуза XXI века:

- открытость;
- доступность;
- фундаментальность;
- многоуровневость;
- непрерывность;
- интегративность образования и науки;

- обучение через исследования;
- гуманитаризация;
- информатизация;
- регионализация (регионально-национальный компонент);
- активизация связей (межрегиональных, международных);
- интернационализация образования и воспитания;
- валеологизация;
- безопасность;
- структурная мобильность;
- экономичность;
- децентрализация;
- истеблишмент.

Уровень развития научных исследований является одним из главных показателей рейтинга университетов. И как ни сложно в нынешних условиях вести плодотворную научную деятельность, все же можно констатировать, что объем научных исследований в университете за последние годы заметно вырос. Удмуртский университет стал исполнителем части государственных программ в области фундаментальных наук и наук о высшем образовании и искусстве, освоил систему грантов, открыл технологический парк народных ремесел и новых технологий, с которым мы связываем большие надежды в развитии прикладных исследований. Именно сбалансированность фундаментальных и прикладных исследований определила стержень программы развития науки в университете. Ее содержательная прикладная часть включает государственные и хозрасчетные приоритетные направления исследований в сфере охраны окружающей среды, предупреждения чрезвычайных ситуаций, биотехнологии, медицины, нефтяных и газовых технологий, энергетики, средств связи и широкого использования для этих достижений в области фундаментальных наук – математики, физики, химии, биологии и др. Следовательно, главные задачи, стоящие перед научным комплексом университета, включают:

- необходимость обеспечить принцип «обучения через исследования» как основы полноценного университетского научного образования;
- требование сохранить ориентацию на развитие фундаментальных исследований, на поддержку научных школ;
- поддержку усилий для постоянного привлечения талантливой молодежи в университетскую науку.

Для решения поставленных задач необходимы следующие действия:

- обеспечить поддержку университетско-академического комплекса (УдГУ – УФ УрО РАН) в части развития новых направлений исследования в области фундаментальных и прикладных наук (приборостроение, новые материалы, история, филология и др.), создание учебно-научного аналитического центра идентификации органических и неорганических материалов;
- приоритетная поддержка гуманитарного сектора университетской науки и прикладных исследований; ориентиром здесь являются принятые государством приоритеты в научно-технической политике, где необходимо найти место Удмуртскому университету;
- способствовать междисциплинарной интеграции естественно-научной и гуманитарной культур;
- обеспечить научное сопровождение республиканских и муниципальных программ социально-экономического, правового, образовательного-культурного и других направлений деятельности;
- продолжить и развить научное сотрудничество с российскими и мировыми научными центрами.

Стремительное расширение международных связей Удмуртского университета (с Люнебургским университетом в Германии, Манчестерским Метрополитен университетом в Великобритании, Хельсинкским университетом в Финляндии, Фучжоу в Китае, университетом Центральной Флориды в США, Будапештским университетом в Венгрии, а также со многими университетами ближнего зарубежья) позволяет добиться всесторонней интеграции в мировое образовательное и научное пространство. Для нашего университета и для Удмуртской Республики в целом, как ранее закрытой территории, это особенно важно – ведь мы переживаем нелегкий этап становления и стабилизации экономической и политической жизни, требующий новых идей, и значительных материальных затрат, и радикального повышения квалификации кадров. Поэтому тесное сотрудничество с зарубежными коллегами стало нормой жизни и способствует достижению важных научно-образовательных результатов: обеспечение академической мобильности студентов и научно-педагогических работников, достижение меж-

дународной сопоставимости образовательных стандартов в подготовке специалистов, привлечение зарубежного интеллектуального и материального ресурса, создание и продвижение на международный рынок конкурентоспособной наукоемкой продукции, обогащение российского образования ценностями мировой культуры и опытом ведущих зарубежных вузов, включение в систему международного информационного и коммуникационного пространства, использование международных информационных порталов.

Наши ученые принимают участие в международных научных конференциях, симпозиумах, международных программах ТЕМ-ПУС–ТАСИС, Фонда Карнеги, Фулбрайт и других, осуществляется обучение русскому языку иностранных студентов из Южной Кореи, Испании, Германии, Финляндии. Одновременно ведется конкурсный отбор наших студентов для обучения в Испании, Финляндии, Южной Корее, США, Германии и других странах.

Успешно реализуются совместные научные программы, ориентированные на развитие гуманитарных направлений: Европейская программа «Sapiens-Sapiens» – «Человек-Человеку» (исполнительный комитет находится в Кельне, в Германии), осуществляемая при участии факультета искусств; научная программа, связанная с партнерской деятельностью нефтяного факультета, Института социальных коммуникаций Удмуртского университета и Университета Центральной Флориды в США в рамках совместного гранта, полученного в конкурсе, организованном американским госдепартаментом для решения проблем политической экономии и поиска путей управления историческим процессом. Отрадно, что, благодаря взаимным рабочим виткам обеих сторон, удается найти понимание в сложных вопросах экономико-политического устройства общества и построения первичных курсов лекций на эту тему.

Следует отметить, что сотрудничество Удмуртского университета с зарубежными партнерами помогает решать не только научно-образовательные задачи, но также и проблемы материально-технического обеспечения. А это ценная экономическая, языковедческая, техническая, медицинская, искусствоведческая литература, аудио- и видеоматериалы, множительная и вычислительная техника, безвозмездно поставляемые нашими партнерами.

Новой сферой деятельности Удмуртского университета является создание при вузе региональных информационных представительств, различных международных правительственных и общест-

венных организаций: Центра американистики, Центра испанского языка и культуры, открытие информационных представительств Германии, Финляндии и Франции.

В настоящее время в университете изучают немецкий, английский, французский, финский, испанский, венгерский, эстонский, удмуртский, татарский, корейский, чешский и русский языки. При этом в учебном процессе участвуют преподаватели из Германии, США, Финляндии, Венгрии. В перспективе – развитие международных образовательных программ для предоставления возможности иностранным студентам изучать многие дисциплины, включая языки по выбору, математику, философию образования, историю России, теоретическую физику и механику, нелинейную динамику и другие направления, где российская наука имеет приоритеты.

Размышляя над достижениями научной мысли, вкладом ученых Удмуртского университета в развитие образования, подготовку специалистов-профессионалов, обращаюсь к Вам, многоуважаемый профессор Юрий Анатольевич Левицкий – ровеснику Удмуртского государственного университета, в связи с Вашим большим юбилеем со словами благодарности за плодотворное сотрудничество с университетом, с Институтом иностранных языков и литературы, кафедрой грамматики и истории английского языка, которое продолжается долгие годы. Желаю Вам долголетия, новых творческих свершений, научных открытий.

*Ректор Удмуртского государственного университета,
доктор физико-математических наук,
профессор В.А. Журавлев*

Левицкий Юрий Анатольевич
ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юрий Анатольевич Левицкий родился 10 марта 1931 г. в г. Перми (тогда – Молотов). По окончании средней школы в 1949 г. поступил в Молотовский государственный педагогический институт (по специальности «английский язык»), который окончил в 1953 г.

Работал в средней школе, затем на заводе, сначала в бюро технической информации, затем – в ОКБ, по новой специальности. Вторая специальность – радиотехника – получена в Северо-Западном Заочном Политехническом институте (факультет «радиотехника»).

В 1963 г. был приглашен на работу в Пермский университет, на кафедру Романо-германской филологии, а в 1966 г. поступил в аспирантуру при кафедре общего языкознания МГУ (руководил кафедрой профессор Ю.С. Степанов) по специальности 10-677 – Теория языкознания. Закончив аспирантуру в 1969 г., в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые вопросы теории актуализации (функции слов-указателей)». Диплом кандидата филологических наук получил 27.03.70, аттестат доцента – 22.03.78.

С 1969 г. работал в Пермском университете, сначала в качестве старшего преподавателя кафедры романо-германской филологии, а с 1975 г. – заведующего кафедрой немецкого, французского и латинского языков. В 1977 г. прошел стажировку на летних курсах немецкого языка при Гумольдтовском университете в г. Берлине.

В 1985 г. перешел на работу в Пермский педагогический институт на должность доцента кафедры английской филологии, а с 1988 г. – профессора этой же кафедры.

В 1999 г. перешел на вновь образованную кафедру общего языкознания ПГПИ на должность профессора.

Все это время поддерживал связь с кафедрой общего языкознания МГУ, принимая участие во многих мероприятиях этой кафедры, которой в то время руководил профессор Ю.В. Рождественский. Под его руководством работал над докторской диссертацией «Сочинение в синтаксической системе языка» (специальность 10.02.19 – Общее языкознание), которую защитил в

1986 г. Диплом доктора филологических наук получил 26.06.87, аттестат профессора – 04.11.89.

В рамках своей преподавательской деятельности Ю.А. Левицкий читал и читает лекции по следующим курсам: грамматика современного английского языка, введение в языкознание, общее языкознание, история лингвистики, а также проводит спецкурсы и спецсеминары по проблемам общего синтаксиса, лингвистики текста, развития синтаксической структуры предложения.

Общее направление научной работы – анализ языковых категорий, их функционирование и развитие. В более конкретном плане можно выделить следующие частные направления: 1) соотношение предложения и высказывания, 2) семантика и функции пассива, 3) вопросы сложного предложения, 4) логический и лингвистический аспекты сочинения и подчинения, 5) проблемы лингвистики текста, 6) вопрос о так называемых альтернативных грамматиках. Сущность перечисленных направлений заключается в следующем.

1) В 1964 г. вышла в свет работа Ф. Данеша *A three-level approach to syntax*, в которой высказывается мысль о том, что в предложении следует различать три «уровня», или три структуры – формальную, семантическую и коммуникативную. Эта идея получила всеобщее признание и дальнейшее развитие в многочисленных синтаксических работах, посвященных исследованию синтаксиса простого предложения, кроме отечественных работ по синтаксису русского языка. Единственным исключением является учебник русского языка В.А. Белошапковой, в которой показывается, что с позиции современной синтаксической науки предложение представляет собой сложное явление, которое соединяет в себе три разных синтаксических объекта: а) формальную устроенность, б) семантическую структуру и в) коммуникативную устроенность. Все остальные отечественные грамматики русского языка, включая и *Академическую грамматику*, остаются кондово традиционными. Следует лишь добавить, что третий аспект – коммуникативная устроенность – получил развитие в виде теории высказывания.

По словам Дж. Лайонза, «Противопоставление высказываний и предложений фундаментально для большинства современных лингвистических теорий», а М.Я. Блох так интерпретирует различие между предложением и высказыванием «Высказывание представляет собой ситуативно (контекстно) обусловленное, ситуативно

связанное речевое проявление, а предложение – обобщенную, типизированную форму высказывания». Правда, А.А. Залевская отмечает, что «для ряда авторов... имела место просто замена терминов (“предложение“ на “высказывание”)... Важно помнить, что замена терминов, как “смена вывесок“ без осмысления лежащих за ними “систем координат” (т.е. теоретических оснований) является профанацией, видимостью прогресса в науке.

Различие между формальной и семантической структурами предложения, а также между предложением и высказыванием последовательно проводится во всех синтаксических работах Ю.А. Левицкого.

2) В отношении формы страдательного залога распространено мнение о том, что она выражает «действие, направленное на объект». Ю.А. Левицкий исходит из того, что сказуемое в предложении служит для характеристики **подлежащего**, которое, в пассивных конструкциях, как известно никак не может характеризоваться как **действующее**.

Ю.А. Левицкий выделяет два типа семантики и функционирования пассива, которые выражает форма страдательного залога. Первая, которая собственно и является предметом анализа в большинстве исследований, представляет собой обычный **конверсив**: *Мальчик читает книгу ↔ Книга читается мальчиком*, точно так же, как в парах: *Иван – брат Петра ↔ Петр – брат Ивана; Иван – отец Петра ↔ Петр – сын Ивана; Николай ↔ купил книгу у Бориса ↔ Борис продал книгу Николаю; Петя дал Маше карандаш ↔ Маша получила карандаш от Пети*. В отличие от приведенных примеров с использованием конверсивных глаголов пассивный оборот можно назвать **синтаксическим конверсивом**. Очевидно, что синтаксический конверсив выражается обязательно так называемым трехчленным пассивом.

Другой тип семантики пассива, или *собственно пассива*, используется для **де-агентивизации подлежащего**: подлежащее любой пассивной конструкции никогда не может быть действующим лицом. Для деагентивизации вполне достаточной оказывается форма так называемого двучленного пассива. Таким образом, указанные два семантических типа получают четкое формальное различие (третий член необходим только при конверсive).

В плане формы страдательный залог вполне можно рассматривать как разновидность именного сказуемого – как по структуре, так и по семантике.

3) В аспекте сложного предложения (СП) Ю.А. Левицкий, по совету Е.Л. Гинзбурга, занимался разработкой проблемы формы СП, описание которой может быть осуществлено, исходя из следующих предпосылок.

Грамматическая форма языковой единицы представляет собой точку пересечения ее парадигматических и синтагматических свойств. Поэтому всестороннее описание той или иной языковой единицы должно обязательно включать оба аспекта – парадигматический и синтагматический.

Синтаксические конструкции представляют собой сложные единицы, состоящие из более простых единиц. В связи с этим описание синтаксических конструкций должно быть опять-таки двусторонним, двуаспектным. С одной стороны, любая из них может быть описана «извне», как отдельная целостная единица, а с другой – она может быть описана «изнутри», как результат сочетания соответствующих составляющих.

Учитывая сказанное, можно утверждать, что всестороннее описание синтаксических конструкций, прежде всего – СП, должно обязательно включать **четыре** аспекта: а) *внутреннюю парадигматику*, б) *внутреннюю синтагматику*, в) *внешнюю парадигматику* и г) *внешнюю синтагматику*.

Аспект внутренней парадигматики предполагает рассмотрение моделей СП, характера варьирования их компонентов и степень этого варьирования в отношении синтаксической структуры компонента и его грамматических форм. Аспект внутренней синтагматики должен иметь дело с характером сочетаемости компонентов СП, их взаимозависимости и степень этой взаимозависимости, средствами связи между компонентами и обратимостью компонентов (порядка их расположения в поверхностной структуре). Внешняя парадигматика предполагает рассмотрение вопроса об эквивалентности того или иного типа СП другим типам синтаксических конструкций или, иными словами, о сононимичных преобразованиях СП. И, наконец, в аспекте внешней синтагматики может быть предпринята попытка выявления контекстных связей рассматриваемого типа СП, тех типов контекстов, в которых он может встречаться.

Указанный подход к описанию формы СП был использован в процессе анализа сложносочиненных предложений.

4) В связи с рассмотрением проблемы СП возникла необходимость выяснить, имеет ли место прямое соответствие между грамматическими и логическими подчинением и сочинением, а если нет, то в чем заключается логическая сущность подчинения и сочинения. Данная необходимость обусловлена тем, что, по словам Ю.С. Степанова, «когда какое-либо положение лингвистики, одноименное с логическим или параллельное ему, все же отличается от него, целесообразно уточнить его и максимально приблизить к логическому».

Дело в том, что в синтаксической системе языка сочинение соотносится с подчинением. Логическое подчинение, с которым обычно соотносят грамматическое подчинение, подобного коррелята не имеет – определения сочинения в логике не приводится. Это дало повод французскому исследователю Ж. Антуану, автору двухтомного труда *La coordination en français* (1959) утверждать, что с точки зрения логики несомненным представляется лишь подчинение предложений, т.е. зависимость одного предложения от другого. Отношения же сочинения не существует.

В формальной логике подчинением называется такое отношение, когда объем одного понятия (подчиненного) входит в объем другого (подчиняющего) понятия. Так, объем понятия «письменный стол» входит в объем понятия «стол». Иными словами, подчинение – это родо-видовое отношение.

Сочинение с позиции логики можно интерпретировать как **соподчинение** двух понятий третьему. Так, объемы понятий «сахар» и «мел» входят в объем понятия «белые предметы». Иными словами, сочинение двух понятий – это **соподчинение** их некоему третьему понятию. При этом ни факт одинакового подчинения двух понятий третьему, ни непосредственная связь двух соподчиненных понятий друг с другом **не получают формального выражения** – все это остается «за кадром». Следовательно, семантика сочинения оказывается сложнее семантики подчинения.

Сочинение, как в плане логическом, так и в плане грамматическом интерпретируется одинаково. Различие лишь в том, что в языковом плане человек ведет себя менее строго, нежели того требует логика: говорящий может связать сочинительной связью любые два слова, если, на его взгляд, между ними существует не-

что общее. Так, по замечанию А.М. Пешковского, «сваха, например, расхваливая приданое, может сказать *большой и каменный дом*, потому что для нее оба прилагательных указывают на обильное приданое. Если же кто-нибудь утверждал, что только зимние его костюмы неисправны, а летние целехоньки, то ему можно будет сказать: *А вот на вас летнее, но разорванное платье*».

Не существует и однозначного соответствия между логическим и грамматическим подчинением. В приведенном ранее примере *письменный стол* подчиняющим понятием, как уже указывалось, является «стол», а подчиненным – «письменный стол». Грамматически же в указанном словосочетании главным (подчиняющим) является слово *стол*, а зависимым (подчиненным) – *письменный*.

Если соотносить грамматические подчинение и сочинение с логическими операциями, то окажется, что подчинение соответствует операции *определения понятия*, а сочинение – операции *деления объема понятия*.

Подчинение и сочинение «работают», в целом, одинаково как на уровне слов, так и на уровне предложений. Однако у сложно-сочиненного предложения есть свои особенности в отношениях к грамматике и логике. Логическая *конъюнкция*, которую часто представляют как полный аналог грамматического сочинения, с точки зрения нормального носителя языка может выглядеть весьма странно. Дело в том, что по условию конъюнкция двух высказываний является истинной, если истинно каждое из соединяемых высказываний. Таким образом, сложное высказывание *Он преподает математику, а Волга впадает в Каспийское море*, истинное с позиции логики, не может не вызвать недоумения у слушающих, знакомых с правилами и постулатами математической логики.

Кроме того, сочинение (как слов, так и предложений) можно рассматривать как своего рода предварительный этап, «подготовку» к операции сравнения, на которой, по существу, основывается механизм человеческого мышления. Сочинение, как указывалось, устанавливает некую общность признаков (и даже одного признака) у двух предметов или явлений, а при сравнении один из этих предметов рассматривается как типичный носитель признака, как эталон для другого, или других. Ср., например: *Змея извивается, и речка извивается* → *Речка извивается, как змея; Заяц труслив, и ты труслив* → *Ты труслив, как заяц*.

5) Среди многочисленных вопросов, рассматриваемых в лингвистике текста, одним из наиболее дискуссионных является принцип типологии текстов. По этому поводу написано уже немало работ, предлагающих самые различные особенности текстов, которые можно было бы предложить в качестве основания для типологии – от чисто формальных до собственно содержательных. Однако до сих пор не найдено такого общего основания.

Ю.А. Левицкий исходит из того, что любой текст создается (порождается) в процессе коммуникации, которая протекает в определенных условиях и под воздействием определенных факторов. Прежде всего, процесс коммуникации всегда проходит в конкретной ситуации, в пределах некоторого пространственно-временного промежутка. Нормальный акт коммуникации предполагает всегда как минимум **двух участников – говорящего** (пишущего) **и слушающего** (читающего). В акте коммуникации обязательно наличие некоторого **предмета речи**, того, о чем говорящий сообщает слушающему. Беспредметной коммуникации в нормальных условиях не существует. Даже чисто формальная коммуникация предполагает какое-то намерение, которое в данном случае можно рассматривать как предмет разговора.

В большинстве определений, характеризующих процесс коммуникации, особенно выделяется основная, ведущая роль говорящего, и это вполне естественно – ведь именно он осуществляет выбор вида и варианта построения текста. Если я, как говорящий, намерен кому-то о чем-то сообщить, т.е. если у меня есть некая **интенция**, то я смогу просто встретиться с нужным мне человеком и поговорить с ним, могу и позвонить ему по телефону, написать ему письмо и т.д., я могу сделать некое сообщение, выступить с докладом на собрании, конференции, симпозиуме, написать тезисы, статью, монографию. Если я желаю «научить жить», я напишу роман, повесть, драму и т.п. если при этом я обладаю поэтическим даром, то результатом моего намерения может стать стихотворение, поэма, ода. Короче говоря, я выберу ту форму своего будущего текста, которая более всего будет соответствовать моему намерению, характеру моего собеседника (собеседников), предмету речи и условиям, в которых я буду что-то сообщать. По словам А.А. Леонтьева, «человек говорит так, как принято говорить на данную тему, с данным собеседником и в данной ситуации, и именно в этом – ключ к стилистическому многообразию речевых форм».

Все «многообразие речевых форм» можно свести к **четырем** основным типам речи: 1) устный диалог, 2) устный монолог, 3) письменный диалог и 4) письменный монолог. Устный диалог – это первичная и наиболее естественная форма функционирования языка. Устный монолог представлен разнообразными видами выступлений одного говорящего перед некоторым числом слушателей, или аудиторией. Письменный диалог – это обмен записочками или письмами. И, наконец, письменный монолог включает самые разнообразные формы письменного общения автора с читателями. Даже драматические произведения, несмотря на диалогический характер их текстов, представляют собой монолог автора со зрителями (читателями).

Несмотря на многообразие, все типы речевого общения, а, следовательно, и все тексты характеризуются набором одних и тех же **параметров**. *Параметр* – это слово, широко применяемое в физике и математике. Оно обозначает некий показатель, который может входить в разные задачи и уравнения, принимая в них **разные** значения, однако в пределах одной задачи или уравнения значение параметра остается **неизменным**.

Как уже отмечалось, основным параметром текстообразования является говорящий, так как именно ему принадлежит право выбора: говорить или не говорить, о чем говорить, с какой целью, с кем, где и когда. Все остальные параметры так или иначе связаны с говорящим. Таким образом выстраивается приблизительно следующая иерархия параметров: 1) партнеры коммуникации, 2) ситуация коммуникации, 3) предмет речи, 4) цель общения, 5) форма общения, 6) дефицит времени.

Следует, конечно, помнить, что в процессе порождения текста все перечисленные параметры **взаимодействуют**, а попытка рассмотрения их по отдельности предпринята для более детального и «чистого» описания каждого из них, т.е. говоря о каждом, необходимо «держать в уме» все остальные.

Первый параметр подразделяется на следующие подпараметры:

а) состав партнеров, где различаются (1) количество – два или более двух; (2) наличие или отсутствие слушателей (*слушатель* обозначает любого присутствующего в отличие от *адресата*, к которому непосредственно обращается говорящий);

б) говорящий, который предполагает (1) общую характеристику (возраст, пол, национальность, образование, предполагающее три уровня компетенции и т.д.) и (2) тип представительства (говорит от себя, от коллектива, от государственного органа);

в) слушающий, который может быть (1) активным или (2) пассивным;

г) ранги партнеров: (1) равные или (2) неравные;

д) степень близости: (1) интимная или (2) официальная.

Второй параметр подразделяется на:

а) общий характер ситуации: (1) обычная – присутствуют и говорящий, и слушающий (слушающие) – типична для устного общения и (2) необычная (разрыв в месте и времени) – типична для письменного общения;

б) обратная связь: (1) наличие – при устном общении или (2) отсутствие – при письменном общении.

Третий параметр в самых общих чертах может быть подразделен на а) наличие предмета и б) его отсутствие, когда несколько человек «болтают без всякой цели», т.е. отсутствие определенного предмета речи сразу же «отсекает» естественный бытовой диалог (притом не всякий) от всех остальных видов речи, а наличие конкретного, специального предмета предполагает использование соответствующего специального «языка».

Четвертый параметр может быть подразделен в соответствии с целью высказывания на следующие:

1) практическое общение; 2) вызов (призыв), убеждение; 3) специальное изложение: а) официально-деловое, б) научное, в) утилитарное (аа) информативное, (аб) стимулирующее, (ав) инструкторное; 4) дидактическое.

Пятый параметр определяется в большей степени сферой общения. Предлагается следующий набор «величин»:

а) художественная форма общения: лирическая – драматическая – эпическая;

б) нехудожественная: а) нерегламентированная, б) регламентированная: (1) нестрого регламентированная, (2) строго регламентированная.

Шестой параметр характеризует, во-первых, естественный диалог, а во-вторых, спонтанный репортаж с места события. Во всех остальных случаях построение текста осуществляется при отсутствии такого дефицита. Таким образом, параметр дефицита

времени может принимать две «величины»: 1) наличие и 2) отсутствие.

Следовательно, простое исчисление с учетом всех величин, которые могут принимать перечисленные параметры дает в результате **494664** комбинации этих величин, соответствующих возможным разновидностям текстов.

Итак, какой же должна быть типология текстов – насколько дробными или, наоборот, «емкими» должны быть выделяемые классы? В этом плане можно привести аналогию с типологическими классификациями языков.

Создатели первых – морфологических – типологий выделили, как известно, всего четыре основных типа языков: изолирующий (корневой), полисинтетический, агглютинрующий и флективный. В современных типологических исследованиях одной из тенденций является учет всех возможных признаков на всех уровнях языковой системы – фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. Естественно, это позволит построить предельно четкую классификацию всех существующих языков, но вряд ли она сможет стать достаточно обозримой, и самое большое затруднение будет заключаться в том, чтобы найти для каждого конкретного языка место в системе многочисленных «ячеек».

То же самое и в отношении типологии текстов – при решении этой проблемы мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: *Все или же только главное?* Для начального этапа вполне достаточно типологии, намеченной еще В. фон Гумбольдтом и несколько уточненной пражскими лингвистами. Если принять во внимание только гумбольдтовские три типа подъязыков (бытовой, художественный и научный) и четыре типа речи, то в результате сочетания этих признаков получается **12** типов текстов. Все же остальное зависит от конечных целей исследования. При этом не следует забывать слова М.М. Бахтина: «Чистых текстов нет и не может быть».

б) Идея альтернативных, или «других» грамматик возникла в результате следующих соображений.

Согласно правилам нормативной грамматики современного языка номинативного строя, например русского, предложение как единица языка должно иметь вполне определенную форму. Прежде всего, в номинативной грамматике подлежащее должно иметь **единственную** форму – форму именительного падежа (отсюда и название *номинативная*: от латинского *nominativus* «именительный

падеж»). Тем не менее И.И. Мещанинов, который очень четко выделял номинативный строй предложения, строго противопоставляя его всем остальным, отмечал, что в русском предложении *Мне хочется* (ср. с *Я хочу*) можно говорить о дательном падеже подлежащего при глаголе чувственного восприятия. Г.А. Золотова, сопоставив предложения: *Он не работает – Ему не работается; Он грустит – Ему грустно; Деньги есть – Денег нет; Вода прибывает – Воды прибывает; Он бредит – У него бред; Она в обмороке – С ней обморок*; заключает, что нет никаких причин, кроме «чисто морфологических», считать выделенные формы имени дополнениями или другими распространителями предикативной основы, поскольку все они служат выражением «носителя предикативного признака».

Очень образно выразился по этому поводу английский лингвист А. Гардинер: «Цивилизованный человек, руководимый бьющей без осечки целенаправленностью и остротой своего ума, отточенной постоянной практикой, достиг почти невероятного мастерства речи. Но бок о бок с наиболее виртуозными произведениями ораторского искусства уживаются высказывания, находящиеся на одном уровне с выкриками обезьяны. Из сегодняшней живой речи можно извлечь подтверждение каждой стадии развития языка».

Специфика языкового развития человека как в онтогенезе, так и в филогенезе заключается в том, что все предыдущие этапы языкового развития (от первичного однословного высказывания до современного многословного) при переходе к следующему этапу не исчезают, а навсегда остаются в памяти человека, закрепляются в ней. Иначе говоря, в памяти каждого человека (и, вероятно, всего человечества) хранятся все освоенные им синтаксические конструкции, которые он с успехом может использовать в своей речи, когда этого требуют условия коммуникации. Это подтверждают наблюдения над живой спонтанной речью, в которой правильные конструкции, построенные по известным из нормативных грамматик образцам, оказываются достаточно редкими.

Следовательно, можно полагать, что грамматическая система современного человека, пользующегося языком номинативного строя, является многослойной, многоуровневой, иерархичной. Она хранит разнообразные единицы и конструкции – аффективные «выкрики обезьяны», однословные «первобытные» высказывания, двухсловные конструкции коммуникативной грамматики, ролевые

и, наконец, формально-синтаксические конструкции. Каждая из этих грамматик предоставляет в распоряжение говорящего свои типы высказываний. Иными словами, современный говорящий использует в своей речи не только «правильные» формально-синтаксические конструкции, но и всевозможные «реликтовые» структуры, хранящиеся в его памяти с раннего детства, а в памяти человечества – с первобытных времен. При этом не следует забывать, что все идеальные структуры (модели) в разговорной речи могут измениться до неузнаваемости.

Самыми первыми языковыми образованиями, которые начинает производить (и воспроизводить) человек, осваивающий язык, самыми глубинными языковыми единицами, которыми человек наиболее часто пользуется в спонтанной диалогической речи, когда он менее всего задумывается над тем, **как именно** точнее, адекватнее выразить свою мысль, являются однословные высказывания – «**протограмматика**», как назвал это явление М.А.К. Хэллидей.

Как и в речи ребенка, «взрослые» однословные высказывания представляют собой достаточно гибкие единицы, не только служащие ответными репликами, но и позволяющие строить примитивные связные тексты. Вот пример такого «текста», приведенный Ш. Балли: Я, например, иду, у меня ломается трость, и я эмоционально выражаю это словом *Crac!*, а затем досаду – восклицанием *Oh!* Совокупность *Crac! Oh!* означает примерно: «Моя трость сломалась (и тот факт, что она сломалась) вызывает у меня чувство досады».

Способность «расшифровывать» однословные высказывания взрослыми обусловлена тем, что они «отягощены» более широкими знаниями языковой системы не только в отношении разнообразия моделей различных уровней (разных грамматик), но и в плане валентностных свойств слов, что позволяет известными им способами распространять однословные высказывания за счет присоединения подчиненных, зависимых слов. Поэтому, возможно, корректнее говорить не об **однословных**, а об **однокомпонентных**, т.е. коммуникативно неделимых, высказываниях.

В качестве однословного высказывания может быть употреблено практически любое слово в любой форме. Конечно, предстоит еще ряд исследований, но уже сейчас можно отметить наиболее распространенные примеры, большинство которых заимствовано из грамматик русского языка.

Существительные в форме именительного падежа: *Тишина. Тишина! Мороз. Холодина!*

Существительные в косвенной форме: *Народу! Цветов! Воды! Ни звука.*

Предикативы: *Холодно. Грустно. Морозно. Натоптано. Закрыто. Кончено. Накурено. Занято.*

Местоимения и местоименные слова: *Я. Никто. Никого. Некуда.*

Некогда. Где? Там. Вон!

Глагол в форме инфинитива: *Молчать! Встать!*

Глагол в форме 3-го л. ед. ч.: *Светает. Темнеет. Знобит.*

Глагол в форме 3-го л. мн. ч.: *Стучат. Зовут.*

Однословные заместители предложений: *Да. Нет.*

Модальные слова: *Конечно. Возможно. Несомненно. Может быть.*

Междометия: *Ах! Увы! Ого!*

В речи современного человека подобные высказывания допускают распространение за счет подчиненных компонентов. Во всех таких случаях высказывание хотя и перестает быть однословным, но остается однокомпонентным в коммуникативном плане, т.е. не членится на топик и комментарий:

Тишина (мороз) на дворе. Тишина в студии! Не болтать на уроке! Снегу выпало! Воды натекло! Грибов нажарено! Газет всяких пришло! Машин едет по шоссе! Холодно-то как! Народу всякого собралось! Еды наготовлено! Уже светает. Опять знобит. Не о чем спорить. Некуда идти.

Первым этапом развития синтаксической структуры предложения является **коммуникативная грамматика**, появление первой синтаксической конструкции, состоящей из двух компонентов. Семантически это основные элементы коммуникативной структуры – *топик* и *комментарий*. В аспекте формальном мы имеем дело с простейшей, элементарной грамматикой – грамматикой НС, в соответствии с которой любая сложная (составная) единица может быть представлена в виде сочетания (соединения) и противопоставления двух компонентов, двух НС.

Как и однословные, двухсловные высказывания с развитием языка не уходят в глубь истории – они активно употребляются в современной разговорной речи. Очевидно, что такого рода высказывания ничем не отличаются от детских двухсловных высказыва-

ний (кроме, естественно, произношения). Ср. примеры детских и взрослых высказываний: *Мама – гулять; Папа – бай-бай; Мама – носок; Татьяна – ах!; Баня – топить; Земля – пахать.*

Существуют языки, в которых предложения коммуникативной структуры оказываются основными и единственными конструкциями – ни агенс, ни тем более подлежащее никак не маркируются. Маркировку получает только топик. Специфика высказываний данного типа состоит, во-первых, в отсутствии глагола в личной форме, т.е. какого бы то ни было согласования, а во-вторых, в членности конструкции, противопоставленности компонентов. Если в однословных высказываниях предикативность выражается только интонацией, то в двухсловных – интонацией и порядком компонентов.

Таким образом, к числу двухсловных, а точнее – двухкомпонентных, высказываний могут быть отнесены любые конструкции, отвечающие двум условиям: 1) все высказывание интонационно членится на две части, а именно на предмет речи (топик) и сообщение о нем (комментарий); 2) подлежащее (топик) – не обязательно имя в форме именительного падежа. К несомненным случаям принадлежат разного рода двухкомпонентные императивы. Прежде всего это известное миллионам телезрителей *Подарки – в студию!* (в более «распространенном» варианте: *Призы и подарки – в студию!*). *Ложки – в руки, и – за еду.*

Несомненными случаями представляются высказывания, во-первых, с топиком в форме косвенного падежа: *Воды – убывает, Возражений – не имеется;* во-вторых, с топиком неименного характера: *Снова – шум, Соберется – до сорока человек, Дел – на полчаса, Отдохнуть – не мешает, Шуметь – запрещается.*

При обращении последних примеров получают однокомпонентные высказывания, характеризующие ситуацию: *Запрещается шуметь, Не мешает отдохнуть, Грянуло «ура», Конца не предвидится, Никаких документов не требуется.*

В целом описание формальных и семантических характеристик двухкомпонентных высказываний должно осуществляться не с позиций нормативной номинативной грамматики, а исходя из живой спонтанной речи.

Актантно-ролевая грамматика в детском языке начинает складываться при переходе от двухсловного высказывания к многословному. При этом число компонентов высказывания – число

синтаксических позиций – увеличивается, что неизбежно приводит к необходимости их выделения, различения, противопоставления, т.е. к выработке соответствующих способов маркировки синтаксических позиций. Одним из основных и универсальных способов маркировки, как и ранее, является порядок слов, на который дети ориентируются как при восприятии, так и при порождении высказываний.

В детской ролевой грамматике первой маркированной ролью оказывается агент – действующее лицо. Во «взрослой» грамматике оформление ролевых структур связано с процессом размежевания имени и глагола и образованием *посессивной, активной, эргативной, аффективной* и *локативной* конструкций, в которых **форма** подлежащего согласуется с **семантикой** сказуемого. Так, в аффективных конструкциях маркируется субъект чувственного восприятия (экспериенцер), в локативной – субъект обладания (бенефициант) и т.п. Короче говоря, происходит последовательная маркировка возможных ролей, осуществляемая на фоне семантической дифференциации глаголов.

Очевидно, что высказывания ролевого типа достаточно широко распространены в живой речи. Их основной признак – использование в качестве подлежащего (первая позиция!) существительного или (чаще) местоимения в форме **косвенного падежа**, а в качестве сказуемого – глагола чаще всего в «безличной» форме. Подобные конструкции также отмечены во многих грамматиках современного русского языка. Они легко могут быть распределены на группы в соответствии с падежной формой подлежащего:

Родительный: *Ума у него не ахти сколько, Сестер у нее три,*

Дверей в доме всего две, У матери масса забот с детьми, У меня горло болит, У всех стало хорошо на душе.

Дательный: *Мальчику нравится учиться, Ему не хочется гулять, Мне подарили цветы, Ему холодно, Тебе выпало идти primero.*

Винительный: *Этого человека я не знаю, Такой же свитер я видел на режиссере Эйзенштейне.*

Творительный («эргативный»): *Депутатом был сделан запрос, Нами были учтены все замечания,* и т.п.

Предложный: *В ларьке продают мороженое, В ней была глава об Эйзенштейне.*

И, наконец – **номинативная грамматика**, в которой различные падежные формы используются для маркировки разных типов дополнений, а для маркировки подлежащего существует **единственная** форма – именительного падежа. Подлежащее становится **грамматическим** субъектом, а не логическим. Такого подлежащего нет в других типах конструкций. Назначение подлежащего номинативного строя заключается в выражении того, кто связан в предложении с предикатом. Как считает И.И. Мещанинов, это не субъект действия и не субъект состояния, а субъект, выделяемый в предложении по его связи с предикатом.

В номинативном строе подлежащее немаркировано, поскольку его семантика может быть самой разнообразной. Подлежащее **формально** согласуется со сказуемым-глаголом любого класса, любой семантики. Что же касается падежных форм второстепенных членов, то необходимо было выразить их определенную иерархию, что и осуществлено с помощью соответствующих падежных форм.

Еще одна принципиальная особенность номинативного строя заключается в противопоставлении форм действительного и страдательного залога, или активной и пассивной форм сказуемого. Сущность этого противопоставления такова, что форма действительного залога оказывается немаркированной. Это проявляется в том, что она никак не характеризует подлежащее семантически. Маркированная же форма страдательного залога подчеркивает **неагентивность** подлежащего: подлежащее при глаголе в форме страдательного залога **никогда не может быть действующим лицом**.

Сопоставление различных грамматик, которыми владеет современный носитель языка, показывает, что только в номинативной конструкции мы имеем дело с «настоящим», привычным нам подлежащим. Однако наличие в языке номинативных конструкций, их преобладание, дающее основание относить язык в целом к номинативному строю, не означает, как это отмечалось, невозможности существования и даже активного употребления в нем других типов конструкций, хранящихся в языковом сознании человека. По словам И.И. Мещанинова, в языке имеется «ряд сосуществующих различных конструкций предложений, не заменяющих друг друга, а каждая со своим точно установленным строем. Все они равноправны и могут использоваться в одном и том же языке. В итоге возни-

кает разнообразие в структуре предложений данного языка, причем все это разнообразие становится точно регламентированным. Предложение строится совершенно иначе, если в нем определяется действие, переходящее на объект, и если в нем выражается безобъектное действие или передающее восприятие субъектом действия аффекта и т.д.».

Будучи воспитанными в «среде» номинативной грамматики, мы уже настолько привыкли рассматривать все с позиции своих грамматических знаний, что любую реальную единицу коммуникации, любое встреченное необычное высказывание пытаемся подогнать под единый, общий формально-синтаксический стандарт, «исправить» все то, что этому стандарту не соответствует. На самом же деле оказывается, что таких стандартов **несколько**, и, анализируя данную нам непосредственную реальность речи, мы должны исходить из существующего плюрализма стандартов, плюрализма грамматик. Для этого, естественно, потребуются определенные усилия, связанные с нашим «перевоспитанием», и большая исследовательская работа.

Рассмотрим несколько примеров. Так, из трех почти одинаковых предложений: *Рембрандт написал картину*, *Картина написана Рембрандтом* и *Рембрандтом написана картина* первые два вполне безошибочно будут большинством определены как предложения номинативной конструкции, причем первое – в активной форме, а второе – в пассивной. Третье же предложение – это не «перевернутый» пассив, как может показаться на первый взгляд. Вспомним о магической силе первой позиции в предложении, которая для подавляющего большинства наивных говорящих ассоциируется с подлежащим, а в данном случае – с действующим лицом. Здесь мы имеем дело с ролевой грамматикой, точнее – с типичной эргативной конструкцией (подлежащее – в форме творительного, или эргативного падежа, падежа деятеля).

Таковы основные направления научных интересов Ю.А. Левицкого, которые разрабатываются в исследованиях его и его аспирантов. К настоящему времени количество написанных под его руководством и защищенных диссертаций составляет: 8 кандидатских и 1 докторская.

Количество публикаций Ю.А. Левицкого составляет 200, из них: учебных пособий и монографий – 40, статей в отечественных

и зарубежных журналах и сборниках – 81, тезисов докладов на конференциях разных уровней – 79.

Редколлегия

Ф.Ш. Акмалова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из важнейших составляющих познавательной деятельности человека, основанной на способности человеческого сознания обобщать, является категоризация разнообразных явлений действительности через сведение их к меньшему числу разрядов – к понятийным категориям, являющимся базовыми единицами познания и мыслительной деятельности человека. Универсальность понятийных категорий обусловлена тем, что они представляют мыслительные отображения основных элементов и параметров объективной картины мира и объективируются в любом (или практически в любом) языке.

«Состояние» понимается здесь как одна из таких общих, понятийных категорий, которая отражает особую форму существования субстанции, характеризующуюся целостностью, неизменностью, стабильностью признаков на протяжении некоторого отрезка времени и в то же время потенциальной изменемостью. Категория «состояние» является не только философской – онтологической и гносеологической – категорией, она входит в ряд фундаментальных языковых категорий как категория семантическая, отражающая в содержании языковых единиц специфический тип положения вещей.

Как показывает исследование, состояние является сложной, гетерогенной категорией, объединяющей большое число разнородных статических положений дел и поддающейся субкатегоризации. Система видов и подвидов состояния строится по принципу «от общего к частному» и основывается на четкой иерархии признаков, характеризующих различные отношения между предметом и испытываемым им состоянием. Наиболее общим основанием, которое позволило бы на первом этапе разделить состояния на максимально большие группы, мы склонны считать различие в сферах существования состояния. Во-первых, выделяется **внутреннее состояние**, затрагивающее внутренний мир некоторого предмета (в большинстве случаев – одушевленного), локализованное внутри него и не выходящее за рамки его телесной и духовной сферы. Во-вторых, можно говорить о **внешнем состоянии**, которое локализо-

вано за пределами тела предмета и присуще объекту действительности как целому (Симанов: Электрон. ресурс).

В рамках внутреннего состояния (той группы, которую называют собственно состояниями) несомненным представляется различение **физических (физиологических) и психических состояний**. Первая группа объединяет состояния, относящиеся к телу, организму, а также его отдельным частям и органам. Психические состояния охватывают состояние души и ума: чувственно-эмоциональную, ментальную и волевую сферы.носителем внутреннего состояния является одушевленный партиципant: человек или животное.

Решение вопроса о языковой репрезентации состояния и, в частности, физического состояния опирается на общефилософское и общелингвистическое понимание того, как следует рассматривать окружающий нас мир, и как он представлен в языке. Объективная действительность существует и дана человеку не как сумма отдельных, абсолютно изолированных предметов, а как сложная комбинация взаимосвязанных предметов, свойств, отношений, процессов, образующих целостные события (ситуации, положения дел). Ситуацию действительности образуют элементы-участники разных типов: с одной стороны – предметы (вещи, сущности), с другой – их проявления, признаки. Еще у Аристотеля прозвучала мысль о том, что только сущность существует сама по себе, а другие категории не являются самостоятельными, то есть «ни одно из этих свойств не существует от природы само по себе и не способно отделяться от предмета (ousia)» (Аристотель: Электрон. ресурс). Признаки предметов, к которым относятся свойства, отношения, действия, состояния и т.д., представляют собой лишь способ существования предметов. Исходя из этого, состояние как особое положение вещей, характеризующееся стабильностью акциденциального признака предмета в течение некоторого времени, само по себе не существует, это акциденция субстанции, т.е. существует онтологически и гносеологически только в связи с его носителем. Координация предмета и его состояния образует комплексную ситуацию внеязыковой действительности, которая является денотатом предложения. Только в предложении – сложной и специфической единице языковой системы, отличной от слова и словосочетания наличием предикативности (Грепль 1967: 60) – имеет место приписывание вещи некоторого признака/отношения, связь которых и создает

ситуацию как отрезок объективной действительности. Предикативность как грамматическое выражение предикации (понимаемой как соединение предметов мысли или отношение признака к предмету), как «форма приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации» (Левицкий 2003: 178), отличает предложение от непредикативного атрибутивного сочетания, в котором тоже присутствует связь признака и предмета, тем, что в атрибутивном словосочетании эта связь предстает как уже данная, вневременная, в то время как в предложении связь предмета и его признака устанавливается актом предикации, мыслительным актом. Предикативность обязательно подразумевает грамматическую двучленность (двусоставность) предложения, которая является специфической чертой его структуры: предложение, как отмечает Ю.А. Левицкий, обязательно содержит два главных компонента, один из которых выражает предмет, а другой – приписываемый ему признак (Левицкий 2003: 177), причем предметы выражаются в форме имени, а их признаки – в форме глаголов. В основе любого предложения, таким образом, лежит субъектно-предикатная структура; без нее оно не может обозначить структуру внеязыковой ситуации. Именно предложение, содержащее эксплицитированное выражение предикативности акцидентального, актуального признака предмету, является главным языковым репрезентантом понятийной категории «состояние» в языке.

Предложение, являясь языковым знаком, представляет собой двустороннюю сущность: субстанциональной стороной его выступает означающее (форма), а другой стороной является означаемое (содержание). Предложение обладает означающим сложного характера: на формально-синтаксическом уровне предложение предстает перед нами как синтаксический ряд словоформ, характеризующийся непрерывностью формальных связей. Семантика предложения также является комплексным образованием и, следовательно, имеет структуру. Структура содержания предложения – семантическая структура, представляющая собой отражение языковым сознанием типичных функций и отношений объектов реальной действительности – определяется структурой внеязыкового положения дел и структурой суждения о нем. В основе пропозиционального подхода к семантике предложения лежит понятие предикатно-актантной структуры, базирующееся на семантической валентности предиката. Так, ядром семантической структуры при-

знается предикат, открывающий позиции для семантических актантов – сущностных компонентов семантической структуры.

Семантическая структура воплощается в структурной схеме предложения, которая образуется объединением конструктивных синтаксических форм по правилам сочетаемости смыслов для выражения той или иной семантики, имеет в своем составе некоторый состав позиций для заполнения, формируется определенными словоформами в их отношении друг к другу, строится на основе общего, типового значения и дает нам представление об определенном классе событий – действии, процессе, состоянии и др. Структура ситуации внешнего мира (предметы-субстанции и отношения между ними) объясняет наличие в языке двух взаимно противопоставленных классов языковых элементов – имени и глагола, организованных особым образом в составе предложения. Имена выражают предметы, а глаголы – признаки-отношения в широком смысле (Гак 1973: 359). В предложении устанавливаются основывающиеся на закономерностях сочетаемости отношения между этими разрядами слов. Так как структурные схемы (модели) предложений являются языковым отображением всего многообразия ситуаций действительности, взятых в их типовом виде, неизменными структурными конститuentами предложения с этой точки зрения являются имена всех предметов, участвующих в ситуации, и само имя признака-отношения, выраженное глаголом.

При исследовании синтаксической репрезентации внутреннего физического состояния предложение рассматривается как семантико-грамматическое единство, т.е. мы не ограничиваемся семантическим моделированием предложений, но уделяем должное внимание и типовым структурным схемам, которые выбираются соответственно данной семантике.

Физическое (физиологическое) состояние, в отличие от состояния души и ума определяется как состояние одушевленного участника, локализованное в его организме, теле (и его частях). В рамках физического состояния участника можно выделить два вида состояний: *экспериментальные* состояния и *неэкспериментальные* состояния. Состояние назовем экспериментальным, если носитель его не просто пребывает в нем, а что-то испытывает, ощущает нечто, имеющее место в его теле. Напротив, неэкспериментальное состояние представляет собой пребывание лица в состоянии, охватывающем весь его организм и не подразумевающим физических

ощущений в той или иной части его тела. Отнести то или иное физиологическое состояние к ощущениям помогает метод перефразирования: возможность включения в предложение глаголов *feel, experience*, например, *He was hot and breathless* → *He felt hot and breathless*. Предложение *They were thirsty* можно перефразировать в предложения *They felt thirsty* и *They felt/experienced thirst*, что свидетельствует о принадлежности данного состояния к экспериенциальной группе. С другой стороны, невозможность данной трансформации, но возможность трансформации при помощи сочетаний *to be in a ... state/to be in a state of ...* свидетельствует о принадлежности состояния к группе неэкспериенциальных: *He was still unconscious* → *He was in a state of unconsciousness*.

Неэкспериенциальное физическое состояние. Положения дел данного типа обобщаются в двухкомпонентной семантической структуре, состоящей из предиката и одного семантического актанта. Двухкомпонентность семантической структуры объясняется тем, что в изоморфных им реальных положениях дел имеется лишь один участник, его состояние замыкается на самом себе и не направлено на других партиципантов. Семантическая модель предложений, описывающих физическое состояние одушевленного партиципанта, имеет вид $P - state_{phys}$, таким образом, одушевленный партиципант в семантическую структуру предложения входит в семантической роли пациентива – P .

В группу неэкспериенциальных физиологических состояний входят состояние жизни и смерти, состояние сна и бодрствования, состояние сознания, состояние трезвости и опьянения, состояние здоровья и болезни.

Семантика неэкспериенциального физиологического состояния находит выражение в следующих структурных схемах предложения:

1. $N - V_{link} - Adj/Part II$: *The girls are still asleep* (J.Smiley), *He [the American] was a little drunk* (G.Greene), *He was conscious to the last* (ERED Multilex 2.0), *Our dear Joe Evans is dangerously ill* (E.Terry), *That dirty bird is dead* (J. Cheever);

2. $N_1 - V_{link} - prep N_2$: *He is nigh death* (ERED Multilex 2.0), *The deliveryman was still in a coma* (J.Grisham), ... *and little Aggie was in her wake* (H.James), *He is in the ale* (ERED Multilex 2.0), *I'm in good health* (G.Greene);

3. *N – V: The pretty pigeon is sleeping* (J.Cheever), *Grandfather was dozing in front of the television* (LDCE), *He ailed sadly during the winter* (ERED Multilex 2.0);

4. *N₁ – have (got) – N₂: They have slight colds at present* (A.S. Hornby), *He has measles* (ERED Multilex 2.0).

Экспериментальное физическое состояние характеризуется, как уже было отмечено выше, наличием у носителя состояния некоторого ощущения. Под ощущением следует понимать испытываемое кем-либо физическое состояние, биологически обусловленные сигналы о внутреннем состоянии организма (Васильев 1981: 43), сенсорные впечатления. Таким образом, предложения объединены тем, что некто испытывает какое-либо физическое ощущение. А испытывать некоторое состояние, являясь носителем какого-либо ощущения может именно одушевленный участник. На семантическом уровне он представлен семантическим актантом, называемым экспериментивом (*Exp*).

Предпринятый анализ фактического материала позволяет выделить в сфере экспериментального физического состояния ряд разновидностей, имеющих свою специфику. Так, можно различать состояние жажды/голода и сытости, состояние сонливости, состояние общего самочувствия участника, а также частные состояния самочувствия – ощущение физической силы и усталости, температурные ощущения, ощущения боли, дрожи, зуда и першения, головокружения и тошноты. Особую группу экспериментальных состояний образует чувственное восприятие.

Базовая семантическая модель предложений, выражающих данный тип состояний, имеет вид *Exp – state_{phys-exp}* и описывает следующие виды состояний: состояние жажды/голода и сытости, состояние сонливости, общее самочувствие.

Структурные схемы предложений для выражения этих значений в исследуемых языках имеют следующие формулы:

1. *N – V_{link} – Adj: The dog is hungry, and very thirsty, too* (ERED Multilex 2.0), *He [George] felt thirsty* (J.K.Jerome), *I was pretty sleepy by that time* (M.Twain), *I feel fine now* (LDCE), *Rachel was feeling dizzy* (D.Brown);

2. *N₁ – V – N₂: After running five miles we had quite a thirst* (LDCE), *... they were suffering hunger and cold* (L.M.Alcott), *I feel nausea* (ERED Multilex 2.0);

3. *N – V: He [Clay] was starving* (J.Grisham).

В отличие от уже описанных выше групп состояний, ощущения физической силы и усталости, температурные ощущения, ощущения боли, дрожи могут затрагивать и организм в целом, и отдельные органы и части тела (в этом случае состояние-ощущение локализовано). Ситуации, когда состоянием охвачен весь партиципant, соответствует семантическая модель *Exp – state_{phys-exp}*.

В случае локализованности ощущения в какой-нибудь части тела партиципанта семантическая модель соответствующих предложений имеет вид *Exp – state_{phys-exp-loc}*. При указании на так называемый «локатив внутренней среды» (Матханова 2003: 105) — орган или часть тела, в котором локализуется то или иное ощущение — выделение особого семантического компонента (локатива) в данном случае неоправданно, так как ощущение имеет место в теле, организме партиципанта-экспериенсера, представляющего собой цельный элемент. В данном случае часть элемента не может стать отдельным и самостоятельным участником ситуации и быть представленной в семантической структуре в качестве особой семантической роли. Это объясняется тем, что испытывает ощущение не орган, не часть тела, а одушевленное лицо (носитель состояния) благодаря своему психо-физиологическому устройству.

В том случае, если выраженное в предложении физиологическое состояние локализовано в том или ином органе носителя состояния-ощущения, и экспериенсера, и сам орган могут быть представлены в предложении по-разному. На уровне формальной структуры экспериенсера может быть выражен эксплицитно, но может и не получить прямого выражения в структуре предложения. В свою очередь, и тот орган, в котором локализовано состояние, может получать и эксплицитное, и имплицитное выражение в структуре предложения.

Предложения, описывающие состояние-ощущение одушевленного партиципанта, охватывающее весь его организм или его часть, опираются на следующие структурные схемы:

1. *N – V_{link} – Adj/Part II*: *I am miserably cold* (ERED Multilex 2.0), *He was feeling unutterably tired* (P.G.Wodehouse), *I was most certainly refreshed and replenished* (E.Terry), *I feel shivery* (ERED Multilex 2.0);

2. *N – V*: *I'm still shaking* (J.Smiley). Положение дел, в котором одушевленный носитель экспериенциального состояния испытывает ощущение в какой-либо части своего тела, представлено в предложениях содержащих в себе существительное в номинативе, на-

зывающее часть тела, в сопровождении либо притяжательного местоимения, либо существительного в притяжательном падеже, являющихся выражением экспериенсива: *My head aches* (ERED Multilex 2.0), *My tooth still hurts a little* (ERED Multilex 2.0);

3. $N_1 - V - N_2$: *She experienced constant pain* (МЭС АБВУУ Lingvo 10). Локализация экспериенциального состояния может осуществляться при помощи а) предложно-именного компонента, называющего органы и части тела, и б) заполнения позиции N_2 такими сложными словами, содержащими имя локализатора ощущений, как *headache, toothache, backache* и др.:

а) *He has a sharp pain in the back* (ERED Multilex 2.0),

б) *The poor child has a headache* (P.G.Wodehouse);

4. $N_1 - be_{link} - prep N_2$: *He was obviously in pain* (J.Grisham), *He was all in a tremble* (ERED Multilex 2.0).

В группу экспериенциальных физиологических состояний также входит *чувственное восприятие* как «отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира» (Васильев 1981: 52), которое осуществляется посредством органов чувств. Оно выступает как осмысленный синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или воспринимаемых как целое явлений. В ходе активного отражения предметов и явлений действительности складывается некий их образ. Восприятие основано на работе органов чувств. В зависимости от того, какой из них работает активнее, перерабатывает больше информации, различают виды восприятия: зрительное, слуховое, обонятельно-вкусовое, осязательное (тактильное) восприятие. Способностью воспринимать мир в виде образов наделены только человек и высшие животные.

Восприятие субъективно, но оно всегда соотносится с воспринимаемыми предметами, с существующей вне нас действительностью. В отличие от ощущений, которые находятся в нас самих, восприятие направлено на объект. Следовательно, ситуация физического восприятия включает в себя, с одной стороны, одушевленного партиципанта, а с другой – объект восприятия, который может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Восприятие не обязательно статично, однако нас интересует ситуация действительности, не характеризующаяся акциональностью и динамичностью (в отличие от предикатов-действий: например, *She looked at him — once* (P.G.Wodehouse), *Jess was staring*

at her (J. Smiley); а также событийных предикатов чувственного восприятия: например, *I saw him at the casino* (P.G.Wodehouse), *She heard a commotion in the compound* (W.S.Maugham)). Семантический предикат в данном случае статичен, целостен и неагентивен по своей природе. Предикат экспериенциального состояния этого подвида предполагает среди участников соответствующей ситуации роль воспринимающего партиципанта и воспринимаемого партиципанта и, соответственно, предопределяет наличие двух семантических актантов, один из которых является одушевленным и активным экспериенсивом, а другой – одушевленным и неактивным пациентивом или неодушевленным и неактивным объективом. Следовательно, семантические модели типового значения «чувственное восприятие» имеют следующий вид:

***Exp – state_{phys-exp} – P* и *Exp – state_{phys-exp} – O*.**

Приведенные выше семантические модели воплощаются в структурной схеме $N_1 – V – N_2$, которая относится к реляционному типу по той причине, что в предложениях, построенных на ее основе, выражается отношение между разными предметами. В предложениях этого типа встречаются следующие неопредельные глаголы: *see, hear, feel, smell, scent, taste, perceive* и др.

В английском языке оба именных компонента структурной модели имеют форму так называемого общего падежа: *Methinks I see my father* (E.Terry), *I hear footsteps* (ERED Multilex 2.0), *I scent cigarette smoke* (ERED Multilex 2.0), *I think I smell gas* (LDCE).

Результаты исследования свидетельствуют о существовании двух разновидностей способов представления физиологического состояния:

а) предложения, в составе которых семантическому предикату соответствует составное именованное сказуемое – сочетание связочного глагола и прилагательного, причастия прошедшего времени и предложно-именного сочетания. Глагол-связка в подобных предложениях представлен либо глаголом *be*, либо его лексикализованными эквивалентами – полусвязочными глаголами, такими как *feel, seem, look*, либо полнозначными глаголами, выполняющими синкретно и связочную функцию (например, *stand, lie, sit* и др.: *I lay awake in the hot darkness* (J.Smiley)), причем подобные случаи можно трактовать как контаминацию глагольного и именованного сказуемого при компрессии слитно-сочиненных предложений с однородными предикатами: *I lay and was awake*. В предложениях, со-

держателем сочетание связочного глагола и именной части, признак статичности проявляется в полной мере. Структурная модель с составным сказуемым, содержащим прилагательное или причастие в роли предикатива, оказывается наиболее частотной и характерной для рассматриваемого языка при репрезентации разнообразных физиологических состояний участника. При этом, прилагательное предикативу предметному компоненту просто статичный признак, а предикат, выраженный глаголом-связкой и предикативом-причастием, содержит сопутствующее значение результативности состояния: в нем содержится импликация на завершенность действия, приведшего к данному состоянию. Модель предложений с предложно-именным предикативом в английском языке является менее продуктивной для семантики внутреннего физиологического состояния. Данная модель используется при выражении неэкспериментальных состояний жизни/смерти, бодрствования, здоровья/нездоровья, сознания, опьянения и экспериментальных состояний боли и дрожи;

б) предложения, в которых физическое состояние участника выражается глагольным сказуемым. Соответственно, в роли сказуемого встречаются стативные глаголы, в семантике которых отмечается отсутствие изменения, развития предмета во времени (например, *sleep, drowse, doze, be up, ail, be down, ache, shiver* и др.). Отмечается также использование так называемого аналитического, расщепленного способа репрезентации семантического предиката состояния ($N_1 - V - N_2$), где идентификатором состояния выступают личные глаголы со значением «чувствовать, ощущать, испытывать», а конкретизатором – абстрактное существительное (N_2) – имя самого ощущения.

В качестве выражения носителя разновидностей физиологического состояния выступают имена предметной семантики – одушевленные существительные (часто – антропонимы) и их заместители – личные местоимения. В предложении английского языка позиция имени-носителя состояния сигнализируется линейно-синтаксически: оно занимает левостороннюю позицию по отношению к глаголу.

Согласно положению денотативной концепции предложения об изоморфности семантических моделей структуре реальных ситуаций состав моделей, тип семантического предиката физиологического состояния, количество и природа субстанциальных компо-

нентов зависят от характера самого состояния, числа и роли участников соответствующей ситуации. Онтологически ситуации состояния бывают имманентными и реляционными, соответственно, предикаты физического состояния одно- и двухаргументны. Семантические модели, в составе которых присутствует лишь один актант, представляют состояние, замыкающееся на его носителе: **пациентиве (P)** – одушевленном, инактивном партиципанте, пребывающем в некотором состоянии, и **экспериенсиве (Exp)** – одушевленном, инактивном партиципанте, который что-л. ощущает или чувствует. Семантические модели с двумя облигаторными актантами представляют состояния-отношения, связывающие две сущности. В сфере внутренних физиологических состояний реляционным является чувственное восприятие.

Итак, английскому языку свойственно разнообразие структур, репрезентирующих физиологическое состояние. Это разнообразие объясняется возможностью представить семантический предикат физиологического состояния глаголами разной грамматической специфики, от которой зависит количество и природа именных компонентов.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/aristotle/metaphisic.html>
2. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола: Учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. – М.: Высш. школа, 1981. – 184 с.
3. *Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973. – С. 349-372.
4. *Грепель М.* К сущности типов предложения в славянских языках // Вопросы языкознания. – 1967. – № 5. – С. 60-68.
5. *Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса: Учебное пособие по спецкурсу/ Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – 419 с.
6. *Матханова И.П.* Вариативность высказываний с семантикой непроцессуального состояния в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. – СПб.: Наука, 2003. – С. 101-118.
7. *Симанов А.Л.* Понятие «состояние» как философская категория [Электронный адрес]. – <http://www.philosophy.nsc.ru/PUBLICATION/SIMANOV/ST/SIMANOV.htm>

Н. Боронникова

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ДЕЙКТИКОВ

(на материале македонского языка)

В последнее время в связи с развитием лингвистики речи (см. Левицкий 2004: 203) наиболее обсуждаемым становится вопрос об антропоцентрическом подходе к изучению языковой системы. В языке находят свое отражение субъективные представления человека о мире. По мнению В.А. Гуреева, репрезентация мира, его концептуализация и категоризация в языке зависят от ряда субъективных факторов, таких, как, например, компетентность говорящего и его точка зрения на предмет анализа (Гуреев 2004: 58).

Интерпретация языковой системы с позиции субъекта рассматривается в теории **языкового эгоцентризма**, формирование и развитие которой связано с именами К. Бругманна, К. Бюлера, Б. Рассела, Э. Бенвениста, О. Есперсена, Р. Якобсона, Дж. Лайонза, Ю.С. Степанова и др. Основой теории языкового эгоцентризма является понятие субъекта познания, или *Я (ego)*, представляющего собой точку отсчета пространственно-временных координат окружающего мира. *Я* в процессе коммуникации противопоставляется всему, что не является *Я* – прежде всего собеседнику (*ТЫ*); а участники акта коммуникации (*Я* и *ТЫ*) в свою очередь противопоставлены предмету речи (*ОН*).

В традиционной грамматической терминологии участники общения получили названия первого и второго лица. Им противопоставляется третье лицо, которое не является прямым участником общения (*не-говорящий /не-слушающий*). Три лица – это три основные точки языкового «сознания». Другими важными характеристиками речевого акта являются место и время речевого акта. Именно через эгоцентрическое сознание *Я* определяется время и ситуация речевого общения, а также **отношение** говорящего к сообщаемому факту. В связи с этим появляется возможность говорить об особом типе указания – **эмоциональном дейксисе**. Наиболее отчетливо, на наш взгляд, эмоциональный дейксис проявляется в троичной системе указателей македонского языка. Рассмотрению эмотивной функции указателей в македонском языке посвящено настоящее исследование.

Основой субъективной организации языковой системы является понятие «лицо». Как полагал К. Бюлер, первоначальное значение слова «лицо» – «действующее лицо, персонаж» (греч. *prosopon*,

лат. *persona*). В античной грамматике под этим термином понимали не что иное, как роль в речевом акте (Бюлер 1993: 105). К. Бюлер подчеркивал, что местоимения *Я* и *ТЫ* используются не для **обозначения** отправителя и получателя речевого сообщения (для этого используются их имена), а для **указания** на исполнителей этих ролей. Указание всегда непосредственно связано с ситуацией общения, поэтому местоимения *Я* и *ТЫ* являются ситуационными эквивалентами собственных имен. На разграничении функций указания и обозначения построено учение К. Бюлера об указательном и символическом полях языка. В символическом поле функционируют ситуационно независимые «назывные» слова. Поле указания включает в себя ситуационно обусловленные дейктические элементы языка. Способы указания в языке разнообразны: это и наглядная демонстрация, и анафорическое употребление указательных слов в «речи, отвлекающейся от ситуации», а также дейксис к воображаемому. В разработанной К. Бюлером системе координат центральными являются три указательных слова – *Я*, *ЗДЕСЬ*, *СЕЙЧАС*. Однако именно местоимение *Я* представляет собой координационный центр указательного поля.

Вслед за К. Бюлером теорию эгоцентрических спецификаторов разрабатывают Б. Рассел, О. Есперсен, Р. Якобсон, Э. Бенвенист и др. По Б. Расселу, эгоцентрические слова – это слова, референт которых определяется опять же относительно говорящего. В разряд основных эгоцентриков он включает понятия *Я/ТЫ*, *ЭТОТ/ТОТ*, *ЗДЕСЬ/ТАМ* и *СЕЙЧАС/ТОГДА*. Сюда также относятся глагольные формы, изменяющиеся по временам, слова *близко* и *далеко*, *прошлое*, *настоящее* и *будущее* (Рассел 1963: 102). Данные эгоцентрики образуют лексические оппозиции, противопоставленные по общему признаку *близкий/далекий* по отношению к говорящему.

Р. Якобсон при описании системы указателей использует понятие шифтеров, введенное в лингвистику О. Есперсеном. Под шифтерами понимают класс языковых единиц (местоименных и глагольных), которые выражают связь сообщения с речевым актом. Общее значение шифтеров не может быть определено без обязательной ссылки на сообщение. Шифтеры совмещают в себе функции двух типов знаков – символических и индексальных (*Я* не может называть объект, не будучи соотнесенным с ним) (Якобсон 1972: 97). Э. Бенвенист определял шифтеры как «вторжение речи

внутри языка» (Бенвенист 1974: 295). По мнению Э. Бенвениста, все дейктические указатели, отражая временные и пространственные отношения вокруг субъекта, находятся в зависимости от *Я*, высказывающегося в данном речевом акте. «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда тот обозначает себя как *Я*, как бы присваивать себе язык целиком» (Бенвенист 1974: 296). Личные местоимения являются первой опорной точкой для проявления субъективности в языке.

Крайняя степень субъективности воплощается в теории Ю.С. Степанова о трехмерном пространстве языка. Ю.С. Степанов выделяет три измерения языка: семантику, синтактику и прагматику (дектику). Дектика предметом своего изучения ставит взаимосвязь элементов языка в их отношении к определенной исходной точке, которой всегда будет *Я* говорящего. Третье измерение языка изучает присвоение языка неким *Я* в момент и – на момент речи (Степанов 1985: 223).

Итак, теория языкового эгоцентризма рассматривает языковые явления, в основе которых лежит осуществленное языковыми средствами указание относительно говорящего. Наряду с эгоцентризмом существует такое понятие, как **дейксис**, «содержательное отличие которого от эгоцентризма зачастую бывает трудно определить» (Кравченко 1995: 9). Как отмечает А.В. Кравченко, под дейксисом в общем смысле понимается класс языковых явлений, интерпретация которых предполагает знание условий экстралингвистической ситуации, в которой осуществляется акт речи, или контекста. Поскольку одним из этих ситуативных условий является наличие фигуры говорящего, дейксис так или иначе перекрывает все эгоцентрические явления (Кравченко 1995: 9). Если эгоцентризм – это основа организации языковой системы, исходная точка, то дейксис – те средства, которые определяют условия ее функционирования относительно этой точки. Основное свойство дейксиса состоит в том, что он определяет структуру и интерпретацию высказывания в зависимости от времени и места его произнесения, от того, кто является говорящим и адресатом, от объектов и событий, непосредственно связанных с реальной/ирреальной ситуацией общения.

Сфера дейксиса включает: указание на участников речевого акта (ролевой дейксис) – говорящего и адресата (*Я-ТЫ*); указание на степень отдаленности объекта высказывания (*ЭТОТ-ТОТ*); указание

на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта (*СЕЙЧАС-ТОГДА, ЗДЕСЬ-ТАМ*).

Со времен К. Бругмана и К. Бюлера принято различать первичный и вторичный дейксис. В индоевропейских языках К. Бругман выявляет четыре типа указания. В первичный дейксис входит три типа указания (Ich-Deixis, Du-Deixis, Jener-Deixis). Первичный дейксис – это дейксис типичной ситуации общения, диалога. Говорящий и слушающий видят друг друга, и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающей обстановки. Вторичный дейксис (Déj-Deixis по Бругманну) – дейктическая проекция, не связанная непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа ситуации, в том числе художественного повествования. Его свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета. Дейктические слова в этом случае выполняют анафорическую и катафорическую функцию.

Носителями дейктической функции могут быть как лексические единицы, так и грамматические категории (лицо, время, таксис и др.). В действительности, по мнению Дж. Лайонза, дейксис пронизывает всю грамматику и словарь естественных языков (Лайонз 2004: 157).

Центральные дейктические эгоцентрики (*Я-ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС*) отражают отдельную систему понятий, которую, как полагает Ю.Д. Апресян, можно было бы назвать наивной физикой пространства и времени (Апресян 1997: 274). «Наивные физики» пространства и времени различных языков обнаруживают как некоторые универсальные черты, так и ряд особенностей, специфичных для каждого естественного языка. Ю.Д. Апресян отмечает, что наивная физика пространства и времени – это релятивистская физика. Пространство и время релятивизированы взглядом говорящего на мир (Апресян 1997: 285). Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. Она является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства. Ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков – *ЗДЕСЬ* и *СЕЙЧАС*, а через них – и всех остальных.

Рассмотрим основные оппозиции, составляющие дейктическую систему языка. Базовое противопоставление, организующее дейктическую систему, – это оппозиция *я/не-я*. Внутри этой оппозиции

выделяется противопоставление *говорящий/слушающий*, которое в свою очередь противоположено *не-говорящему/не-слушающему*. Противопоставление *говорящий/слушающий (Я-Ты)* всегда ситуативно, оно непосредственно связано с актом коммуникации. Оппозиция *я-ты/он* немаркирована с позиции указания на момент речи. В языках мира, как отмечает К.Е. Майтинская, наиболее распространены двучленные и трехчленные системы указания, причем члены последних обычно соотносятся с грамматическими лицами: первый указывает на сферу говорящего, второй – на сферу собеседника, третий – на сферу, безразличную к сфере говорящего и собеседника, сферу *ЭТОТ-ТОТ* (Майтинская 1969: 68). Первые два члена оппозиции чаще всего выражены личными местоимениями. Они занимают особое положение по отношению к личному местоимению 3-го лица. Прежде всего местоимения 3-го лица во многих языках могут относиться как к людям, так и к неодушевленным предметам и явлениям, в то время как местоимения 1-го и 2-го лица используются только при указании на людей. По мнению М. Ягелло, «Я и Ты – единственные настоящие лица. Третье лицо – это не лицо, это предмет речи и больше ничего, что бы он ни означал – человека или не человека, одушевленное существо или неодушевленный предмет, реально существующий или выдуманный, конкретный или абстрактный и т.д. Вот почему любое слово может служить «третьим лицом, а не только местоимение третьего лица» (Ягелло 2003: 17-18). Кроме того, во многих языках личные местоимения 3-го лица противопоставлены остальным и в генетическом плане, они близки к собственно указательным местоимениям (*этот, тот, это, то*). Сфера указания в рамках 3-го лица гораздо шире, чем в пределах 1-го и 2-го лица. Однако имеется признак, объединяющий 2-е и 3-е лицо – это степень удаленности от говорящего. В данном случае сфера собеседника (2-е лицо) занимает промежуточное положение между личной сферой и сферой *ЭТОТ-ТОТ*.

В связи с последним противопоставлением актуализируется другая оппозиция – *близкий/далекий*. Данное противопоставление организует пространственные ориентиры действительной системы. Противопоставление *близкий/далекий* не является абсолютным, для его реализации необходимо знание, по сравнению с чем тот или иной предмет характеризуется как близкий или далекий. Пределы пространства задаются местонахождением говорящего в мо-

мент кодирования ситуации. Для пространственного дейксиса существенно различие фигур говорящего и наблюдателя. В первичном дейксисе эти фигуры обычно совпадают, а во вторичном могут разводиться.

Пространственные ориентиры говорящего тесным образом связаны с временными отношениями. В любой языковой организации времени можно выделить противопоставление *настоящий момент/не-настоящий момент*. Настоящий момент может подразделяться, по крайней мере, на две части: прошедший и будущий ориентационный моменты. При более детальном анализе временного дейксиса используют схему, введенную Г. Рейхенбахом, в которой время описывается с помощью трех понятий: момента речи (speech point), момента события (event point) и точки отсчета во времени (reference point). Однако, как отмечал Э. Бенвенист, линией раздела всегда будет служить референтное соотношение с «настоящим» (Бенвенист 1974: 296). На линии времени ориентир настоящего времени может находиться только внутри акта речи. «Лингвистическое время является аутореферентным... В конечном результате анализ человеческой категории времени со всем ее языковым аппаратом открывает субъективность, внутренне присущую самому процессу пользования языком» (Бенвенист 1974: 297).

Эти наиболее очевидные оппозиции, связанные с базовыми философскими понятиями *человек, место, время*, формируют своеобразное **личное пространство** говорящего, то пространство в мире, которое говорящий присваивает себе на данный момент. Это некая область с невидимыми границами, пересекать которые чужаку не позволено. В зависимости от интенции говорящего сюда могут включаться/исключаться его собеседники. Таким образом, в эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически (в пространстве и во времени), морально, интеллектуально и эмоционально. «Это пространство является не постоянной, а переменной величиной, зависящей от различных психологических и социальных факторов» (Кравченко 1995: 15), т.е. в него в зависимости от ситуации может включаться большее или меньшее число объектов. Сферу личного пространства, на наш взгляд, организует универсальная семиотическая оппозиция *свой-чужой*. По словам В.В. Иванова и В.Н. Топорова, оппозиция *свой-чужой* наряду с другими противопоставлениями с древних времен является одной из возможностей конкретизации общественных контактов.

С этой оппозицией связано одно еще более общее противопоставление, обусловленное прагматическими установками говорящего, – противопоставление *положительного отрицательному*. Как правило, то, что оказывается в личной сфере субъекта речи, имеет положительную субъективную окраску, а то, что воспринимается как нечто чуждое, инородное, приобретает отрицательную коннотацию. Таким образом, в конкретной речевой ситуации дейктические слова приобретают дополнительные коннотативные значения в соответствии с интенцией говорящего. В основном, эти коннотации характеризуются экспрессивной модальностью. Интерпретация эмоционального употребления дейктических средств, основанная на понятии личного пространства, предполагает включение предмета, на который указывает детерминатив (например, *ЭТОТ*), в личное пространство говорящего (или говорящего и адресата). Употребляя показатель *ТОТ*, говорящий намеренно исключает предмет из своего личного пространства и личного пространства адресата, несмотря на то, что этот предмет может находиться в непосредственной близости от обоих. Данный тип использования указательных единиц образует еще одну сферу дейктических отношений – сферу эмоционального дейксиса (см. работы Н.Г. Кирквалидзе, А.В. Кравченко, В.И. Шаховского, В.В. Журы).

В.И. Шаховский и В.В. Жура определяют **эмоциональный дейксис** как исходную эмоциональную позицию языковой личности, являющуюся основанием для осуществления речевой деятельности. Она возникает в результате взаимодействия четырех параметров: 1) эмоциональной интенции языковой личности; 2) модальности ее эмоций; 3) тональности ее эмоций; 4) направленности ее эмоций (Шаховский, Жура 2002: 47). На наш взгляд, именно эгоцентризм определяет отбор тех дейктических средств, которые необходимы для реализации эмоций личности.

Как полагают В.И. Шаховский и В.В. Жура, говорящий и слушающий всегда извлекают из отдельных высказываний значительно больше информации, чем содержится в них. Это происходит за счет своеобразного субъективного приращения смысла, обусловленного подтекстом высказывания. Трансформация смысла высказывания объясняется ценностными ориентирами личности, ее фоновыми знаниями, эмоциональным опытом, т.е. «индивидуальным дейксисом». «Все ценностные ориентиры *Я* эмоционально окрашены и влияют на вербальное поведение языковой личности» (Ша-

ховский, Жура 2002: 38). Эмоции являются результатом когнитивной оценки. В основе такой оценки, по мнению исследователей, лежит соответствие/несоответствие какого-либо события потребностям субъекта оценки. Для многих языковых значений представления человека (говорящего и чувствующего) являются точкой отсчета, в том числе и эмоционального. Находится эта точка отсчета внутри эмоционального мира конкретного человека, в системе и структуре его личностных координат, знаний, ценностей и т.п. С другой стороны, в языке имеются специальные знаки, выполняющие функцию указания на эту точку отсчета.

Как отмечает Н.Г. Кирквалидзе, экспрессивная модальность дейктических средств проявляется в том случае, когда «стирается их первичное значение и основные указательные функции оказываются избыточными» (Кирквалидзе 1987: 147). И результатом эмоционального употребления индексных слов становится возникающая «живость» высказывания, имеющая различные оттенки: близость, солидарность, сочувствие, ирония, уничижение, отрицание и т.п. Однако, на наш взгляд, и в этом случае прослеживается связь эмоционального дейксиса с первичным пространственным значением индексных слов (пространственно-временной организацией личного пространства).

Рассмотрим экспрессивное использование дейктических средств на конкретном речевом материале. Для этого обратимся к дейктической системе македонского языка. Основу ее составляют указательные местоимения. Для македонского литературного языка характерна троичная система указателей: *овој*, *тој*, *оној*. Формы указательных местоимений противопоставлены по признаку пространственной детерминации. Местоимения с корнем *-в* указывают на близкий к говорящему предмет, с *-н* – на удаленный от субъекта речи предмет, если же используется местоимение с *-т*, признак *близкий-далекий* нейтрализуется. Местоимение с показателем *-в* ориентировано на сферу субъекта речи (сфера *Я*), местоимение с *-т* – на собеседника (сфера *ТБ*), а с показателем *-н* – на предмет речи (сфера *ТОТ*). Данный корень может входить не только в состав указательных местоимений (*тој*, *овој*, *оној*; *таков*, *ваков*, *онаков*; *толкав*, *(в)олкав*, *онолкав*), обобщительных местоимений (*сиот*, *сиов*, *сион*), местоименных наречий (*ете*, *еве*, *ене*; *овде*, *онде*, *така*, *вака*, *онака*, *толку*, *онолку* и т.д.), но также и в состав глаголов, имеющих семантические признаки местоимения *она-*

ди/онадува (указание на какое-то действие, известное из речевой практики) (см. Усикова 2003: 156). По типу указания подразделяются в македонском языке и членные морфемы (*-ов, -он, -от*).

Наиболее часто в речи используются детерминативы с *-т*, ориентированные на фоновые знания и речевой опыт собеседника. Нацеленностью говорящего на сферу слушающего, вероятно, объясняется нейтральность *-т* с позиции пространственно-временного дейксиса. Членная морфема *-т* употребляется в функции индивидуализации и генерализации, обозначая определенность существительного без указания на положение его референта в пространстве; может также выполнять анафорическую и катафорическую функции при вторичном дейксисе.

Семантически маркированные детерминативы встречаются в тексте гораздо реже, основная их функция – индивидуализация конкретного предмета и определение его положения в пространстве и во времени. Среди них более употребительны детерминативы с *-в*. Они, как отмечает Л. Минова-Гюркова, сигнализируют о пространственной и временной маркированности, а также указывают на ближайшую анафору, кроме того, могут использоваться в интродуктивной функции (Минова-Гюркова 1998: 115-116). Наиболее редко используется детерминатив с *-н*, потому что он наименее свободен от пространственного значения. В относительных предложениях может выполнять катафорическую функцию (Минова-Гюркова 1998: 115-116).

При пространственном использовании детерминативов с *-в* предмет речи, как правило, находится в поле зрения говорящего (или говорящего и слушающего). Текст, в котором используются подобные показатели, обладает ярко выраженным разговорным характером.

(1) *Мајсторе, качи ја теткава грев е да оди пеш, кој знае каде тргнала?* «Шеф, подбери эту тетку, не стоит идти ей пешком, кто знает, куда она направляется?» (Вечер, 30.06.05).

(2) *Според она како изгледаше женава имаше над педесет години, а од шминка дури не и се гледаше лицето* «По внешнему виду этой женщине было более пятидесяти, а из-за косметики лицо не рассмотреть» (Вечер, 30.06.05).

(3) *А сега потпиши го договорот и напладне да си тука во два наесет нула нула* «А сейчас подпиши этот договор и в полдень будь здесь, в 12.00» (ДС: 25).

При временном употреблении этого детерминатива актуализируются семы «ближайшее прошедшее время», «настоящий момент», т.е. тот временной отрезок, который наиболее близок говорящему или воспринимается им как близкий:

(4) *Во нашиот си главен град очигледно последниве години се почесто можееш да сретнеш луѓе од секаков профил* «В нашей столице в последние годы, очевидно, все чаще можно встретить людей такого типа» (Вечер, 30.06.05).

(5) *И тоа замислете поради тоа што во моментов во колата немав влажни марачиња* «И это, только подумайте, из-за того, что в данный момент в машине не было влажных салфеток» (Вечер, 30.06.05).

(6) *Јас само... сакав да кажам ... колку убаво изгледаш вечерва* «Я только... хотел сказать..., как ты хорошо выглядишь сегодня вечером» (ГП: 118).

Детерминатив *-н* указывает на отдаленность в пространственном и временном отношении предмета речи от говорящего:

(7) *Се искачија магличита по ридон нагоре* «Поднялись туманы вверху по тому (далекому – Н.Б.) холму» (АП: 29).

(8) *Во еден од овие извори, во оној миг кога пашата го обзело најголемо очајание, засјаила необична светлина* (ИТ: 66).

(9) *Се искачив над врвот од болот.*

Од **онаа** страна на животот.

Од **онаа** страна на себеси... «Я возвысился над болью, с другой стороны жизни, с иной стороны самого себя...» (АШ: 26).

Именно у пространственно маркированных детерминативов, как видно из примера 9, наиболее часто развивается экспрессивное со-значение. Так, Р.П. Усикова отмечает, что в ряде случаев членная морфема выполняет экспрессивную функцию, когда говорящий, употребляя членную форму существительного, представляет предмет уже известным, определенным, близким или далеким, напр.: *Ti ja donesov knjigata. – Koja knjiga? – Za kojaшто зборувавме* «Я принес тебе эту книгу. – Какую книгу? – О которой мы говорили». Особенно часто с экспрессивным оттенком употребляются членные формы существительных с членной морфемой *-в/-н*, когда говорящий хочет выделить свое позитивное или негативное отношение к предмету независимо от его пространственного положения: *Ах, колку одамна не сум го видел езерово!* «Как давно я не видел этого озера!» (скажет уроженец Охрида о родном Охрид-

ском озере независимо от того, далеко ли он от этого озера находится в данный момент) (Усикова 2003: 135).

Показатель –в маркирует включение предмета в личную сферу говорящего. Предмет воспринимается как близкорасположенный или близкий в эмоциональном, духовном, интеллектуальном плане в зависимости от семантики имени, с которым сочетается детерминатив. Членная морфема в данном случае может сочетаться с притяжательным местоимением или даже выполнять функцию притяжательного местоимения, например:

(10) *Ноќеска гром стрешти на нашава куќа и право удри на твоето место кај што спиеш ти...* «Сегодня ночью гром раздался над нашим домом, и молния угодила прямо в твою кровать...» (МНП: 34-35).

(11) *Ако ги дадете детето што ги имате жртва и ако ми ги посолете раце* (=моите раце) *со пепел, ќе ми оздрават* «Если вы принесете своего ребенка в жертву и посыплете мои руки его пеплом, они станут здоровыми» (МНП: 32).

(12) *Детево* (=моето дете) *го дадов на учител и на занает* «Я отдал своего ребенка обучаться ремеслу» (МНП: 51).

(13) *Едно дете дојде во кулава* (=нашата кула), – *рекла втората самовила* «Один мальчишка заявился в нашу башню, – сказала вторая самовила (лесная русалка – Н.Б.)» (МНП: 9).

Особый интерес представляет контекст примера 13. В нем одна ситуация обыгрывается с разных точек зрения. Речь идет о тексте македонской народной сказки «Детето што не знаело за страв». Герой сказки, храбрый мальчик, уходит из родного дома на поиски страха. Мать, провожая его в дорогу, говорит:

(14) – *Еве ти торбиче со леб, оди по планинана, таму ќе најдеш страв!* – *му рекла мајка му* «Вот тебе узелок с хлебом, поднимись на ту гору, там ты найдешь страх! – сказала ему мать» (МНП: 5).

В ходе развития сюжета ложные «помощники» трижды дают подсказки герою:

(15) – *Ене на оној гроб оди, направи таму бакрдан, па ќе најдеш страв...* «Иди вон к той могиле, там свари мамалыгу, там и найдешь страх...» (МНП: 6).

(16) – *Оди во онаа кула; таму сигурно ќе најдеш страв.* «Иди в ту башню, там наверняка найдешь страх» (МНП: 7).

(17) – *Ајде, во онаа герија ќе одиме, таму има страв!* «Давай поднимемся на тот корабль, там находится страх!» (МНП: 8).

В данной ситуации помимо очевидной оппозиции *близкий/далекий* реализуются оппозиции *свой/чужой*, а также *положительный/отрицательный*. Задание героя находится вне пределов родного дома, в горах, где встречаются злые силы, угрожающие его жизни. Поэтому ключевые термы сказки маркированы пространственными детерминативами с семантическим признаком «далекий». Причем «ложные помощники», змеи, подобно матери, включают героя в пределы своего личного пространства, дистанцируясь от остального сказочного мира, маркированного показателем *–н*. Однако в конце сказки, когда события подаются с позиций волшебных героев – самовил, те же термы используются с показателями близкой дистанции *–в* и с положительной коннотацией (пример 13).

Так, показатель *–н* чаще маркирует негативное отношение говорящего к предмету речи, чем его реальное положение в пространстве:

(18) *Мори, што така, ќерко, змијулчиња ми вадии од устата? Што не ми вадии алтани како кучкана ти присестра?* «Ой, дочка, почему же изо рта у тебя сыплются змеи? Почему же не золотые монетки, как у сучки той, твоей сводной сестры?» (МНП: 50).

(19) *Ме тераат да ја измолзам кобилана – рекло старчето.* «Гонят меня подоить ту кобылу, – сказал старичок» (МНП: 14).

Однако и использование показателя *–в* в ряде случаев может передавать отрицательные коннотации:

(20) *Да, јас имам една природна и една вештачка баба. Природната живее во најубавата природа во Беровско, а оваа вештачкава е мајка на мајка ми и неподносливо го мрази селото.* «Да, у меня есть одна настоящая бабушка и одна бабушка, не похожая на бабушку. Настоящая бабушка живет в селе под Берово, среди прекрасной природы, а эта, «ненастоящая» – мама моей мамы, и она просто ненавидит село» (JB: 5).

(21) *Ти си земјата. И ти ќе се вртиш исто така околу себе, но, вртејќи се околу себе, ќе трчаш и околу овој Живко, кој е, инаку вистинско магаре, но во овој случај претставува сонце.* «Ты земля. И ты будешь вращаться вокруг своей оси, но вращаясь вокруг оси, будешь бегать и вокруг этого Живко, который, вообще-то, насто-

ящий осел, но в данном случае представляет собой солнце» (БН: 59).

Употребление сочетаний типа *овој Живко* (или *овој твој Живко*) предполагает негативность, пренебрежение, иронию, а шире, как полагает, О.Н. Красавина, дистанцирование референта от говорящего. Значение дистанцирования считается характерной чертой указательного местоимения дальнего дейксиса (*ТОТ, ОНОЈ*). Однако оказывается, что местоимение близкого дейксиса (*ЭТОТ, ОВОЈ*) тоже используется для своеобразного дистанцирования, выполняя пейоративную функцию. Возможно, *ОВОЈ* в пейоративном употреблении и *ОНОЈ* представляют два типа дистанцирования. Дистанцирование с *ОНОЈ* предполагает полное исключение референта из сферы говорящего (компонент оппозиции «чужой»), в случае же с *ОВОЈ* включенность в пространственную сферу субъекта речи сохраняется («свой»), однако может также проявляться семантика подчеркнутой интимности, сочувствия, солидарности (как в 22, 23) или же ироничного отношения, пренебрежительности, уничижительности (как, например, в 24, 25) в зависимости от намерений и эмоций говорящего. Особенно часто данная функция реализуется в контекстах, где используются имена собственные с членной морфемой. По мнению Б. Конески, членные формы в этом случае указывают не на определенность имени, т.к. оно уже определенное по своей семантике. Такое употребление члена характерно для высказываний, которые содержат клятвы, грубости или вообще какое-нибудь эмоциональное отношение (негодование, иронию, подчеркнутую интимность и т.д.). Функция члена здесь – создание эмоциональной атмосферы (Конески 1982: 227-228).

(22) *Ни се залуби и Јанчево, – велеше тетката Цона, со оној нејзин раздрдорен глас.* «Этот Янче нам полюбился, – говорила тетка Цона словоохотливо» (БК: 107).

(23) *Порасна Ленчево.* «Выросла наша Леночка» (ЛМГ: 32).

(24) *Сакам пак да талкаме! Сакам да го извидам уште Прилепов наш убав и дрчен, брату...* «Хочу опять побродить по нашему родному Прилепу, вновь его увидеть, ненастный и прекрасный» (СГ: 87).

(25) *Јас веќе ќе си одам од кај вас и тукуречи од Битолава!* «Сейчас я уеду от вас и, может быть, вообще из этой Битола!» (МЦ).

(26) *Ај да се сневиди и Скопјево!* «Чтоб ему пусто было, этому Скопье!» (БК: 228).

(27) *Ми здодеа Скопјево!* «Как мне надоел этот Скопье!» (ЛМГ: 32).

(28) *Жетварите на Балканов го проколнуваат денот, кога сонцето се пробива во слепоочници и ги вознемирува нервите.* «Жители Балкан (этих, наших – Н.Б.) проклинают тот день, когда солнце проникает в виски и возбуждает нервы» (БП: 232-233).

(29) *Колку дошле до една река, мачето му рекло на кучето: «Сега да те јавнам тебе, да го поминеме Дунавов.* «Как только они добрались до реки, кошка сказала собаке: «Сейчас я сяду на тебя верхом, и мы переплывем этот Дунай (ирон.)» (МНП: 151).

В этой функции могут использоваться и имена собственные с пространственно немаркированной членной формой –*т*. В данном случае говорящий включает слушающего в свое личное пространство, они обладают общими внеязыковыми знаниями, включены в единую ситуацию общения, поэтому одинаково оценивают референт:

(30) *Ама оваа, Јаната, таква симпатична стана и опасна.* «Но эта Яна такая симпатичная стала и опасная» (ЈВ: 109).

(31) *Ај да се запусти и Вардарот!* «Чтоб он пересох этот Вардар» (БК: 228).

(32) *Јовано, Јованке, крај Вардарот седиш, мори...* «Йована, Йованка, сидиш ты у Вардара (нашего, родного – Н.Б.)» (МНП).

В заключение хотелось бы отметить, что в современной лингвистике изучается роль дейксиса в процессе речевой деятельности, в ситуации общения. В связи с этим описываются его разновидности: ролевой дейксис, пространственный дейксис, временной дейксис, дейксис нейтрального состояния и эмоционального отношения, текстовый дейксис (вторичный дейксис) и т.п. Однако все разновидности дейксиса обусловлены субъективным восприятием действительности и расходятся из единого координатного центра – сознания субъекта восприятия и речевой деятельности. Человек, отображая ту или иную ситуацию, представляет себя включенным в нее или, наоборот, находящимся вне ее границ. Это предопределяет использование соответствующих языковых средств. Говорящий не пассивно регистрирует события, происходящие вокруг него, а дает им оценку, исходя из собственных ценностных, нравственных, моральных ориентиров. Эмоции, выражаемые в выска-

званиях языковой личности, могут иметь комплексный, амбивалентный характер, однако основу их интерпретации составляют базовые дейктические оппозиции, формирующие личное пространство говорящего («наивную физику пространства и времени» по Ю.Д. Апресяну).

Для каждого языка характерна собственная «наивная физика», отражающая социальный опыт языкового коллектива, и имеющая особый комплекс языковых средств выражения. Основой «наивной физики» македонского языка, на наш взгляд, является семантическая оппозиция *свой-чужой*.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 272-297.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
3. *Бюлер К.* Теория языка. М., 1993.
4. *Виноградов В.А.* Дейксис // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 128.
5. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
6. *Гуреев В.А.* Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005, Т. 64. № 1. С. 3-9.
7. *Гуреев В.А.* Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004, № 2, С. 57-67.
8. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие системы. Древний период. М., 1965.
9. *Кирквалидзе Н.Г.* Экспрессивная модальность дейктических средств в современном английском языке // Проблемы организации лексической системы английского языка (структурный и коммуникативный аспекты). М., 1987. Вып. 228. С. 101-112.
10. *Конески Б.* Грамматика на македонскиот литературен јазик. Тт 1-2. Скопје, 1982.
11. *Кравченко А.В.* Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейксис. Индексальность. Иркутск, 1992.
12. *Кравченко А.В.* Принципы теории указательности: Автореферат диссертации... канд. филол. наук. М., 1995.

13. *Красавина О.Н.* Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе // Вопросы языкознания. 2004, № 3. С. 51-68.
14. *Крылов С.А., Падучева Е.В.* Общие вопросы дейксиса // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / Ред. Н.Д. Арутюнова и др. М., 1992. С. 154-194.
15. *Лайонз Дж.* Язык и лингвистика: Вводный курс. М., 2004.
16. *Левицкий Ю.А.* Общее языкознание. Пермь, 2004.
17. *Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
18. *Македонски јазик / Ред. Л. Минова-Гуркова.* Ополе, 1998.
19. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
20. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени. М., 1985.
21. *Сребрянская Н.А.* Дейксис и его проекции в художественном тексте // Филологические науки. 2004, № 5. С. 58-67.
22. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
23. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
24. *Шаховский В.И., Жура В.В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002, № 5. С. 38-56.
25. *Ягелло М.* Алиса в стране языка: Тем, кто хочет понять лингвистику. М., 2003.
26. *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95-113.
27. *Russel B.* An inquiry into meaning and truth. London, 1963.

Е.Е. Бразговская
ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
Х.Л. БОРХЕСА

Мы стремились философию сделать литературой,
а литературу — философией.

А. Моруа

В данной работе в сжатом виде представлен художественный способ интерпретации некоторых проблем философии языка. Традиционно эти проблемы обсуждаются в пространстве пересечения интересов логической семантики, лингвистики, семиотики и даже математики. Размышления о языке как инструменте познания / сотворения мира уже неединичны и для литературы конца XX в. (Станислав Лем, Хорхе Луис Борхес, Чеслав Милош, Арсений Тарковский), однако «серьезная» наука или не принимает их во внимание, или, в лучшем случае, рассматривает художественный дискурс как иллюстрацию к некоторым теоретическим построениям. Художественная форма действительно позволяет «абстракциям» обрести телесность – совершить переход от символического отображения отношений между языком и миром (логика, математика) к отображению метафорическому, включающему в анализ и наше воображение. Но функция такого дискурса все-таки глубже: наряду с лингвистикой, семиотикой и логикой, литература включается в создание языка, позволяющего развивать наши представления о вероятностной структуре мира (В. Налимов, И. Пригожин).

Основное отличие философско-эссеистического дискурса от художественного состоит в тематическом переходе от индивида к надиндивидуальным абстракциям. Предметом *литературы-как-философии* (Колесников 2000) является мысль, замещающая поступок героя. В этом случае текст занимает маргинальное положение между философией, литературой и наукой, не относясь целиком ни к одной из этих сфер. Так, в беседе с Ж. де Мийере Хорхе Луис Борхес подчеркивал, что его литературу невозможно отделить от его философии: «... цель в том и состоит, чтобы слить их воедино. ... я просто опробовал литературные возможности такой философской системы, как идеализм...» (Борхес 1994, III: 413). С моей точки зрения, тексты Х.Л.Борхеса – это еще более сложный симбиоз: в равной мере составляющими его являются семиотика и

лингвистика. Основание для такого утверждения предоставляет обращенность текстов Борхеса к традиционному кругу вопросов философии языка: отношение языка к реальности, языковая форма отображения мира, истинность отображения, язык как инструмент создания мира и др.

Язык как инструмент отображения реальности

В основе любых стратегий отображения лежит авторское представление об онтологической структуре реальности. В контексте дискуссий средневековой философии об универсалиях все языки описания, или метаязыки, могут рассматриваться как *реалистические* (предназначенные для именованности сущностей) или *номиналистические* (описывающие многообразие наблюдаемого). Воспроизводя слова Колриджа, Борхес отмечает, что все люди рождаются последователями либо Аристотеля (номинализм), либо Платона (идеалистический реализм) (Борхес 1994, II: 124). Для первых единственной реальностью выступает мир вещей, соответственно, и основу языка составляет система знаков (терминов, по Оккаму), являющихся результатом отображения вещного мира. Номинация абстрактных объектов (родов и видов вещей, отношений между вещами) происходит в процессе интеллектуального постижения мира, и потому знаки абстрактных объектов – это только слова, мысленные конструкции, не имеющие внеязыковых референтов. Для реалистов же, и это позиция самого Борхеса, в основании мира лежат архетипы, или универсальные образцы всех вещей:

*Я говорю себе, что оба дивных
кота – и в зеркале, и во плоти –
подобья одного вневременного прообраза («Беппо»).*

Тогда и основная задача номинации – обозначение неизменных сущностей, предшествующих вещам (их существованию) по времени.

Как и «реалисты», Борхес говорит о том, что первичной, или истинной реальностью обладают только «общие» предметы – то *ratio*, которое зафиксировано в сущности вещи еще до того, как она получит реальное бытие. Предметом высказывания является вневременное бытие вещи, а не атрибуты, определяющие способ ее существования. Отображаемый мир – это *квази-предметы*, *прото-*

вещи. Они лишены индивидуирующих характеристик, поскольку описание неизбежно говорит о переходе инварианта в один из его вариантов, о превращении сущности вещи в ее конкретное существование:

*Та роза,
Которая вне тленья и стиха, ...
Любого сада, на любом закате ...*
(«Роза». Выделено мной. – Е.Б.)

Сущность розы (что составляло розу) – не цвет, не запах, не вес воздушных лепестков, а то, что таится в небе, полном ангелов, и в тайном, незыблемом и необъятном мире («Блейк»). Роза – вневременная идея, рождающая поколения роз («Unending rose»).

Исходя из сущностной стратегии именования, основным типом знаков в текстах Борхеса становятся **общие имена** – имена классов вещей и отношений (предикаты) – знаки, лишённые конкретного референта, отсылающие ко множеству объектов, существующих вне определенной точки времени и пространства (перс говорит о птице, которая каким-то образом есть все птицы сразу). Общие имена выступают в роли предельных терминов (*terminus ad quem*), способных охватить все уже свершившиеся и будущие воплощения некоторой идеи. Такова одна из возможных интерпретаций латинского изречения *nomina sunt consequentia rerum*. Имя выражает прообраз вещи: роза спит уже в ее названье («Голем»). Оно «редуцирует» и приводит к универсальному типу все множественные варианты индивидуального: львиность есть некий бессмертный лев, живущий за счет непрерывно воспроизводящихся индивидов («История вечности») (Борхес 1994, I: 165). Подчеркивая универсальность общего имени (термина), Борхес использует и удвоенное обозначение: роза роз, книга книг как роза и книга, открывающие череду воплощений всех возможных роз и книг.

Принимаемое Борхесом положение о связи общего имени с прообразом, или идеей вещи предполагает четыре следствия.

1. Произнесение имени (реальность нашего языка) «доказывает» реальность мира архетипов и, в свою очередь, обеспечивается этой реальностью. В эссе «Желтая роза» умирающий Джамбаттиста Марино вдруг *увидел* в стоящей в бокале розе именно ту розу, которую видел в раю Адам, *и понял, что она жива собственной*

вечностью, а не нацими словами (Борхес 1994, II: 177). Не этот ли контекст воспроизводит Умберто Эко, заканчивая «Имя Розы» латинской цитатой: *stat rosa pristina nomine, nomina nuda tenemus* – исчезнувшая роза продолжает существование в имени, и все, что у нас есть, – только имена (перевод мой. – Е.Б.).

2. Поскольку высказывание, построенное на реалистическом языке, в большей степени определяется контекстом «везде-всегда», чем «я-здесь-сейчас», соответственно и значения общих имен являются стабильными, контекстно независимыми или «аксиоматическими», что исключает возможность их эмпирической проверки или верификации.

3. Автор, использующий стратегию реалистического описания, выполняет роль «транслятора», передавая неизменный порядок, свойственный истинной действительности – миру архетипов. По Борхесу, понятия «истинности», «правды» не связываются напрямую с автором высказывания. Так, в литературных текстах Тлёна («Тлён, Укбар, Орбис Терциус») автор указывается крайне редко:

Нет понятия «плагиат», само собой разумеется, что все произведения суть произведения одного автора, вневременного и анонимного... Беллетристика разрабатывает один-единственный сюжет со всеми мыслимыми перестановками (Борхес 1994, I: 281).

Смысл, отображаемый в знаке, не рассматривается как авторская «собственность». Сравним это положение с характером номиналистического дискурса, где создателем и властителем смыслов выступает автор высказывания.

4. Если предположить, что дискурс достигнет такого состояния, когда вербальный знак «напрямую», минуя вещь, окажется соотносительным с ее идеей, тогда человек обретет возможность повторить процесс Творения по Слову. Так, у Борхеса, роза как таковая бессмертна (*unending rose, вневременная роза*), меняется только облик ее воплощений. Даже в огне розу нельзя уничтожить, поскольку невозможен возврат к небытию: превратив розу в щепотку пепла, Парацельс тихо произнес Слово – *и возникла роза* («Роза Парацельса»). И вновь возможна отсылка к У. Эко: *rosa queal prado, encarnada ...* – роза, вызванная к жизни ... (эпиграф к «Запискам на полях «Имени Розы»).

Язык как инструмент создания новой реальности

Сотворение мира по Слову неизбежно предполагает и создание языка, посредством которого этот мир будет функционировать. Любой созданный мир – это эпистемологический вариант видения уже существующего мира, и единственным способом существования этого варианта является высказывание / текст. Возможный мир, по Р.Карнапу, образуется, новым «языковым каркасом» – способом выражения, позволяющим делать допущения о существовании той области, к которой он отсылает. Так, Уильям Блейк, по замечанию Чеслава Милоша, считал Рай (Небо) и Ад реальностью, поскольку они были «созданы» Данте и Сведенборгом. Существовать будет все то, что было названо – обрело свое имя (N) и через операцию приписывания имени предикатов (P) стало предметом высказывания. Так, с неизбежностью существуют:

– «*уи*» (N) – *собака с человеческим лицом, чей смех предсказывает тайфуны* (P);

– «*чи-ян*» (N) – *ярко-алая птица, имеющая шесть ног и четыре крыла, но без лица и без глаз* (P) («Музей восточной литературы» [Борхес 1994, I: 264];

– *птица* (N), *поющая разом с двух веток* (P);

– *свод мифологии саксов* (N), *не написанный Бэдой* (P) («Things that might have been») (Борхес 1994, III: 220);

– *Вселенная* (N), она же *Библиотека*, состоящая из бесконечного числа шестигранных галерей, где на полках хранятся не только уже созданные книги, но и те, что будут когда-либо созданы. В Библиотеке нет двух одинаковых книг. Предметом извечного поиска является книга-книг, *содержащая суть и краткое изложение всех остальных, и каталог-каталогов*, с неизбежностью включающий и самого себя (P) («Вавилонская библиотека») (Борхес 1994, I: 312-319).

Самый известный из борхесовских возможных миров – это мир Тлёна («Тлён, Укбар, Орбис Терциус»), «реальность» которого обеспечивается, прежде всего, созданными для него языками. Новелла повествует о якобы упоминаемой в XXVI томе Англо-Американской Энциклопедии 1917 г. (которая, в свою очередь есть перепечатка Энциклопедии Британника 1902 г.), вымышленной Борхесом стране Укбар. В разделе «Язык и литература Укбара» сказано, что единственным предметом литературы этой страны была воображаемая планета Тлён. Таким образом, Тлён есть вымысел

уже на второй ступени: Орбис Терциус, или третий мир. Язык Тлёна (по замыслу его «авторов» / Борхеса) предполагает исходный идеализм: мир не рассматривается как собрание предметов в пространстве, а как ряд отношений, или связей между предметами. Отсюда и в языке Тлёна наблюдается отсутствие существительных. В центр языковой системы южного полушария ставятся безличные глаголы, демонстрирующие отсутствие «предметного» лица (мы никогда не знаем, *кто* производит действие). Так, фраза «луна поднялась над рекой» в дословном переводе на этот язык принимает вид «вверх над постоянным течь залунело». В северном полушарии Тлёна центром языковой системы является прилагательное, а отсутствующее существительное заменяется «накоплением» прилагательных. Указать на конкретный / абстрактный предмет (например, луну) можно только посредством комплекса определений: «воздушно-светлое на темном круглом».

Таким образом, языки борхесовского Тлёна имеют, в категориях средневековой философии, реалистический характер, указывая и отображая не сам предметный мир, но предшествующую ему систему образов-отношений, создавая мир как пример ассоциации идей. Отсюда и литературные тексты Тлёна говорят исключительно об идеальных, причем структурно сложных предметах, состоящих из видимых и слышимых атрибутов: «цвет восхода и отдаленный крик птицы», «солнце и вода против груди пловца», «смутное розовое свечение за закрытыми веками» и др. Эти «объекты» могут определяться далее через столь же сложные: так возникают знаменитые «интегрирующие» поэмы из одного слова.

Основное назначение текстов, функционирующих в этом мире – в буквальном смысле создавать словом реальность, возобновлять ушедшие вещи, удваивать потерянные и т.д. Такие вербальные копии, или оттиски ушедшего именуются «хрёнирами», посредством их носители языка получают возможность изменять или заново создавать прошлое. Так, в ходе археологических раскопок обнаруживается «созданная» словом золотая маска, а некий порог перестает существовать только потому, что на него не ступает ничья нога, его никто не воспринимает и он не отражается в знаке (Борхес 1994, I: 271-286).

Если мы признаем, что границы мира заданы границами языка (Л.Витгенштейн), то это в равной степени относится как к нашему, так и ко всем мирам. Возможный мир борхесовского Тлёна обрел

реальность существования исключительно благодаря созданию языка и его производных – географии, топологии, философии, литературы и истории.

Истинность языкового / текстового отображения

Несмотря на то, что тип создаваемого языка обязательно соответствует онтологии отображаемого мира (реалистический язык для Тлэна – мира идеальных предметов), это соответствие не исключает вопроса о степени соразмерности языка и реальности.

Язык не является зеркалом *вещной* реальности. «Как нам не нужна карта, на которой отмечена каждая травинка, так нам не нужны и нарративы, в которых упоминаются самые незначительные подробности прошлого. Карта не должна быть копией реальности; будь она таковой, мы с тем же успехом могли бы обратиться к самой реальности» (Анкерсмит 2003: 81). Борхес уподобляет идеальное высказывание на идеальном языке *Алефу* – месту, в котором, не смешиваясь, находятся все точки мира, и мы можем наблюдать их одновременность и нелинейное соположение: *в диаметре Алеф имел два-три сантиметра, но в нем было все пространство вселенной, причем ничуть не уменьшенное* («Алеф») (Борхес 1994, I: 489).

Однако любой язык, который мы можем использовать для описания мира (этнический, искусственный, язык математики, искусства и т.д.) обладает, как система знаков, дискретной природой. Любой опыт употребления такого языка сталкивает нас как с необходимостью отображать нелинейность мира, так и с невозможностью этого отображения (*и для стиха недостижимая роза*).

Неадекватность языкового отображения мира связана, по Х.Л. Борхесу, с двумя основными моментами:

1. Используя общие имена для номинации класса тождественных объектов, мы не в состоянии отразить изменения, происходящие с каждым членом этого класса в каждую точку времени:

Ему не только трудно было понять, что родовое имя «собака» охватывает множество различных особей разных размеров и разных форм; ему не нравилось, что собака в три часа четырнадцать минут (видимая в профиль) имеет то же имя, что собака в три часа пятнадцать минут (видимая анфас) («Фунес, чудо памяти») (Борхес 1994, I: 336).

2. Изначальная линейность нашего языка входит в противоречие с континуальностью мира: перечисление, которое уже само по себе никогда не будет исчерпывающим, разрушает структуру множественности *То, что видели мои глаза, совершалось одновременно, но в моем описании предстанет в последовательности – таков закон языка («Алеф»)* (Борхес 1994, I: 489).

Возможности преодоления дискретности естественных языков Борхес связывает с такими инструментами нарратива, как *сюжет* и *«текст-в-тексте»*, отрицая при этом *детализацию* описания.

Каждая пространственная точка обладает возможностью линейного (сюжетного) развития одновременно в различных направлениях / плоскостях. А в каждую точку времени происходит одновременное развитие неограниченного множества таких «сюжетов». Любое событие есть лишь составляющая серии других (включая потенциальные) событий. Однако человек может существовать исключительно в «рамке» – только здесь и только сейчас. Поэтому в тексте в одну единицу времени мы способны отобразить развитие лишь одного события. Если же мы хотим приблизиться к отображению многомерности мира, тогда мы вынуждены вести несколько сюжетных линий и повествовать о многих персонажах. Конечно, это вновь будет последовательное изложение, однако мы всегда имеем возможность заявить, что все они происходят одновременно в одной / разных точках пространства («а в это время...»).

Примером максимально возможного приближения к отображению нелинейного пространства является новелла Х. Борхеса «Сад расходящихся тропок». Это новый тип нарративного повествования, позволяющий представить панораму всех возможных для данной минуты вариантов развития. Речь в нем идет о романе Цюй Пэна, который он задумал как бесконечный лабиринт времени. Но как книга может быть бесконечной? Один из вариантов: последняя страница повторяет первую, что позволяет роману продолжаться сколько угодно. Однако Цюй Пэн написал роман по типу «сада расходящихся тропок», отражающий одновременно существующие развилки времени. В «обычном» романе каждый из героев в определенную минуту времени стоит перед множеством вариантов, но выбирает только один из них. В романе Цюй Пэна он выбирает их все сразу:

Скажем, Фан владеет тайной; к нему стучится неизвестный; Фан решает его убить. Есть, видимо, несколько вероятных исхо-

дов: Фан может убить незваного гостя; гость может убить Фана; оба могут уцелеть; оба могут погибнуть и так далее. Так вот, в книге Цюй Пэна реализуются все эти исходы, и каждый из них дает начало новым развилкам ... Цюй Пэн верил в бесчисленность временных рядов, головокругительную сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен (Борхес 1994, I: 327, 328).

Этот роман – модель хаоса, в котором присутствуют неисчислимы возможные возможности прошлого, настоящего и будущего. Как ни парадоксально, проблема заключается не столько в написании такого текста (представим, что некто, а затем его потомки будут писать его всю жизнь), а в его восприятии. Читатель ограничен все теми же свойственными любому человеку рамками – контекстом я-здесь-сейчас, и потому такой роман воспринимается им как *сухая бессмыслица, невразумительный ворох разноречивых набросков*. Получается, что желая отразить истину о многомерности мира, мы создаем повествование, которое никто не способен воспринять и прочесть до конца, поскольку конец просто никогда не наступит.

Для приближения к многомерности мира Борхес-нарратор использует также прием «текста в тексте», «картины в картине», позволяющий одновременное совмещение нескольких планов: Борхес говорит об этом приеме как возможности заглянуть в бесконечность. Он вспоминает, как, читая Б.Рассела, обнаружил у него упоминание об идее создания карты Англии на клочке английской земли: отображая всю Англию, карта с неизбежностью должна была бы отображать и саму себя, изображающую Англию, и так до бесконечности. О подобных приемах Борхес неоднократно говорит в связи со стилистикой Шекспира и Сервантеса («Рассказ в рассказе»).

Теперь о детализации, которая, как и сюжет, изначально мыслится нами как способ отображения мира. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, что «слишком сильная детализация ... может мешать понять явления жизни. Они распадутся, и распадутся именно потому, что мы слишком далеко зашли в попытке разложить само основание, сам принцип жизни» (Мамардашвили 2000: 76). «Сильная» детализация, излишне подробное описание всех атрибутов воспринимаемого разрушает движение времени. Время для нас словно останавливается, мы продолжаем находиться в одной точке, воспринимая множественные свойства объекта, а между тем сам объект перешел уже в следующую точку времени и там обладает

если и не иными, то непременно, модифицированными свойствами, а мы опять не успеваем за жизнью.

Посредством сюжета и детализации мы стремимся отобразить то, что у О.Мандельштама обозначено как «сплошной характер действительности». Но парадокс отображения состоит в том, что, отображая множественность, которая истинно определяет природу мира, мы приходим к уничтожению как правдивого изображения, так и самого мира. В борхесовской «Притче о дворце» поэт, приглашенный Императором прославить его дворец, создает стихотворение, которое *содержало в себе весь гигантский дворец до последней мелочи, включая каждую бесценную фарфоровую вазу и каждый рисунок на каждой вазе, и тени, и блики сумерек, и каждый безнадежный и счастливый миг жизни прославленных династий, богов и драконов, обитавших здесь с незапамятных времен.* По существу, этот текст и был образцом абсолютного, истинностного изображения жизни. Но Император посчитал, что поэт «украл» его дворец. Борхес заключает, что в мире не может быть двух одинаковых созданий, и как только поэт закончил читать, *дворец исчез, словно стертый и испепеленный последним звуком* (Борхес 1994, II: 183-184).

В мире действительно не может быть ничего, что было бы совершенно тождественно другому. Любое видимое нами подобие не абсолютно, поскольку «подобные» вещи всегда различаются контекстом если и не временного, то уж обязательно пространственного существования (не могут занимать одну и ту же точку в пространстве). Поэтому соответствующая действительности «проза, как бы ясно и подробно, как бы деловито и верно она ни составлялась, всегда образует прерывистый ряд ... Прозаический рассказ не что иное, как прерывистый знак непрерывного» (Мандельштам 1990: 365).

По Борхесу, наш мир и мы сами обладаем возможностью неостановимого и многомерного развития благодаря отсутствию какой-либо окончательной и абсолютной истинности, существующей в мире, и единственно верного отображения. *Любой язык – воплощение времени, для разговора о вечном, вневременном он мало пригоден* («Новое опровержение времени») (Борхес 1994, II: 146). Язык оказывается столь же несоизмеримым и в отношении единичных, и общих предметов. В попытке назвать единичное (*лев*) вербальный знак уже называет общее, а обращаясь к общему, знак символизи-

рует его существование (*львиность* как имя идеи класса львов), не приоткрывая для нас сущности. Пытаясь отразить многомерное существование мира в единицу времени, язык уводит нас в «сад расходящихся тропок», в лабиринт Вселенной-Библиотеки, где каждый текст с неизбежностью прочитывается как текст другого текста. Как следствие, мы оказываемся перед лицом *бесконечного числа возможных прочтений*. В доказательство этого положения Борхес воспроизводит слова средневекового философа Скота Эриугены: *Священное Писание напоминает оперение павлина, переливающееся бесчисленным множеством красок* (Борхес 1994, III: 422).

Для преодоления несовершенства языка Борхес использует:

- символичный язык, где каждый знак (*роза, библиотека, лабиринт, сад*) обладает размытым вероятностным полем значений;
- особую форму повествования, создающего ощущение одновременности и сопряжения нескольких сюжетных линий (сад расходящихся тропок, текст в тексте, лабиринт).

Так происходит уничтожение границ между дискурсивным и метафизическим высказыванием. Борхесовский язык является, прежде всего, средством репрезентации предмета его философских исследований: идеальных предметов. Поэтому символы этого языка не имеют «физического» (чувственно данного) референта.

Вместо заключения

Основная идея этой статьи сводится к тому, что все философские концепции Х.Л. Борхеса в контексте высказывания обязательно приобретают *лингвофилософское* звучание. Борхес рассматривал язык как важнейший модус человеческого существования. В беседе с А. Каррисо он заметил, что человек не только живет с языком, но и *умирает на языке* (Борхес 1994, III: 433).

Я не ставлю прямо вопрос о том, создал ли Х.Л. Борхес новую концепцию языка. Естественно, он не является автором научной системы, представляющей язык как таковой, а в художественной форме интерпретирует проблемы, связанные с функционированием языка. Можно даже сказать, что в большой степени интерпретация мира у Борхеса предопределяется его способом употребления языка. Здесь важно подчеркнуть, что Борхес затрагивает не отдельные лингвистические проблемы, связанные с отображением мира, но представляет их нераздельную целостность, создавая собственные

связи между философией, логикой, литературой и лингвистикой. В этом смысле, это действительная лингвистическая философия, или заключенный в пространстве его Текста монолог о границах языка. Художественный дискурс Борхеса, как представляется, является, наравне с научным, относительно самостоятельным модусом философии языка, который должен включаться в поле зрения теоретической лингвистики.

Литература:

1. *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. М.: Идея-Пресс, 2003.
2. *Борхес Х.Л.* *Urbi et Orbi*: Сочинения в 3-х тт. Рига: Полярис, 1994.
3. *Колесников А.С.* Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.8-36.
4. *Мамардашвили М.* Кантианские вариации / М. Мамардашвили. М.: Аграф, 2000.
5. *Мандельштам О.* Читая Палласа // О.Мандельштам. Стихотворения. Очерки. Статьи / О.Мандельштам. Тбилиси: Мерани, 1990. С. 363-366.

Л.Г. Васильев

СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ

Практика работы с аспирантами и соискателями свидетельствует о том, что молодые ученые зачастую не имеют доступа к важной в научном отношении литературе или, даже при наличии такового, не всегда в состоянии сделать правильные аналитические выводы. Поэтому возвращение к объяснению некоторых базовых понятий, например, семантики предложения представляется важным и полезным.

В настоящей статье рассматриваются понятия субъекта (S), предиката (P), подлежащего (П) и сказуемого (Ск) в концепциях отечественных лингвистов Н.Ю. Шведовой, Г.А. Золотовой, Т.Б. Алисовой. Во всех этих концепциях предполагается наличие в предложении семантического и поверхностно-синтаксического уровня, находящихся зачастую в асимметрических отношениях. Семантическая структура предложения (СемСП) признается со-

стоящей из двух основных частей – S и P, не исключаяющей, впрочем, и семантических объектов, а также обстоятельств.

В концепции Н.Ю. Шведовой СемСП представляет собой совокупность грамматических и лексических значений ее компонентов: “Семантическая структура предложения – это то ее языковое значение, которое создается взаимным действием семантики структурной схемы предложения и лексических значений заполнивших ее слов” (Шведова 1980: 87). Основными категориями СемСП, согласно Н.Ю. Шведовой, являются предикативный признак, в их отношении друг другу, а также некоторые семантические диффузные категории.

Предикативный признак представляет собой действие или состояние, отнесенное в какой-либо объективно-модальный план (Шведова 1980: 87, 124). Следовательно, модальность вводится непосредственно в СемСП. Предикативный признак не описывается автором отдельно, но категоризация его присутствует в разных местах работы 1980 г., поскольку на основе его семантики строится типология субъектов и предложений.

Предикативный признак находится в тесной взаимосвязи с S, носителем этого признака (Шведова 1980: 87). В таком определении понятие S близко к понятию объекта, т.е. того, к чему (кому) этот признак обращен, на что он направлен: “Объект – это то (тот предмет, одушевленный или неодушевленный), на что непосредственно направлено действие, деятельность, к чему непосредственно обращено человеческое отношение” (Шведова 1980: 129). Будучи так определен, объект легко может слиться с S, что и происходит в ряде диффузных категорий (Шведова 1980: 124-125). Так, тип S состояния – объект действия представляет единство (ср. *Клуб построен студентами*), где слово *клуб* является и носителем признака, и тем, на что направлено действие. Агенса же выполняет роль субъектного детерминанта (?); впрочем, сама автор на этот счет никаких оговорок не делает, и понятие агенса с понятием S здесь не соотносится.

Категория S действия (S) состояния (*У ребят наловлено рыбы*) признается диффузной на основании совмещения в одной словоформе функции действия и обладания. Диффузными являются и субъектно-обстоятельственные квалификаторы (*В его душе страх*) на основании совмещения функции состояния и локативной. Объектно-обстоятельственные квалификаторы (*В семью дано знать о*

случившемся) диффузны, поскольку в них совмещены функции объекта (в пассивной конструкции) и локатива. В этой конструкции устранен S действия агенса, и на этом основании словосочетание *в семью* считается объектом. Непонятно тогда, почему агенс не считается субъектом в первом случае.

Итак, в категории S совмещаются функции состояния, действия и локативизации.

В работе 1974 г. дается классификация субъектов в субъектных и субъектно-объективных предложениях: S состояния (*Мне не везет*), S процесса (*Ветром подуло*), S стимулирующий (*Ему досталось от отца*), S носитель ситуации в целом (*У путника (путнику) губы свело от жажды*) (Шведова 1974: 114). Классификация S построена на основе семантики предикативного признака. Но если исходить из определения S, то в предложении можно обнаружить более одного S. Так, в предложении с S стимулирующим ничто не мешает определить *ему* как S состояния. Ведь сама автор делает такой же вывод, разбирая “первую распространенную структуру”, в которую помимо S состояния *человека* вводится S деятеля *молнией*, ср.: *Молнией убило человека*. Так образуется диффузная категория S состояния (О действия) (процесса) (Шведова, 1974: 115). Разбирая вторую распространенную СемС, автор приходит к выводу, что категория S (а именно, S стимулирующий) может осложняться не только объектным, но и сирконстантным значением при неодушевленном стимулирующем. Заметим, что Н.Ю. Шведова порой просто не различает категории S и объекта: “Вторая распространенная структура возникает в результате распространения первой элементарной семантической структуры субъектом стимулирующим... Если в роли стимулирующего объекта выступает неодушевленный предмет, то в Sub3 субъектное значение совмещается со значением обстоятельственным” (разрядка моя – Л.В.) (Шведова 1974: 115–116). Такое же утверждение находим и в “Русской грамматике” (Шведова 1980: 128). Неэлементарным является и S носитель ситуации в целом (Шведова 1974: 117).

Итак, категория субъекта в концепции Н.Ю. Шведовой неоднородна и обща: “Определения “субъект действия”, “субъект состояния”, “субъект - носитель состояния” очень общи” (Шведова 1980: 151). На наш взгляд, такая неоднородность вытекает из исходных формально-морфологических принципов синтаксического описания (Шведова 1974: 180-184). Так, описывая методику выбора

субъекто-доминирующей формы из нескольких возможных: *на ребенке (...на ребенке некому было бы переменить рубашонку)*, *ребенку (...ребенку некому было бы...)*, *у ребенка (...у ребенка некому было бы ...)*, автор указывает на преобладание субъектного значения “в соответствии с грамматическим значением форм” в последнем предложении: в первом оно осложнено “значением определительным (пространственным)”, а во втором доминирует объектное значение. Субъектное значение второго предложения устанавливается на основе его вхождения в ряд *ребенку некому переменить рубашонку – у ребенка нет никого, кто бы... – ребенок не имел никого, кто бы...* (Шведова 1980: 191). Но в этот ряд может входить и первое предложение, где пространственное значение определяется предложным падежом: во втором предложении объектное значение привносится дательным падежом. Однако ниже (с.128) автор пишет, что может выражаться без семантических осложнений формами именительного, родительного и дательного падежей. Следовательно, и второе предложение не уступает в субъектном значении последнему, а дательный падеж представляет не просто “элемент субъектного значения” наряду с доминирующим объектным, а несложненный семантически S. О значении дательного падежа “можно говорить только на уровне синтаксическом, поскольку единого падежного значения не установлено, а разные значения в пределах одного падежа создаются в единстве семантического содержания формы и ее синтаксической функции” (Золотова 1973: 22).

СемСП может распространяться детерминантами. Детерминант – это распространитель, относящийся ко всему составу предложения и не связанный ни с каким отдельным его членом...” Субъектные детерминанты обозначают деятеля, того, кто испытывает состояние, от кого исходит или с кем связана ситуация. По Н.Ю. Шведовой, форма слова может накладывать на субъектный детерминант свое собственное значение и осложнять детерминант. Классификация оттенков субъектного значения при помощи морфологических форм, ср. *Семье – у семьи – для семьи – со стороны семьи никаких издержек не предстоит* (Шведова 1980: 149-151). Итак, морфологическое значение может влиять на семантику S. Неясен, однако, статус структур, включающих субъективный детерминант. Ведь если он – распространитель, то распространяет более простое образование, которое тогда либо сводится к бессубъектному, либо

при распространении субъектного предложения в новом оказывается два независимых субъекта, и тогда S и предикативный признак не симметричны: нет второго признака.

В односоставных предложениях выделяются глагольный и именной классы. Глагольный разбивается на два подкласса: (1) отнесенного к S действия или состояния и (2) бессубъектного действия или состояния. В первом признак отнесен к одушевленному предмету (S)1h, отсутствующему на поверхностно-синтаксическом уровне, ср.: *Знобит*. Во втором, семантически близком к именному классу (ср., *Вьюжит*. – *Вьюга*.), двухкомпонентным (*Вечерет*. – *Наступает вечер*.) и однокомпонентным наречным предложениям (*Темнеет*. – *Становится темно*.) (Шведова 1980: 351–352), следует, очевидно, усматривать семантическую нерасчлененность, поскольку она обозначает глобальные события (ср.: Сусов 1973: 41). В именном классе нечленимыми справедливо считаются “не лично-субъектные” предложения, а субъектные – предложения типа *Шепот*. *Тоска*. (Шведова 1980: 858-859). Нечленимые предложения, на наш взгляд, неверно называть “бессубъектными”, так как этот термин предполагает наличие лишь предиката. Но P и S – понятия соотносительные, и признак не проявляется вне своего понятия. Поэтому правильнее употреблять термин “нечленимые”.

Предикативный признак всегда выражается главным членом предложения, в подлежащно-сказуемых типах предложения – Ск (Шведова 1980: 127, 94). Ск соотносится с П, поэтому в предложениях без П нет и Ск (не подлежащно-сказуемые типы), хотя и S, и предикативный признак в них сохраняются. По Н.Ю. Шведовой, Ск занимает центральную позицию в предложении. С лексико-грамматическими свойствами Ск связаны возможности распространения предложения (видимо, имеется ввиду валентность P) и они очень важны для СемСП (Шведова 1980: 94). Итак, Ск присутствует не во всех типах предложения.

П – это разновидность грамматического S, выражающаяся формой именительного падежа или инфинитива. П определяется на чисто формальной основе: при выражении S “не именующей формой слова”, последняя накладывает свое значение на значение S, и предложение утрачивает П (Шведова 1980: 94), ср.: *Вода прибывает* – *Воды прибывает*. Для адекватного описания S в не подлежащно-сказуемых предложениях необходимо выявить значе-

ния накладывающихся морфологических форм; однако автор приводит классификацию на основе семантики предикативного признака, ср.: “Субъект – его состояние как волеизъявление, желание, намерение совершить что-л.” (ср. *Ему не хочется гулять* и *Он не хочет гулять*). Оттенок пассивности в первом предложении, по видимому, обусловлен не формой слова, а напротив, он “выбирает” подходящую форму для своей экспликации, поскольку морфологическое кодирование происходит на более высоком, модификационном уровне порождения предложения (Сусов 1973). Морфологическая интерпретация П не раскрывает его семантической сущности и мало что дает для описания природы грамматического S.

Итак, в концепции Н.Ю. Шведовой термин S многозначен, он относится к семантическому и поверхностно-синтаксическому уровням предложения. Семантический S – это общее понятие для семантических актантов; в силу этого он зачастую смешивается с конкретными разновидностями актантов, например, с объектом действия (пациентом). Описание “от формы” приводит к признанию осложнения семантики S значениями падежных форм: сирконстантными и объектными компонентами. Классифицируются S на основе семантики Р (предикативного признака в терминологии Н.Ю. Шведовой). Вводимое автором понятие субъектного детерминанта весьма неопределенно из-за неясности статуса структур, которые он распространяет. Односоставные предложения признаются субъектными, если S имплицитно в них присутствует. Предикативный признак обозначает действие, отнесенное в определенный объективно-модальный план.

П есть соотносимая с Ск разновидность грамматического S как манифестанта семантического S. П определяется на чисто формальной основе как именительный падеж имени и инфинитив противопоставляется другим формам грамматического S как семантически неосложненная. Ск есть форма грамматического предикативного признака, выразителя семантического предикативного признака. Он играет первостепенную роль в предложениях подлежащно-сказуемого типа (в иных типах не встречается).

Семантическая **концепция Г.А. Золотовой** основана на функциональных критериях, т.е. на учете роли синтаксических единиц в построении коммуникативной единицы – предложения. По Г.А. Золотовой, для адекватного отражения семантики предложения неприменимо описание “от формы”, а нужны категории, отражающие

семантические категориально-обобщенные понятия (Золотова 1973: 9-15). Базовыми семантическими составляющими здесь признаются S и P; П и Ск не описываются, поскольку члены предложения считаются морфологическими понятиями.

S как категориально-обобщенное понятие деятеля, носителя признака, состояния, восприятия и т.п. (т.е. одушевленный актанта) выражается разнообразными морфологическими средствами. Так, S состояния передается всеми падежами, кроме предложного, ср.: *Я тоскую. У меня тоска. Мне тоскливо. Меня тошнит. Со мной обморок* (Золотова 1973: 161).

Касаясь проблемы односоставных и двусоставных предложений, автор пишет, что для признания предложения двусоставным недостаточно наличия финитного глагола, так как он может оказаться лишь формальным показателем временной парадигмы предложения, ср.: *Зима. – Была зима*. Видеть в таких предложениях нулевую позицию глагола и тем самым считать их двусоставными недопустимо в силу необязательности глагола как части речи для некоторых типов предложения. Вещественное значение глагола в них отсутствует, а наличие глагола-связки не делает их глагольными (Золотова 1973: 127-128). На основе того или иного отражения в предложениях внеязыковой действительности односоставными признаются структуры, сообщающие о явлениях природы, двусоставными – о состоянии имплицитного лица, ср.: *Ветер. – Тоска; Грустно*. Невыраженность S в определенно-, неопределенно-, и обобщенно-личных предложениях не означает их односоставности (Золотова 1973: 160-164).

Возможность полисубъектных и полипредикатных структур обусловлено авторизацией (ср. усложненные структуры И.П. Сусова – см. Сусов 1973): Он считает сестру красавицей – два S; Кислород справедливо считается основой жизни на земле (Золотова 1978: 276) – три S, один из которых, говорящий, выходит за пределы диктума высказывания. К полипредикативным с одним S автор относит причастные и деепричастные обороты, а также предложения типа *Он вышел раздетым*, где последовательность классификации требует, очевидно, признания наличия двух S: S действия и S состояния. Градация же P в таких предложениях по первостепенности и второстепенности асемантична и основана лишь на морфологических категориях (Золотова 1973: 261).

Полисубъектность и полипредикативность наблюдаются и в каузативных конструкциях. В каузативный компонент может входить агенс и истинный каузатор, т.е. причина, ср.: *Хозяйка своим недоброжелательством вынудила нас покинуть дом*, где S – хозяйка. Поскольку S и каузатор – не одно и то же, адекватное описание каузации требует обращения не только к понятию S действия, но и причинности как “глубинному падежу”.

Г.А. Золотова считает, что неодушевленные предметы и явления не могут быть реальным S действия (Золотова 1973: 292, 295). Однако существуют предложения типа *Волна размыла берег*, опровергающие эту точку зрения. В случае произвольной автокаузации (ср. возвратные конструкции) наблюдается диффузность деятеля и объекта действия. При непроизвольной автокаузации значение действия уступает место признаку, значение признака принимает и S, ср.: *Волосы намочили от дождя* (Золотова 1973: 290). Нам кажется, что непроизвольная автокаузация вообще мало похожа на каузацию. Ведь в данном предложении, семантически параллельном *Дождь намочил волосы*, значение каузации может усматриваться лишь в глагольной лексеме, т.е. это лексическая, а не синтаксическая каузация.

Касаясь проблемы залога, Г.А. Золотова пишет, что в пассиве в именительном падеже представлен “не столько объект действия, сколько субъект - носитель признака, состояния, свойства” (Золотова 1973: 194). Но тогда непонятно, почему в активе винительный падеж того же слова означает уже объект действия. Далее автор разграничивает перфективные и пассивные конструкции, поскольку из первых элиминирован даже намек на каузатора”, ср.: *Чайник поставлен на плиту. – Чайник ставится на плиту*. Однако доказательств этого автор не приводит (Золотова 1973: 286-287). На наш взгляд, каузатор в обоих случаях присутствует в реляционной структуре предложения (термин И.П. Сусова).

Итак, S в концепции Г.А. Золотовой – понятие неоднородное. Это грамматическое понятие, замещающее П. Это семантическое понятие, обозначающее одушевленный семантический актанта (не обязательно онтологический предмет). Это диффузное понятие, которым обозначается и деятель, и носитель состояния (*Он вышел раздетым*). Это понятие, недостаточное для описания некоторых конструкций, например, каузативных. Это понятие, относящееся и к диктуму, и к модусу высказывания. Семантический S – много-

значный термин, обозначающий деятеля, носителя состояния, восприятия и т.п. Р также представляет собой сложное понятие. Это грамматический термин, заменяющий традиционное С_к. Это семантический термин с общим значением признака (действия, свойства, состояния, отношения). В силу семантической многозначности Р личный глагол – не единственная форма его выражения. Р и S понятия соотносительные.

В концепции Т.Б. Алисовой термины S и Р относятся к трем уровням: семантическому и коммуникативному (последний мы здесь не рассматриваем). На семантическом уровне в простой ситуации (с одним Р) S и Р соответствуют субстанция и признак. В случае невозможности расчленения ситуации на субстанции и признак возникает нерасчлененный субъектопредикат. Незамещенность именных позиций не означает их отсутствия в семантике Р. Как правило, Р поливалентны, за исключением Р абсолютного признака. Конкретное лексическое наполнение может “гасить” обязательную валентность: *Он несет чемодан на станцию. – Он несет тяжелый чемодан.* К обязательным валентностям относятся позиция П, дополнения агента и обстоятельства места; к периферийным – позиции сирконстантов, т.е. свернутых Р (Алисова 1971: 18-30).

Семантические Р классифицируются на основе дифференциальных признаков, отражающих строение внеязыковых ситуаций. Автор приводит две классификации Р. В первой в набор дифференциальных компонентов входят (1) нерасчлененность/ расчлененность понятия о субстанции и ее признаке, (2) абсолютность/ относительность, (3) статичность/динамичность, (4) активность/неактивность, (5) локальность/нелокальность контакта (Алисова 1971: 37–38). Для обозначения логической последовательности появления дифференциальных компонентов следовало бы поместить 5-й признак сразу за компонентом абсолютность/относительность, так как первый появляется независимо от того, статичен или динамичен признак. В связи с этим в классификацию необходимо ввести еще один тип Р: абсолютный локальный (*Он в Риге*), а также субъекто-предикат – ведь он включен во вторую классификацию (Алисова 1972: 57-115). Итак, в первой классификации выделяются следующие Р. 1. Абсолютный статический (*Он инженер*). 2. Абсолютный динамический неактивный (*Он покраснел*). 3. Абсолютный динамический активный (*Он встает*). 4. Относительный локальный статически (*Снег лежит на земле*). 5. Относительный локаль-

ный динамический неактивный (непроизвольное направленное действие: *Он падает на землю*). 6. Относительный локальный динамический активный (*Он идет в театр*). 7. Относительный нелокальный статический (отношение принадлежности, необходимости: *У него есть сын*). 8. Относительный нелокальный динамический, неактивный (отношение восприятия: *Он понимает что-л.*). 9. Относительный нелокальный динамический активный (каузация бытия: *Она варит обед*).

На типологии простых конструкций основана классификация еще 15 типов Р, образуемых слиянием простых Р. Эти конструкции Т.Б. Алисова называет простыми семантико-грамматическими структурами, но они представляют собой сложные ситуации, содержащие более одного Р. В этих конструкциях вызывает возражение интерпретация типов: 11(7+2) – *У него умер отец*; 13 (8+1, 2, 3, 4) – *Он видит его уставшим*; 17 (9+2) – *Он его кладет на, в, под*; 20 (9+6) – *Он его приглашает к себе*; 23 (9+9) – *Он ему заказывает пальто*. На наш взгляд, 11 тип есть соединение типов (7+1), 13 тип – (8+1), 17 тип – (9+5), 20 тип – (9+4), 23 тип – (9+7) или (9+9).

Во второй классификации Р в число дифференциальных компонентов внесены некоторые изменения. Так, отсутствует компонент активность, но введен признак “постоянный/временный характер”; остальные компоненты совпадают. Появляется Р презентации как разновидность локальных статических и динамических Р (типов 5 и 7). Семантически расширен 7 тип: в нем выделен статический Р принадлежности и динамические Р приобретения и утраты. Введен Р психической реакции и субъективной оценки. В группе каузативных Р последовательно выделяются Р с каузацией всех типов Р второй классификации, но без учета признаков статичности/динамичности и постоянного характера. В новой классификации не отражены типы 10-16, 17 (в неверной записи 9+2), 18, 20 (в неверной записи 9+6), 24, приводимые в первой классификации. Всего во второй классификации выделяется 20 типов Р. Каузация здесь предстает как лексическая, непосредственно связанная с переходностью глагола. В терминах традиционной грамматики такие каузативные образования считаются простыми предложениями. У Т.Б. Алисовой каузация предстает как переплетение в одной структуре признаков S и объекта. Во вторую классификацию намеренно не включены типы 13 и 16 из первой, представляющие синтаксиче-

скую каузацию в традиционном смысле, т.е. конструкцию с двумя S и двумя P.

Классификацию семантических S Т.Б. Алисова строит на основе семантически соотносящихся с ними P. В работе 1969 г. (Алисова 1969: 29-31) выделяется 7 типов S: (А) S диффузный – субъекто-предикат; (Б) S неодушевленный (или одушевленный), дискретный, носитель абсолютного признака: *Стол большой*; (В) S – конкретное лицо, производитель абсолютного активного действия: *Он много читает*; (Г) S – конкретное лицо, производитель активного действия, направленного на изменение или перемещение объекта: *Он отодвинул книгу*; (Д) S – конкретное лицо, производитель активного действия, направленного на локатив: *Он сидит в кухне*; (Е-1) S – конкретное лицо, носитель неактивного отношения “обладания”, вариант конструкции “наличия” с позиции локатива, замещенной лицом: *Жил-был у бабушки серенький козлик*; (Е-2) S – конкретное лицо, носитель неактивных отношений восприятия, психофизиологической реакции или субъективной оценки: *Я боюсь.. – Мне страшно*. Это структурная разновидность безличных предложений.

Данные типы выделяются на основе следующих предикатных признаков (А) нерасчлененности с субстанцией, (Б) абсолютного статического признака, (В) абсолютного динамического, (Г) активной локативизации (хотя пример свидетельствует о неактивности S, (Д) относительного динамического, (Е-1) локативизации, (Е-2) восприятия и его разновидностей. Все это – дифференциальные компоненты простых P (за исключением компонента *постоянный характер*), приводимые в работе 1971 г.

В монографии 1971 г. дается несколько иная классификация S: (а) S – лицо, или предмет, носитель абсолютного или динамического признака; (б) S – лицо, носитель психической реакции или непроизвольного действия; (в) S – лицо, носитель отношения обладания; (г) S – лицо, носитель отношения восприятия; (д) S – лицо или предмет, локализованный по отношению к другому предмету; (е) S – производитель активного действия, направленного на объект (Алисова 1971: 52-54). Для данной типологии также несущественным является компонент P “постоянный/временный характер”.

Как можно видеть, субъектные типы а – Б, б – Е2 –г, в – Е-1, д – Д, е – Г подобны. Компонентный анализ их на основе предикатных типов первой и второй классификации показывает, что сино-

нимичными, т.е. имеющими одинаковый набор компонентов, являются пары в – Е-1 и е – Г.

Рассматривая возможность манифестации S в безличных предложениях, автор пишет, что различие личность/безличность сводится к различию активности/неактивности и только предложения с агенсом относятся к собственно личным (Алисова 1969: 28). Поэтому предложения типа *Мне страшно* считаются безличными, что вряд ли оправдано, так как само определение субъектного типа Е-2, куда входят такие предложения, указывает на наличие одушевленного предмета. По Т.Б. Алисовой, устранение S относится только к лицу (Алисова 1971: 32-33), что неточно, так как элиминирован может быть и конкретный неодушевленный предмет, ср.: *Берег размыло (волной)*. Автор указывает, что в истинно безличных предложениях S и Р синкретичны, отсюда и термин: субъектопредикат.

Грамматические S и Р, по Т.Б.Алисовой, понятия соотносительные; они реализуются в предложении в виде Р и Ск, также соотносительных понятий. Отличие П от дополнений в том, что П есть особая позиция, совпадающая с позицией грамматического S и оформляющая основной признак предложения – предикативную связь с глаголом (Алисова 1971: 18). При отсутствии или незамещении позиции П Ск сохраняет грамматический показатель S – личное окончание; он присутствует в любом формально-грамматическом предложении и не зависит от семантического класса глагола. Это утверждение подкрепляет положение автора о существовании предложений с субъектопредикатом.

Грамматические Р есть “синтетическая или аналитическая форма, включающая грамматический показатель субъекта и лексему, обозначающую его признак”. Грамматическим Р признается финитный глагол, а его окончание как показатель S считается важнейшим в Р (Алисова 1971: 15-18). Итак, грамматический Р неэлементарен, (ср. теорию двухэтажности Р у И.П. Сусова – Сусов 1973: гл. 2).

Грамматический S в силу общей функции субъектности вводится в один парадигматический ряд с прагматическим субъектом (Алисова 1971: 15), хотя это явления разных порядков: последний не имеет отношения к денотативно-референтному уровню высказывания. Позиция грамматического S в своей лексически конкретизированной форме считается позицией П. В случае отсутствия конкретизации позиция П устраняется, но грамматический S сохраняется

ется (видимо, в личных окончаниях глагола-Р). Итак, П – это позиция грамматического S + лексическое ее наполнение. П выражается разнообразными средствами, однако дательный предикативный из их числа исключается, видимо, в силу отсутствия морфологического согласования личного глагола с лексемой, выражающей семантический S, ср.: *Мне нравятся груши*, где грамматическим S и П признается форма *груши* на основе согласования ее с окончанием глагола (Алисова 1971: 16-17).

Назначение залоговых форм Т.Б. Алисова видит в перемещении семантического S из одной синтаксической позиции в другую, в том числе и нулевую. В отличие от Г.А. Золотовой автор считает нормальным соответствие П семантическому объекту действия и выражение Р перфектом в пассивном залоге. Трактовка пассива Т.Б. Алисовой связана с пониманием семантического S как агенса (Алисова 1971: 127-135).

Итак, в концепции Т.Б.Алисовой S и Р – это семантические грамматические понятия. Семантический S выражает субстанцию, это общий термин для одушевленных семантических актантов; он классифицируется на основе семантики Р (за исключением компонента “постоянный/временный характер”). Семантический Р выражает признак и классифицируется на основе общекатегориальных семантических компонентов: $\pm$ расчлененность, $\pm$ локализованность, $\pm$ абсолютность, $\pm$ динамичность, $\pm$ активность, $\pm$ постоянность. Грамматический S – это знак-позиция, представляющая обязательную валентность в семантике Р. Он присутствует в предложениях в виде личных окончаний глагола; будучи лексически конкретизован, становится П. Он соотносится с S модусом. Грамматический Р – это выразитель семантического Р (грамматический же S не всегда соответствует семантическому); он соотносен с грамматическим S, включает его как свой ингерентный показатель и поэтому является сложным образованием; в предложении является сказуемым.

Проведенный анализ базового метаязыка семантики предложения, как представляется, может прояснить сущность отечественных подходов к значению основных языковых единиц.

Литература:

1. *Алисова Т.Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
2. *Алисова Т.Б.* Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1969. – С.27-36.
3. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973.
4. *Сусов И.П.* Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка). – Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973.
5. *Шведова Н.Ю.* Место семантики в описательной грамматике (синтаксис): Грамматическое описание славянских языков. – М.: Наука, 1974. – С.101–121.
6. *Шведова Н.Ю.* (ред.) Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т.2.

И.Б. Ворожцова

РЕЧЕВОЙ СУБЪЕКТ ИЛИ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ?

Современная лингвистика переживает период бурных изменений, период дрейфа научной парадигмы в сторону антропоцентризма. Это выдвинуло, в частности, на гребень исследовательских интересов когнитивистику, речевую коммуникацию, лингвокультурологию, коммуникативное поведение в речевом взаимодействии, описание наивной и научной картин мира и др. Отмечается небывалое разнообразие методов и направлений, в особенности использование междисциплинарных подходов к языковым явлениям с привлечением данных других наук о человеке – психологии, социологии, философии, культурологии, этнологии, истории, антропологии. Человек был и есть в лингвистических исследованиях. Достаточно напомнить слова великого русского лингвиста И.А. Бодуэна де Куртене: «...реальной величиной является не язык в отвлечении от человека, а только **человек как носитель языкового мышления**» (выделено нами) (Бодуэн де Куртене 1963: 66). Но место, которое ему отводилось, ограничивалось психолингвистикой, социолингвистикой, прагмалингвистикой и сопряженными с социальным бытием речевого субъекта областями. В настоящее

время можно говорить о широком интересе лингвистической науки к тому, что происходит с человеком как носителем языка, как он существует в речевой среде, как пользуется языком, как пользуется несколькими языками.

В последние пятнадцать лет появился новый термин «языковая личность», он распространился в лингвистике благодаря работе Ю.Н. Караулова (Караулов 1987) и оказался очень востребованным в методике преподавания иностранных языков (И.И. Халеева, Н.Д. Гальскова и др.). О языковой личности, ее формировании, становлении и даже о вторичной языковой личности заговорили повсеместно. Это неслучайно. Когда широкими массами подхватывается речевая единица, – в данном случае в дружном единодушии сошлись и специалисты по русскому языку и литературе, и специалисты по зарубежной филологии, что происходит нечасто, – это значит, что ее появление отвечает внутренней социальной потребности. Этой социальной потребностью является, на наш взгляд, антропоцентризм как новая научная парадигма, которая проявляется, как было выше сказано, в лингвистике, а также и в педагогике, в личностно-ориентированном и личностно-деятельностном обучении, равно как и в общественной жизни действиями, учитывающими интересы конкретного человека.

Интересным представляется рассмотреть, как соотносятся два терминологических словосочетания: известный из психолингвистики «речевой субъект» и новая единица «языковая личность». И здесь логически возможны два варианта: 1) они синонимичны, 2) они не синонимичны. Если они не синонимичны, то интересно задаться вопросом: что стоит за этим различием?

Они вполне могут быть синонимичными в силу значений слов «язык» и «речь» в русском языке. В лингвистике со времени «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра понятия «язык» и «речь» четко разведены: язык определяется как система знаков, речь как реализация системы, ее употребление. Однако и лингвист, и обычный носитель языка пользуются не понятиями, а словами своего родного языка. И в этом они не очень сильно отличаются друг от друга. В русском языке слово *речь* имеет следующие значения: 1) *способность говорить*; 2) *разновидность, стиль языка*; 3) *звучащий язык*; 4) *разговор, беседа*; 4) *публичное выступление* (Словарь русского языка 1972). Заметим, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *речь* (от **речи** – гово-

речь, молвить, сказать) есть «что-либо, выраженное словами устно или на письме; предложение, связные слова, в коих есть известный смысл, говор, способ выражения».

Слову *язык* в словаре В.И. Даля в качестве первого приписано значение «мясистый снаряд во рту...», а прочие значения выведены либо из наружного вида или как орудия речи: 1) *словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика; совокупность всех слов народа*; 2) *способность или возможность говорить*; 3) *слова, а более постановка и связь их, образ, способ выражения, свойственный кому лично*; 4) *строй, слог и выбор слов*; 5) *язык – народ, земля*. В «Словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова (1972 г.) *язык* в нефизическом значении описывается по-другому: 1) **Система** звуковых, лексических грамматических средств, служащих орудием общения; 2) Совокупность **средств выражения** в словесном творчестве; 3) **Речь**, способность говорить; 4) **Система знаков...**, передающих информацию; 5) Перен. **То, что выражает**, объясняет собой что-то (выделено нами).

Ф. де Соссюр, предлагая дихотомию *язык – речь*, опирался на четкое разграничение этих значений во французском языке: *langue – langage*. Слово **langue** описывается как «*système de signes verbaux propre à une communauté d'individus qui l'utilisent pour s'exprimer et communiquer entre eux*».¹ *Langue formelle, langue de bois* (Le Petit Larousse 1993); слово **langage**, от слова *langue*, как **emploi** de la langue pour **communiquer** avec d'autres hommes; **manière** de parler propre à une communauté linguistique, à un groupe, un individu.²

В Новом французско-русском словаре (Гак В.Г., Ганшина К.А., 1994) слово *langue* передается как *язык, язычок*, в то время как для *langage* одинаково возможны 1) *язык, речь, код*; 2) *манера говорить*.

Как можно видеть, слова *язык* и *речь* в общеупотребительном языке пересекаются в своем значении, при этом слово *язык* является родовым для значения «способности говорить, речи».

Вынесенные в название статьи словосочетания в принципе легко отождествляются, поскольку *языковой* включает в себя *речевой* и используется в тех же контекстах, что и *речевой*: языко-

¹ Система вербальных знаков, присущих сообществу индивидов, использующих ее для самовыражения и общения между собой [перев. автора]

² ...употребление языка [*langue*] для общения с другими людьми; способ говорить, присущий лингвистическому сообществу, группе, индивиду.

вое/речевое существование, языковые/речевые умения, языковая/речевая среда и др.

Рассмотрим словарные дефиниции слов *субъект* и *личность*. По данным четырехтомного словаря русского языка ИРЯ АН СССР (1988 г.) у слова *личность* три значения: 1. Совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность. ...2. Отдельный человек в обществе; индивидуум. ... (Пример: *Говоря о личности, чаще всего имеют в виду просто отдельного конкретного человека*). 3. *Прост.* То же, что лицо (в I знач.). ... *Личность твоя мне, будто, знакомая...* Можно определить в качестве общего значение отдельности, индивидуальности, выделенности человека из толпы за счет того, что он имеет лик, лицо. Однако в узусе доминирует другое: особенность, непохожесть, быть не как все, т.е. оценочность. Чтобы быть личностью, нужно быть каким-то особенным, поэтому не все могут быть личностями. Первое значение – предметное, второе – модальное. Если делать ставку на личность в первом понимании, то тогда личность – это просто человек, во втором значении это особенный человек. В патетическом смысле личность – это человек сродни исключительному, в сниженном смысле – плохой человек: *перейти на личности* — сделать обидные замечания по чьему-либо адресу в выступлении, речи и т. д., как это фиксируется в словаре.

Для слова *субъект* тот же словарь дает семь значений, из них четыре являются терминологическими: в философии *индивид (или социальная группа) как носитель предметно-практической деятельности и познания, направленных на объект*, в юриспруденции *лицо или организация, обладающие определенными правами и обязанностями*; в логике *мысль о предмете суждения в отличие от мысли о его признаках*; в грамматике *подлежащее, а также вообще грамматическая форма, обозначающая деятеля*. Их трех оставшихся значений одно общеупотребительное: *человек как носитель каких-либо физических и психических качеств (У физиологов такое состояние, когда субъект видит, но не понимает, называется «психической слепотой»...Чехов)*; два других определены сферами употребления: книжной – *лицо (или группа лиц, коллектив, организация), выступающее активным деятелем в каком-л. акте, процессе* и разговорной – с пометой «часто шутл.» *человек, личность* и с пометой «разг. пренебр.» *человек с отрицательными свойствами характера* (темная, подозрительная личность; тип).

Общим для дефиниций слов *личность* и *субъект* будет «человек», если говорить о предметном значении, и разная оценочность: человек с особенными, выдающимися качествами или негативными для *личность*, шутливый или пренебрежительный для *субъект*. Таким образом, при ориентации на предметный план оба слова вполне могут выступить синонимами. И тогда словосочетания «речевой субъект» и «языковая личность» вполне совпадают. Уравнение, как говорят математики, решено.

Но нам видится, что они далеко не синонимичны и за ними тянется шлейф двух разных подходов к языку, которые существуют на протяжении всей истории лингвистики. Речь идет о **статическом** и **динамическом** подходах.

Динамический подход к языку, которому свойственно отношение к языку как деятельности, имеет длительную философскую традицию, начиная с В. Гумбольдта. Й. Гердер и Ф. Шлегель рассматривали язык как непрерывное становление. М. Бахтин видел в гетероглоссии языкового акта диалогическую открытость коммуникативной деятельности. Следует упомянуть идеи Л. Витгенштейна, рассматривавшего употребление языка как разновидность деятельности или как способ существования, динамический характер внутренней речи у Л.С. Выготского, дискурсивность в работах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Умберто Эко и др.

Динамическому характеру языка посвящена фундаментальная работа Б.М. Гаспарова «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового (sic!) существования», где язык исследуется как некий континуум, как среда существования человека, с которой происходят его постоянные взаимодействия. Язык – это естественный фон нашей жизни, это среда, которая находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, «вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни» Эту постоянную, никогда не прекращающуюся «жизнь с языком» и «жизнь в языке» автор называет языковым существованием (Гаспаров 1996: 9-12). Язык рассматривается как объект, над которым говорящий постоянно работает. Он совершается в окружении опыта, и он есть опыт и среда, в которую этот опыт оказывается погружен. В этой среде разворачивается мыслительная и коммуникативная деятельность человека.

Каждый из говорящих постоянно соприкасается с другими говорящими личностями, все поступающие извне языковые впечатления вливаются в языковой мир личности, адаптируясь в нем.

Языковое существование, как и всякое существование вообще, – процесс не только интуитивно-бессознательный. Интуитивное движение языкового опыта неотделимо от языковой рефлексии, так как говорящий все время что-то узнает о языке, что-то в нем постигает, находит или продумывает. Языковая рефлексия вторична по отношению к речи, метаязыковые знания и собственно пользование языком лежат по отношению друг к другу в разных плоскостях, говорит Б.М. Гаспаров. Ю.Н. Караулов говорит о хранении в памяти не грамматических знаний, но грамматических фактов: «...правила словоизменения, соединения слов и словообразования, т.е. грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними, «размазана» по ассоциативно-вербальной сети» (Караулов 1993: 6-7).

Один из основных тезисов Б.М. Гаспарова состоит в том, что основу языкового умения составляют не абстрактные правила, в соответствии с которыми мы строим свою речь, а сама языковая материя как первичная данность, усваиваемый и актуализирующийся, благодаря языковой памяти в разнообразных ситуациях. Языковая память формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых, либо потенциально представимых. Любые поступающие к нам извне тексты (устные или письменные или же редуцированные очертания внутренней речи) вызывают резонанс в нашей языковой памяти. Тогда все в языке представляет собой процесс, нет слова, а есть сложный генезис слова, как об этом говорит Г. Гийом (Гийом 1992: 136). За любым словом, как шлейф, тянется его история, оно передает традиции, ощущения, которые не способен передать ни один словарь, но которым его наделяет любой человек. Его деятельность является определяющей. Слушая песню «Ямайка» в исполнении своего любимого певца В. Меладзе, семилетняя девочка говорит: «Ну, никак не могу понять, почему он говорит, что он майка».

Параметрами речевого существования человека (личности, субъекта) будут изначально параметры социального пространства: сам говорящий субъект, адресат речи, цели, определяющие контекст речевого действия. Речевое действие передает знаки, в которых отражены представления о мире в памяти участников речевого взаимодействия. Референт речевого действия определяется как сумма когнитивных представлений, мобилизованных использован-

ными знаками. Все они динамически присутствуют в речемыслительной деятельности речевого субъекта. Латинское *subjectum* означает «то, что подчинено», и подчиняющим выступают опыт, действие, право, знание, все, что дает смысл (*conscience libre donatrice de sens, fonctionnant comme principe explicatif de tout être humain; individu qui est le support d'une expérience, d'une action, d'un droit, d'une connaissance*³). Субъекту изначально присуща активность и смысловая деятельность.

Динамический подход к языку разрабатывает свои собственные динамические языковые единицы. У М.М. Бахтина это высказывание, которому присущи адресованность: «...обращенность, адресованность высказывания есть его конститутивная особенность, без которой нет и не может быть высказывания. Различные типические формы такой обращенности и различные типические концепции адресатов — конститутивные, определяющие особенности различных речевых жанров» (Бахтин 2000: 297). Б.М. Гаспаров вводит коммуникативный фрагмент, коммуникативный шов и коммуникативный контур, образующие текстуру речевого сообщения. И, если вслед за Л.С. Выготским под единицей подразумевать элемент, обладающий всеми основными свойствами, присущими целому, то необходимо выделить такую единицу речи, которая, в соответствии с природой речи, отражала бы присутствие речевого субъекта, была бы континуальна, как континуальна деятельность общения. И тогда такой единицей оказывается текст, а речевая деятельность предстает как деятельность текстовая (Ворожцова 2000: 117-119).

Идея о том, что язык происходит из деятельности, не нова, но нова потребность в идее, как сказал один из философов.

Словосочетание «языковая личность» представляется отображением статического подхода к языку, несравненно шире представленного в лингвистических описаниях, объектом которых служит язык в его системной ипостаси или в описании фактов языка, новым метаязыковым выражением, отдающим дань антропоцентрической парадигме научного знания. Рассмотрим его в свете имеющихся использований.

Определение, даваемое в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» (2003 г., далее СЭСРЯ) языковой лично-

---

³ Свободное смыслопорождающее сознание, функционирующее как экспликативный принцип любого человеческого существа; индивид как носитель опыта, действия, права, знания.

сти, выделяет выраженность в текстах через язык основных черт личности, которые реконструируются языковыми средствами. Здесь важна констатация того, что личность, т.е. человек, проявляет себя через язык в своей речевой деятельности. Кто-то из великих сказал, что человек – это язык. Другие утверждают, что человек – это стиль. Есть высказывание, с нашей точки зрения очень верное, что вся жизнь человека в его языке. Тогда между личностью и языком можно поставить знак равенства и счесть лишним введение понятия «языковая личность». Однако в определении, помимо констатации связи человека и языка, которую можно было бы довести до равенства, есть ограничение на основные свойства личности, т.е. не все, и возможность реконструкции личности языковыми средствами. Вопросы, которые уместно тогда задать, следующие: какие основные черты личности проявляются через языковой план в текстах, как они участвуют в реконструкции личности и что в результате реконструкции получается.

На первый вопрос статья СЭСРЯ дает несколько ответов. Отсылая понятие языковой личности к понятию *языковой картины мира* как результату «взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками», М.Н. Котюрова косвенно указывает на эти черты как следствие вышеуказанного взаимодействия. Далее в описании языковой личности по Ю.Н. Караулову речь идет о «жизненных или ситуативных доминантах, установках и мотивах»; для них значимым является семантико-строевой уровень организации, а также возможность на этой основе производить «реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования)». Характеризуя языковую личность как «многоуровневое понятие, характеризующееся противоречивостью соотношения стабильных и изменчивых элементов, устойчивости мотивационных predispositions и способности подвергаться внешним воздействиям и самовоздействию», уважаемый автор фиксирует внимание на языковых характеристиках, таких как общерусский языковой тип и вербально-семантические ассоциации, системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период, социальные и социолингвистические характеристики языковой общности. Что касается черт самой личности, то речь идет об устойчивых коммуникативных потребностях и коммуникативных чертах, или готовностях,

информирующих о внутренних установках, целях и мотивах личности, а также о психологических сведениях, «обуславливающие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса (или ее речи, всех текстов, ее «языка»)» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 660-661). Какие потребности, какие готовности, какие психологические сведения создают уникальность языковой личности, остается не определенным.

Языковая личность понимается как многокомпонентный, структурно-упорядоченный набор языковых способностей, и он представляет субъекта деятельности как абстрактный конструкт. Структурная модель языковой личности содержит три уровня – вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический. Она строится по пересекающимся осям – виды речевой деятельности, уровни языка и степень владения компонентами данного уровня. Как толкует СЭСРЯ, «связь и взаимодействие уровней в структуре языковой личности осуществляется на основе экстралингвистической информации: от вербально-семантического уровня легко перейти к лингво-когнитивному и реконструировать тезаурус личности. Для перехода к мотивационно-прагматическому уровню нужна дополнительная информация о социальном функционировании языковой личности, ее сознательных ролях» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 660-661). Специфика индивидуальности личности видится в эмоциональной составляющей, проявляющейся в коммуникативно-деятельностной сфере на прагматическом уровне. По всей вероятности, переходы с уровня на уровень и мыслятся как способы реконструкции языковой личности. Однако то, что получается в результате ее реконструкции, можно проследить на примере использования концепта «вторичная языковая личность» в лингводидактике.

Вторичная языковая личность понимается как «совокупная вербально-смысловая сущность». Сформировать такую личность – значит развить у обучаемого способности к общению в параметрах текстовой деятельности, которые предполагают развитие качеств и усвоение информации. Тогда целью обучения иностранному языку в средней школе становится достижение большинством учащихся нулевого, вербально-семантического уровня структуры вторичной языковой личности, соответствующей выработке «вторичного язы-

кового сознания» и формированию «инофонной картины мира» (Гальскова 2000: 58). Таким образом, направленность на личность в подходах, эксплуатирующих понятие языковой личности, проявляется в вычлениении из личности его языкового проявления как объекта процесса обучения и объекта целеполагания. И это, на наш взгляд, сводит заявку на развитие личности к простой декларативности, поскольку происходит разъятие его на языковую, вторичную языковую и др. личности, что в принципе лишает учащегося субъектности. С психологических позиций с субъектом связывается деятельностное начало (субъект деятельности, субъект речевой деятельности, субъект своей жизни...) и вытекающие из этого такие характеристики как активность, автономность, ответственность именно как деятельностные признаки. В то время как личность характеризуется как отдельная, лик, лицо, т.е. статическая единица. Она не случайно была выбрана для словосочетания *языковая личность*. Переживая обновление, область знания стремится поменять содержание и/или метаязык. Так как в настоящий момент происходит смена парадигмы, она проявляется в смене метаязыка – в частности в соперничестве этих двух словосочетаний, имеющих таким образом сущностный характер, что обобщено в таблице 1.

характеристики	речевой субъект	языковая личность
диалогичность	+	-
деятельностный характер	+	-
дискретность	-	+
способы деятельности	вырабатываются	заимствуются
активность	+	-
автономность	+	+

Литература

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
2. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
3. *Ворожцова И.Б.* Личностно-деятельностная модель обучения иностранному языку. Ижевск: Изд. дом “Удмуртский университет”, 2000.
4. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. М.: Аркти-Глосса, 2000.

5. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
6. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
8. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993.
9. *Словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова.* М., 1972.
10. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка /* Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003.

С.Я. Гельберг

КОРРЕЛЯТЫ В БЕССОЮЗНОМ СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
(на материале современного английского языка)

В бессоюзных сложных предложениях БСП нет формальных показателей связи, роль и значение которых соответствовали бы роли и значению союзов в союзном сложном предложении, поэтому задачей синтаксистов является выявление грамматической и лексической структуры БСП, классификация предложений по составу частей, составляющих их смысловое и структурное единство, по единицам, осуществляющим связь всего предложения. БСП принято делить на предложения однородного/неоднородного состава. Предложения однородного состава единообразны, раскрывают одновременность фактов описательного плана, обладают параллелизмом частей, необратимостью отношений, могут быть неполносоставными.

Предложения неоднородного состава отличаются более разнообразной зависимостью частей, содержат разнородные части, выполняющие различные функции в составе всего целого и могут быть совершенно необходимыми для его смысловой законченности.

В зарубежной англистике сложные комплексы обозначаются термином «clause» – «клауза», но из-за возможного фонетического неблагозвучия этот термин не принят в русистике.

В исследованиях российских лингвистов вопрос о БСП является дискуссионным. Спорным является его статус как самостоятельной независимой синтаксической единицы, не синонимичной союзному сложному предложению, характер и средства связи его частей, его структурные черты.

Исследование подобных предложений дает основание полагать, что БСП могут быть несводимы к союзным (сочинения и подчинения), и хотя не всегда можно провести четкие границы, все же имеются типичные случаи бессоюзной связи, основное отличие которой заключается в корреляции лексем, т.е. слов, составляющих смысловое содержание предложения.

В БСП части взаимосвязаны и взаимообусловлены без формальных средств и образуют единое смысловое и синтаксическое целое; они взаимно дополняют друг друга; их смысловая зависимость основана на лексико-семантической соотнесенности, т.е. на корреляции лексем, наполняющих эти части.

При этом части БСП могут быть равнозначными и неравнозначными.

В равнозначных частях видна однотипность, параллелизм, повтор одних и тех же лексем в одинаковой синтаксической функции.

Let the signature wait till tomorrow – let it wait till you come back W. Collins. *The Woman in White* L. 1960, p.52.

В подобных предложениях корреляция существительного и местоимения скрепляет смысловое содержание всего предложения, конкретизируя действие.

Коррелятами в БСП могут выступать разные типы существительных: синсемантические, имена собственные, «репрезентанты», синонимы, слова одной тематической группы, повторы существительных и однокоренные слова.

Синсемантические существительные занимают значительное место среди коррелятов и допускают раскрытие своего значения в предложении.

It was a slow job; he was like a blind man, feeling in the dark with a thin, flexible wand. A. Clarke, *A Fall of Moondust*, 1961, N.Y., RDCB, v. 4. p.369.

Имена собственные, которые Е. Курилович считает недостаточными структурами, также поясняются содержанием тех слов, с которыми соотносятся по смыслу, например:

Christine, for all her fragilit and look of inexperience, had the attribute of the Yorkshire woman: she was a housewife. A. Cronin, *The Citadel*. M., 1963, p.153.

Существительные-«репрезентанты» представляют общее/частное значение, соотносимое в частях предложения. В данной кор-

реляции наблюдается проспективная и ретроспективная соотнесенность – структурный признак бессоюзия. В предложении:

It was full Spring: I found wintergreen and yarrow in the field and the chaffinch had arrived; I knew all birds. K. Hamsun. Pen. L. 1955. p. 33.

Значение существительного «Spring» находит пояснение в последующих частях.

В предложениях, где коррелируют общее/частное или частное/общее контекстуальные ограничения либо конкретизируют смысл высказывания, либо обобщают его, как, например, в предложениях:

1. *I was a correspondent: I thought in headlines.*

G.Greene, The Quiet American. M., 1959, p. 38.

2. *No cashing his chegue to day – the bank would be closed before he could get there.* Modern English Short Stories. M., 1961, p. 66.

В предложениях с корреляцией синонимичных существительных значение уточняется, поясняется, расширяется в линейной последовательности слов, например:

It would mark a new era; it would make an epoch.

F.Norris, The Octopus. M., 1962, p. 302.

Иногда существительные-синонимы становятся окказиональными, обусловленные контекстом, как, например, в предложении:

The canal was full of bodies: I am reminded now of an Irish stew containing too much meat. G.Greene, The Quiet American. M., 1959, p.64.

Синонимы создают вариантность словесных единиц языка, которая «обеспечивает гибкость и разнообразие форм выражения определенного лингвистического содержания» (Семенюк 1965: 55).

Соотношение общего и частного в первом предложении, частного и общего во втором дополняет смысл всего целого.

Существительные-повторы придают стилистическую окраску значения всего предложения. Например:

His father would have understood, he missed his father a good deal.

E. Savage, Summer of Pride, 1961. N.Y. RDCB. v.4. p.485.

It was not one of those comic hats either; it was just a hat.

Modern American Short Stories. M., 1960. p. 329.

В повторах уточнение коррелирует также в определителях соотносимых единиц.

Интересны случаи корреляции однокоренных слов, которые стилистически служат средством выражения смыслового содержа-

ния всего целого. Их использование обусловлено отсутствием более или менее равнозначного слова и концентрирует внимание на важном. Например:

She smiled at me; the smile radiated an almost savage wellbeing.

J. Brain, Room at the Top. М., 1962. p.129.

Bains wasn't really happy; he was only watching happiness from close to instead of from far away.

Modern English Short Stories. М., 1960. p.425.

В качестве коррелятов нами рассмотрены существительные. Характер корреляции существительных зависит от их собственного значения, позиции в данном комплексе, от связи осуществляемой ими. Экспликация значения абстрактных существительных, которые мы назвали синсемантическими, осуществляется про/ретроспективно, представляя их постоянными (стержневыми) элементами связи (они либо разъясняются, уточняются, конкретизируются в последующей части, либо обобщают содержание предшествующей части). Аналогично им соотносятся существительные тематических групп по линии общее-частное и частное-общее. Такие существительные мы назвали репрезентантами и распределили их по тематике (город, времена года, строения, люди и т.п.).

Существительные-синонимы «приспособлены» для формулирования содержания другими словами (их можно определить на парадигматическом уровне), а существительные-синонимы окказиональные, которые уточняются, поясняются лишь в данном контексте (т.е. на синтагматическом уровне) разнообразны.

Корреляция существительных на основе их словообразовательной общности с другими словами (однокоренные слова) расширяет смысловое содержание.

На сущность корреляции существительных оказывает влияние категория определенности/неопределенности. Стилистическую функцию выполняют повторы существительных, которые фиксируют внимание читателя на важном для содержания.

Литература

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1965.
2. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.

3. *Иофик Л.Л.* Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1967.
4. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
5. *Семенюк Н.Н.* Некоторые вопросы изучения вариантности // В.Я. 1965. №4.
6. *Ярцева В.Н.* Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Сборник Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
7. *Jespersen O.* Essentials of English Grammar. L., 1933.
8. *Karlsen K.* Studies in the connection of clauses in current English. Bergen, 1959.
9. *Collins W.* The Woman in White. Leipzig, 1960.
10. *Cronin A.* The Citadel. М., 1963.
11. *Hamsun K.* Pan. L., 1955.
12. *Greene G.* The Quiet American. М., 1959.
13. *Modern English Short Stories.* М., 1961.
14. *Modern American Short Stories.* М., 1960.
15. *Savage E.* Summer of Pride. N.Y // N.Y., RDCB v. 4. 1961.
16. *Brain J.* Room of the Top. М., 1962.

В.В. Гуревич

О НЕКОТОРЫХ ЭФФЕКТАХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ

Как известно, понятие пресуппозиции (от англ. presuppose = заранее предполагать, исходить из чего-л. как из достоверного) пришло в лингвистику из работ по логике и философии языка. В частности, логиками были обнаружены высказывания (суждения), не являющиеся ни ложными, ни истинными, типа *The present king of France is bald; Нынешний король Франции лыс.* Скрытая в данном высказывании пресуппозиция существования в современной Франции короля является ложной, потому что все высказывание в целом не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто и является просто бессмысленным.

Аналогично этому есть вопросы, на которые нельзя дать ответа вследствие скрытой в них ложной посылки. Так, например, на вопрос *Have you stopped beating your wife? Вы перестали бить свою жену?* нельзя ответить ни *Да*, ни *Нет*, так как в любом варианте ответ будет лишь подтверждать включенную в вопрос пресуппозицию *до сих пор я ее бил.* На ложной пресуппозиции строятся и

демагогические вопросы типа *Когда банда Ельцина перестанет нас грабить?*

В принципе пресуппозиции присутствуют в любом нашем высказывании. Так, просьба *Open the door! Открой дверь!* содержит скрыто выраженные утверждения о наличии в данной ситуации двери, причем, всего одной (эта информация включена в значение определенного артикля), о том, что дверь в данный момент закрыта (включено в значение глагола «открыть»), о наличии говорящего лица и какого-то слушателя (выражено семантикой повелительного наклонения) и о том, что оба они находятся либо внутри какого-то помещения, либо рядом с ним, снаружи (скрыто в значении слова *дверь*).

Наличие говорящего («я») составляет пресуппозицию в известном силлогизме Рене Декарта *Cogito ergo sum; Я мыслю, следовательно, я существую*. Таким образом, утверждение *следовательно, я существую* не является в нем логическим следствием из утверждения в первой части высказывания, а представляет собой лишь экспликацию скрытой в первой части исходной пресуппозиции, а потому данный силлогизм не может служить доказательством объективного существования мыслящего субъекта и окружающего его мира, как это представлялось философу.

Пресуппозиция существования (экзистенциальная пресуппозиция) вообще обязательна для подлежащего (логического субъекта) почти любого высказывания (исключение составляют сами суждения о существовании чего-либо: *А существует / не существует*), т.е. этот феномен связан не только с особой ролью местоимения «я» или с особым статусом говорящего: так, подлежащее в предложении *Has Peter come? Пришел ли Петр?* опирается на пресуппозицию «известно, что есть некий человек по имени Петр». И в этом случае дело не в особенностях семантики определенности субъекта («тот человек, которого мы знаем как Петра»), поскольку и в предложении с неопределенным субъектом *A girl entered the room; В комнату вошла девочка* также содержится скрытое утверждение о существовании некой девочки. В обобщенных высказываниях с нулевым артиклем типа *Cows eat grass; Коровы питаются травой* также скрыто выражено существование названного класса животных. Как известно, еще Сократ полагал, что о несуществующем нельзя иметь ни истинного, ни ложного мнения: в современной терминологии это и означает обязательность пресуппозиции суще-

ствования предмета в содержании любого высказывания, приписывающего такому предмету какие-либо свойства.

Однако наличие скрыто выраженных утверждений, принимаемых говорящим за истину, нередко отражается не только на логико-философских аспектах нашей речи, но и на чисто языковых ее характеристиках. С этим, например, связаны некоторые особенности употребления местоимений *some* и *any* в английском языке. Как известно, помимо основного правила о закреплённости местоимения *any* в вопросительных и отрицательных предложениях, а *some* – в утвердительных, встречаются случаи, чисто формально как бы нарушающие это правило. Так, в контексте *I see a note on my desk. Has someone been here?* второе высказывание не является чисто вопросительным – оно содержит утвердительную пресуппозицию типа «очевидно, кто-то приходил сюда» и просит подтвердить это предположение.

Не является чисто вопросительным и предложение типа *Could you give me some more tea?*, содержащие пресуппозицию *Я бы хотел, чтобы Вы мне дали еще чаю*. В контексте *Why have you stopped speaking? Isn't there something else to tell me?* подразумевается *There certainly is something else to tell*. В предложении *Why do some people always have all the luck?* содержится пресуппозиция «известно, что некоторым людям всегда везет»: вопросительная модальность охватывает здесь не эту часть высказывания, а лишь местоимение *why*. Такова, в целом, особенность специальных вопросов: в них всегда есть часть высказывания, стоящая вне вопросительной модальности, т.е. образующая утвердительную пресуппозицию. *Так, Куда уехал Петр?* подразумевает как известно, Петр куда-то уехал»; в вопросе *Где ты купил эту книгу?* заключена пресуппозиция известно, что ты купил книгу и т.д.

В английских условных придаточных предложениях обычно употребляется местоимение *any*, например: *If you know anything about it, please, tell us*. Однако в контексте *If you know something, why don't you tell us?* использование слова *some* подразумевает *I think you know something*. Обратим внимание на то, что и в русском в последней ситуации будет употреблено *Если ты что-то знаешь* в отличие от *Если ты что-нибудь знаешь* при чисто условной семантике придаточного.

Наличие или отсутствие пресуппозиций различает также употребление союзов с причинным значением – и в русском, и в англ-

лийском языках. Так, английские союзы *as*, *since* и русские *поскольку*, *так как* включают, помимо собственно семантики причинно-следственной зависимости, еще и пресуппозицию существования называемого события: предложения типа *Поскольку он сейчас болен, он не придет*; *As / since he is ill now he won't come* опираются на пресуппозицию *Как известно, он сейчас болен*. Этот факт и обуславливает типичную для такого придаточного начальную позицию в сложном предложении, поскольку оно представляет тему высказывания (исходную информацию для рематического сообщения в главной части). В отличие от этого, союзы *because*, *потому что* употребляются, как правило, в рематической части, для которой более свойственна конечная позиция в сложном высказывании: *Он не придет потому, что он болен*; *He won't come because he is ill*. Именно привязка данных союзов к реме делает возможным их сочетание с усилительно-выделительными частицами (*именно / только / как раз потому, что он болен*; *just / only because he is ill*), что недопустимо для *поскольку*, *так как*, *as*, *since*, которые вследствие пресуппозитивного элемента в их семантике не могут входить в ремю.

Пресуппозиция отличает в английском языке герундиальный оборот с предлогом *without* от синонимичного ему причастного оборота с частицей *not*. Так, в предложении *He walked idly, not looking around* представлены просто два сопутствующих одно другому события (*шел и при этом не смотрел*), тогда как в *He walked away without (even) looking back* содержится добавочная пресуппозиция *Ожидалось, что хотя бы обернется назад*. Недаром именно предложный оборот выбирается в контекстах типа *He left the room without (even) saying good-bye*; *He entered without knocking*; *The young couple parted without quarreling*, где обозначаются действия, естественно ожидаемые в описываемой ситуации, но, вопреки ожиданию, не имевшие места; действительно, обычно ожидается, что перед уходом человек должен попрощаться, перед тем, как войти – постучать, что расставание влюбленных обычно сопровождается ссорой и т.п.

Разнообразные эффекты, связанные с наличием в предложении скрытых смыслов (пресуппозиций) еще предстоит исследовать.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. Известия АН СССР, сер. литер. и яз. 1973. Т. 32. № 1.
2. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Флинта, 2003.
3. Fillmore Ch. Types of lexical information. Studies in syntax and semantics. V. 10. Dordrecht, 1969.
4. Lakoff R. Some reasons why there can't be any SOME-ANY rule. Language. V. 45. № 3. 1969.

Е.Б. Гусынина

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКИХ ФАМИЛИЙ
В XIV – XVII вв.

В отличие от личных имен, появление которых восходит к ранним этапам истории человечества, фамилии складывались на более высокой ступени общественного развития, как правило, у народов с развитой письменностью и устойчивыми культурными традициями. Сохранившиеся документы позволяют проследить историю формирования фамилий как вторых официальных именовании.

Анализ памятников письменности позволяет выделить в истории английских фамилий три периода: 1) VII в. – первая половина XI в. На данном этапе в обществе намечается тенденция к переходу от односоставной формулы именовании к двухсоставной; 2) вторая половина XI в. – XIII в. В этот период появляются первые формы официальных наследственных именовании; 3) XIV – XVII вв., в течение которых складываются фамилии в их современном понимании. Данная периодизация достаточно условна, поскольку в исторической ономастике нельзя точно указать дату появления или исчезновения той или иной категории. Все изменения протекали постепенно; новые и отживающие формы именовании в течение долгого времени функционировали параллельно. Поэтому при разграничении второго и третьего периодов учитывалось, какой тип антропонимов в данную историческую эпоху являлся преобладающим. Формирование системы фамилий всегда находилось в тесной связи с развитием общества и менталитета человека.

По выражению Дж.М. Тревелияна, в Англии XIV в. мы впервые видим сочетание современности и средневековья (Trevelyan 1973: 19). Данное определение очень точно отражает состояние системы вторых официальных именовании этого периода.

XIV в. считается переломным моментом в истории Англии. Прежде всего, начинается разложение феодального строя. Упраздняется крепостное право (Штокмар 1973: 82). Быстрыми темпами идет развитие городов, население которых постоянно пополняется за счет миграции сельских жителей (Репина 1979: 25). О возросшей роли горожан (особенно купеческого сословия) в политической жизни страны свидетельствует образование в XIV в. в парламенте Палаты общин. Растет национальное самосознание англичан. (Trevelyan 1987: 189). Во второй половине XIV в. английский язык становится государственным языком (McKnight 1956: 7). Расширение сети школ в XV в. способствовало росту образованности в стране. В XVI в., по свидетельству Т. Мора, большинство населения Англии умело читать (Myers 1978: 245). Этот фактор сыграл немаловажную роль на заключительном этапе развития фамилий. В XIV в. проводится очередная перепись населения – «Poll Tax». Как и в предшествующие исторические периоды, ускорение темпов развития общества влекло за собой фундаментальные изменения в системе именования людей.

Следует также учитывать, что именно в этот период (вторая половина XIV – XV вв.) начинает коренным образом меняться мировосприятие человека. «Средневековый образ мира и обусловленный им настрой человека и культуры начинают разрушаться в XIV веке. Этот процесс продолжается в течение XV и XVI веков, а в XVII веке принимает определенные очертания новая картина мира» (Гвардини 1990: 135). Характерными проявлениями нового мировосприятия являются «жажда индивидуальной свободы» (Гвардини 1990: 135) и «сознание личности» (Гвардини 1990: 137). Это, в свою очередь, не могло не стимулировать повышение внимания к имени – тому, что обозначает человека, индивидуализирует его и определяет его место в обществе. И поскольку к XIV в. в сознании англичан уже сложилось представление о том, что антропонимическая формула любого сколько-нибудь значительного человека должна состоять из двух компонентов, изменения в сознании должны были способствовать повышению статуса и укреплению позиций второго, дополнительного именования. В первую очередь это выражается в увеличении количества дополнительных именований в документах.

Анализ памятников официально-деловой письменности XIV в. показывает, что официальная антропонимическая формула в этот

период в большинстве случаев состояла из двух компонентов – личного имени и второго именованного (прозвания или фамилии). Стремление обозначить всех упоминавшихся в документе людей при помощи дополнительного именованного вело к тому, что в качестве прозвания употреблялось практически любое слово или словосочетание, способное идентифицировать человека: John Geppdoghtersone of Haworth 1336 (GGr 45); Margaret Fisshwif 1381 (MR 301). Именно в записях 14 в. встречается наибольшее число описательных прозваний с отрицательными и оскорбительными коннотациями, а также образованиями типа Galfr. Liggebiyefyre («lie by the fire») 1301 (Jönsjö, 121), представляющих сочетания нескольких слов. В системе вторых официальных именованных того периода такие индивидуальные описательные антропонимы уже не являлись нормой. В документах 14 в. содержатся достаточно убедительные свидетельства того, что многие из зафиксированных в них именованных являлись наследственными, немотивированными фамилиями.

Наследственные фамилии довольно легко определить, если в документе существует указание на родственные связи: Robert Leuys de Estrenwich iunior; Robertus Leuys pater suus 1313 (EK1 90). Начиная с XIV в. наследственный характер профессионально-должностной фамилии подчеркивали указанием на действительное занятие человека: Willelmus Baker, Bedel 1389 (G 123). Наряду с сохраняющимися описательными женскими прозваниями все чаще встречаются немотивированные фамилии: Editha Hayman 1327 (MEOT 108). На очень раннем этапе должны были закрепиться прозвания, в основе которых лежали древнеанглийские личные имена, вышедшие из употребления в 13 в.: Willelmus Fromund 1313 (EK3 199).

Данные принципы выявления наследственных фамилий в исторических текстах выдвигались в работах различных исследователей (Fransson 1935: 40; Matthews 1966: 48-51). На наш взгляд, следует учитывать еще один, чисто лингвистический фактор. В процессе исторического развития первоначальная структура некоторых фамилий претерпевает опрощение. Примеры опрощившихся вторых именованных встречаются уже в 14 в.: William Blaket 1307 (E1 27) < Blackhead; William Seymour 1381 (Gaunt 21) < St.Maur. О том, что это не случайная описка, свидетельствует наличие идентичных форм в различных источниках. Для того, чтобы произошло

опрошение, именование должно было существовать в языке в течение длительного времени. Утрата первоначальной прозрачной внутренней формы очевидно уже в XIV в. не препятствовала нормальному функционированию именованья. Оно выступало как знак, идентифицирующий человека, т.е. практически не отличалось от современной фамилии. Таким образом, именованья с опрошенной структурой, зафиксированные в источниках на ранних этапах развития, несомненно, являлись фамилиями.

К концу XIV в. наследственные фамилии встречаются у большей части населения Англии, в различных социальных группах (Fransson, 1935: 40; Smith 1950: 39; Reaney 1958: XYII; Matthews 1966: 47) и распространяются по всей территории страны за исключением Уэльса. Таким образом, с XIV в. начинается новый этап в развитии английской антропонимической системы, для которого характерно появление и употребление в массовом масштабе фамилий как обязательного, равноправного компонента формулы именованья.

Несмотря на то, что процесс перехода прозваний в наследственные фамилии в XIV в. протекал более быстрыми темпами, чем в предшествующие периоды, завершиться в течение одного столетия он не мог. Требовалось время, чтобы выйти за рамки сформировавшегося в течение нескольких веков представления о дополнительном имени и выработать качественно новое понятие современной фамилии.

Примеры того, что элементы отживающей старой системы прозваний еще долго сохраняются в обществе, встречаются вплоть до конца ранненовоанглийского периода.

Выше упоминалось, что в XIV в. продолжали употребляться описательные, индивидуальные именованья, имевшие иногда исключительно сложную структуру. Однако мотивированные прозвания по своим структурным характеристикам могли и не отличаться от наследственных фамилий того времени: Head keeper of the forest... Nichol Forest 1381 (Gaunt 347). Мотивированные прозвания, как правило, отражающие род занятий носителей, еще встречаются в XV в., однако в документах XVI в. подобные примеры не зафиксированы.

Ненаследственные именованья заносятся в документы вплоть до XVI в.: George Salvyn son of Will Bulmer 1531 (WI 111).

Достаточно долго (до XVII в. включительно) встречаются случаи, когда человек имеет два официальных вторых именованя: John Botillere otherwyse callid John Palmer 1465 (PL 54); Johannis Howard alias Clark 1517 (DI 100). Наличие нескольких вторых именованй – обычная ситуация на ранних этапах становления системы фамилий. Причины этого явления различны и, как правило, обусловлены экстралингвистическими факторами. Однако в ряде случаев обращает на себя внимание этимологическая близость обоих именованй: Ralph Smith alias Faber 1375 (MR 190). Очевидно, в таких случаях второй вариант именованя появлялся в результате перевода английского слова на латинский или французский язык. Традиция перевода второго компонента антропонимической формулы характерна для предыдущего периода развития фамильной системы (XI – XIII вв.). Исследование показывает, что уже в XIII в. от этой традиции стали отходить (переводились, как правило, ненаследственные именованя). Поэтому можно предположить, что в документах XIV – XVII вв. подобные записи отражают ситуацию, когда человек сознательно пользовался двумя официальными вторыми именованями, сохранявшимися в его семье и передававшимися по наследству от поколения к поколению, пока не был окончательно выбран только один вариант.

В документах долго не указывались вторые именованя слуг (и вообще представителей низших слоев общества). Их обозначали при помощи описательных фраз: Clemens, the woman that kepes me 1434 (FEW 97); Rychard, seruante with John Wolf 1501 (LCC1 240). Иногда слугу обозначали фамилией хозяина: William Garlek (servant of Walter Garlek) 1365 (MR 29). Подобные примеры встречаются до XVII в. включительно.

Начиная с XIV в., в документах чаще встречаются женские именованя. Женщины самостоятельные, занимающиеся каким-либо ремеслом (возможно, одинокие) обозначались, как правило, профессионально-должностными именованями: Missota la Lauendere 1365 (MR 26). Остальных обозначали при помощи описательных фраз: Marion, the wif of John Thornton 1422 (LE 126); Clare doughter of Mr.Roche 1527 (LCC1 345). Начиная с XVI в., фамилии женщин фиксируются при записи почти так же регулярно, как и фамилии мужчин.

Пережитки более ранней системы прозваний, встречающиеся в документах XV – XVII вв., безусловно, являлись исключениями на

фоне доминирующих в этот период фамильных именовании. Они служат наглядным доказательством того, что любые изменения в системе антропонимов протекают в течение длительного времени. Пока понятие о том, что такое фамилия и каковы ее свойства и функции не сформировалось окончательно, в обществе сосуществовали различные переходные формы.

Система фамилий XIV в. существенно отличалась от современной. Вторые официальные именовании уже передавались по наследству и объединяли членов семьи. Однако, судя по записям того периода, фамилии XIV в. являлись равноправными, но не основными компонентами антропонимической формулы. Более того, в отдельных случаях фамилию продолжали опускать (в тексте документа сохранялось только личное имя, что, очевидно, считалось вполне достаточным для идентификации человека). Фамилии имелись далеко не у всех жителей Англии.

Развитие фамилии как самостоятельной антропонимической категории продолжалось в течение всего последующего столетия. В 1413 г., в правление короля Генриха V, был издан закон, согласно которому в любом документе или судебном протоколе следовало указывать (помимо личного имени) второе именовании и место жительства человека (Smith 1950: 38). Это являлось, фактически, официальным признанием фамилии как обязательного компонента антропонимической формулы. Указ Генриха V не вводил фамилию. Он только закрепил тенденцию, существовавшую в стране, по крайней мере, в течение последних 100 – 150 лет. Тем не менее, принятие данного закона имело исключительное значение. Во-первых, он четко определил место фамилии в системе именовании того периода; во-вторых, способствовал завершению процесса перехода к всеобщей двухкомпонентной антропонимической формуле.

В памятниках официально-деловой письменности XV в. представлены документы частного характера (дневники, письма), свидетельства которых являются особенно ценными. По ним исследователь, впервые за всю историю английской двухкомпонентной антропонимической формулы, может судить об особенностях функционирования вторых официальных именовании в речи.

Анализ материала писем и дневников свидетельствует о том, что в XV в. для идентификации человека было вполне достаточно указать одну фамилию, без личного имени: Mayster Radford 1448

(Sh 61); Howard 1461 (PL 31); West 1463 (P 9). Аналогичные примеры встречаются и в других памятниках письменности того периода: my lady lovell 1411 (FEW 19); Knyghte, tyler 1479 (LCC1 102); Robinson, servant 1489 (Cov3 539) и далее стабильно на протяжении XVI – XVII вв. Таким образом, в XV в. фамилия может идентифицировать человека без помощи личного имени, т.е. отныне именно фамилия становится ведущим компонентом антропонимической формулы. Это значительно приближает фамилии XV в. к современным.

В XV в. встречается первый пример употребления фамилии во множественном числе с определенным артиклем для обозначения членов семьи: the Whегystons and Dawltons 1480 (C 59).

Наконец, с XV в. фамилии фиксируются в своей исходной форме в любом документе, в том числе и в тех, которые написаны на латыни. По традиции личному имени еще долго придавались латинские окончания. Однако ни в одном из подобных случаев сама фамилия не переводилась: Georgius Brown 1452 (Wye 182); Johannes Smith 1565 (MD 46). Таким образом, на данном историческом этапе юридическую силу имеет уже не значение фамилии, а ее форма. С течением времени это ведет к утрате многими фамилиями прозрачной внутренней формы и опрощению их словообразовательной структуры.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в XV в. второй компонент антропонимической формулы по своим свойствам максимально приближается к современным фамилиям. В этот же период, по свидетельству ономастологов, в целом завершается формирование системы английских фамилий (Weekly 1917: 180; Matthews 1966: 64).

Данная дата – XV в. – может быть принята весьма условно. Изменения в системе фамилий продолжались в течение следующих веков. Окончательному закреплению фамилий во многом способствовало учреждение церковных метрических книг (1538 г.) (Smith 1950: 38). Записи в этих книгах велись регулярно, согласно определенному образцу, что, несомненно, облегчало продолжающийся процесс стандартизации фамилий. В XVI – XVII вв. английские фамилии по своей структуре и орфографии практически не отличаются от современных.

Еще одна любопытная деталь: в XVII в. в Англии фамильные именованья начинают употребляться в качестве личных имен

(Stewart 1948: 123). Можно предположить, что уже на этом этапе первоначальные оттопонимические и отапеллятивные коннотации ряда фамилий были забыты. Деэтимологизированные фамилии сравнительно легко перешли из состава одной антропонимической категории в другую.

В период XIV – XVII вв. происходят значительные изменения в орфографии фамилий. В течение XIV в. отпадают артикли и предлоги, добавлявшиеся к вторым именованиям в XI – XIII вв. В некоторых случаях артикль и предлог сливаются с именованием, и фамилия закрепляется именно в таком виде: Ric. Delamare 1435 (PO4 328); Thomas Underhill 1517 (DI 447). Отдельные случаи употребления предлога с оттопонимическими фамилиями в XV – XVII вв. можно объяснить, очевидно, влиянием традиции.

В записях XIV – XVII вв. одна и та же фамилия может быть представлена большим количеством вариантов: Thomas Monde 1526 (LCC1 334), Thomas Mundy *ib.*, 339, Thomas Munday *ib.*, 345, Thomas Monden *ib.*, 355. Иногда написание искажалось настолько, что в результате получался совершенно новый вариант: Rychard Careden, ffuller 1483 (LCC1 115), Ric' Garden, ffuller *ib.*, 127.

У современных фамилий юридическую значимость имеет только один вариант – тот, в котором фамилия когда-то закрепилась в языке. В настоящее время перечисленные выше варианты одного именованья рассматривались бы как разные фамилии. В XV – XVII вв. даже очень значительные расхождения в написании не вызывали трудностей при идентификации человека. Таким образом, закрепления юридической значимости за одним конкретным вариантом фамилии в ранненоанглийский период еще не произошло.

Период XIV – XVII вв. явился важнейшим этапом в истории английских фамилий. В течение четырех веков было выработано понятие второго официального именованья, максимально приближающегося по своим функциональным характеристикам к современному. К концу ранненоанглийского периода фамилии являлись основным компонентом антропонимической формулы; они были наследственными немотивированными именованьями, объединявшими членов одной семьи. В отличие от современных фамилий они, однако, не утратили способности к свободному варьированию.

Анализ истории становления английских фамилий на третьем, завершающем этапе убедительно свидетельствует, что любые изменения в системе антропонимов обусловлены влиянием целого комплекса экстралингвистических причин, включая особенности мировосприятия человека в соответствующий исторический период. Одновременно он наглядно показывает, что эти изменения происходят не скачкообразно, а постепенно: должно пройти довольно долгое время, чтобы новое явление было принято всеми членами общества.

Литература

1. *Гвардини Р.* Конец нового времени // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С.127 – 163.
2. *Репина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. – М.: Наука, 1979.
3. *Штокмар В.В.* История Англии в Средние века. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973.
4. *Fransson G.* Middle English Surnames of Occupation 1100 – 1350. With an Excursus on Toponymical Surnames. – Lund: G.W.K., Gleerup, 1935.
5. *McKnight G.H.* The Evolution of the English Language. – New York: Dover publ., I.N.C., 1956.
6. *Matthews C.* English Surnames. – London: Wiedenfeld and Nicolson, 1966.
7. *Myers A.R.* England in the Late Middle Ages. – Harmondsworth (Mx): Penguin Books, 1978.
8. *Reaney P.H.* Introduction. – In: Reaney P.H. A Dictionary of British Surnames. London, 1958. pp.1X – L.
9. *Smith E.C.* The Story of Our Names. – New York: Harper and br., 1950.
10. *Stewart G.R.* Mens' Names in Plymouth and Massachusetts in the 17th Century. – In: University of California Publications in English. – 1948. – Vol.7. – № 2. – pp.109 – 138.
11. *Trevelyan G.M.* Illustrated English Social History. – Harmondsworth (Mx): Penguin Books, 1973.
12. *Trevelyan G.M.* A Shortened History of England. – New York: Penguin Books, 1987.
13. *Weekly E.* The Romance of Words. – London: Murray, 1917.

Список сокращений и источников примеров:

- C – The Cely Papers. Selections from the Correspondence and Memoranda of the Cely Family of Merchants of the Staple. A.D. 1475 – 1488. (ed. H.E.Maldon). – New York: Longmans, Green a.Co., 1865.
- Cov3 – The Coventry Leet Book: or Mayor's Register, containing the Records of the City Court Leet or View of Frankpledge, A.D. 1420 – 1555 (p. 3). – London:K. Paul, Trench, Trübner a.Co., 1907 – 1909.
- DI – The Domesday of Inclosures 1517 – 1518 (vol. 1 – 2) (ed. By J.S. Leadman). – London, 1897.
- E1 – Year-Books of the Reign of King Edward I. Years XXI and XXII (ed. Horwood). – London, 1873.
- EK – Year Books of Edward II. The Eyre of Kent. A.D. 1313 – 1314 (ed. F.W.Maitland). – London, 1910, vol. 1, vol. 3.
- FEW – The Fifty Early English Wills In the Court of Probate (ed. F.J. Furnivall). – London, Trübner and Co., 1882.
- G – English Gilds. The Original Ordinances of Early English Gilds (ed. T. Smith). – London, Trübner and Co., 1870.
- Gaunt – John of Gaunt's Register 1379 – 1383 (vol. 1-2). London, 1937.
- GGr – Ekwall E. Studies on the Genetive of Groups in English. – Lund: G.W.K., Glerup, 1943.
- Jönsjö – Jönsjö J. Studies on Middle English Nicknames. – Lund: G.W.K., Glerup, 1979.
- LCC1 – The Medieval Records of a London City Church (St. Mary at Hill). A.D. 1420 – 1559 (ed. H.Littenhales), p. 1. – London, K. Paul, Trench and Co., 1904 – 1905.
- LE – A Book of London English 1384 – 1425; with an appendix on English Documents in the Record Office by M.M. Weale. – Oxford, Clarendon press, 1931.
- MD – Child Marriages, Divorces and Ratifications, etc. In the Diocese of Chester A.D. 1561 – 1600, also entries from the Mayor's Books (ed. F.J. Furnivall). – London: K. Paul, Trench and Co., 1897.
- MEOT – Thuresson B. Middle English Surnames of Occupation. – Lund: G.W.K., Glerup, 1935.

- MR – Calendar of Plea and Memoranda Rolls Preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall 1364 – 1381. – Cambridge: the Univ. Press, 1929.
- PL – Paston Letters (ed.N. Davis). – Oxford, Clarendon Press, 1958.
- PO – Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England (vol. 1-7). – London, 1834 – 1837.
- Sh – Shillingford John. Mayor of Exeter. 1447 – 1450. Letters and Papers. (ed.S.A. Moore). – Westminster, 1871.
- WI – Wills and Inventories, illustrative of the history, manners, language, statistics etc. of the Northern Counties of England from 11 cent. Downwards. –London, J.B. Nichols and Son, 1835.
- Wye – A Survey of the Mannor of Wye (ed. H.E. Muhlfeld). – New York: Columbia Univ. Press, 1933.

Л.И. Донецких

КОНТЕКСТ СЛОВООБРАЗА ОТЦА КАК НЕОМИФОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНСТАНТА В ПОЭТИКЕ Ю. КУЗНЕЦОВА

Контекст формирования языковой индивидуальности Юрия Кузнецова, одного из самых талантливых поэтов нашего времени, определяется многими факторами. Особое место в его поэтике занимает бережное осмысление картины мира через призму ментального восприятия, вбирающего в себя философские, психологические, мировоззренческие и культурно-эстетические начала современности, с одной стороны, и ее истории, горькой и трудной, с другой.

Авторские законы миропонимания и его художественного восприятия всегда находили у него отражение в создании индивидуализированной концептуальной системы, своеобразно вербализованной в слове и его обдуманной расстановке в тексте.

Художественный мир Юрия Кузнецова живет не изолированно, национально обособленно, а как часть мировой культуры, славянской в том числе. Корни его мифологизма уходят в язычество и христианство. Ему «принадлежит немалая заслуга восстановления по крупицам того богатейшего мира, которым жили наши предки, введения древнейших символов, языческих полнокровных образов света и тьмы, нечисти и божественной силы» (Куняев 1987: 40).

Поэт своим творчеством призывает нас к диалогу, потому что это и наш мир. Он позволяет каждому читателю стать сотворцом, ценителем, критиком. Через осознание внутренних свойств каждо-

го его текста можно перебросить мост в разные временные, культурно-исторические и социально-нравственные плоскости и, ничего не разрушая, оставаться не сторонним наблюдателем того, что происходило и происходит, а активным участником и творцом.

Бинарность мышления Ю. Кузнецова раскрывается как сложнейший мир, который можно разнимать на части, сопоставляя, сталкивать в пространстве нашей памяти и эмоций, выстраивать новую иерархию отношений, проецирующихся в прапамять или перспекцию. Его ментальные истоки выстраданы жизнью, знаниями, творчеством, а потому так притягивают внимание читателей и исследователей. «Он поэт совершенно невозможного, фантазмагорического сочетания какой-то доисторической, стихийной дикой образности с совершенной ясностью классических форм русского стиха – словно бы человек неолита заговорил вдруг языком Пушкина» (Белицкий 1998: 7). «Традиция и современность, – пишет А. Поздняков, – в лучших стихах Кузнецова органично входят в художественный образ и сосуществуют неразрывно» (Поздняков 1987: 11).

Понятие контекста образа (Донецких 1996: 154-169) осознается нами как возможная константа филологического толкования художественного текста. Такой подход позволяет решать проблему в свете теории всеединства Р. Барта (Барт 1989). Особенно привлекательна в его концепции методика текстового анализа, которая ставит цель произвести мобильную структуризацию текста, то есть проникнуть в смысловой объем произведения посредством вычленения смыслообразующих элементов. Текст воспринимается в процессе производства, позволяющего определять пути, наблюдать формы, через которые воспроизводятся или создаются новые смыслы, обнажается функциональная многоплановость.

Ранние произведения Кузнецова посвящены памяти отца – реального человека, погибшего на фронте в 1944 г. (см. Донецких 2003: 3-21). Личная трагедия поэта стала источником его творчества: «В моем детстве образовалась брешь – вспоминал Ю. Кузнецов. – Это была сосущая загадочная пустота отцовского отсутствия, которую я мог заполнить только словом. Много написал стихов о безотцовщине и постепенно пришел от частного к общему. Въяв ощутил ужас войны и трагедию народа» (Кузнецов 1990: 5).

Контекст образа отца ассоциируется в его поэзии с символами *огня, дыма, смерти, пустоты, тоски*. Отец и Мать, по мнению по-

эта, – те начала, без которых не может быть счастливым настоящее, не состоится будущее. Личная трагедия в его стихах из конкретной вырастает во всечеловеческую: «отец и мать в стихах Ю. Кузнецова, – пишет Б. Рыбаков, – отнюдь не конкретные родители конкретного человека, это Отец и Мать, это почти прародители всего сущего» (Рыбаков 1987: 76).

Сложная нравственная и социально-историческая аура конца 70-х годов потребовала от Юрия Кузнецова нового осознания себя в окружающем мире. Насущным и злободневным становится вопрос о самоидентификации человека, его роли в истории, о неких незыблемых началах: слишком много моральных потрясений, войн и прочих катаклизмов приходится на XX век (Рахматуллина 2004: 101).

Тревога поэта за судьбы мира, особенно – за судьбу России, поиск выхода из *мглы* – атмосферы бездуховности, надежда на будущее – *верный путь* – наполняют его стихотворения. Они обогатились новыми эстетическими смыслами, сакральными, тесно связанными с образным пространством славянских и иных мировых культур: Отец – ‘Начало начал’, ‘Дух творящий’, ‘Вседержатель жизни’ и как ментальная проекция в символическую парадигму современности – ‘Родина, Отечество, Россия’. Их нравственная значимость не утратила своей силы и притягательности и сегодня.

Опора на мифокультуру становится отличительной особенностью его идиолекта. При мифологическом подходе к проблемам бытия мир воспринимается в единстве человека и вселенной. «Время, по Кузнецову, не проходит, а смыкается в единый, цельный путь. Общее в исторических судьбах русского народа, особенно в годы испытаний, осмысливается поэтом как неизменный и развивающийся «первоэлемент народного мироощущения» (Жуков 1984: 215). Таким стихотворением, репрезентирующим новый космогонический миф, явилось «Я пил из черепа отца»:

Я пил из черепа отца.
За правду на Земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.
Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забытые землей (Кузнецов 1990).

Эмоционально-экспрессивное воздействие этого произведения вызывало сильное потрясение. Как писал Вадим Кожин: «Почти каждое его стихотворение – смысловый удар» (Кожин 1990: 262).

Публикация стихотворения была воспринята неоднозначно: в традициях ли русской нравственности пить из черепа отца? Понимание художественной и эстетической правды этого словообраза приходит не сразу. Смысловая глубина раскрывается постепенно – строка за строкой в проекциях на символы древнего и настоящего.

Контекст словообраза Отца начинает свою репрезентацию с первой строки: *Я пил из черепа отца*. На реальное номинативное значение лексемы *черепа* («у позвоночных животных и человека: кости, образующие твердую основу головы» (Толковый словарь 1995: 868)) накладывается мифологическое представление, идущее еще из язычества: ‘высокое, значимостное’. Голова соотносится, по священной книге древней Индии – Веды, с небом, с творческим, активным началом, отсюда череп как символ неба (Мифологический словарь 1990: 110).

Мифологемы: *черепа* - *Земля, солнце – луна, правда – сказка, мгла – верный путь* образуют в контексте словообраза ассоциативно противопоставленные пространства – *Небо, Бог* – верх, знаменующие идеал, истину, справедливость и *Земля* – низ – место мрака, забвения, горького прошлого и настоящего. Но в них истоки будущего. И это – главное. Причинно-следственные отношения лежат в основе архитектоники текста. На биографическую плоскость: “сыновьям осталось только то, что лежит в могилах: вместо «сказки лица» – одни черепа» (Кожин 1989: 11) спроецирован новый современный русский миф – ‘поиск правды, будущего на Земле, в России’. Поиск через ‘высшее начало’.

Номинативный мотиватор *черепа – голова* в контексте словообраза обрастает дополнительными смыслами, порождая новый миф на антонимической плоскости:

небо (*черепа*) – *Земля* (Родина, Россия),
 Бог – человек (*Я, со мной*),
 жизнь (*солнце*) – смерть (*луна, забытые имена*).

Положительные коннотации воспроизводятся неожиданным ассоциативно-синонимическим сближением глаголов несовершенного вида: *пил, чокались, вставали, повторял*.

Вектор развития метафоры череп–кубок идет от визуального восприятия предмета и знания языческих обрядов: череп симво-

лизирует ритуальное назначение: важнейшим элементом языческого сакрального культа было возлияние. «Экстаз же «как форма высшей духовной сублимации» был одной из форм общения с богом» (Рахматуллина 2004: 109).

Соотношение черепа с сосудом, его целевое назначение поддерживается конструкциями призывного характера, усиленными анафорическим повтором: *за правду, за сказку*; глаголами *пил, чокались* и общим высоким, торжественным звучанием строф, которое создается и лексически, и фонически.

Словообраз *Земля* в стихотворении, как и в славянской мифологии, тесно связан с понятиями страна, родина, род: «Земля – страна, государство, а также вообще какая-нибудь большая территория» (Толковый словарь русского языка 1995: 224). Автор символически номинирует ее – ‘русская земля, Россия’: *за сказку русского лица* пьет лирический герой.

Каждое слово в этом образе емко и значимо. Лексема *лицо* в словарях определяется как: «1. Передняя часть головы человека; 2. Индивидуальный облик, отличительные черты» (Толковый словарь русского языка 1995: 323). В тексте *лицо* вбирает в себя представление о целом народе – русском народе.

Метонимическое обобщение в составе метафоры позволяет говорить о характерных чертах этого народа: поэт поднимает кубок-черепа и пьет за ‘память и достоинство русского народа, отмеченные Богом’. Репрезентации этого эстетического смысла помогают значения, учтенные словарями: «достоинство, совесть, моральная безупречность» (Толковый словарь русского языка 1995: 323) и все составные этого образа: метонимическое употребление *сказка* – «то же, что чудо» (Толковый словарь русского языка 1995: 70), а чудо – «нечто поразительное, удивляющее своей необычностью» (Толковый словарь русского языка 1995: 877). Лексема *сказка* обладает еще одним значением: «повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил... В русской сказке добро всегда борется со злом и добро неизменно побеждает» (Толковый словарь русского языка 1995: 709). Поэт актуализирует эстетическую константу – ‘счастливое, светлое будущее Родины’ – «Жить как в сказке – очень хорошо, замечательно» (Толковый словарь русского языка 1995: 709). Но этого можно достичь, только отыскав *верный путь во мгле*.

Мифологемы Небо-Земля получают индивидуально-авторскую репрезентацию и во второй строфе: *солнце, луна – я, имена*. Древние представляли солнце и луну двумя глазами на лице божества. От этих светил зависит земная жизнь: солнце знаменует *свет, день, жизнь*. В.Н. Бараков пишет: «В “Голубиной сказке” сказано, что солнце красное создано от лица Божьего, согласно с этим сам белый цвет (первоначально свет солнечных лучей, а потом уже – мир, озаренный небесным светиллом = вселенная), зачался от лица Божьего, то есть от солнца» (Бараков 1998: 70). *Луна* – «спутник земли, светящийся отраженным солнечным светом» (Толковый словарь русского языка 1995: 328), связывается поэтом с *загробным миром, смертью*.

В поэзии Кузнецова аккумулятивно двуетности этих образов:

*Вставали солнце и луна
И чокались со мной.*

Понимание этой двуетности содержательно и эмоционально значимо: в стихотворении эксплицируется действие особенное, имеющее огромное значение для поэта. Небесные светила нарушают закономерный ход истории во вселенной: они действуют одновременно, солидаризируясь с помыслами лирического героя: *чокаются с ним за правду на Земле, за сказку русского лица* и тем свидетельствуют, что событие это исключительное, вызывающее горькую, трагическую реакцию:

*И повторял я имена,
Забывшие землей.*

Данный семантический фрагмент текста присоединяется союзом «и», создающим повтор (*и чокались со мной, и повторял я*), который рефлексивно экспрессирует напряжение развязки. Отрицательная коннотация поддерживается сильной позицией конца строфы и графически – образ земли отмечен прописной буквой.

Лирический герой Кузнецова предстает как носитель памяти, знаний, которые утрачены на земле. Он помнит имена людей, творивших историю, совершавших героические поступки, добрые дела, но забытых равнодушными потомками.

Словарные значения: «Имя 1. Личное название человека, даваемое при рождении; 2. ... в память, в честь кого-чего-нибудь; 3. Фамилия, семейное положение» (Толковый словарь русского языка 1995: 240) в поэтическом содержании стихотворения обогатились эстетическим смыслом, аккумулятивно в поэтической

формуле – никто не забыт, ничто не забыто. Лирический герой выступает гарантом этой памяти: он *повторяет имена* как заклинание. Это подчеркивается приемом инверсии. Поэт утверждает как непреложное: без памяти не состоится будущее.

Лирический герой берет на себя сакральную функцию: в праславянской традиции имена или «установление имен равнозначно акту творения – наделения объектов определенными свойствами. Знание имени дает власть над его носителями: отсюда – табуизация имен (запрет понимать имя все)» (Мифология: большой энциклопедический словарь 1998: 664]. Тайна имен известна герою. Он – Избранник Бога на Земле; ‘Творец’, воскрешающий имена, ушедшие в небытие, оживляющий прошлое и тем приближающий Будущее. Так понимает Юрий Кузнецов *верный путь из мглы*.

Обращаясь к памяти героического прошлого своей страны, в котором поэт ищет спасение для родной земли, для человечества вообще, Юрий Кузнецов стремится преодолеть время, чтобы древность и живая современность сомкнулись в единое целое в поэтическом мире его неожиданного мифа.

Таким образом, словообраз Отца небесного вписывается в контекст произведения как неомифоконстанта, емкая и многосмысленная, реализующая авторскую идею поиска путей спасения родной земли, потерявшей «верный путь» к идеалу, совершенству во мгле бездуховности, беспамятства. Выход поэт видит в связи всех времен и всех культур – от язычества до наших дней – в ***воспаятствовании!***

Литература

1. Баракон В.Н. Мифопоэтика Юрия Кузнецова // Литература в школе. – 1998. – № 6. – С. 68-74.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс. – 1989. – 574 с.
3. Белицкий П. Два мастера // Независимая газета. – 1998. – 17 сентября. – С. 7.
4. Донецких Л.И. Контекст образа как филологическая единица толкования художественного текста (на материале рассказа А.П. Чехова «Ионыч») // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск. – 1996. - № 7. – С. 154-169.
5. Донецких Л.И., Крылова Е.В. Контекст образа отца-реального человека в цикле ранних стихотворений Ю. Куз-

- нецова // Вестник Удмуртского университета. Серия филологические науки. – Ижевск, 2003. – С. 3-21.
6. Жуков И. «То душа прикоснулась к душе» (размышления над поэтическим сборником) // Рождение героя. – М.: Современник, 1984. – С.213-215.
  7. Кожин В.В. «До последнего края» // Ю. Кузнецов. Стихотворения. Поэмы. – М.: Детская лит-ра, 1989. – С. 5-14.
  8. Кожин В.В. Статьи о современной литературе. – М.: Советская Россия, 1990.
  9. Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1990.
  10. Куняев С. «Мир с тобой и отчизна твоя!» // Литературное обозрение. – 1987, № 8. – С. 40-45.
  11. Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
  12. Мифология: большой энциклопедический словарь / Глав. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
  13. Поздняков А. Путь к поэту // Литература в школе. – 1987. – № 2.
  14. Рахматуллина Э.А. Метаязык поэзии Ю. Кузнецова в традициях мировой мифологии. – Дисс. на соиск. степ. канд. фил. наук. – Ижевск, 2004.
  15. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси // АН СССР, отделение истории института археологии. – М.: Наука, 1987.
  16. Толковый словарь русского языка / Составители С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. / Российский фонд культуры; – 2-е изд. испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995.

Р.П. Кайшева

УЧЕБНАЯ КНИГА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

*«Главное – идти... Перед нами запутанные задачи и решения их противоречивы.
Истина вчерашняя мертва,
истину завтрашнего дня надо еще создать»*

Антуан де Сент – Экзюпери

Идея о выделении педагогической поддержки как самостоятельной составляющей образовательного процесса, наряду с обу-

чением, учением и развитием, нашла свое воплощение в теоретических и прикладных исследованиях современных ученых-педагогов.

«Педагогическая поддержка» рассматривается в современной педагогике как часть образовательного процесса, наряду с другими его составляющими: обучением и воспитанием. Постановка научной проблемы педагогической поддержки, как составляющей процесса образования, является, в значительной мере, инновационной, поскольку ранее она не рассматривалась как одна из образовательных подсистем.

Обучение, воспитание и педагогическая поддержка являются самостоятельными и в то же время взаимосвязанными частями образовательного процесса. Отличаются они прежде всего предметом деятельности. Предмет деятельности обучения – передача знаний и способов мышления; предмет воспитания – освоение культурных и социальных норм и ценностей; предмет педагогической поддержки – содействие учащемуся в преодолении трудностей в процессе усвоения знаний и освоения ценностей.

Содержание и место педагогической поддержки в образовательном процессе можно представить в виде следующей схемы:

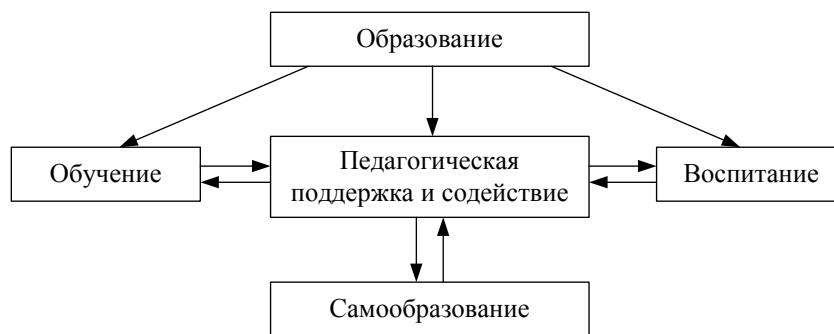

Рис. 1. Сущность и место педагогической поддержки в образовательном процессе.

Таким образом, педагогическая поддержка является важным связующим звеном, имплицитно присутствующим наряду с такими эксплицитно представленными составляющими образовательного процесса, как обучение и воспитание.

Автором концепции педагогической поддержки является О.С. Газман. Его понимание *педагогической поддержки как деятельности, обеспечи-*

вающей раскрытие личностного потенциала ребенка, включая помощь ученикам, учителям, родителям в преодолении социальных (в нашем случае, учебных) трудностей.

Мы, вслед за О.С.Газманом, рассматриваем педагогическую поддержку как технологию обучения школьников, представляющую собой научное проектирование с последующим воспроизведением в реальной педагогической действительности комплекса дидактических средств, облегчающих учебный труд школьников и обеспечивающих их самостоятельную учебную деятельность.

Сущность идеи педагогической поддержки может быть выражена следующим образом: «Если урок будет *слишком труден*, ученик *потеряет надежду* исполнить заданное, займется другим и *не будет делать никаких усилий*, если урок *слишком лёгок*, будет то же самое. Нужно стараться, чтобы всё внимание ученика могло быть поглощено заданным уроком. Для этого давайте ученику *такую работу*, чтобы каждый урок чувствовался ему *шагом вперед в учении*».

В настоящей работе под «педагогической технологией» мы понимаем – «строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий».

Психолого-педагогические принципы построения образовательного процесса, оптимальные адаптивные условия, обеспечивающие его реализацию, система дидактических средств объединены в рамках педагогической технологии в систему взаимоопределяющих компонентов. Прогнозируемый с достаточной долей уверенности учебный результат представляет собой, своего рода, системную надбавку – т.е., он определяется всей совокупностью компонентов педагогической технологии.

Во-первых, нами были сформулированы авторские **принципы проектирования и реализации технологии педагогической поддержки**, на основе которых может быть спроектирована и реализована адаптивная технология педагогической поддержки младших школьников в учении. Каждый из них выступает в качестве соответствующего критерия оценки эффективности учебной деятельности, определяющего как характер взаимосвязи процессов обучения и учения, специфику их разворачивания с позиций учителя и учащегося, так и систему дидактических средств, реализованных в рамках авторской адаптивной технологии педагогической поддержки младших школьников в учении.

Авторские принципы базируются на общедидактических принципах организации образовательного процесса, таких как: научность, новизна, сознательность, доступность, посильность, активность, графическая наглядность, гуманизация, индивидуализация.

Важно отметить, что под «обучением» мы понимаем специально организованную познавательную деятельность школьников, а учение – есть деятельность школьника по самоизменению путем овладения способами познавательной деятельности с целью присвоения элементов социального опыта.

К специфическим принципам организации учебной деятельности, отвечающим требованиям педагогической поддержки, нами были отнесены следующие:

1. *Принцип функционального взаимодействия основных участников дидактического процесса*, который определяет характер сотрудничества ученика, учителя, родителей и автора учебной книги (см. рис. 2).

2. *Принцип субъектности в учении*, который предполагает, что ученик из позиции объекта обучения, на которого направлено педагогическое воздействие учителя, переходит в позицию субъекта учения, имеющего личностный самостоятельный опыт учебной деятельности.

3. *Принцип дифференцированного построения содержания учебного материала*, который определяет поэтапность введения учебного материала; его градацию и последовательность; его достаточность и избыточность; адекватность обучающих и контролирующих упражнений характеру учебного содержания и учебной деятельности.

4. *Принцип структурной организации учебного материала*, который предполагает предъявление дидактических образцов; накопление их обучающимися; наполнение образцов новым содержанием; «столкновение» логических структур (взаимоисключающих или взаимодополняющих); усложнение условий функционирования грамматического навыка.

5. *Принцип оптимального сочетания понятийного и иллюстративного учебного материала*, который приобретает особую значимость в обучении младших школьников на этапах накопления дидактических образцов; самостоятельной тренировки; применения, т.е. на этапе самостоятельной продуктивной учебной деятельности.

6. *Принцип самостоятельности ученика в организации собственной учебной деятельности на уроке и вне урока*, который позволяет ему выбирать упражнения в зависимости от степени их субъективной сложности, определять последовательность и темп их выполнения, что в результате приводит к формированию индивидуального стиля учения.

Совокупность психолого-педагогических и дидактических условий отражает особенности организации дидактического взаимодействия между учителем и учащимся в рамках авторской педагогической технологии.

Первым, *общепедагогическим условием* проектирования и организации технологии педагогического процесса является требование четкого определения дидактических функций (ролей) между основными участниками дидактического процесса.

Мы предлагаем графическое представление модели **функционального взаимодействия основных участников дидактического процесса**:

Интегрирующую роль по управлению обучением и включенным в него процессом оказания педагогической поддержки берет на себя авторская учебная книга, через которую опосредованно выражается позиция ее автора. Остановимся на краткой характеристике компонентов данной схемы.

Рис.2. Функциональное взаимодействие основных участников дидактического процесса в рамках технологии педагогической поддержки

Автор – «опосредованный учитель»: адаптирует принципы, содержание, методы, формы, средства обучения к учебным возможностям и задачам обучения учащихся младшего школьного возраста; создает «ситуацию успеха»: оптимальные педагогические условия для самообучения, саморазвития, самореализации всех участников дидактического процесса; реализует основную функцию управления самостоятельной учебной деятельностью учащихся (в ее когнитивном и эмоциональном аспектах) через авторскую учебную книгу; обеспечивает положительную динамику результатов учебной деятельности на индивидуальном уровне.

Учебная книга – «интеллектуальный самоучитель»: создает условия для формирования собственно интеллектуальных действий – наблюдение, думание, анализ, противопоставление, синтез, обобщение; *речемыслительных действий* – описание, рассуждение, объяснение; обеспечивает возможность выбора адекватных способов выполнения учебных заданий и задач разного характера; управляет процессом продуктивного усвоения учебного материала; способствует формированию индивидуального стиля учебной деятельности как личностного результата обучения в целом; является интегрированным средством реализации технологии педагогической поддержки.

Ученик – «сам себе учитель»: включается в управление процессом усвоения учебного материала; овладевает различными способами учебной деятельности (в том числе, способами самоконтроля и самокоррекции); овладевает различными видами общения (с собой, с книгой, с учителем, с родителями и т.п.) в рамках дидактического процесса.

Учитель – «непосредственный организатор»: изучает и оценивает учебную книгу, соотносит ее с собственной педагогической позицией; овладевает авторской технологией педагогической поддержки и реализует ее в учебном процессе; создает «ситуацию успеха» непосредственно на уроке; инициирует самостоятельную учебную деятельность учащихся, обучая рациональным способам работы с книгой; берет на себя ответственность за личностный продукт учебно-познавательной деятельности учащихся.

Родитель – «домашний учитель»: знакомится с авторской учебной книгой; создает условия для продуктивной самостоятельной учебной деятельности ребенка; поддерживает «ситуацию успеха» вне урока; участвует в управлении процессом психическо-

го (в том числе, интеллектуального) развития ребенка через осуществление контроля за его самостоятельной учебной деятельностью.

Целостный процесс обучения с использованием авторской учебной книги состоит из ряда частных **взаимодействий** между его участниками:

– «*ученик ↔ учитель*»: собственно процесс обучения, в котором книга становится посредником между деятельностью учителя (обучением), и деятельностью ученика (учением);

– «*ученик ↔ авторская учебная книга*»: процесс самообучения, саморазвития и самореализации ученика

– «*учитель ↔ авторская учебная книга*»: процесс профессионального самообучения, саморазвития и самореализации учителя;

– «*ученик ↔ родитель*»: процесс самостоятельного учения с «контрольно-наблюдательным» участием родителя в качестве субъекта «домашней» педагогической помощи;

– «*родитель ↔ авторская учебная книга*»: процесс самообучения, саморазвития и самореализации родителя как субъекта педагогической помощи.

Вторым, *психолого-педагогическим условием* проектирования и реализации технологии педагогической поддержки является опора на ведущую деятельность младшего школьного возраста – учебную. Однако, в нашем представлении, учебная деятельность не однородна.

В подтверждение этого тезиса мы предлагаем классификацию функциональных разновидностей учебной деятельности младшего школьника:

учебно-познавательная;

учебно-занимательная;

учебно-развлекательная деятельность.

Функциональные виды учебной деятельности младших школьников

Вид учебной деятельности	Ведущая функция	Единица деятельности	Уровень мышления	Кол. упр. (%)
Учебно-познавательная	Усвоение нового учебного материала	Традиционное упражнение - с ответом, однозначно прогнозируемым на основе 1 правила	Продуктивно-репродуктивный	≈ 60
Учебно-занимательная	Применение усвоенного учебного материала в обобщенном виде	Упражнения – «головоломки» – с ответом, прогнозируемым на основе нескольких правил	Продуктивный	≈ 20
Учебно-развлекательная	Повторение учебного материала	Упражнения-«игры», результатом которых является автоматизированное действие по правилу	Репродуктивный	≈ 20

Учебно-познавательная деятельность – это деятельность по освоению учебного материала (дидактических единиц, т.е. грамматических структур). Единицей деятельности на данном этапе учебного процесса является традиционное упражнение. Это этап, направленный на развитие умений в рамках продуктивно-репродуктивного мышления.

Учебно-занимательная деятельность – это деятельность по применению в обобщенном виде ранее усвоенного учебного материала в решении нестандартных учебных задач. Единицей деятельности на данном этапе является упражнение-«головоломка». Это этап развития умений в рамках продуктивного мышления: креативности, эвристики.

Учебно-развлекательная деятельность – это деятельность по повторению усвоенного учебного материала преимущественно в рамках предметной и игровой видов деятельности. Это этап совершенствования навыков в рамках репродуктивного мышления.

Таким образом, мы подчеркиваем адаптивный характер построения и реализации педагогической технологии применительно к возрастным психическим характеристикам ребенка и специфике учебного содержания.

Основным дидактическим средством проектирования и реализации технологии педагогической поддержки рассматривается *авторская учебная книга*. Именно интегративные возможности учебной книги позволили нам свести воедино все компоненты авторской технологии педагогической поддержки, направленной на организацию оптимальных дидактических условий для продуктивной и лично значимой учебной деятельности младших школьников.

Результатом реализации авторской технологии педагогической поддержки является личностный продукт учебной деятельности учащихся, который включает в себя:

учебные показатели учащихся;

их личностные новообразования в сфере самооценки и отношения к предмету.

Идеи о необходимости создания личностного образовательного продукта (а не просто достижения положительного результата учебной деятельности в виде знаний, умений, навыков) прослеживаются в современной педагогической литературе.

Понятие «личностный образовательный продукт» является центральным в концепции продуктивной учебной деятельности. Продукт учебной деятельности (ПУД) (в терминологии Н.Ф. Коряковцевой – «личностный образовательный продукт») – это тип творческой познавательной активности, обеспечивающей самоопределение и саморазвитие личности. Вся познавательная (в частности, учебная) деятельность направлена на его создание.

К основным характеристикам «личностного образовательного продукта» могут быть отнесены следующие:

сформированность учебной компетенции: способность выступать в роли «Я – Учитель»;

эффективность учебной деятельности в целом: как соотношение ожидаемого и достигнутого результатов;

продуктивность учебной деятельности: собственно результат;

удовлетворенность результатами учебной деятельности как мотивационно-аффективная сторона учения.

В качестве критериев оценки эффективности применения авторской технологии педагогической поддержки, мы выбрали два показателя:

продуктивность учебной деятельности (мерой продуктивности выступают школьные отметки);

удовлетворенность результатами учебной деятельности (мерой удовлетворенности выступает самооценка).

Выбор этих критериев подтверждает классический постулат Д.Б. Эльконина о том, что учебная деятельность является ведущей деятельностью в жизни младшего школьника, не только в интеллектуальном, но и аксиологическом отношении.

Учебное пособие, которое послужило предметом научному обоснованию функций и структуры авторской учебной книги как средства реализации технологии педагогической поддержки, называется «Сам себе грамматик» (автор Р.П. Кайшева). Данное учебное пособие по рекомендации Министерства народного образования Удмуртской Республики входит в программу обучения начальной школы по иностранному языку с 1997 г.

Методологическую основу рассматриваемого пособия составляет совокупность следующих педагогических подходов к структурированию содержания обучения и организации процесса обучения младших школьников:

личностный подход, в рамках которого под основной целью обучения понимается создание оптимальных условий для личностного развития каждого ученика, а деятельность учения направлена на самообучение, саморазвитие и самореализацию личности школьника;

деятельностный подход, который рассматривает учение как активную деятельность в целях достижения адекватного поставленным задачам учебного результата, а деятельность учителя по обучению как процесс целенаправленного опосредованного управления процессом достижения учебного результата через адекватную систему дидактических средств;

лично-деятельностный подход позволяет реализовать единство личностного и деятельностного подходов в обучении и определяет учение как самостоятельную, творческую деятельность по получению лично значимого учебного продукта в ходе усвоения учебного материала, задачей деятельности учителя в этом контексте становится создание адекватных дидактических условий для реализации целей личностного развития в процессе обучения.

Концепция педагогической поддержки, которая имплицитно просматривается в содержании, структуре и композиции учебного пособия, эксплицитно выражена в авторском обращении к учителю в эпиграфе книги: «Приучай ученика... к тому, чтобы для него бы-

ло немислимо иначе как *собственными силами* что-либо усвоить; чтобы он *самостоятельно думал, искал, проявлял себя, развивал* свои дремлющие силы, *вырабатывал* из себя стойкого человека» (А. Дистервег); и в обращении к ученику – «Эта книга написана для тебя и ради тебя, с большим уважением и любовью к тебе... Она научит тебя самостоятельно учиться и доучиваться».

То есть с самого начала работы с книгой учитель и ученик получают установку на организацию учения как по преимуществу самостоятельной деятельности учащихся, принимая во внимание тезис О.С. Газмана о том, что *«педагогическая поддержка – это дидактическое обеспечение системы самообучения, помощь ребенку в преодолении трудностей в учении»*:

Рис. 3. Авторская модель структурной организации учебного материала

Анализ научно-теоретической литературы выявил два основных понимания того, что такое «самостоятельность» применительно к деятельности учения:

1. *Самостоятельность* как умение выполнить учебные действия без непосредственного участия преподавателя;

2. *Самостоятельность* как умение выполнять учебную деятельность, изначально распределенную между учителем и учащимися.

Мы придерживаемся второго понимания: поскольку самостоятельность ученика, в известном смысле, всегда определяется учителем, который является субъектом управления учебной деятельностью в целом (а не только обучением на уроке).

Отметим, что познавательная самостоятельность как частное понятие по отношению к «самостоятельности» – это качество, обеспечивающее высокий уровень успешности практической реализации замыслов и намерений в любой деятельности. По мнению ряда современных исследователей и педагогов-практиков, условием любой деятельности, в том числе учебной, является активность, а самостоятельность, не будучи сама по себе обязательным условием деятельности, способствует её инициированию.

К критериям познавательной самостоятельности относятся следующие:

- потребность в знаниях;
- желание познать не только знания, но и способы их добытия;
- критический подход к изучаемому материалу;
- возможность и способность высказать свою точку зрения;
- умение самостоятельно мыслить.

Таким образом, через организацию самостоятельной работы по усвоению учебного содержания, которая отражена в авторской учебной книге, мы реализуем и воспитательную цель обучения: особая организация учебного материала в книге способствует формированию активной личностной установки на познание.

Это утверждение оказывается справедливым не только для ученика, который в процессе работы с книгой «научается учиться», но и для учителя, и родителя, которые тоже оказываются включенными в процессы самообучения и саморазвития – они «научаются учить».

В качестве иллюстрации данного утверждения, приведем пример эксплицитного проявления развивающей и воспитательной функций в обращениях к учителю и ученику:

«Слово к УЧИТЕЛЮ»

Дорогие коллеги!

Полностью полагаясь на Ваше педагогическое мастерство, опыт практической работы, хотелось бы надеяться, что **эта книга** будет полезна и **поможет Вам**:

I. Систематизировать и **практически реализовать** теоретические положения, составляющие основу формирования грамматических речевых навыков и умений: «Все хорошие принципы уже записаны, теперь нужно только использовать их» (Б. Паскаль);

II. Осуществить:

1) **единство** содержательного, смыслового, процессуального и организационного компонентов обучения;

2) **комплексно-дифференцированный** подход к чтению как ведущему виду коммуникативной деятельности;

3) **развитие** творческой личности через овладение технологией предлагаемой модели **самостоятельной** работы над иностранным текстом;

4) дифференцированный подход к говорению с учётом трёх уровней речи;

5) **коммуникативно-сознательный** подход при обучении грамматической стороне речи;

6) процесс овладения грамматикой английского языка **через текст**, обеспечивающий **единство** усвоения языкового материала и развития речевых умений;

7) **оптимальное** сочетание упражнений;

8) **систематический** контроль грамматических речевых навыков и умений учащихся;

9) **перенос** навыка разработки подобных упражнений на другие грамматические структуры.

III. Учить **чистоте** языка.

IV. **Расширить** вокабуляр учащихся.

V. **Дифференцированно организовать индивидуальную работу** учащихся.

VI. Использовать **разные** организационные формы на уроке.

VII. **Высвободить время** для **творческого общения** на уроке.

VIII. Повысить роль **самостоятельности** учащихся в учебном процессе.

IX. Строить собственную преподавательскую работу так, чтобы она служила средством **развития творческих способностей** обучаемых.

X. Сформировать **индивидуальный** стиль педагогической деятельности.

XI. Почувствовать **уверенность** в себе: «**хороших методов** существует ровно столько, сколько существует **хороших учителей!**»

XII. УЧИТЬСЯ УЧИТЬ И УЧИТЬ УЧИТЬСЯ !»

Роль обращения опосредованного координатора учебного процесса – автора учебной книги – к его непосредственному организатору – учителю – заключается, с одной стороны, *в представлении способов реализации эффективного педагогического воздействия* (разъяснении технологических механизмов работы с книгой), а с другой – *в создании положительной мотивации учителя как субъекта обучения по отношению к собственной деятельности.*

Положительная мотивационная основа профессиональной деятельности учителя непосредственно влияет на отношение учащихся к деятельности учения.

Обращение к ученику эксплицирует аналогичные задачи: нацелить на успех через демонстрацию способов и конкретных приемов его достижения. Автор через структурирование содержания обучения, а именно – адаптируя его к возможностям учащегося – *создает реальную ситуацию успеха, а не просто декларирует ее.* Привлекательным в мотивационном отношении становится сам процесс учения – поскольку авторская учебная книга *создает каждому ученику оптимальные условия для успешного продвижения вперед (в учебном и личностном аспектах).*

«Слово к УЧЕНИКУ»

Дорогой друг !

Надеюсь, что эта **КНИГА**

1) **понравится тебе** своей оригинальностью, простотой и доходчивостью изложения материала; разнообразием необычных, интересных, занимательных, творческих упражнений, которые постоянно будоражат твой ум, побуждают тебя к поиску **самостоятельного** решения;

2) **поможет тебе** понять и почувствовать, что

«грамматика – это «скелет» языка, а если, скажем, позвоночник искривлён, то кривой выглядит и вся фигура» (Е.И. Пассов),

«грамматика – это искусство ставить нужные слова в нужном месте» (Эккерсли);

3) **поможет тебе самостоятельно** овладеть грамматикой английского языка;

4) **предоставит тебе** неограниченные возможности для **самостоятельной** работы в **удобном для тебя** режиме и темпе;

5) **приобщит тебя** к чтению: «чтение – это беседа с мудрецами», культуре страны изучаемого языка;

6) **научит тебя** понимать английские тексты, давать аргументированную оценку прочитанному, обсуждать прочитанное, вступать в полемику с одноклассниками, общаться на английском языке;

7) **расширит твой** кругозор;

8) **будет отсылать тебя** к справочной литературе, заботясь о твоей осведомлённости и грамотности;

9) **позаботится** о том, чтобы **ТЫ самостоятельно** контролировал и корректировал себя, обращался к ключам **только по окончании** самостоятельной работы,

оценивал результаты своего труда, ощущал постоянное **продвижение вперёд**, понимал и чувствовал, что **эта КНИГА** написана для **тебя и ради тебя** с большой любовью и уважением к тебе;

10) **научит тебя САМОСТОЯТЕЛЬНО учиться и доучиваться!**»

Таким образом, реализация главного положения авторской концепции – «Учитель и Ученик растут вместе» – обеспечена за счет создания учебного пособия нового типа – авторской учебной книги.

Такой подход:

– формирует компетентную личность, являющуюся субъектом своей деятельности, владеющую способами деятельности, что создает основу для перехода на более высокий уровень компетентности;

– демонстрирует позицию автора, заключающуюся в оптимальном сочетании традиционных и инновационных методов обучения;

– напоминает педагогам о том, что часто в погоне за новыми методами мы забываем о своих обязанностях перед детьми и обществом и *не научаем своих питомцев тому, «что, несомненно, должно остаться при всяких методах».*

Литература

1. *Газман О.С.* Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. М.: Инноватор, 1995. С. 58–63.
2. *Дистервег А.* Избранные сочинения. М., 1958.
3. *Кайшева Р.П.* Сам себе грамматик: Английский язык. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1997.
4. *Кайшева Р.П.* Сам себе грамматик: Английский язык. Кн. 1 (Ч. 1-2), Ижевск: Изд. Дом «Удмуртский университет», 2002. 697 с.; Кн. 3.
5. *Коряковцева Н.Ф.* Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителей. М.: АРКТИ, 2002.
6. *Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса: Учеб. пособие по спецкурсу / Перм. Ун-т. – Пермь, 2003. С. 13-41.
7. *Трофимова Г.С.* Педагогические основы обучения иностранным языкам (Предметная дидактика). Ижевск.: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999.
8. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989.

Ю. С. Каракулина

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Язык, как любое явление действительности, постоянно изменяется, развивается и совершенствуется. Изменение – одно из свойств языка, язык создается посредством изменения и «умирает», когда перестает изменяться (Гречко 2003: 106). Наиболее ярко многомерность изменчивости языка проявляется в так называемых «асимметричных» явлениях. Известно, что эволюция любого явления в природе – это асимметричная совокупность изменений, создающая

симметричные состояния. Симметрия фиксирует положение устойчивости в системе, асимметрия обнаруживает то новое, что составляет суть развития, выводит явление на новый уровень существования (см., напр., Гридина 1996: 4; Журавлева 2002: 14).

Одним из примеров языковой асимметрии является языковая игра. Основная закономерность данного явления заключается в том, что система симметричных, стабильных компонентов теряет свою устойчивость и образует новую языковую структуру, тем самым, выводя всю языковую систему на новый виток эволюции. Следовательно, языковая игра репрезентирует один из путей самогенезиса, развития языка за счет собственных ресурсов (Журавлева 2002: 16).

Языковая игра – явление многоплановое, что делает затруднительным ее определение. В общем виде языковая игра понимается как проявление стремления человека к игре, приводящего в движение его творческие способности. Игра является элементарной функцией человеческой жизни, она универсальна и имеет свою историю. Как феномен бытия игра была предметом исследования многих философов и ученых, которые пытались дать ответ на следующие вопросы: что есть игра, отчего и почему у человека возникла потребность в игре.

На неутилитарный, эстетический, сущностнозначимый для человеческой жизни характер игры философская мысль обратила свое внимание фактически с самого своего возникновения. Так, античные философы, Аристотель, Платон указывали на воспитательную функцию игры. Быстрая смена ситуаций в игре, их нестандартный характер и необходимость приспособления к ним играющего делает игру важнейшей составной частью обучения и воспитания.

Идея игры нашла свое отражение в немецкой классической философии, где представляется эстетическое понимание игры. Немецкие философы (И. Кант, Ф. Шиллер, Ф. Шлегель, Х.-Г. Гадамер) видят цель игры в достижении духовного наслаждения, получении удовольствия от самого процесса игры. Ф. Шиллер излагает теорию игры в «Письмах об эстетическом воспитании». В его понимании, только игра делает человека совершенным, так как «человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» (Берлянд 1992: 12). Предмет побуждения к игре носит эстетический ха-

ракет, создавая гармонию человека и общества. Только эстетическое общение соединяет людей.

В 30-е годы 20 века голландский ученый Й. Хейзинга создал культурологическую концепцию игры, в которой игра рассматривается в качестве пронизывающей культуру характеристики человека. Й. Хейзинга считает, что игра пронизывает все элементы и стороны культуры, игра старше культуры (так как игра есть и у животных); более того, многие стороны культуры нельзя понять, не учитывая их игрового характера. Ученый представляет и объясняет игровые принципы основных составляющих культуры, включая сферы религиозных культов, искусства, праздника, спортивных состязаний, а также философию, правосудие, войну и политику.

Лингвистическая природа игры представлена в концепции австрийского философа Л. Витгенштейна. Согласно Л. Витгенштейну, под языковой игрой понимается употребление языка и его законов, правил его функционирования в разных сферах коммуникации. Л. Витгенштейн считал, что языковая игра – это формы самой жизни, это не только язык, а сама реальность, которую мы воспринимаем только через призму языка. В лингвистике данный термин приобретает новое содержание в 70-80-е годы 20 века и рассматривается как аномалия – «явление, которое нарушает какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» (Булыгина, Шмелев 1997: 437). Интерес к аномалиям, исследование нормы и «антинормы» в языке предполагает обращение к процессам преднамеренного отступления от языкового канона, в частности к языковой игре.

Языковая игра трактуется как вид лингвистического эксперимента. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев указывают на существование «наивного» языкового эксперимента, который является разновидностью лингвистического эксперимента в целом. По их мнению, следует разграничивать два понятия: «наивный» языковой эксперимент и языковую игру. Под «наивным» языковым экспериментом понимается «сознательное аномальное высказывание с целью привлечь внимание к нарушаемому правилу. Говорящий в таком случае выступает в роли исследователя, стремящегося получить «отрицательный языковой материал» (Булыгина, Шмелев 1997: 448). В.З. Санников считает данное разделение недостаточно оправданным, поскольку языковая игра – это также сознательное

манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств (Санников 2002: 37).

Языковая игра затрагивает ресурсы всех языковых уровней. Исследователи указывают на более редкое использование в языковой игре низших языковых уровней (фонетики, фонологии, морфологии), чем единиц словообразовательного, лексического и синтаксического уровней.

Мы остановимся на наименее исследованном аспекте языковой игры – грамматическом, потенциал которого может быть исследован по отношению к художественному тексту. Грамматические потенции языка, активизирующиеся посредством языковой игры, призваны расширить ресурсные возможности языковой структуры текста. Творческий потенциал грамматических категорий наиболее ярко реализуется в экспериментальных текстах, в центре внимания которых – языковой материал, его основания и возможности. Появление данного типа текстов обусловлено развитием авангардного направления в искусстве и литературе в первой четверти 20 века, особенностью которого является разрыв с классической художественной традицией и необходимость вызывающе смелого эксперимента. Одновременно с мировым экспериментальным движением в поэтическом творчестве (А. Белый, В. Хлебников, Дж. Джойс, Г. Стайн) принцип эксперимента вводится и в лингвистику. Л.В. Щерба полагал, что «в возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество – с теоретической точки зрения – изучение живых языков». В статье «О частях речи в русском языке» он указал на «отрицательный языковой материал», составленный из «неудачных высказываний с отметкой “так не говорят”» (Щерба 1974: 32-33), создающий основу лингвистического эксперимента.

В экспериментальных текстах сложно судить о сюжете, о хронологии, конфликтах, движении авторской мысли. Интересы авторов поглощены языковыми деформациями, порождающими следующие явления:

- антиграмматизм (следствие частичного нарушения кодифицированных правил естественно-коммуникативного языка), представленный различного рода псевдоаналогиями, «неправильными» предложениями, невероятными межкатегориальными переходами;

- аграмматизм (полное игнорирование грамматических законов данного языка), примером которого служит афатическая речь.

Данные явления занимают два последних места в шестизначной экспериментальной шкале для измерения степени языковой неправильности, предложенной Ю.Д. Апресяном. Ю.Д. Апресян выделяет следующие составляющие, формирующие данную шкалу:

- правильно
- допустимо
- сомнительно
- очень сомнительно
- неправильно
- грубо неправильно.

Языковая игра может функционировать на всех ступенях данной шкалы.

Экспериментальный характер игровых текстов проявляется на двух уровнях: языка и структуры текста. Говоря об уровне структуры текста, следует отметить один из основных принципов – игровой лабиринт. Автор ставит перед читателем задачу пройти сквозь сконструированную им игровую систему, разобраться в «упрятанных» внутри нее обманах, ловушках, мистификациях, хитросплетениях. Движение читателя по разным уровням игрового лабиринта может становиться стержнем внешней фабулы. Существуют игровые тексты, сконструированные с таким расчетом, чтобы муки, связанные с попыткой читателя вырваться из игрового лабиринта становились главной содержательной проблемой произведений (Рахимкулова 2000: 6).

Рассматривая отношение писателя к создаваемым им текстам, четко выделяется их «тройственная суть»:

1) «игра художника в жизни», т.е. выработка им своего собственного игрового поведения, реализующегося в его произведениях;

2) «игра писателя в процессе творчества», выражающаяся в игровых процессах, происходящих в сознании художника при создании произведения, в разработке и применении им литературных приемов;

3) «игра в пространстве текста», при которой две первые составляющие, взаимодействуя, способствуют созданию целенаправ-

ленно сконструированной игровой системы – текста (Рахимкулова 2000: 5).

Как системно-структурное образование текст в целом и игровой текст в частности имеет собственные текстовые единицы, связанные определенными отношениями и в силу своей неоднородности организуемые в уровни (Бабенко 2004: 36). Поуровневое представление текста ориентировано на языковую стратификацию с соответствующим выделением в тексте фонетического, морфологического, лексического и синтаксического уровней. Анализируя грамматический аспект предложения, следует учитывать, что под грамматикой в разделе синтаксиса понимаются правила и нормы организации и функционирования предложения и его частей в пространстве текста (см. напр., Гальперин 1981: 12). В данном определении следует отметить две составляющие – «правила и нормы». Очевидно, что в экспериментальном тексте, представляющем наиболее яркие явления языковой игры, данные правила и нормы оказываются за пределами их существования. Это можно проследить на примере текстов американской писательницы начала 20 века Г. Стайн.

Так, в трилогии Г. Стайн «Три жизни» («Three lives») выделяются следующие явления языковой игры на синтаксическом уровне.

1. Нарушение порядка слов в предложении:

- Melanchta's father during these last years did not come very often to the house where his wife lived and Melanchta.
- Jeff Campbell had never in his life had real trouble.
- Jeff always loved in this way to wander (Three lives).

Представленные примеры являются повествовательными предложениями. Известно, что в английском языке повествовательные предложения отмечены фиксированным порядком слов, и позиция языковых единиц, как правило, определяет их функции в предложении.

В первом примере внимания заслуживает придаточное предложение ...where his wife lived and Melanchta, где подлежащее his wife and Melanchta разделяется сказуемым на две части. Во втором и третьем примерах нарушение нормы наблюдается в области функционирования сказуемого. В предложении Jeff Campbell had never in his life had real trouble сказуемое представлено формой прошедшего перфектного времени. В норме данная грамматиче-

ская форма может употребляться с наречиями неопределенного времени, такими как *never*, которое занимает позицию между вспомогательным глаголом *had* и формой причастия прошедшего времени смыслового глагола. В данном случае обстоятельство *in his life*, следуя за наречием *never*, разрывает предикативную структуру.

2. Нарушение пунктуационных норм.

- *It don't seem to me Dr. Campbell that I admire that way to do things very much It certainly ain't really to me being very good.*

- *What right had that Melanchta to him. What right had that Melanchta Herbert who owed everything to her, Jane Harden, what right had a girl like that to go away to other men and leave her, but Melanchta Herbert never had any sense of how to act to anybody.*

- *Dr. Campbell soon got through with his reading, in the old newspapers, and then somehow he began to talk along about the things he was always thinking. Dr. Campbell said he wanted to work so that he could understand what troubled people, and not to just have excitements, and he believed you ought to love your father and your mother and to be regular in all your life, and not to be always wanting new things and excitements, and to always know where you were, and what you wanted, and to always tell everything just as you meant it. That's the only kind of life he knew or believed in, Jeff Campbell repeated (Three lives).*

Г. Стайн опускает знаки препинания: точки, запятые, вопросительные знаки, кавычки. По мнению Г. Стайн, стремящейся к «продолженности», к постоянно наращиваемой целости, непрерывности и плавности письма, запятые, точки, двоеточия лишь «раскалывают, прерывают письмо» (Стайн 2001: 593). Отсутствие вопросительного знака Г. Стайн объясняет уже содержащимся в письме указанием на вопрос через структуру вопросительного предложения.

Наряду с опущением точек, запятых, вопросительных знаков Г. Стайн не употребляет кавычки, тем самым, совмещая элементы прямой и косвенной речи.

Е. Петровская полагает, что данная пунктуационная стратегия Г. Стайн, возможно, не столь «травматична» для английского читателя, сколько для русского, привыкшего к большей нормативности знаков препинания. Однако даже в английском языке недостающие запятые производят впечатление (Петровская 1995).

Рассмотрев действие языковой игры на одном из языковых уровней текста – синтаксическом, видится целесообразным проанализировать данный вид лингвистического эксперимента в более широком аспекте, в системе текстообразующих категорий.

В качестве текстообразующих категорий традиционно рассматриваются следующие параметры текста: информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста. Особую значимость приобретают категории когезии и континуума, так как когезия (связность) является неотъемлемым признаком текста, проявляющимся в его целостности и имеющим языковые способы выражения. Когезия обеспечивает существование категории континуума, то есть логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий.

Категория когезии и категория континуума взаимообусловлены и дополняют друг друга; посредством данных категорий раскрываются возможности грамматики как строя языка. Категория континуума связана с понятием времени и представляет определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве (Гальперин 1981: 87). Функционирование языковой игры в пространстве данной категории проявляется в замедлении повествования, нарушении последовательности событий, линейности изложения, переплетении временных планов повествования. Одним из примеров действия данной текстовой категории служит упоминавшаяся ранее трилогия Г. Стайн – «Три жизни» («Three lives»). Все три повести книги знакомят читателя с героями в настоящем времени рассказа, после этого повествование обращается к событиям прошлого, и затем, пройдя отрезок пути, связанный с историей жизни главных героев, читатель вновь попадает в настоящее время.

Следует отметить стремление автора к неизменному пребыванию в настоящем, что проявляется в целенаправленном использовании форм настоящего времени. Более того, Г. Стайн стремится подчеркнуть процессуальность языка, именно этот факт объясняет выбор автора в пользу «продолженных» временных форм (Present Continuous, Present Perfect Continuous, Past Continuous). «Продолжительное» или «длящееся» настоящее является одной из центральных идей экспериментального текста Г. Стайн. Избегая логи-

ки в развитии повествования, писательница манипулирует разными по хронологии эпизодами биографии своих героев, представляя весь их опыт одновременно существующим, ддящимся. «Текучесть» ддящегося и является средством проявления категории когезии и континуума у Г. Стайн. Стремление придать текстам состояние продолженности выражается в использовании глаголов чувственного восприятия, ментальной деятельности в форме прогрессива, что противоречит норме. В произведениях Г. Стайн данные глаголы в указанной временной форме употребляются достаточно активно.

- *Melanchta was liking* Jefferson Campbell better every day, and Jefferson was beginning to know that Melanchta certainly had a good mind, and he was beginning to feel a little her real sweetness....

- *All you are always wanting* Dr. Campbell, is just to talk about being good, and to play with people just to have a good time, and yet always to certainly keep yourself out of trouble.

- *I am seeing* their repeating. *I am thinking and feeling* repeating in every one (Three Lives).

Более того, Г. Стайн опускает вспомогательные глаголы *have/has*, используя форму Present Perfect Continuous:

- I certainly don't think you got it all just right in the litter, *I just been reading*, that you just wrote me.

- That certainly does explain to me Dr. Campbell what *I been thinking* about you this long time.

- I certainly do, for I certainly never did think I was hurting you at all, Melanchta, by the things *I always been saying* to you.

Итак, мы рассмотрели некоторые грамматические аспекты языковой игры, анализ которых позволяет увидеть скрытые грамматические потенции языка, открыть новые смыслы, новые подходы к его осмыслению. Являясь инновационным аспектом языка, языковая игра предстает как творческая, использующая всю языковую потенцию, деятельность, которая позволяет «индивидууму, пленнику своего общества избежать мертвящего влияния языковых норм и создавать новые, более адекватные для него самого формы» (Журавлева 2002: 18), открывающие бесконечные потенции того или иного элемента языка.

Литература

1. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта, 2004.
2. *Берлянд И.Е.* Игра как феномен сознания. Кемерово: Алеф, 1992.
3. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Аномалии в тексте: проблемы интерпретации// Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990.
4. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
6. *Гречко В.А.* Теория языкознания. М.: Высшая школа, 2003.
7. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество // Екатеринбург, 1996.
8. *Журавлева О.В.* Языковая игра как синергетический процесс саморазвития языка// Текст: структура и функционирование. Вып. 6. Барнаул, 2002. С. 13-18.
9. *Петровская Е.* Часть света. М., 1995.
10. *Рахимкулова Г.Ф.* Игровая поэтика и игровая стилистика// Филологический вестник Ростовского Государственного Университета. 2000. № 1. С. 5-11.
11. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
12. *Стайн Г.* Автобиография Эллис Б. Токлас. Пикассо. Лекции в Америке. М.: Б.С.Г. – Пресс, 2001.
13. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке// Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 32-33.
14. *Stein G.* Three Lives. N. Y.: Vintage Books, 1936.

В.И. Карасик

ОТРИЦАНИЕ И ШКАЛА КОНТРАСТИВНОСТИ

В основе отрицания лежит операция сравнения, «позволяющая обнаружить такие реальные отношения предметов, как тождество, сходство, различие» (Левицкий 2003: 130). Отрицание как логико-семантическая категория есть форма отражения небытия предмета или признака в виде различия, несовместности, лишения (Бондаренко 1983: 193). Различие выявляется при сопоставлении одно-

порядковых предметов ("грейпфрут – не апельсин"), несоместность – при сопоставлении однопорядковых признаков ("железный – не золотой"), лишенность или неприсущность – при сопоставлении разнопорядковых признаков или предметов ("астрология – не наука"). При этом различаются контрадикторный и контрастный типы отрицания: "живой :: мертвый (= неживой)" и "каменный :: деревянный ($\neq$ некаменный)". Контрадикторная оппозиция в отличие от контрастной полностью покрывает родовое понятие. Сопоставление есть противопоставление. Противопоставление в словаре традиционно квалифицируется как антонимия, противопоставление в тексте – как антитеза или контраст. Существуют различные типы антонимических и контрастивных отношений, например, отношения противонаправленности, ликвидации, привативности (Кулинич 1978: 4), но в данной работе нас интересуют типы опосредования между словарным и несловарным выражением признака в значении слова. Признак отрицания выражается в системе морфолого-синтаксических, словообразовательных и лексико-семантических средств языка.

Опираясь на приведенные положения и исходя из задачи нашего изучения, мы провели сплошную выборку словозначений с признаком отрицания из толкового словаря LDCE. Формальным критерием выделения словозначений считалось наличие в словарном толковании отрицательных маркеров. Например:

Sure₁ = having no doubt; partial = not complete.

В значении многих слов данные маркеры чистого отрицания представлены скрыто как составная часть маркеров осложненного отрицания типа *only*:

Peculiar₁ = belonging only (to a particular person, face, time, etc);
only = and nothing more; and no one else.

Маркеры чистого отрицания устанавливались путем известной процедуры последовательной идентификации признаков. В качестве формального критерия выделения было принято также наличие словарной пометы *nonassertive*:

stand₁₂ = (usu. non-assertive) to accept successfully; bear; tolerate;
withstand: *I can't stand the sight of him.*

Помета о неупотребительности словозначения в утвердительном предложении свидетельствует о наличии особого модально-отрицательного комплекса признаков в значении (Трунова 1980), что подтверждается словарными иллюстрациями.

В результате проведенного отбора словозначений выяснилось, что признак отрицания в лексической семантике имеет различный удельный вес применительно к значениям различных слов.

Выделяются словозначения, все содержание которых сводится к признаку отрицания:

no_1 = (in an answer to a statement, question, request, etc., expressing refusal or disagreement);

$negative_1$ = refusing, doubting, or disapproving; saying or meaning "no";

$refuse_1$ = not (to accept or do or give)

Отрицание в чистом виде представлено в модусном слове *no* – "нет". Описательный коррелят этого слова выражен словом $negative_1$ – "отрицательный". Признак отрицания толкуется в словарных дефинициях через описание ситуации отрицания, включающей предикаты типа "отказать(ся)", толкование которых в свою очередь включает, как показано в примере, признак отрицания в сочетании с теми или иными действиями.

В плане семантики нет жесткой границы между специализированным средством выражения признака отрицания "нет" и словозначениями описательного и объясняющего типов. Последние образуют обширную группу единиц, включающих признак отрицания в качестве одного из компонентов значения. Существует, на наш взгляд, формальный критерий разграничения специализированного и компонентного выражения категориального признака отрицания в лексическом значении: функционально-синтаксические характеристики слова. Слова специализированного отрицания употребляются в функции слова-предложения, служебного слова и заместительного слова (отрицательные местоимения). Все остальные способы относятся, на наш взгляд, к компонентному выражению отрицания.

Компонентное выражение рассматриваемого признака бывает регулярным и нерегулярным. В первом случае речь идет о производных словах с аффиксами отрицательного значения, во втором случае – о непроизводных словах. Компонентное выражение отрицательного признака бывает также сильным и слабым:

$tender_1$ = not hard or difficult to bite through;

$optional$ = which may be freely chosen or not chosen.

Сильное выражение отрицания относится ко всему содержанию словозначения, слабое выражение отрицания – к части словозначе-

ния. Компонентное выражение отрицания весьма своеобразно у различных частей речи.

Признак отрицания в семантике прилагательного характеризует качество, свойство, отношение:

awkward₁ = lacking skill in moving the body or parts of the body easily;

civilian = not of armed forces;

dry₁ = not wet;

genteel = trying to show unnaturally polite manners, esp. so as appear socially important.

Отрицательный признак в слове awkward₁ – "неуклюжий" связан с признаками обладания (lack₁ = to be without; not have), возможности, движения, в слове civilian – "гражданский" – с признаком отношения к армии, в слове dry₁ – "сухой" – с признаком влажности, в слове genteel – "нарочито вежливый" – с признаком естественности и комплексом признаков, относящихся к поведению. Значения приведенных и подобных им слов можно, разделить на две группы. В первую группу войдут те слова, в значении которых отрицательный признак (в сильном либо слабом выражении) мыслится как внутренне присущий сигнификату. Вторую группу составят те слова, отрицательный признак в значении которых является оппозитивно обусловленным при сравнении с другими словами. В первом случае мы говорим о таких словах, как awkward, bald, heartless, civilian, genteel и др. Во втором случае речь идет о словах типа dry, poor, easy, low, slow и др. Данные две группы прилагательных разделены на основании критерия самодостаточности семантики слова для выделения признака.

В этой связи возникает вопрос: является ли оппозитивно обусловленный отрицательный признак объективно наличествующим в семантике слова? Как известно, существуют таксономические и классификационные признаки, первые объективно присущи объектам, являющимся элементами той или иной системы, вторые представляют собой способ моделирования системы. На наш взгляд, любой отрицательный признак в значении слова является таксономическим в силу оппозитивного строения стабильных ядер лексико-семантической системы. Вместе с тем критерий самодостаточности семантики слова дает возможность выявить неоднородность выражения признака отрицания и установить **шкалу контрастивности** в семантике. Если мы согласны с тем, что словарное

определение является особым типом текста – дефинитивным текстом, то следует признать, что шкала контрастивности располагается между пределами дефинитивности и недефинитивности.

Предел недефинитивности иллюстрируют слова с окказиональным признаком отрицания в значении, определяемым только на основании речевого контрастирования:

A society with plenty of snobberies is like a dog with plenty of fleas: it is not likely to become comatose (A. Huxley).

В приведенном примере в значении слова *snobbery* – "снобизм" устанавливается контекстуально наведенный отрицательный признак, осложненный конкретизирующим признаком *not comatose* – "не сонливый". Данный осложненный отрицательный признак взаимодействует с периферией ассоциативного поля значения слова "снобизм". Отрицанию может подвергаться любой признак, и поэтому представляется, что недефинитивный предел шкалы контрастирования является открытым.

Предел дефинитивности иллюстрируют те слова, в семантике которых отрицательный признак зависит только от связанных с ним признаков внутри словозначения. Такими признаками являются, по нашим данным, применительно к прилагательным признаки обладания, модальности и оценки. Например:

*deaf*₁ = unable to hear at all or hear well;

*bald*₁ = with little or no hair (on the head).

У слов со значением "глухой", "лысый" и др. нет языковых антонимов. Такие слова выражают отсутствие качеств, мыслимое как особое качество. Значение предела в семантике данных слов подчеркивается возможностью вставки уточнителей *almost* – "почти" и *completely* – "полностью": *almost deaf*, *completely bald*. В то же время в языке отсутствуют слова с положительным и нулевым количественным выражением соответствующих способностей и характеристик. Так, нет прилагательного со значением "способный слышать", "способный хорошо слышать". Сказанное во многом относится к оценочным словам, при этом отрицательная оценка часто мотивируется отсутствием чего-либо, т.е. отрицательным признаком:

*defective*₁ = lacking something necessary; faulty.

В значении слова *defective* – "несовершенный, недостаточный" признак отрицания связан с признаками обладания и необходимости. Антонима у данного слова не может быть по определению.

К словам с отрицательным признаком в значении как самодостаточным единицам номинации, занимающим предел дефинитивности на условной шкале контрастирования, примыкают отрицательно маркированные члены контрадикторных антонимических оппозиций типа *civilian*, *absent*, *divorced*, *intolerable*.

Отрицательный признак в значении данных слов непосредственно соотнесен с семантикой слов-коррелятов. Контрадикторные антонимы тяготеют к терминологизации: *divorced* ≠ *unmarried*. Представляет интерес тот факт, что маркированные члены контрадикторных оппозиций в ряде случаев противопоставляются словам, не имеющим отрицательного признака в значении, но отмеченным отрицательной оценкой. Сравните: *mad* :: *sane* (not *mad*), *drunk* :: *sober* (not *drunk*). Качества "здравомыслящий" и "трезвый" являются, как видно, в коллективном опыте говорящих фоновыми по отношению к качествам "сумасшедший" и "пьяный".

К словам с контрадикторным выражением отрицательного признака примыкают так называемые "экслюдеры" (Вольф 1978: 14), особенность которых заключается в том, что система их словозначений представляет собой пучок отрицаний. Например: *private* = 1) *personal*, *one's own*; not shared with others; 2) not intended for everyone; not public; 3) *indifferent*; not connected with government; 4) *unofficial*; not connected with one's business, work, rank, etc.

Приведенные (не полностью) значения прилагательного *private* – "частный, личный, независимый, неофициальный и т.д." противопоставляются значению "общественный". Вместе с тем в значении экслюдера прослеживается выход за границу одно-однозначного соотношения со значением слова-коррелята.

Неоднозначным соотношением с коррелятами характеризуются контрарные антонимы, занимающие следующую часть шкалы контрастивности. Особенности этих слов заключаются в их взаимной определяемости: *dry* = not *wet*; *wet* = not *dry*, в их нормативной природе, ориентации на некий нулевой эталон и наличии, вследствие этого, серии промежуточных вариантов. Контрарный отрицательный признак отражает системную организацию словаря, но отражает ее более свободно по сравнению с жестким контрадикторным признаком. Слова с контрарным отрицательным признаком в значении постепенно смыкаются на шкале контрастивности с речевыми типичными и затем менее типичными антонимами. Шкала заканчивается открытым классом слов с кон-

текстуально наведенным отрицательным признаком: автономный (самодостаточный) признак – контрадикторный признак – контрарный признак – контрастный признак.

Изучение категориального признака отрицания в лексической семантике дает возможность установить ступени опосредования между специализированным и потенциальным выражением этого признака.

Обусловливающее посредование признаков моделируется посредством различных шкал, из которых в данной работе мы попытались осветить шкалы "лексическое – грамматическое выражение" и "специализированное – потенциальное выражение". Принцип континуума применительно к категориальным признакам требует признания того, что эти признаки подвижны, взаимосвязаны и синкретичны, т.е. представляют собой признаковые комплексы. Принцип континуума требует также признания практически бесконечного числа аспектов изучения категориальных признаков. Вместе с тем принцип специализации позволяет внести некоторую определенность в объект нашего изучения и зафиксировать относительно стабильные параметры категориальных признаков, обозначить ранги категоризации и отметить объективно существующие "деления на шкалах".

Литература

1. *Бондаренко В.Н.* Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
2. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1978.
3. *Кулинич М.А.* Отрицание в системе словообразования современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
4. *Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса. Пермь, 2003.
5. *Трунова О.В.* Отрицание в составе модального сказуемого в различных коммуникативных типах предложения: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1980.
6. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, 1981.

Ю.Н. Караулов

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЧЕТЫРЕХМЕРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В нашем повседневном лингвистическом дискурсе циркулирует не менее десятка устоявшихся и общепринятых составных терминов с первым компонентом «языковой». Именно вошедших в лингвистические словари терминов, поскольку свободных словосочетаний с прилагательным «языковой» существует гораздо больше. Я хотел бы рассмотреть здесь четыре термина, добавив к тем, что вынесены в заголовок статьи, еще «языковую способность» и «языковую картину мира». Первое впечатление у человека, пытающегося осмыслить взаимоотношения этих четырех, будет, наверное, таким: да, значения этих терминологических единиц в какой-то степени связаны друг с другом, но все же каждая из них обозначает вполне самостоятельную область изысканий и специфических научных данных.

Так, языковая способность понимается как ответственная за полноту владения языком, как обладающая структурой, изоморфной уровневому устройству языка, и репрезентирующая язык с позиций умения создавать и понимать тексты.

Языковое сознание предстает в виде некоторой «емкости» («контейнера»), которая заполнена хаотически перемешанными разнокалиберными единицами – как строевыми единицами собственно языка, так и выходящими за его границы вербально выраженными представлениями об окружающем мире, культурными фактами, именами, идеями, концептами, вообще тем, что называют энциклопедической информацией разного масштаба. Хаотичность как основной закон языкового сознания хорошо подчеркивается одним из его эмпирических аналогов – ассоциативно-вербальной сетью, представленной, например, в Русском ассоциативном словаре (РАС 2002), сетью, где «все связано со всем».

Языковая картина мира воспринимается как отраженное в языке и выраженное с помощью языка упорядоченное представление об устройстве окружающей реальности. В силу природного стремления человека к монизму, к «одноначалию», если можно так каламбурно выразиться (стремления, которое, кстати, не несет никакого мистического начала, а обусловлено неизбежной печатью параллелизма человеческого и космического, параллелизма с са-

ним происхождением Вселенной, развертывающейся из единой начальной точки и пережившей процесс мгновенного «раздувания» (Павленко 2003)), это упорядоченное представление выливается, как правило, в древовидные, конусообразные структуры, ветвящиеся из единой точки и развертывающиеся сверху вниз, от более крупных единиц к более мелким. Вспомним хотя бы синоптические схемы идеографических словарей Касареса, Молинер, Халлига и Вартбурга (Караулов 1976) или многоступенчатые лексические деревья в «Русском семантическом словаре» (Шведова 1998).

Наконец, четвертый термин языковая личность – это, согласно общепринятым представлениям: «1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов» (Русский язык. Энциклопедия 1997: 671).

Сделанные здесь весьма приблизительные описания содержания каждого из четырех понятий как будто подтверждают ожидаемое «первое впечатление», делающее акцент на их отдельности и самостоятельности. Однако по некотором размышлении, в их содержании и соотношении друг с другом можно усмотреть и вполне определенные зависимости. Прежде всего, по самой своей сути, языковая способность есть способность кого-то, есть свойство какого-то субъекта, т.е. является принадлежностью некоторой языковой личности – все равно, конкретного ли индивида или гипотетически обобщенной, усредненной, типовой личности носителя языка. Иными словами, понятие языковой способности поглощается более емким понятием языковой личности, составляя одну из сторон, одну из характеристик последней: связующим звеном двух этих понятий служит «текст», выступающий и как мерило языковой способности и как материальная база реконструкции языковой личности.

Языковое сознание тоже не существует в абстракции, в отрыве от его носителя и с необходимостью должно принадлежать субъекту, т.е. опять-таки языковой личности. Но ведь то же будет справедливо и для понятия языковой картины мира, которое в силу им-

плицитно присущей ему наглядности («картина»!) подразумевает «наблюдателя» – субъекта, индивида, языковую личность. Языковое сознание и языковая картина мира, будучи подчиненными понятию языковая личность, слагаются из одних и тех же единиц, различаясь прежде всего тем, что в языковом сознании правит хаос, тогда как в языковой картине мира действуют правила последовательности, упорядоченности, системности и монизма (развертывание из единой точки и стяжение в одну точку), привносимые скорее всего антропным принципом в восприятии и понимании мира и языка, т.е. прагматической составляющей в структуре языковой личности. Другое отличие языкового сознания от языковой картины мира заключается в динамизме первого и известной статичности второй. Динамизм же выражается в том, что языковое сознание работает в двух режимах – порождения текстов и понимания текстов. Естественно, что ни то, ни другое невозможно без опоры на языковую картину мира.

Если не поддаваться соблазну гипостазировать каждое из рассматриваемых понятий, придавая ему всепоглощающий характер, а попытаться иерархизировать их отношения на основе приведенных рассуждений, то можно резюмировать их следующей формулировкой: Языковое сознание на основе языковой способности порождает и интерпретирует тексты, анализируя которые мы составляем представления о языковой картине мира, являющейся принадлежностью языковой личности, а последняя, в свою очередь, обладает специфической структурой, переживает процессы онтогенеза и эволюции, характеризуется развернутой типологией и подвергается изучению в разнообразных ситуациях ее функционирования.

Таким образом, понятие языковая личность выступает как «старшее», как более общее, подчиняющее себе три других, объясняющее их суть и взаимодействие.

Остается еще одно сомнение, высказываемое, правда, в последнее время все реже, сомнение в том, «а не покидаем ли мы исследовательское поле языкознания, делая объектом рассмотрения вышеназванные феномены, не утрачиваем ли мы при этом сам предмет языкознания – язык?» Чтобы рассеять такое сомнение достаточно вернуться к приведенным выше дескрипциям четырех наших понятий. Так, языковая способность трактуется как способ репрезентации **языка**, обладающий, к тому же изоморфной языку уровневой структурой. (Все того же, заметим попутно, «инфляцион-

ного», т.е. «раздувающегося» из точки – от аллофона до текста, – характера). В языковом сознании строевые единицы **языка** представлены прецедентно, образцами и синкретически объединены с единицами лингвокультурного знания в ассоциативно-вербальной сети, которая выступает как способ репрезентации языкового сознания. Языковая картина мира уже по своему данному выше определению («в языке и с помощью языка») подразумевает **язык** в качестве материального субстрата этой «картины», этого идеального образа мира. Наконец, языковая личность в самой своей структуре, складывающейся из вербально-грамматического, тезаурусного и прагматического уровней, репрезентирует **язык** во всей полноте его функций.

Следовательно, каждое из рассматриваемых понятий, выделяя какой-то специфический аспект изучения **языка**, представляет собой относительно новое, дополняющее традиционные описательные подходы, исследовательское средство, открывает новую возможность доступа к тайнам языка. А объединенные, интегрированные под эгидой языковой личности эти подходы, ничуть не изменившие традиционному предмету языкознания, позволят, мы надеемся, найти решение тех задач, которые пока вызывают определенные трудности у исследователей.

Основным предметом рассмотрения в настоящей статье будет один из названных выше аспектов языковой личности, а именно, языковое сознание, причем сознание не научное, а обыденное, реализуемое и наблюдаемое в пределах обыденного, повседневного употребления языка. Таким образом, обыденным языковым сознанием я называю совокупность вербально выраженных элементарных единиц знаний о мире усредненного, типового носителя языка (и это – содержательно-статическая часть языкового сознания, т.е. декларативные знания), которая совместно со способами оформления их и оперирования ими (и это – функционально-динамическая часть языкового сознания, т.е. операционные знания) определяет иерархическую систему концептов, формирующих образ мира (или, что то же, наивно-языковую картину мира), как принадлежность и естественно-говорящего индивида и соответствующего этноса. Языковое сознание отличается от «просто» сознания прежде всего тем, что оно доступно прямому наблюдению: процессы его работы протекают и их результаты фиксируются в вербальной форме.

Предельно минимальной (элементарной) единицей знания, из совокупности которых складывается языковое сознание, является когнема, структурированная в виде «фигуры знания» – правильной пентаграммы, связывающей в знаково-смысло-когнитивное единство пять параметров: смысл, конкретный способ оформления данного смысла, соответствующий ему знак (слово), указание предметной области мира, к которой относятся знак и смысл, и функцию данной когнемы – общую оценку ее релевантности/ нерелевантности для воссоздания образа мира (Караулов 2003 а). Не всякая фигура знания несет информацию, существенную для мировидения носителя языка. Есть знания важные, необходимые, принадлежащие практически всем, и, не обладая ими, носитель языка не может вступать в полноценное и эффективное взаимодействие со своим социумом; и есть знания второстепенные, маргинальные, необязательные. Первые квалифицируются как знания-рецепт, и именно из них складывается картина мира, а вторые, будучи факкультативными, выступают как знания-ретушь.

Языковое сознание работает в двух режимах – стимульно-реактивном, или смыслопорождающем (от знака к смыслу), который можно квалифицировать как активный, и в режиме знакопорождающем, обратном по направленности активному (от смысла к знаку) и потому названном пассивным (Караулов 2003 б). Материальным аналогом работы языкового сознания служат две экспериментальных методики, с помощью которых анализируется обычно степень владения языком его носителя. Одна из них, реализующая стимульно-реактивный режим, представляет собой свободный ассоциативный эксперимент – от стимула к реакции, результатом которого является в каждом отдельном случае начальная фаза речепорождения: ковер → самолет, Кобзон → певец, ковать → железо, душа → болит. При массовом масштабе такого эксперимента каждое слово-стимул «обрастает» ассоциативным полем грамматически, семантически, когнитивно связанных с ним слов-реакций, а вся совокупность ассоциативных полей образует ассоциативно-вербальную сеть, в рамках которой, двигаясь от стимула к вызванным им реакциям и от реакции к вызвавшим ее стимулам, можно построить непрерывную траекторию попарно мотивированных шагов, связывающих любое слово с произвольно выбранным любым другим на семантической, грамматической, лингвокультурной или когнитивной основе. Эта ассоциативно-вербальная сеть – ее реаль-

ное наполнение словами, словосочетаниями и содержательно интерпретируемыми связями между ними – служит моделью языкового сознания, точнее моделью стимульно-реактивного режима работы языкового сознания. Конкретное воплощение такой сети представлено в упоминавшемся уже «Русском ассоциативном словаре» (РАС 2002).

Другая экспериментальная методика моделирует пассивный режим (от смысла к знаку) языкового сознания и тоже строится как опрос носителей языка, т.е. апеллирует к обыденному употреблению языка, к повседневной разговорной речи. Испытуемому в этом случае предлагается некоторая формула смысла, некоторый способ задания смысла, а его задачей является установление знака (слова) отвечающего заданному смыслу. Например, задан такой смысл: “Отлогий намывной берег, удобный для купальщиков” – ответ ПЛЯЖ; или “Обаяние, очарование” – ответ ШАРМ; или “Невнятный разговор” – ответ ЛЕПЕТ, БОРМОТАНЬЕ; или “Участник игры для «настоящих мужчин»” – ответ ХОККЕИСТ. Такого рода эксперимент, проведенный в массовом масштабе, не только приближается к зафиксированной в РАС ассоциативно-вербальной сети по объему включенных в него данных – слов, словосочетаний и речений, – но в принципе может превосходить ее. Материал для такого эксперимента поставляет исследователю кроссворд, ставший массовым увлечением людей разных поколений в последние годы, или другие интеллектуальные игры, построенные на той же кроссвордной основе, типа «Знатоки», «Кто хочет стать миллионером?», «Поле чудес», «Слабое звено» и т.п. Будучи рассчитан на среднего носителя языка-культуры и на обыденное, не научное употребление языка, кроссворд активизирует знания обращающегося к нему в самых разных областях материальной и духовной культуры, повседневного существования, истории страны и мира (в ее упрощенном восприятии и понимании), мифологии, религии, разного рода искусств, взаимоотношений между людьми и т.д. и т.д. Можно представить себе, что при достаточном объеме материала из кроссвордов будет извлечен весь (статистически усредненный) корпус знаний, которыми оперирует языковая личность в повседневной жизни.

Запись задания смысла и ответа на него, т.е. знака-слова, аналогична бинарной записи стимула и реакции на него в активном режиме. Только в последнем эти записи концентрируются в ассоциа-

тивных полях стимулов (прямой ассоциативный словарь включает исходящие связи от стимула к реакциям) и ассоциативных полях реакций (обратный ассоциативный словарь включает входящие связи от реакции к стимулам). Например, в РАС – прямой: ПЛЯЖ → купание, море, песок, загорать, купальник, река, каменистый, крутой, удовольствие, отдыхать ..., и обратный: пляж ← ПЕСОК, ЗАГОРАТЬ, КУПАЛЬНИК, МОРЕ, ОТДЫХАТЬ, РЕЧНОЙ, УДОВОЛЬСТВИЕ ...; прямой: ЛЕПЕТ → детский, шепот, нелепый, пустой, пьяный, разговор, чушь ... и обратный: лепет ← ДЕТСКИЙ, БЕССВЯЗНЫЙ, БРЕХНЯ, ШЕПОТ; прямой: ХОККЕЙ → мужчина, игра; обратный: хоккей ← ИГРА. Тогда как запись отдельного акта (т.е. смыслового задания и ответа на него) в пассивном режиме редуцируются упомянутой выше пятичленной фигурой знания, или когнемой. Когнема как единица знания в пассивном режиме оказывается коррелятом ассоциативной траектории активного режима, т.е. коррелятом цепочки семантико-когнитивных связей между словами, устанавливаемых в вербальной сети внутри границ ассоциативных полей и через их границы, т.е. между полями.

Совокупность прямых и обратных ассоциативных связей формирует ассоциативно-вербальную сеть, которая позволяет выстраивать великое множество ассоциативных траекторий-цепочек и представляет собой тем самым базу данных активного режима работы языкового сознания. Для пассивного режима работы база данных образуется не на сетевом, а на системно-иерархическом принципе структурирования отраженных в сознании носителя предметных областей окружающего его реального и виртуального мира (а предметная, или референтная, область, как мы помним, является одним из параметров фигуры знания). По основаниям возникновения (появления, формирования) референтная область является результатом осуществленного носителем языка (исследователем) первоначального естественного (интуитивно-обыденного) объединения и редукции элементарных единиц знания – когнем, а по своему статусу, следовательно, референтная область представляет собой единицу знания более крупную, чем когнема, т.е. единицу концептуального характера, для которой средством восхождения к ней становится редукция элементарных единиц знания. Например, задано: дискурсивная формулировка смысла – “Философское учение о морали”; ответ-слово – “Этика”; референтная область – “Философия”. Ср. далее:

- Цель политической борьбы – Власть – Политика;
- Небольшой хирургический нож – Ланцет – Медицина;
- Какая из московских улиц внушала наибольший страх в сталинские времена? – Лубянка – История, Государство;
- «Вклад» картошки в состояние белой рубашки – Крахмал – Быт;
- Рыбацкая лодка, прославленная Марком Бернесом – Шаланда – Музыка (Песня);
- “Копейка”, берегущая доллар – Цент – Деньги.

Таким образом, совокупность референтных областей (в данном случае – Философия, Политика, Медицина, Государство, Быт, Музыка, Деньги) становится первым вариантом «концептуальной сети», набрасываемой языковым сознанием на совокупность количественно стремящихся в бесконечность элементарных знаний о мире. Эти первичные единицы концептуально-языковой картины мира разнородны, разновелики и неупорядочены, но будучи сформированы в базу данных (базу знаний), они служат той основой, на которой реконструируется наивно-языковая картина мира. (Караулов 2004 а, б).

Фундаментальная закономерность, которая определяет системно-иерархические взаимоотношения референтных областей мира в горизонте использования обыденного языка, может быть сформулирована так: любая референтная область знаний о мире всегда способна члениться вглубь, разделяясь на подобласти, и пределом такого членения становится элементарная единица знания. Одновременно, для любой области знаний всегда можно найти более крупную референтную область, включающую в себя, наряду с другими областями, и данную. Пределом такой редукции должно явиться, по-видимому, – по наивным представлениям и ожиданиям обыденного языкового сознания, – то «единое слово», которое вбирает в себя «все», которое обладает потенциалом развертывания всей картины мира из одной-единственной точки, т.е., наверное, то слово, которое «было в начале».

Парадоксальность такого утверждения (или гипотезы, если угодно), производящего впечатление неустойчивости, полной неопределенности, хаоса во взаимоотношениях референтных областей, снимается с учетом фактора времени. В условиях осуществления носителем языкового сознания определенной деятельности, в каждый конкретный момент этой деятельности состав и соот-

ношение референтных областей, активизированных именно для этой деятельности и составляющих ее мотивационную основу, складываются во вполне однозначную, устойчивую структуру, подобную остановленной картинке в калейдоскопе. При перемене деятельности и ее целей такая картинка может измениться – частично, в деталях или радикально, – обрисовав новый «узор» в иерархии и взаимодействии референтных областей друг с другом. Иными словами, вторая (после ассоциативно-вербальной сети) из двух рассматриваемых баз знаний, а именно, база знаний пассивного режима языкового сознания, отражающая системно-иерархическое взаимодействие референтных областей, ведет такое же динамичное, колебательное, «мерцающее» существование, как и сама ассоциативно-вербальная сеть (ср. Караулов 1993: 178-179). Как и в случае сети, исследователь может зафиксировать одно, на один момент «остановленное» ее состояние, но в следующий момент это состояние изменится. Что же касается «окончательной», раз навсегда установленной, детерминистски определенной структуры языкового сознания, воплощающей однозначно заданную наивно-языковую картину мира, то таковой просто не существует: она постоянно находится в состоянии становления и перестройки. Вот почему в том большом числе исследований, посвященных данной проблематике, которые появились в последнее десятилетие, мы не находим попыток реконструировать русскую языковую картину мира в ее целостности, а лишь встречаемся с описаниями ее некоторых фрагментов. Тем не менее, эта задача не является нерешаемой: ведь колебания (пульсация, «мерцание») вокруг каждой точки имеют свои пределы и к решению можно прийти, выяснив природу (физическую, напр., в звучании; грамматическую, имея в виду парадигмы и вариативность форм; семантическую, т.е. колебания в значениях и сочетаемости; когнитивную, напр., особенности метафоризации; лингвокультурную, напр., в увеличении или уменьшении степени прецедентности текстов и др.) и величину этих пределов.

Мы не ставим перед собой такой задачи, цель этой статьи скромнее: мы хотели бы продемонстрировать здесь те логико-когнитивные приемы, те операционные знания, те (не хотелось бы использовать механистическую метафору, но уж очень она распространена и потому ожидаема) механизмы, языковой способности носителя, которые входят составной частью в языковое сознание.

Иными словами, мы ищем ответ на вопрос: какую операцию нужно произвести (или какая операция должна произойти) в языковом сознании носителя, чтобы реализовался знакопорождающий режим его работы и был осуществлен переход от заданного смысла к соответствующему ему знаку. Как станет ясно из последующего изложения, значительную часть этих приемов составляют стилистические фигуры, что само по себе небезинтересно, так как открывает путь к осмыслению когнитивной природы стилистических фигур. Опыт анализа большого числа «заданий смысла» в кроссворде и построения соответствующих элементарных единиц знания – когнем позволил выделить более сорока активно используемых способов задания смысла. Прежде чем перейти к их иллюстрации уточним устройство самой когнемы – фигуры знания.

Как было упомянуто в начале статьи, фигура знания представляет собой структуру из пяти составляющих, из пяти взаимосвязанных компонентов: 1. **Смысл** (например, “Заранее условленная встреча двух влюбленных”) + 2. **Способ** задания смысла (в данном случае – “Дефиниция”) + 3. **Слово** (здесь – “СВИДАНИЕ”) + 4. Референтная **область** (“Взаимоотношения людей”) + 5. **Функция** данной фигуры знания: рецепт или ретушь? (в данном случае – “Рецепт”). Итак, запись фигуры знания, или когнемы, складывается из пяти пунктов: 1. Смысл → 2. Способ → 3. Слово → 4. Область → 5. Функция.

Вся совокупность когнем, составляющая наполнение базы знаний, онтологически представляет собой содержание языкового сознания усредненного носителя языка, серийной языковой личности. Эту совокупность, это содержание можно по-разному распределить по группам, отправляясь от любого узла пентаграммы. Такого рода «разрезы» или «измерения» языкового сознания, являясь входами в базу знаний, выявляют его (сознания) содержательные характеристики, необходимые для конструирования образа мира. Если в качестве исходного пункта взять Функцию, т.е. войти в базу от функций, то мы выстроим **функциональную** классификацию единиц языкового сознания, которая будет представлять собой два больших массива когнем, один из которых составят знания обязательные, знания-рецепты, а в другой войдут несущественные, маргинальные сведения, а также агнонимы (Морковкин, Морковкина 1997), т.е. слова, не известные большинству носителей языка-культуры.

Далее, приняв за исходное Область, мы можем сгруппировать входящие в базу когнемы, объединив их в концептуальные поля (типа Война, Чувства, Растительный мир, Время, Документ, Торговля, Архитектура ...) вокруг имен референтных областей, и получим некое **когнитивное (концептуальное)** разбиение – конечный, вполне обозримый, но пока неупорядоченный перечень разных по объему концептов, которые путем самоорганизации (деления «вниз» и редукции «вверх») должны сформировать образ мира.

Другим входом в базу знаний можно сделать Слово, и тогда итогом классификации будет **лексическая** структура языкового сознания – минимальный словник единиц, входящих в упомянутые концептуальные поля и содержательно характеризующих соответствующие концепты. Расширение этого минимального словника до объема словника тезауруса, репрезентирующего образ мира усредненного носителя языка, достигается включением в словник лексических единиц, использованных в дискурсивных формулировках смысла. Так, из приведенной выше когнемы, где искомым Словом было СВИДАНИЕ, в словник тезауруса включаются слова *встреча, условиться, влюбленные*.

Представить себе входом в базу следующий параметр фигуры знания, а именно «чистые» Смыслы, довольно трудно, так как они оформлены дискурсивно, т.е. в виде краткого дискурса, и практически «растворены» в когнеме. С одной стороны, смысл неотделим от способа его задания, способа его существования, а с другой стороны, смысл оказывается всего лишь связующим звеном между семантикой и когницией (познанием): переход от пространства языковых значений, т.е. от семантики, к когнитивному пространству, т.е. пространству знаний, осуществляется через Смысл. Значение языкового **знака** приобретает статус **смысла** только будучи подвергнутым некоторому стандартному **способу** оформления, будучи погруженным в определенную предметную **область** и квалифицировано как обладающее той или иной **функцией**. Иными словами, оно должно быть погружено в систему связей между параметрами фигуры знания, и тогда, только тогда мы поднимаемся от семантики на уровень когниции и обретаем смысл. Таким образом, я не вижу пока целесообразности в таком разрезе (в таком измерении или размерности) базы знаний, который был бы сделан, отправляясь непосредственно от «ключевого», так сказать, «начального» узла Смысл в фигуре знания. Такая группировка не поддается ника-

кому логически выдержанному принципу, никакому организующему началу, представляя собой хаотичный набор формулировок, каждая из которых представляет собой основу для конструирования когнемы.

Зато оставшийся нерассмотренным последний параметр – Способ, в случае его использования в качестве организующего принципа еще одной размерности в базе знаний и соответствующего структурирования языкового сознания, вполне может служить входом в базу, распределяя все множество составляющих ее когнем по сорока с лишним рубрикам-способам. И я думаю, у нас есть все основания назвать полученную классификацию **смысловой** размерностью языкового сознания. Такой промер базы знаний интересен тем, что, помимо установления независимости этого параметра от четырех остальных (один и тот же Способ может сочетаться с разными и практически со всеми Областями, разными Словами-Знаками и разными Функциями); он позволяет, сопоставляя природные способы оформления и существования Смысла, построить их типологию и выявить статистически наиболее распространенные и наиболее эффективные для русского языкового сознания способы оперирования смыслами.

Таким образом, приходится признать, что пятичленная фигура знания задает не пять, как можно было ожидать, а всего четыре размерности – функциональную, концептуальную, лексическую и смысловую – базы знаний, построенной на материале пассивного режима работы языкового сознания. Иными словами, метрика языкового сознания включает четыре измерения, образуя четырехмерное пространство. Мы ограничимся здесь очень краткой иллюстрацией одной из четырех, а именно, смысловой размерности, приведя по одному примеру на каждый случай – по одной когнеме на каждый способ задания смысла.

Приводимые ниже в алфавитном порядке Способы задания Смысла и иллюстрирующие их когнемы разнородны, и системные отношения способов между собой предстоит еще выяснить и осмыслить. По сравнению со стандартной формулой записи пятичленной фигуры знания (см. выше) в наших примерах опущен второй пункт, что естественно, так как именно этот параметр – Способ – становится здесь входом в базу знаний и его название помещается сверху, над иллюстрирующей его когнемой, в качестве названия

отдельной рубрики в смысловой размерности языкового сознания. Исползованные в записях сокращения легко расшифровываются.

Аббревиатура:

1. Миротворческая международная организация (аббр.).
3. ООН. 4. Международные отношения. 5. Рцт.

Анаграмма

1. Сладкая анаграмма от столицы Филиппин. 3. МАЛИНА
4. Язык. 5. Рцт.

Антоним

1. Профессионализм с точностью до наоборот. 3. ДИЛЕТАНТСТВО. 4. Язык. 5. Рцт.

Ассоциация

1. Сила и мужество, смелость и ловкость, бодрость и здоровье.
3. СПОРТ. 4. Спорт. 5. Рцт.

Афоризмы (а также крылатые слова и их трансформации)

1. Бумажка, без которой ты букашка. 3. ДОКУМЕНТ. 4. Документ. Государственное устройство. 5. Рцт.

Внутренняя форма слова

1. Военское звание, происшедшее от древнего названия знамени. 3. ПРАПОРЩИК. 4. Война, армия. 5. Ртш.

Гипербола

1. Продукт повседневного спроса. 3. ИКРА. 4. Быт. 5. Ртш.

Гипероним

1. Цветок. 3 ТУБЕРОЗА. 4. Ботаника. 5. Ртш.

Гипоним(ы)

1. Что представляет собой торшер? 3. СВЕТИЛЬНИК. 4. Быт. 5. Рцт.

Дескрипция

1. Крестьянская обувь, плетеная из лыка. 3. ЛАПТИ. 4. Быт. История. 5. Рцт.

Деталь биографии

1. Любимый головной убор московского мэра Юрия Лужкова.
3. КЕПКА. 4. ЖЗЛ. 2. Рцт.

Дефиниция

1. Помост, деревянная площадка у берега водоема для полоскания белья. 3. МОСТКИ. 4. Быт. 5. Ртш.

Жест

1. Большой меж указательным и средним. 3. КУКИШ. 4. Язык. 5. Рцт.

Загадка

1. Весь мир одевает, а сама нагишом. 3. ИГЛА. 4. Быт. 5. Рцт.

Игра слов, каламбур

1. Президентская борьба в России. 3. ДЗЮДО. 4. Спорт. ЖЗЛ. 5. Ртш.

Импликация

1. Что слышно во время артобстрела? 3. КАНОНАДА. 4. Война, армия. 5. Рцт.

Конверсив

1. Человек по отношению к своим предкам. 3 ПОТОМОК. 4. Язык. 5. Рцт.

Литота

1. Коммунальный подпол по-одесски. 3. КАТАКОМБЫ. 4. Строение. 5. Ртш.

Метафора

1. Маленькая фабрика для производства меда. 3. УЛЕЙ. 4. С/х. 5. Рцт.

Множество и элемент множества

1. Предмет домашней утвари. 3. ТЕРКА. 4. Быт. 5. Рцт.

Образ (зрительный, слуховой, жестовый и др.)

1. Украшали щеки Пушкина. 3. БАКЕНБАРДЫ. 4. ЖЗЛ. 5. Рцт.

Оксюморон

1. Богатство бедняка. 3. ДЕТИ. 4. Язык. Дети. 5. Рцт.

Омоним

1. Хоть и “голубой”, но в новогоднюю ночь в центре внимания. 3. ЭКРАН. 4. Кино и ТВ. 5. Рцт.

Пароним

1. Цветок с мужским именем. 3. ГЕОРГИН. 4. Ботаника. 5. Ртш.

Перифраза

1. Румынский граф-кровопийца. 3. ДРАКУЛА. 4. Мифология. 5. Рцт.

Поговорка

1. Оно вечера мудренее. 3. УТРО. 4. Язык. 5. Рцт.

Полисемия

1. Птичка, которую регулярно изображают гимнасты. 3. ЛАСТОЧКА. 4. Язык. Спорт. Зоо. 5. Рцт.

Пословица

1. Что, согласно пословице, плетью не перешибешь? 3. ОБУХ.
4. Язык. 5. Рцт.

Предикат

1. Живет летом за городом. 3. ДАЧНИК. 4. Природа. Город.
5. Рцт.

Прецедентный текст

1. Кто пленил князя Игоря? 3. ПОЛОВЦЫ. 4. Литература.
5. Ртш.

Псевдоним

1. Настоящая фамилия русского поэта Игоря Северянина.
3. ЛОТАРЕВ 4. Литература. 5. Ртш.

Рифма

1. Хищник, который хорошо рифмуется со словами “зубами щелк”. 3. ВОЛК. 4. Зоо. 5. Рцт.

Символ

1. Символ поэтического вдохновения. 3. ПЕГАС. 4. Мифология. 5. Ртш.

Синоним и квазисиноним

1. То же, что биополе, но с парапсихологическим уклоном.
3. АУРА. 4. Психология. 5. Ртш.

Словосочетание

1. Состояние, которое можно поймать. 3. КАЙФ. 4. Физиология. 5. Рцт.

Смена кода

1. Название этой болезни произошло от латинского глагола «душить». 3. АНГИНА. 4. Медицина. 5. Ртш.

Сравнение

1. Прекрасные щечки напоминают этот плод с пушистой кожицей. 3. ПЕРСИК. 4. Язык. 5. Рцт.

Суждение

1. Любимая ткань для волокитчика. 3. СУКНО. 4. Язык. 5. Ртш.

Термин (научный, профессиональный)

1. Вишневый плод с точки зрения ботаника. 3. ОДНОКОС-ТЯНКА. 4. Ботаника. 5. Ртш.

Формула

1. Словесный эквивалент $\text{CH}_3(\text{CH}_2)_6\text{CH}_3$. 3. ОКТАН. 4. Химия.
5. Ртш.

Фразеологическая единица (и материализация ее образной стороны)

1. Какой профессиональный ремесленник незаслуженно пострадал, став мерилом высокой степени опьянения?
3. САПОЖНИК. 4. Язык. 5. Рцт.

Фрейм

1. То, под чем находится мотор. 3. КАПОТ. 4. Транспорт.
5. Ртш.

Шарада

1. Рыба, в названии которой спрятались дерево и нота.
3. ИВАСИ. 4. Зоо. Музыка. 5. Ртш.

Эвфемизм

1. Скромно одетый юноша. 3. РВАНЬ. 4. Внешность человека.
5. Рцт.

В этот перечень, схематически отражающий совокупность формальных способов задания смысла в соответствующем (смысловом) пространстве языкового сознания и, вероятно, не являющийся окончательным, вошли разные по своей природе приемы. На пути построения лингвокультурного тезауруса русского языка, репрезентирующего языковое сознание русской языковой личности и ее картину мира, одной из ближайших задач является типологическая квалификация этих приемов и ответ на вопрос о возможности установления их исчерпывающего списка.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1996.
3. Караулов 2003 а – Караулов Ю.Н. Единицы языка и единицы знания // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы научно-практического семинара. Ч. 2. М., 2003.
4. Караулов 2003 б – Караулов Ю.Н. Языковое сознание: пассивный и активный режим работы // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвузовской научной конференции 31 января 2003 г. М., 2003.
5. Караулов 2004 а – Караулов Ю.Н. Концептография языковой картины мира. Статья 1. Первый этап «восхождения» к образу мира: от элементарных фигур знания к предметно-референтным областям культуры // Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2. М., 2004.

6. Караулов 2004 б – *Караулов Ю.Н.* Концептография языковой картины мира. Статья 2. Референтные области, концепты и концептосферы (Второй этап «восхождения» – от областей к концептам) // *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты.* Москва – Барнаул, 2004.
7. *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы. (Слова, которые мы не знаем). М., 1997.
8. *Павленко А.Н.* Место «хаоса» в новом мировом «порядке». (Методологический анализ оснований хаотической космологии) // *Вопросы философии.* 2003. № 9.
9. *Русский ассоциативный словарь.* В 2-х томах. Т. 1, т. 2. М.: Изд. «Астрель», 2002.
10. *Русский семантический словарь.* Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей редакцией академика *Н.Ю. Шведовой.* Том I. М.: Азбуковник, 1998.
11. *Русский язык.* Энциклопедия. М.: Дрофа, 1997.

Л.С. Колодкина

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Перманентно изменяющийся спектр требований, определяющих назначение и функции педагога как личности и профессионала на каждом историческом этапе развития социума, является действенным стимулом для активного изучения профессиональной компетентности в мировой педагогике.

Работы зарубежных ученых G. Moskowicz, R.L. Oxford, R.S. Scarella, E.W. Stewick, E. Tarone, D. Yule изобилуют теоретико-практическими размышлениями по данной проблеме. Анализируя материалы американских исследований, считаем необходимым отметить, что понятия «компетентность» и «квалификация» употребляются как синонимы. По данным словарной статьи «квалификация» (от лат. qualis-какой, какого качества и facere-делать) – это степень и уровень профессиональной подготовленности к какому-либо виду труда (Словарь иностранных слов 1986: 223). Тезаурус «квалификации» включает понятие «труд» - деятельность, имеющая социально-экономические показатели, что и является ее отличительным признаком от профессиональной компетентности.

В исследованиях Г.С. Трофимовой разработана трехкомпонентная модель, которая состоит из содержательного, мотивацион-

ного и исполнительского компонентов. Профессиональная компетентность понимается как качественная характеристика степени овладения специалистами своей профессиональной деятельностью и предполагает:

- осознание своих побуждений к данной деятельности;
- оценку своих личностных качеств;
- регулирование своего профессионального становления, самосовершенствования и самовоспитания (Трофимова 2000: 15).

Трактовка модели Г.С. Трофимовой тесно взаимосвязана с идейными представлениями Н.К. Сергеева о категории связи и ее применении в исследовании целостного педагогического процесса. Автор отмечает, что включенность компонентов профессионально-педагогической компетентности один в другой отражает их иерархическую соподчиненность - то обстоятельство, что качественное формирование и развитие компонентов более высокого уровня невозможно без освоения предыдущих (Сергеев 1981).

Несколько шире понимает профессиональную компетентность В.А. Якунин, предлагающий следующую классификацию ее компонентов:

- система профессиональных знаний, умений, навыков;
- стремление и способности к самостоятельному творческому решению задач;
- психологическая и социально-психологическая готовность к работе с людьми и управлению ими;
- идейно-нравственная зрелость (Якунин 1988: 8-9).

Нам представляется наиболее важным выделение в структуре профессиональной компетентности такого компонента, который бы определял уровень понимания собственной значимости в коллективе, ответственности за результаты своей деятельности, познания себя и самореализации в профессиональном общении. Таким компонентом, на наш взгляд, является самооценка.

Приступая к анализу применения процедуры самооценки на практике, считаем необходимым представить полифонию взглядов исследователей на содержание самого понятия.

Беррес Фредерик Скиннер, исходя из собственной теории «оперантного научения», считал, что формирующим фактором самооценки является опыт индивида, из которого он черпает представления о себе (Scinner 1974).

Альберт Бандура утверждает, что широкий спектр поведения человека регулируется с помощью реакций самооценки, выражаемых в форме удовлетворенности и неудовлетворенности собой, гордости своими успехами, самокритики. Исследователь рассматривает самооценку в категориях «самоэффективность», «самоуважение» и «чувство собственного достоинства». Действие самооценки А. Бандура видит через мысленное представление: «Те, кто считают себя неспособными добиться успеха, более склонны к мысленному представлению неудачного сценария и сосредотачиваются на том, что все будет плохо. Уверенность в неспособности добиться успеха ослабляет мотивацию и мешает выстраивать поведение... Те, кто обладает сознанием высокой самоэффективности, мысленно представляют себе удачный сценарий, обеспечивающий позитивные ориентиры для выстраивания поведения, и осознанно репетируют успешное решение потенциальных проблем» (Bandura 1989).

В работах отечественных исследователей (Н.Е. Акудинова, И.Н. Бронников, В.А. Горбачева) в первую очередь подчеркивается важность деятельности человека: считается, что самооценка, как и другие личностные образования, формируется в результате деятельности, и через осознание результатов своей деятельности человек приходит к осознанию себя как субъекта этой деятельности, к оценке своих возможностей и качеств. Авторы особо подчеркивают, что главную роль в формировании самооценки играет социальная среда (Мисюрина 1978).

Содержание профессиональной деятельности педагога специфично в том, что предъявляет к нему ряд особых требований, заставляющих специалиста развивать определенные качества как личностные, так и профессиональные.

В практическом плане наша авторская позиция заключается в том, что мы предлагаем повышать уровень профессиональной компетентности будущего педагога и ее важного компонента – самооценки в условиях педагогической практики. Вышеназванное условие выбрано неслучайно. Известно, что педагогическая практика представляет собой модель взаимодействия начинающего педагога и обучающихся, обладает огромным потенциалом по воплощению идей гуманизации образования и личностно-ориентированного подхода. В период педагогической практики студент-будущий специалист овладевает основными элементами педагогической дея-

тельности, в процессе которой происходит его личностное и профессиональное становление.

Так, например, с целью формирования самооценки как компонента профессиональной компетентности в условиях педагогической практики проводилось несколько активаторных упражнений, одно из которых получило название «Мои творческие успехи».

Процедура проведения занятия имела цель: исследование путей самооценки и самореализации через профессию.

1. Инструкция тьютора педагогической практики:

«Наверно каждый из Вас уже, так или иначе, выбрал свой путь, свою область деятельности и представляет, каким специалистом он хочет быть.

Давайте пофантазируем с закрытыми глазами, каких творческих успехов Вы добились, развиваясь в этом направлении. Как в связи с этим изменитесь Вы, как изменится ваше окружение, семья, друзья. Посмотрите на эту «картинку» с разных сторон, побудьте в этих ощущениях. Запомните их, откройте глаза, нарисуйте «свои творческие успехи как педагога».

На выполнение задания отводилось 10-15 минут.

2. Тьютор: «Предлагаю разложить работы по кругу. Походите и посмотрите на работы других. Отметьте те работы, которые Вас привлекли.

Может быть, чья-то работа или ряд работ оказались очень схожей с Вашей в основной идее. Положите свою работу рядом с той, которая наиболее созвучна с Вашей работой».

Комментарий: Задание выполняется по кругу. Если рядом с работой участника уже лежит работа, то он может взять обе эти работы и положить рядом с той, которая для него кажется созвучной. Если образуется какая-то группа, и кто-либо из участников хочет к ней присоединиться, то свою работу он кладет рядом с той, которая наиболее подходит к его.

В результате каждая группа должна представить свой способ развития и ответить на следующие вопросы (перечень записывается на доске):

- Какова основная цель вашей группы ?
- Каковы способы достижения целей?
- Что происходило с Вами и с Вашим окружением?
- Что уже сделано для осуществления цели?
- Чем Вы можете пользоваться из своего уже имеющегося

педагогического багажа? Что необходимо еще приобрести?

- На сколько реально достижение этой цели?

Группе предлагалось выбрать одного или двух человек, для презентации своих творческих успехов и пути развития группы. На презентацию отводилось три минуты. По истечении времени все участники задавали вопросы или высказывали свое мнение о плюсах и минусах педагогической карьеры.

В результате, иллюстративно была представлена идея самосовершенствования. Практиканты комментировали представленное следующим образом: «Мы были и всегда будем стараться быть впереди. Создав приятную атмосферу, мы приобрели много добрых и отзывчивых друзей в образе детей. Оценивая себя со стороны, понимаем, что имеем заработанный авторитет перед детьми».

Проведение подобных активаторных процедур готовило студентов-будущих учителей к проведению научно-исследовательской игры (терминология Е.Д. Пирожкова) «Компетентность», которая позволила не только развивать коммуникативные умения студентов-практикантов, но и продемонстрировать определенный уровень профессиональной компетентности.

Игра – личностно-ориентирована и расширяет следующие компетентности: профессиональную, общекультурную, социальную. Ключевые моменты игры могут быть транслированы на конкретную профессиональную деятельность.

Представим сценарий деловой игры «Компетентность».

I. Проспект игры включал:

- Название деловой игры - «Компетентность».
- Цель и задачи игры:
  - выработка в группе комплексного взгляда на личностные и профессиональные качества педагогически компетентного педагога;
  - демонстрация моделей профессиональной компетентности;
  - совместная разработка модели;
  - оформление модели;
- Перечень основных вопросов, которые могли бы помочь участникам сконструировать модель.
  - Состав участников.
  - Сроки проведения: 2 академических часа.
  - Реквизит: бумага, фломастеры.
  - Сценарий игры соответствует 5 этапам.

II. Процедура деловой игры:

1 этап. Информационный.

Раскрываются вопросы:

- исходная информация об игре;
- технология проведения деловой игры;
- принципы;
- приемы и правила работы в группе;
- знакомство с литературой;
- список вопросов, на которые ответят участники, изучив указанные источники.

2 этап. Организационный.

- Самостоятельное объединение участников в группы.
- Выбор руководителя в каждой группе в лице «директора школы» в одной группе и «опытного педагога» – в другой.

3 этап. Подготовительный.

Выполнение группами полученного задания в течение недели.

Задание: разработать модель профессиональной компетентности педагога или директора школы. Каждая группа должна представить и обосновать эту модель с точки зрения, выработанной совместно участниками игры роли. Путем определения спектра необходимых качеств как профессиональных, так и личностных проводится «наполнение» каждого направления модели. В работе используется изученная на предварительных этапах игры литература, собственный и групповой опыт участников.

4 этап. Основной.

Обсуждаются вопросы, заданные в начале игры. Группа представляет и обосновывает модель. Первоначально выбираются качества, выделенные в ходе обсуждения всеми членами группы, затем те, которые игрокам представляются наиболее важными. Группа защищает модель компетентности.

Результат оформляется наглядно.

5 этап. Итоговый.

Осуществляется оценка работы групп, обсуждается ход игры, проводится итоговая рефлексия.

На этапе рефлексии обсуждаются следующие вопросы:

1. С какими трудностями Вы столкнулись при выполнении заданий?
2. Укажите положительные и отрицательные моменты выполнения заданий в группе.

3. Что нового о себе Вы узнали?

Студенты разработали модель профессиональной компетентности педагога и администратора школы.

Анализ двух проиллюстрированных концепций показал, что студенты умеют:

- критерияльно определять наличие компетентности («профессиональные умения и навыки, умение работать с людьми»);
- содержательно охарактеризовать компетентность по каждой позиции («самостоятельность – принимать самостоятельно решения»; «самооценка – осознание самого себя, своих взаимоотношений с окружающими»);
- структурно и функционально определить деятельность педагога («идеи» – образ «солнца», пополняющего энергетикой профессиональную жизнь педагога; «компетентность» – образ «крыши дома», символизирующий уверенность в действиях, поступках; «дидактическая культура» – образ «фундамента» дома как основа деятельности педагога.

На итоговой и самоопределяющей фазах педагогической практики будущие специалисты совместно с тьютором подводят итоги, основываясь на самооценке и самоанализе собственной деятельности. Считаем, что комплекс проводимых упражнений и ролевых игр способствует повышению профессиональной компетентности педагогов, что доказывает уровень представленных сочинений на такие темы как: «Мое профессиональное «Я»» или «Мое педагогическое кредо».

Дополнительно рекомендуем на заключительных фазах педпрактики, с целью выявления уровня сформированности профессионально-педагогической компетентности, использовать следующий диагностический инструментарий: методики Т. Элера «Тест на оценку мотивации к успеху» и Ю.М. Орлова «Потребность в достижении», шкалу Д. Марлоу и Д. Крауна «Самооценка мотивации одобрения».

Таким образом, создаются все необходимые условия для того, чтобы обучаемые выступали с позиции «чему я научилась(ся)» за период педпрактики и что предстоит сделать в будущем, а обучающие – «чему я научил(а)» студентов. Такая постановка вопроса вносит предельную ясность и конкретность в обсуждение трудностей и повышает профессиональную ответственность каждого обу-

чающего и обучаемого за качество подготовки специалистов в период педпрактики.

Составляющие конструкты профессиональной компетентности, входящие в центральный элемент рефлексивного «Я», который обеспечивает объективность и адекватность будущего учителя – это анализ результатов наблюдений, тестов, письменных работ и устных ответов детей; обсуждение инновационных технологий и определение возможностей их применения в конкретных условиях; проведение самоанализа и анализа уроков и внеклассных мероприятий своих коллег. Комплекс аналитических действий направлен на формирование объективности самооценки и представлений о себе и своей деятельности. Критерием адекватности является мнение коллег и показатели проведенной диагностики. Результат анализа заключается в том, чтобы рефлексивное «Я» способствовало действительным представлениям об учителе и оценки его другими.

Литература

1. *Мистюрина Т.Е.* Преодоление неадекватной самооценки у старших подростков в процессе их приобщения к общественно-полезной деятельности. Алма-Ата, 1978.
2. *Сергеев Н.К.* О категории связи и ее применении в исследовании целостного педагогического процесса // *Методологические основы совершенствования учебно-воспитательного процесса.* - Волгоград, 1981.
3. *Словарь иностранных слов.* М.: Рус. яз., 1986. 608 с.
4. *Трофимова Г.С.* Структура педагогической коммуникативной компетентности: методологический аспект: Монография. 2-е издание, испр. и доп. Ижевск: «Купол», 2000.
5. *Якунин В.А.* Актуальные процессы вузовской психологии и педагогики в условиях перестройки высшей школы // *Психолого-педагогическое обеспечение учебного процесса в высшей школе в условиях ее перестройки* // Науч. сообщ. к межвуз. конф. Л. – М.: ЛГУ, 1988. С. 7-15.
6. *Bandura A.* Self-Efficacy Mechanism in Human Agency // *American Psychologist* 37 (1982), pp.122-147.
7. *Bandura A.* Regulation of Cognitive Processes Through Perceived Self-Efficacy // *Developmental Psychologist* 25 (1989), pp. 729-735.
8. *Skinner B.F.* About Behaviorism. New York: Knopf, 1974.

Г.Е. Крейдлин

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ
НЕВЕРБАЛЬНОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ЭМОЦИЙ

Семантические области, в которых существуют и активно проявляют себя мимические жесты⁴ и, шире, знаковые выражения лица, в значительной степени являются культурно обусловленными и по-разному распределенными. В одних культурах знаковые выражения лица закреплены по большей части за той областью, которую можно условно назвать «контроль за собственным социальным поведением, за процессом общения и за диалогическим поведением партнера» (в частности, сюда относятся такие эмоциональные смыслы, как 'раздражение' или 'рассерженность', в противоположность смыслам 'удивление' или 'удовлетворенность'). А в других культурах на передний план выступают, например, область интенсивности эмоций вместе с мимическими единицами, которые эту область обслуживают. В этих культурах знаки лица соотношены обычно лишь с сильными эмоциями, такими как гнев, ярость, ненависть, любовь и др., тогда как слабые или более слабые эмоции, такие как удовольствие, спокойствие, умиротворение, скука и пр., если и выражаются невербально, то иначе. Они чаще передаются посредством знаковых положений тел – поз – и знаковых телодвижений.

Процессы, стоящие за лицевыми и другими невербальными проявлениями эмоций в отдельно взятой культуре, практически мало исследованы и теоретически плохо осмыслены. В частности, остается до сих пор не изученным исключительно важный гендерный аспект выражения эмоций в различных социальных ситуациях, или, как эту проблему именуют в невербальной семиотике, **гендерная невербальная манифестация эмоций**.

Известно, что у мужчин и женщин манифестация эмоций протекает по-разному и обусловлена значениями целого ряда признаков. Так, она зависит от того, происходит между лицами одного пола или разных полов, между знакомыми или малознакомыми и т.д., или, например, от того, с каким объектом люди в данный мо-

---

⁴ Жесты, как это принято в работах по невербальной семиотике, понимаются здесь мной довольно широко, а именно как включающие в себя не только (а) собственно жесты, то есть знаковые движения рук, ног и головы, но также (б) мимические жесты и выражения лица, (в) позы, (г) взгляды и (д) знаковые телодвижения (движения корпуса).

мент имеют дело и какие принимают решения по интересующему их вопросу.

Были получены данные, которые говорят о том, что в более «холодных» культурах в сравнении с более «теплыми» культурами женщины уделяют меньше внимания психологическим аспектам общения. В «теплой» латиноамериканской культуре в коммуникативном поведении женщины экспрессии и переживаний в среднем больше, чем, скажем, у скандинавской женщины. Латиноамериканская женщина больше плачет, срывается на крик, ведет себя шумно. Она же чаще и громче говорит, громче смеется, как правило, не прикрывая при этом рукой рта (такой этикетной нормы, по-видимому, в латиноамериканской культуре нет). Жест **прикрыть рукой рот** <во время смеха> с точки зрения нашей и, вообще, средневропейской культуры является этикетным жестом, выражением скромности и стыда, и по сложившимся общественным нормам считается больше свойственным женщинам.

А мужчинам у нас специально предписывается не «проявлять слабость», они должны стараться избегать сентиментальности и не выражать на людях такие «женские» эмоции, как ласку, нежность (ср. хотя бы русское выражение *телячьи нежности* или эпитет *сентиментальный* применительно к мужчине с их явно отрицательными коннотациями). В то же время в средневропейской культуре невербальные проявления «сильных», «мужских» чувств типа гнева или ярости в средневропейской культуре вполне допускаются и слабо контролируются, а, например, турки-мужчины целуются, гладят и хлопают друг друга по спине, выражая нежность и ласку, и это у них в культуре в порядке вещей. По моим собственным наблюдениям, когда у нас женщина беседует с рядом стоящим мужчиной, который вызывает у нее интерес, руки ее открыты и чуть отодвинуты от тела, при этом женщина, как правило, *приветливо улыбается*. Напротив, если собеседник-мужчина ей не нравится, то руки прижимаются к телу, улыбки на лице нет вообще или, как говорят, улыбка *вымученная* или *кривая*. Поза, которую женщина принимает в разговоре с таким мужчиной, носит явно выраженный закрытый характер, или, говоря на языке психологов, «обращена вовнутрь».

Невнимание к специфичным «культурным акцентам» может привести к драматическим последствиям, ср. «Каждая культура обладает собственными «правилами проявления эмоций», их нару-

шение может иметь серьезные последствия для индивида. Эти культурные правила могут требовать подавления или маскировки одних выражений, и, наоборот, частого проявления других. Представители западной цивилизации часто улыбаются при неприятностях, а японцы, воспитанные на самурайском кодексе чести «бусидо», обязаны улыбаться, даже переживая горе» (Вельховер, Вершигин 1998: 97). А вот еще один пример. Известен случай с американской студенткой, которая, будучи в Афинах, зашла в булочную и попросила на очень хорошем греческом языке дать ей пять миндальных печений. Делая это, она сопровождала свою просьбу мануальным жестом с такой формой: рука выставлена ладонью вперед в направлении продавца, пять пальцев широко расставлены. Ей не было, однако, известно, что в греческом языке тела этот жест имеет не смысл количества (пять), а совсем иной, эмоциональный, смысл наносимого адресату грубого оскорбления. Ничего не понимающую студентку с криками и бранью выгнали из магазина.

Некоторые ученые полагают, что основная сфера невербальных проявлений эмоций – это адаптивное поведение, приспособливание к той или иной складывающейся ситуации. Однако о систематически проявляющихся различиях в физиологических реакциях на боль женщин и мужчин в разных культурах нам почти ничего не известно; еще менее изучены особенности вербальной и невербальной концептуализации боли в культурных и знаковых кодах. Известно, например, что отражение боли на лице (ср. русские словосочетания *гримаса боли; он побледнел; лицо скривилось, скорчилось от боли; в глазах у него помутилось*) или в телесном поведении (ср. глаголы *скорчиться, сжимать, скрутить*, выражения *неподвижное тело, боль сковала тело, зажатое тело, мышечные судороги*) может свидетельствовать о каких-то неполадках внутри организма, что отчасти подтверждает точку зрения Ч. Дарвина. Тот полагал, что эмоции вызываются факторами-стимулами, которые человек воспринял извне, обработал, квалифицировал и оценил, а выражение эмоций на лице является процессом, идущим в противоположном направлении, изнутри человека, и что этот процесс по своей биологической природе чисто адаптивный и не направлен на другого человека. При этом чувство боли выражается опять-таки дифференцировано у мужчин и женщин; считается, например, что у женщин болевой порог выше, чем у мужчин, и потому они терпят боль лучше мужчин.

Отрицательные эмоции, боль, волнение или стресс коррелируют с эмоциональной напряженностью лица и тела. Отмечаются бледность и асимметричное положение, даже – при сильном стрессе и трудно переносимой боли – перекошенность, лица, дрожание и ригидность мышц, бегающие глаза, ощущение «дыбом стоящих волос». Эти невербальные симптоматические проявления, или симптоматически знаки, в среднем более свойственны женскому европейскому типу личности. Бессознательное психопатологическое отражается и в мимике, и в позах, и в знаковых телодвижениях, однако гендерные манифестации такого отражения ни для одной культуры, по-видимому, не изучены.

Нерешенной проблемой остается также распределение способов и средств выражения эмоций по частям тела и лица и мужчин и женщин разных культур.

У европейских женщин и мужчин наиболее выразительными частями лица являются глаза, нос и рот. Например, поскольку ротовое отверстие у мужчин в среднем больше, у них более четко видны отклонения, вызванные, или точнее (чтобы не вдаваться в знаменитую полемику Ч. Дарвина и У. Джеймса (см. о ней Крейдлин 2002, гл. 3 § 15)), соотносимые с теми или иными психологическими состояниями. Маленький мужской рот у европейцев, считается, свидетельствует о слабом характере человека. А китайцам и японцам вообще не нравится большой рот у женщины. Это, по их мнению, является проявлением мужского начала, что многим мужчинам неприятно.

В литературе указывается, что плотно сжатые губы и стиснутые зубы говорят о злости, решимости, настойчивости человека, наоборот, расширение ротовой щели говорит о снижении эмоциональной активности. По данным физиогномистов тонкие женские губы западной женщины выдают страстную, но сдержанную женщину, а слишком тонкие мужские губы бывают у жестких людей, способных на холодный расчетливый, часто злой или подлый поступок. Хотя совсем не ясно, сколь научными являются все эти данные, но для врачей-невропатологов, психиатров, гомеопатов и других специальностей они, несомненно, значат многое при постановке сложных диагнозов и при лечении не менее сложных болезней. И особенно преуспели в таком анализе, диагностике и врачевании исследователи и лекари Азии, где анализ гендерных невер-

бальных манифестаций получил широкое распространение и признание.

Губная, носовая, корпусная и иная телесная диагностика психических и болезненных состояний мужчин и женщин разных культур – это еще одна важнейшая проблема, решение которой, как кажется, невозможно без участия специалистов в области невербальной семиотики.

***

Мне уже приходилось писать о том, что качества и нормы поведения, которые образуют связанные с эмоциями гендерные социальные стереотипы русской культуры, выступают как цель воспитания и формирования характера мужчины и женщины (Крейдлин 2005б). Воспитанность и просвещенность в русской культуре всегда шли бок о бок с умением вести беседу и хорошими манерами, образуя в совокупности некое единое свойство, которое русский поэт К. Батюшков называл «людскостью». Не удивительно, что в русском языке многие из таких стереотипов выявляются, помимо прочего, при стандартной смысловой интерпретации фраз – наставлений или порицаний типа *Будь мужчиной!* или *Не будь бабой!*, то есть высказываний, которые обращены к лицам мужского пола и которые управляют их поведением, ориентируя на проявление соответствующих мужских качеств. Например, мальчиков учат не плакать, быть мужественным, держаться молодцом, *stiff upper lip*, как говорят англичане, букв. 'закусить верхнюю губу', то есть не плакать, сохраняя мужество и достоинство. Мальчики не любят, чтобы на людях их ласкали и целовали родители, проявляя отеческую или материнскую любовь и привязанность. А к девочкам взрослые обращаются со словами: *Ты же девочка, ты не должна...* Когда молодой человек у нас *проявляет слабость*, например, по мнению окружающих, вкладывает во что-либо слишком много эмоций, ведет себе чересчур эмоционально, что считается свойственным женщинам, такое поведение расценивается людьми как *немужское* и, как мы видим, осуждается. И осуждение это обусловлено тем, что нарушаются существующие общественные стереотипы.

Интересна языковая и жестовая несимметричность, вызванная различиями в стереотипных представлениях о гендерных ролях в русской культуре. Девочке или женщине крайне редко говорят что-то вроде *Будь женщиной!* или *Не будь мужиком!*. Если мальчика

или юношу направляют на то, как он **должен** себя вести, то есть ориентируют на активные действия, говоря ему: *Ты должен то-то и то-то*, то девочке или девушке чаще говорят (в собранном мной корпусе – примерно в 70% случаев), как она **не должна** себя вести: *Ты не должна поступать так-то и так-то*. Тем самым, её учат адаптироваться к незнакомой или изменившейся ситуации. Девочки в силу своих физиологических особенностей, в частности более скорого взросления, и из-за отводимых женщине обществом ролей обычно раньше мальчиков начинают осознавать, какими хотят их видеть взрослые и как они должны себя для этого вести. И они начинают демонстрировать и вербальным, и невербальным способами свою готовность следовать установленным нормам и правилам поведения (см. об этом в Крейдлин 2005 а, б.).

***

Эмоциональное невербальное гендерное поведение в значительной степени зависит от национальных и культурных представлений о социальном положении мужчин и женщин и о гендерных коммуникативных ролях. Под гендерными коммуникативными ролями я понимаю общественные и культурные ожидания, касающиеся коммуникативного поведения полов, а также способы, которыми эти ожидания реализуются в актуальном коммуникативном семиотическом взаимодействии. В конце своего обзора литературы по вопросам социальной подчиненности/доминанции У. Норд (Nord 1969) пишет: "It has also been well established, at least in our culture, that females supply greater amounts of conformity under almost all conditions than males" (с. 208), то есть «было также точно установлено, что, по крайней мере в нашей (североамериканской – Г.К.) культуре, почти при всех условиях женщины занимают позицию конформизма (букв. более послушны) гораздо чаще, чем мужчины». В течение длительного времени считалось, что гендерные различия в социально обусловленных разновидностях поведения, таких как послушание, подчинение или, в широком смысле слова, конформизм, все являются производными от гендерных ролей, которые предписаны людям в нашей культуре (см., например, Sistrunk, McDavid 1971). Это утверждение вполне согласуется с установленным эмпирически фактом, что женщины чаще, чем мужчины, подвергаются общественному и индивидуальному давлению. Большая, чем у женщин, восприимчивость мужчин к давлению объясняется тем, что женщина по европейским культурным нормам должна

быть более пластичной, уступчивой, податливой, послушной и покорной, и эти нормы подавляют личностные факторы, особенности характера, темперамент, волевые проявления и пр. И эти же факторы ограничивают также многие присущие женщине вербальные и невербальные проявления эмоций.

Современные работы в области теории диалога и социальной психологии продемонстрировали неправомерность столь категоричных утверждений. Были обнаружены и описаны совсем другие модели и формы гендерного поведения, которые на первых порах казались исключением из общего закона, а при описании и объяснении гендерных манифестаций эмоционального поведения стали принимать во внимание гораздо большее число кинетических параметров, предлагать и вводить более тонкие параметры и оценки поведения с их комбинациями. При анализе гендерного поведения исследователи чаще всего обращаются к таким признакам, как групповое/личное давление, наличие/отсутствие при разговоре сторонних наблюдателей, стремление достичь личной выгоды/получить преимущества для другого лица или организации (учреждения, завода, института и т.д.), социальный статус лица и отношение к нему в коллективе, психотип личности и умение и/или желание контролировать в общении свое поведение и др.

Проведенные на большом и разнообразном культурном и социальном материале многофакторные эксперименты и их надежная последующая статистическая обработка показали, что многие наблюдаемые гендерные различия в эмоциях, равно как и в доминании/подчиненности, объясняются гораздо более сложными причинами, чем относительно простые культурно-специфичные предписания женщинам и мужчинам вести себя таким-то образом в данной социальной ситуации. Культурные инскрипции, наставления и рекомендации являются лишь одним из многих в равной мере ценных и равно значимых признаков, описывающих эмоциональное, а также доминантно-подчиненное поведение полов. По сути дела, сегодня признано, что хотя женщины в определенных типах диалогов с мужчинами и определенных типах ситуаций и занимают подчиненную позицию, они же в других ситуациях предстают и более доминантными, и менее эмоциональными, и менее конформными, чем мужчины. В частности, к инверсии культурно обусловленных коммуникативных ролей могут привести особый характер или важность решаемой в коммуникативном акте задачи,

личностные характеристики людей разных полов, ведущих между собой диалог, жанр, тематика и тон беседы. Сводить же объяснение всех различий между поведением женщины и мужчины в диалоге единственно к различию в полах является в высшей степени надуманным и совершенно неэффективным с научной точки зрения.

К сожалению, при описании многих интересных и стимулирующих экспериментов в области эмотивного поведения часто не говорится о том, к какой культуре или к каким культурам относятся испытуемые, да и сам экспериментатор. Так, еще в 1961 году Дж. Маль (Mahl 1961) изучал жестовую и эмотивную активность людей в ходе интервью, когда они смотрели и не смотрели друг на друга ("faced and faced away each other"). Дж. Маль обнаружил, что когда интервьюер и интервьюируемый не видели один другого, количество коммуникативных, то есть передающих лексическую информацию, жестов явным образом уменьшалось, а количество некоммуникативных (аутичных) жестов возрастало. Ученый интерпретировал этот лабораторно полученный результат как проявление самостимуляции и желание ответной реакции при непосредственном восприятии. Однако он не дал никаких указаний по поводу того, какие жесты кодировщики считали коммуникативными, а какие нет. И осталось также не ясным, были все люди, принимавшие участие в эксперименте, представителями одной культуры или разных. П. Экман и У. Фризен (Ekman, Friesen 1969) имели дело с пациентами психиатрических клиник. Целью исследователей было изучить то, как больные использовали разные виды иллюстраторов, в том числе эмоционально нагруженных, во время разных стадий их лечения (о жестах-иллюстраторах, или иллюстративных жестах, как одном из семиотических типов жестов см. в Крейдлин 2002). Однако их не интересовал вопрос о коммуникативной и прагматической направленности рассматриваемых иллюстраторов; не интересовало их влияние культурного фактора на употребление тех или иных жестов.

Напротив, А. Козн и Р. Харрисон (Cohen, Harrison 1973) изучали здоровых и нормальных людей с целью определить, какого рода информацию люди пытались выразить и передать с помощью мануальных иллюстративных жестов в ходе непосредственного диалога (гендерных различий тут не проводилось). Проверялась основная гипотеза, в соответствии с которой в ситуациях, когда собеседники общаются лицом к лицу, они всегда для выражения эмо-

циональных смыслов применяют больше иллюстративных жестов, чем за пределами таких ситуаций. Было известно, однако, что люди, главным образом женщины, часто употребляют такие жесты также и в ситуациях телефонного разговора, то есть когда партнер не виден. Эта форма поведения учитывается авторами работы и трактуется ими как простая привычка; к тому же в ситуациях телефонных разговоров использовались в равной мере эмоционально нагруженные жесты и обычные. А. Коэн и Р. Харрисон справедливо пишут о том, что создается интуитивное ощущение, что увеличение в протекающем непосредственно бытовом диалоге двух лиц⁵ числа эмоциональных жестов по сравнению с жестами других семантических классов можно объяснить желанием адресанта улучшить коммуникацию, более четко и убедительно выразить и передать адресату свои эмоции. Вторая, тесно связанная с первой гипотеза ученых, которая также подверглась в статье проверке и оценке, была такова: чем сложнее передаваемое сообщение, тем больше иллюстративных жестов использует человек (разумеется, при условии, что человек заинтересован в успешности коммуникации). Предсказывали они и наличие корреляции между сложностью сообщения и типом коммуникативной ситуации, а именно, предполагалось, что максимально большое число иллюстраторов будет в ситуациях непосредственного общения при передаче сложного сообщения или задания, а минимальное число – в ситуациях опосредованного общения при передаче легкого задания или сообщения.

Первая из перечисленных рабочих гипотез в ходе опыта подтвердилась, а вторая – нет: никакой корреляции между сложностью сообщения и количеством мануальных жестов-иллюстраторов выявлено не было: возможно, это было связано с тем, что сложность – понятие неформальное и субъективное, и то, что кажется сложным для интервьюирующего, таковым для его партнера не является. Но не исключено, как полагают сами авторы, что корреляции не было обнаружено из-за того, что субъекты давали своим партнерам одинаковое число ключей ("reference points") как в тех случаях, когда предлагалось выполнить простое задание, так и в тех случаях, когда предлагалось выполнить задание сложное. В любом случае, у

---

⁵ При условии одинаковой формы жестов и что данный диалог происходит на естественном языке и между двумя представителями одной культуры, а не разных, или что это не разговор человека с самим собой, не лекция в аудитории и не беседа в группе более чем из двух человек и т.п.).

жестов-иллюстраторов возникает новая функция – помочь адресату в кодировке отправляемого словесного сообщения и адресату в расшифровке присланного.

Остается нерешенным вопрос, можно ли объяснить полученный важный ситуативный результат, основываясь исключительно на интенциях коммуникантов. Можно, например, предложить объяснение того же самого явления, ссылаясь на большую «естественность жестов-иллюстраторов» в ситуациях, когда есть тот, кто может эти жесты видеть, то есть реальный наблюдатель. В указанной выше работе П. Экман и У. Фризен, говоря об иллюстраторах, пишут, что люди меньше осознают их использование, чем жестов-эмблем. Это важно особо отметить, поскольку, по мнению исследователей, весьма вероятно, что использование человеком иллюстраторов, хоть и находится, если не в подсознании, то на низком уровне осознания, является, тем не менее, интенциональным, то есть намеренным.

Литература

1. *Вельховер Е.С., Вершинин Б.В.* Тайные знаки лица. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1998.
2. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. Крейдлин 2005а – *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.
4. Крейдлин 2005б – *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: эмоциональный аспект // Эмоции в языке и речи. Сборник статей (сост. и отв. редактор И.А. Шаронов). М.: Изд-во РГГУ, 2005.
5. *Cohen A., Harrison R.* Intentionality in the use of hand illustrators in face-to-face communication situations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. V. 28. № 2. 276-279.
6. *Ekman P., Friesen W.V.* The Repertoire of Nonverbal Behavior: categories, origins, usage and coding // *Semiotica*. 1969. 1. № 1. 49-98.
7. *Mahl G.F.* Sensory factors in the control of expressive behavior: An experimental study of the function of auditory self-stimulation and visual feedback in the dynamics of vocal and gestural behavior in the interview situation // *Acta Psychologica*. 1961. 19. 497-498.

8. *Nord W.R.* Social exchange theory: An integrative approach to social conformity // *Psychological Bulletin*. 1969. № 71. 174-208.
9. *Sistrunk F., McDavid J.M.* Sex variable in conforming behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. V. 17. №2. 200-207.

В.М. Лейчик

РЕКЛАМА КАК ДИСКУРС

Несмотря на то, что современной рекламе посвящены сотни книг, брошюр, статей, учебных пособий, десятки диссертаций и тезисов докладов, до настоящего времени остаются нерешенными, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, не определено место рекламы в совокупности видов деятельности человека в обществе. Во-вторых, не уточнена разновидность лингвистической составляющей – неперменного компонента рекламы: что это – язык, стиль, речь, речевая деятельность (*langage*, по Соссюру), дискурс?

Что касается первого вопроса, то дефиниции рекламы в словарях и учебных пособиях нередко даже не указывают на то, что реклама – это вид комплексной деятельности в инфраструктуре современного развитого общества. Вот, например, ущербная словарная дефиниция: «Реклама – информация о товарах, различных видах услуг и т.п. с целью оповещения потребителей и создания спроса на эти товары и услуги» (Маркетинг 1991: 102); ср. более полную, но все же недостаточную дефиницию: «Реклама – 1. оповещение потребителей, зрителей и т.п. различными способами для создания широкой известности кому-чему-н. с целью привлечения внимания» (Крысин 1998: 598).

Между тем, в дефиниции рекламы следует подчеркнуть, что это комплексный вид деятельности, осуществляемый в сфере производства или общественной инфраструктуры. В случае коммерческой рекламы этот вид деятельности реализуется после завершения процесса производства промышленной или сельскохозяйственной продукции, после подготовки процессов оказания услуг, за которыми следуют маркетинг («система стратегического управления производственно-сбытовой деятельностью..., направленная на максимизацию прибыли посредством учета и активного влияния на рыночные условия». – Маркетинг 1991: 68) и пиар как система продвижения товаров и услуг на рынок путем «восхваления» данного продукта и «уничтожения» конкурирующего продукта (в частности,

в форме манипулирования сознанием потребителя – его разумом и чувствами). В случае политической или интеллектуальной рекламы проводимая рекламная деятельность аналогична (может быть, за вычетом маркетинга) – она имеет целью продвижение, популяризацию определенного политического деятеля, политической организации и дискредитацию конкурирующих деятелей или организаций («черный пиар», антиреклама). Рекламная деятельность вытекает из маркетинга и пиара, она включает в себя ряд блоков (от информационного до художественного) и в качестве основного содержит лингвистический блок (все они будут описаны по отдельности ниже). При этом рекламная деятельность после завершения производственного, креативного цикла переходит в сферу инфраструктуры, но в конечном счете возвращается в производственно-сбытовую сферу, где рекламируемый объект (материальный, интеллектуальный) поступает к потребителю, коллективному или индивидуальному.

Таким образом, реклама – это комплексный вид деятельности, включающий несколько блоков, каждый из которых выполняет предназначенную ему функцию; целью рекламы является сбыт рекламируемой материальной или духовной продукции (к последней относятся, в частности, произведения искусства) при достижении максимальной прибыли от ее потребления (физического или интеллектуального) и эффективности использования.

Что касается второго не до конца решенного вопроса – о роли лингвистической составляющей рекламы, то предлагаемый ответ на этот вопрос будет сформулирован в конце статьи, после рассмотрения максимума блоков, образующих рекламную деятельность. Во всяком случае, уже заранее можно сказать, что для решения этого вопроса нужно признать, что язык (речь, речевая деятельность) являются неперменным средством, используемым в большей или меньшей степени на всех этапах рекламной деятельности, и что анализ этого средства должен учитывать современные достижения лингвистики, включая определение дискурса. Поэтому для установления места языка (во всех его разновидностях и аспектах) в рекламной деятельности, необходимо, кроме простой констатации факта участия языка в рекламе, хотя бы вкратце коснуться соотношения понятий «язык», «речь», «текст», «дискурс».

Термин *дискурс* в современном значении был введен в 1952 г., а наиболее широкое распространение в лингвистических исследова-

ниях получил с конца 70-х – начала 80-х гг. XX века. Потребность во введении нового понятия определялась тем, что ни совокупность наук, имеющих в качестве главного предмета язык и его использование, ни совокупность так называемых речеведческих дисциплин (М.Н.Кожина) не охватывали в целом всех аспектов важнейшего для человеческого общества процесса коммуникации (можно даже сказать, что современная лингвистика все больше приближается по выполняемым функциям к теории коммуникации). И действительно, науки и научные дисциплины, связанные с лингвистикой и «погруженные в жизнь», работают собственно не с языком как системой, а с языком функционирующим, причем всегда в конкретной ситуации и ради конкретного адресата. Функционирование языковых и речевых единиц и их использование в рамках любой из смежных наук (психология, социология, прагматика, этнология, культурология, семиотика, информатика и др.) добавляют к языковым/речевым явлениям и средствам те или иные «дополнительные» материальные, духовные или функциональные элементы в зависимости от области знаний и/или деятельности (эмоционально-экспрессивные семы в психолингвистике, системно-иерархические связи в ИПС и базах данных, нелингвистические знаки в семиотике, элементы видеоряда и звукоряда в рекламной деятельности и т.д.). Даже речеведческие дисциплины, которые занимаются собственно письменной или звучащей речью (лингвистика речи, стилистика, теория речевых актов) или деятельностью, в которой речь используется в качестве основного материала (художественная литература, ораторско-пропагандистская речь, судебная речь, риторика и др.), имеют дело чаще всего не с «очищенной» речью, точнее, с абстракцией речи, а с коммуникацией во всей ее полноте, со всеми сопутствующими моментами неязыкового/неречевого характера – к примеру, с паралингвистическими моментами (кинесикой), с реализацией речевого воздействия в риторике, в устной и письменной публицистике, в упомянутых выше ораторской речи и рекламе.

Гениальность Ф. де Соссюра состояла, в частности, в предвидении того, что в недалеком будущем (то есть как раз сейчас!) при изучении объекта его исследования будет применяться не дихотомия, а трихотомия (*la langue, la parole, le langage*). Несмотря на всю условность перевода слова *langage* термином *речевая деятельность*, пришло время оценить важность и неизбежность членения

объекта лингвистической теории коммуникации на три (а, может быть, и более) подразделения. Речь, по принятому в настоящее время определению, представляет собой функционирование языка. А речевая деятельность включает и абстрактные единицы языка, и конкретные единицы речи, и сопутствующие речи единицы, признаки, характеристики, зависящие от погружения речи в ту или иную сферу «производственной, социальной и духовной» (Ю.С. Степанов) жизни людей. При таком понимании речевой деятельности совершающиеся в ходе ее процессы в первом приближении представляют собой дискурс, то есть «речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие [деятельность. – В.Л.], как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)». Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 136-137).

Поскольку до сегодняшнего дня ни понятие дискурса, ни понятие речевой деятельности не получили общепринятых определений, можно с осторожностью говорить о том, что, очевидно, дискурс, как и язык, является важнейшей частью речевой деятельности. Продолжая эту мысль, допустимо утверждать, что различные виды деятельности, в которых участвует лингвистическая составляющая (в их числе рекламная деятельность), могут быть представлены как варианты дискурса (Лейчик 2001).

Е.С. Кубрякова в своей книге «Знание и язык» приводит по меньшей мере семь определений дискурса, каждое из которых отражает те или иные признаки этого процесса, а в совокупности эти определения характеризуют дискурс во всей его многогранности. Подводя итог, Е.С. Кубрякова показывает, что дискурс – это форма общения людей (наличие адресата – обязательно), дискурс обладает интенциональностью, целеполаганием, новейшие определения дискурса утверждают, что дискурс – это «язык в языке» или что это – сложная система иерархии разных видов знания, разных видов информации (Кубрякова 2004: 519-531). Несколько иными словами, но в принципе аналогичные признаки дискурса перечисляют и анализируют Л.Ю. Буянова и П.Е. Кондрашов: динамичность или процессуальность; коммуникативность; персонифицированность (антропологичность, то есть личностность и социальность); ситуативная обусловленность; коннотативность (прагматичность); социальная и культурологическая заданность (отнесенность к известной концептосфере и логосфере). Отсюда они выводят формулу: дис-

курс = речь/текст + ситуация (Буянова, Кондрашов 2003). Эту формулу можно принять, если под ситуацией подразумевать все нелингвистические компоненты этого явления. Кроме того, сказанное вполне применимо и к рекламной деятельности при условии понимания ее как процесса. Следует лишь отметить, что не случайно Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова подчеркивают: «Противопоставление текста и дискурса кажется лишенным основания» (Кубрякова 2004: 516) [поскольку дискурс – процесс, динамическое явление, а текст – произведение, явление статическое]. Таков вкратце вывод из сопоставления понятий «реклама», «дискурс», «речевая деятельность», «текст», позволяющего представить рекламную деятельность как дискурсивный процесс с неизбежными «станциями» – остановками, которыми являются рекламные произведения (рекламные продукты).

В качестве уточнения необходимо также сказать, что в последнее время ученые начали говорить о том, что существует несколько видов дискурса, в каждом из которых имеются свои «добавки» к собственно речи: политический дискурс со средствами пиара (использование жанра интервью, фото, плакаты и др.), ораторский дискурс с применением жестов, мимики и т.п., рекламный дискурс с нижеследующими «добавками», описание которых и составляет основное содержание статьи. Нужно также отметить, что имеют место устный, письменный дискурс, дискурс, использующий средства Интернета (устно-письменный дискурс) – все эти виды дискурса используют лингвистические и нелингвистические средства, речевые и неречевые приемы.

Рекламный дискурс является, пожалуй, самым богатым, самым многоаспектным вариантом дискурса, что зависит от обилия средств, применяемых рекламой, и большого количества видов рекламы (печатная, теле- и радиореклама, наружная реклама и др.). Целесообразно рассмотреть все эти средства по блокам (под блоками будем понимать элементы рекламной деятельности, которые в сумме образуют рекламный дискурс: речевую составляющую плюс все добавки (средства, используемые в комплексном процессе – содержательные, формальные, функциональные); каждый из блоков направлен на выполнение отдельных функций рекламы.

В первом приближении функции, к примеру, коммерческой рекламы (задачи, решаемые ею) таковы: 1) информирование; 2) увещание (убеждение покупателя совершить покупку и др.);

3) напоминание (в частности, где купить товар); 4) удержание покупателей; 5) создание «собственного лица» фирмы («отстройка от конкурентов») (Кириленко 2004: 8-9).

Важнейшим в любом виде рекламы является прагматический блок, поскольку реклама – это, в первую очередь, прагматическая деятельность. Цель всех используемых здесь средств – та же, что и у маркетинга и пиара: формирование спроса и стимулирование сбыта продукции в самом широком значении этих терминов – промышленной, сельскохозяйственной, духовной и прочей продукции (от машин и механизмов до книг и кинофильмов). Оптимальной цели можно добиться в телерекламе, где сочетается динамическая (кино)съемка объекта с устным и письменным текстом. К примеру, это лицо женщины крупным планом с морщинами и без морщин при рекламировании кремов Nivea Visage и т.п. Изобразительный ряд, который здесь является едва ли не самым главным, подкрепляется высказываниями типа: *я не борюсь с морщинами, я их победила* или *Применение крема... устраняет морщины на 98%*. Тот факт, что никто не подсчитывал и не смог бы подсчитать процент устранения морщин, доказывает, что автор рекламы пользуется манипуляцией как недобросовестным прагматическим приемом; но манипулирование подсознанием (и в изобразительном ряде, и в применении цифр как более убедительного, чем слова, средства) широко применяется в прагматическом блоке. В целом данный блок основан на конкретике, и собственно речевая составляющая выполняет в нем подчиненную роль.

Не менее важен второй блок – коммуникационный блок. Представление рекламной деятельности как процесса коммуникации ведет к повышению ее эффективности, степени воздействия на адресата. Реальное наличие адресанта (фирмы-производителя, автора художественного произведения и др.) и потенциальное наличие адресата – мнимо индивидуального и всегда коллективного, иллюзия обмена репликами («восхваление» объекта и обратная реакция – приятие или отвержение этого объекта) осуществляются тройко: или в форме прямого диалога (телереклама кофе «Гранд» в 2005 г.: две девушки должны передвинуть спортивный самолет и обращаются к парню со словами: *«Миша, ну помоги, будь человеком»*, который с улыбкой отвечает: *«Пока я не выпью кофе, я не человек»*), или в вопросно-ответной форме (телереклама многих стиральных порошков), или в форме ответной реплики, подразумевающей ра-

нее состоявшийся диалог (*Тот самый чай индийский* – надпись на коробке с 25 пакетиками по 2 г ООО «Московская чайная фабрика, 2005 г.). Такая эксплицитная или имплицитная диалогичность, антропологичность рекламы повышают уровень ее контактности, создают иллюзию коммуникации, то есть близости автора рекламы к потребителю, иллюзию обратной связи.

Третий – информационный блок – самый развернутый в рекламной деятельности. Он включает в себя: наименования рекламируемого объекта (например, товара), производителя объекта, частично – его характеристик в результате применения нескольких языковых способов, как правило, присутствующих в рекламном произведении.

Это, прежде всего, название объекта – наиболее часто в виде номенклатурного знака (имеют место свыше 10 видов номенклатурных знаков: аббревиатуры, знаки-символы и др. – Лейчик 2005): *Русское поле* (крем-гель для век); это, далее, сам термин, имя нарицательное, обозначающее вид или род объекта: *крем-гель для век*; это – краткая характеристика состава объекта: *с маслом розы и маслом рыжика*; это, наконец, название фирмы-изготовителя, имя собственное *Био* (надпись на тубике с кремом, 2005 г.) (в лучшем случае – и номенклатурный знак, и название фирмы представляют собой зарегистрированные патентным ведомством товарные знаки, что гарантирует высокое качество продукции: кофе Nescafé, сорт кофе Jacobs-Monarch). Из этих примеров видно, что в коммерческой рекламе присутствуют все языковые классы, применение которых необходимо для информирования о новом товаре, событии, фирме и др. Перечисленные языковые средства заимствуются в язык рекламы из технического, научного, делового и других языков для специальных целей – ЯСЦ (об этих языках – ниже). Данные языковые средства могут подкрепляться иными средствами рекламного дискурса; в частности, привлекательность названия упомянутого крема повышается за счет двух приемов: *русское поле* – это нечто природное, стало быть, экологически чистое; *русское поле* – намек на знакомую песню, иначе говоря, здесь использовано прецедентное высказывание, способствующее знакомости предмета. Другие примеры: краска для волос Belle-Color (belle color – англо-французская номенклатурная единица, переводимая примерно как «красивый цвет») (в номенклатурном знаке добавляются номера, характеризующие оттенки цвета), название объекта *краска для во-*

лос – это термин, информирующий о виде объекта; Tchibo (кофе) – имя собственное, название зарекомендовавшей себя на рынке, зарегистрированной фирмы.

В случае рекламирования журнала или другого вида издания номенклатурный знак отсутствует, он заменяется именем собственным: *Cosmopolitan*, *Elle*, *Vogue*. Как правило, эти наименования становятся брендами и уже не требуют использования дополнительной информации (посуда фирмы *Центер*, сигареты марки *Camel*). При таких обстоятельствах для рекламы достаточно, если фигурирует только одно из трех названий (номенклатурная единица или имя собственное). При необходимости пиар-поддержки политического деятеля, в том числе кандидата, или политической либо общественной организации, информационный блок рекламы может представлять собой подробную биографию, описание деятельности, а также краткую характеристику «предмета». Тогда на первый план выдвигаются имя собственное и положительное либо отрицательное мнение о нем; информационная функция переходит в оценочную, аксиологическую. Впрочем, аксиологическая функция всегда присутствует в рекламном дискурсе – эксплицитно или имплицитно.

Что же касается информационной функции рекламы, чаще всего называемой в последние годы более точно репрезентативной функцией (как и в лингвистике), то эта функция сближается с сигнификативной (ср. В.П. Конецкая), особенно в тех случаях, когда в рекламном произведении имеется подробное описание объекта, например, в публикуемых в газетах или на отдельных листовках описаниях новейших лекарственных средств или аппаратов (Оху *Megastation* – аппарат для мезотерапии тела и лица. – «Телепрограмма», 2004, № 33, с. 5). Используемый же в рекламном дискурсе термин, обозначающий вид рекламируемого объекта (товара), выполняет не информативную функцию, а в большей степени когнитивную (термин вообще не предназначен для выполнения информационной функции, поскольку далеко не каждый термин является мотивированным – «правильно ориентирующим», по словам Д.С. Лотте; так что говорить о когнитивно-информационной природе термина, как об этом пишет М.Н. Володина, не вполне верно (Володина 2000). Информационная функция рекламы создается скорее номенклатурой и именами собственными, хотя термины и входят в информационный блок рекламы как почти обязательный

компонент (не забудем, что дискурс – это когнитивный процесс, процесс знания и познания, см. выше). Когнитивная функция термина для рекламы в принципе безразлична: термин выполняет в рекламе функцию обозначения факта введения рекламируемого объекта в определенный класс однородных объектов и не более того. Поэтому вместо термина в рекламном произведении могут использоваться обозначения-профессионализмы: *Печать плакатов на баннере...* (щитовая реклама, Москва, лето 2005 г.). Наименование единичного или массового объекта – прерогатива специального имени собственного или номенклатурной единицы: например, реклама чая «*Бодрость*» базируется на упоминании этого сорта чая и шрифтовом выделении, подчеркивающим терминологическую отнесенность к классу продукции: *отЧАЯнная бодрость*. В других обстоятельствах, например, при знакомости рекламируемого объекта термин просто отсутствует: Libresse (реклама прокладки), Соса-Сола (реклама напитка). Отметим, кстати, что совокупность функций рекламы, как это будет показано при дальнейшем описании ее блоков, выходит за рамки языковых/речевых функций, что еще раз свидетельствует о том, что реклама представляет собой комплексный процесс – скорее дискурс, чем речь.

Четвертый блок – семиотический блок – распадается на части в зависимости от тех знаков, которые используются в рекламе. Из 60 видов знаков, выделенных Ч. Пирсом и Ч. Моррисом, более всего применяются знаки-модели, знаки-символы и знаки-обозначения (к последнему классу относятся слова и именные словосочетания, которые составляют лингвистический блок – блок четвертый А, описываемый ниже подробно). Кроме того, с определенной долей условности к знакам, применяемым в рекламе, можно отнести изобразительный ряд (видеоряд) и звукоряд, включающий, в свою очередь, музыкальный. Знаки-модели выступают в рекламе в виде объемных знаков (естественная или искусственная елка – знак Нового года в витрине магазина, изображение змеи в чаше в витринах аптек) и рисунков-пиктограмм (фото падающей от удивления девушки в меховом магазине «Снежная королева» в телерекламе, сопровождаемой надписью: *Волнующие скидки в «Снежной королеве» до 50%*, зима 2005 – 2006 гг.); условные изображения продающихся дачных домиков в рекламных газетах и на листовках. Знаки-символы в рекламном дискурсе очень разнообразны. Это числа, которые, как уже говорилось, придают рекламе убедительность, не-

смотря на всю свою неправдоподобность: шампунь, уменьшающий выпадение волос на 51%; зубные пасты, снижающие риск заболеть кариесом на 90%, и т.п. Это шрифтовые выделения вроде вывески-рекламы *Интернет-к@фе* на улице Б. Галушкина на северо-востоке Москвы или замена буквы О круглыми часами в рекламе курсов «Русский язык и культура речи»: *устОйчивая грамОтность* (газета «Центр-plus-восток», 2005, № 50, с. 9). Это само название рекламной газеты «Центр-plus-восток», где использован элемент plus. Знак-символ в виде морфемы или изображения вообще очень распространен в рекламе: *Музыкайф 106,2 FM Europa plus* (щитовая реклама 2001 г.); *Куда они спешат?* (нарисованы бегущие собаки) *На новый аромат! Лимоннее лимонов* (нарисован тюбик Fairy plus) (реклама на борту троллейбуса, март 2004 г.). Изображение больного и – рядом – здорового улыбающегося человека после приема лекарства против болезней печени и желчного пузыря «Галстена» в телерекламе (с добавлением звучащего текста) представляется авторам убедительным. Песни и стихи при всей их бездарности в теле- и радиорекламе, рифмованные строки, например: *Машины надо? Ростokino-Лада!* в наружной щитовой рекламе должны убедить потребителя (адресата) в целесообразности приобретения предлагаемого товара или услуги. Все перечисленные и другие средства семиотического блока усиливают по возможности наименования, взятые из первого и третьего блоков, прежде всего, номенклатурные знаки; они направлены на повышение привлекательности (аттрактивности) объектов и эффективности их рекламы. Этому служат движущиеся в телерекламе или неподвижные в щитовой рекламе изображения. Вот, к примеру, реклама мобильного телефона Panasonic: изображены улыбающаяся молодая женщина и растерянный мужчина; текст: *У нас будет маленький* (нарисован миниатюрный телефон) (щитовая реклама, осень 2002 г.; ни термина, ни номенклатурного знака нет!). Характерно, что продолжением этой идеи в рекламной кампании в 2003 г. явилась щитовая реклама с надписью: *Меньше, чем маленький!*

Наиболее существенную роль играют средства лингвистического блока. Как уже было сказано, не существует ни одного рекламного произведения без использования лингвистических средств. Однако важно установить, в каком объеме и в каких формах участвуют данные средства в рекламе. Первоначально была принята точка зрения, определявшая рекламу как ответвление пуб-

лицистического стиля. Действительно, при советской власти, когда реклама сводилась к призывам типа «*Храните деньги в сберегательной кассе*», «*Летайте самолетами Аэрофлота*» и к бездарным стихоподобным высказываниям вроде «*В кассе деньги накопила, летом в отпуск покатила*», охарактеризованная в работах Н.Н. Кохтева, которые были опубликованы еще в 1981 г., лингвистическая составляющая рекламы была очень ограничена, и ее функция не выходила за рамки традиционных функций, приписываемых публицистическому функциональному стилю: информирование и воздействие на адресата. В первом приближении это было верно; поэтому в ряде современных серьезных исследований Е.С. Кара-Мурзы языковые приемы и используемые в рекламных текстах материалы выводятся из публицистического стиля и как его развития и расширения – рекламного стиля (Кара-Мурза 2001; Лейчик, Кара-Мурза 2003).

Однако в современную эпоху, начавшуюся на исходе перестройки, вся рекламная деятельность, включая лингвистические ее аспекты, перестала уместяться в рамках функционального стиля. Как, к примеру, лингвистическая сторона экономического подстиля делового стиля перерастает в целый функциональный язык, так и лингвистический блок рекламной деятельности может рассматриваться в качестве полноправного функционального языка, или, как принято говорить, языка для специальных целей (ЯСЦ), существующего в пределах каждого развитого этнического языка.

Теория ЯСЦ, развивающаяся с 50-х гг. XX века, насчитывает более 200 подобных языков со всем набором лингвистических признаков и аспектов (ср. язык химии, физики, техники, язык дипломатии и язык СМИ, язык вычислительной техники и технологии и т.п.). При изучении каждого ЯСЦ используются привычные лингвистические методы, разница состоит только в том, что ЯСЦ имеет ограниченную сферу применения и обладает специфическими признаками на всех уровнях языка/речи. Изучается «язык» как таковой и его функционирование: собственно речь и дискурс, включающий все сопутствующие речи явления, изучаются тексты на соответствующем ЯСЦ и пограничные сферы, воздействующие на язык, на речь и формирование текстов. Как правило, специфика большинства ЯСЦ начинается со словообразовательного уровня (ср. морфемiku языка химии) и проявляется даже в синтаксисе (ср. язык права – юридических документов, язык математики со знака-

ми-символами и т.д.). Язык рекламы (ЯР) обладает в этом смысле своими особенностями. Во-первых, он изначально является комплексным: имеет собственную лексическую базу, постоянно дополняемую лексикой смежных ЯСЦ – а именно номенклатурой, именами собственными и терминами, заимствуемыми из многих ЯСЦ; включает лексику, морфологию и синтаксис соответствующего общеупотребительного этнического языка и создает собственные семантические, словосочетательные и сверхфразовые единицы: бар «*Золотой арбуз*» (ВДНХ, 2000 г.); *бильярд клуб* (вывеска 2004 г.); *Где ж порядок, это ж надо* (реклама магазина Ж на сумках с обувью, 2004-2005 гг.). Во-вторых, специфика начинается в нем с самого низкого уровня – фонетического (и графического, как его письменной фиксации) (см. приведенную рекламу магазина распродажи обуви под названием Ж).

Создавая слова – имена собственные и номенклатурные знаки (что делается представителями тех или иных областей деятельности совместно с рекламистами), авторы сознательно деформируют эти слова с рекламной целью: бар «*Изуминка*» (Москва, район Сре-тенки, 2004 г.) (имя собственное, сочетающее в языковой игре семантику и направленность на привлечение внимания к слову *изюминка* во всех его значениях и к слову *изумительный*). В сфере фонетики был найден удачный разговорный вариант слова *сколько* при рекламировании по телевидению посекундной тарификации телефонных переговоров абонентов Beeline: *Скоко (сколько) ве-шать в граммах?* Эта сознательная фонетическая стилизация общеупотребительной лексической единицы под разговорную речь своим юмористическим подтекстом заставляет обратить внимание адресата на рекламируемый тариф. Отклонения от нормы в фонетике и графике в рекламных целях могут быть удачными и неудачными (о языковых неудачах в рекламе следует говорить особо!). Например, уже много десятилетий марка сигарет называется Marlboro, что является сознательным искажением – упрощением орфографии английского Marlborough (данный факт описан в литературе в 1955 г. – Galliot 1955); в то же время попытка обыграть слово *русский* в телерекламе начала XXI в. *пиво... по-русски* была признана неудачной и вызвала порицание, поскольку привела к ошибкам в сочинениях абитуриентов. Графический облик рекламируемых продуктов включает кириллические и латинские буквы, иногда в своеобразных сочетаниях: *Аеродинамика* (щитовая реклама,

2002 г.); ультра (в рекламе сигарет Camel, 2002 г.); *почувствуй себя EUROпейцем*.

На морфемном уровне, прежде всего, на уровне словообразования, специфика ЯР проявляется многообразно. Создаются специфические сложные слова (лексикализованные словосочетания): *гастроном Самбери* (Москва, район Сиреневого бульвара). Широко используются морфемы, подчеркивающие значение «большой, высший, самый»; ЯР испытывает недостаток таких морфем. Например, морфема *супер* означает и «выше, сверх», дифференцируясь с морфемой *гипер* (*супермаркет, гипермаркет* – за пределами ЯР эти морфемы синонимичны), и «наиболее выгодный» (*продукты по суперценам*), нехватка морфем со значением «сверх» заставляет использовать знаки-символы (лекарственный препарат *Диклофан плюс* (телереклама, январь 2006 г.); препарат Nivea Visage Q10 plus (там же); подчеркнем, что здесь, как у нового лекарства, наблюдается использование всех классов лексики ЯСЦ: термин + собственное имя + номенклатурный знак! Ср. двойное усиление в рекламе Fa – *дезодорант сверхзащита плюс*) и слова (морфемы), смежные по семантике с данным значением: лекарственное средство для глаз *Черника форте, Гранд-оптик* (название магазина, проспект Мира, Москва), применение морфем типа *ультра*. Отметим в скобках, что традиционное средство привлечения внимания потребителя – вывеска – превращается в рекламу: магазины *Диван Диваныч, Ваш Диван-салон, Все для Вас, Старик Хоттабыч* – знакомое, прецедентное высказывание. Заимствованный из языка торговли и языка техники способ образования слов из двух-трех осколков морфем – начала одного и конца другого слова, так называемые телескопические слова (*фругурт* из *фруктовый* + *йогурт*) подхватывается языком рекламы: *музыкайф* из *музыка* + *кайф* (щитовая реклама, 2004 г.), давние *магнитола*, англ. *confectaurant* из *confectory+restaurant*. Широко используется словообразовательный прием аббревиации, причем заимствованные из других ЯСЦ аббревиатуры обыгрываются в рекламе с помощью своеобразной расшифровки: техническое MTS (МТС), то есть Mobile TeleSystems, в щитовой рекламе 2003 г. раскрывается как *Моя телефонная сеть* (то есть из технического номенклатурного знака образуется рекламное обозначение).

Лексический уровень ЯР также специфичен. Можно согласиться с мнением ряда исследователей о том, что лексика ЯР сближает

его с научно-техническим и деловым функциональными стилями вследствие заимствования из них множества терминов, профессионализмов, номенклатурных единиц (названий марок промышленной и сельскохозяйственной продукции, сортов растений, пород животных и др.). Особенность рекламного их использования в этом отношении состоит, во-первых, в том, что среди названий рекламируемых объектов фигурируют большей частью лишь те специальные обозначения, которые относятся к артефактам, в частности, продукции, необходимой массовому потребителю. Во-вторых, толкования специальных понятий носят в рекламных произведениях научно-популярный, описательный характер. Ср. в этом смысле рекламу медикаментов, где неумеренное использование научных терминов может вызвать реакцию отторжения. Впрочем, что касается лекарственных средств, то применение в ЯР специальных названий как этих средств, так и названий органов и жизненных систем, подвергающихся лечению, в ряде видов рекламы сознательно нагнетается с целью запугать, «заморочить» адресата. В телерекламе появляются дискурсивные моменты: диалог на экране, дополняемый комментарием ведущего и изобразительным рядом, – лекарство *Ременс*, бальзам *Биттнер* и др. В некоторых рекламных газетах печатаются развернутые очерки и интервью врачей – средства от запоя, импотенции и др. (газеты «Центр-plus-восток», «Телепрограмма» и др.); в радиорекламе по утрам используются те же жанры. Для создания названий лекарственных средств привлекаются рекламисты, и эти названия становятся семантически мотивированными, понятными потребителю: *«Исцелин – природный реставратор суставов»* – в беседе с врачом о зарегистрированном «натуральном препарате» (газета «Телепрограмма», 2005, № 1, с. 9). Кстати сказать, лексика ЯР включает довольно много брендов – общепризнанных, общеизвестных номенклатурных единиц и имен собственных, в частности, названий фирм, которые нередко являются мотивированными: *Head and Shoulders* – «Голова и плечи» – название мировой фирмы, занимающейся производством средств для лечения и окраски волос. Лексика ЯР изобилует заимствованными словами. Как известно, номенклатура не переводится, в русском ЯР используются либо иностранные названия в оригинальном написании (если, в частности, марка имеет сугубо национальный характер: холодильник *Snaigé* – по-латышски «снег»), *Nivea Visage*, *Panasonic*, *LG Samsung*, либо транскрибированные

наименования (фирма, производящая посуду, *Центер, Билайн* наряду с *Beeline*), либо переведенные слова (в случае полностью мотивированных семантически наименований): *цейлонский чай, евроокна* («Центр-plus-восток», 2006, № 1, с. 7). Сюда же относятся и псевдозаимствованные лексические единицы в разных вариантах: *окна пвх Al*, то есть *поливинилхлорид + алюминий* (там же) или *окна латераль* фирмы *Rehau* (там же, с.6). Что касается привычных русских слов, представляющих собой название рекламируемого объекта, или ЛЕ, связывающих эти названия, то ЯР предпочитает литературный стиль в целях обеспечения общепонятности рекламного произведения. Слова разговорного подстиля используются достаточно редко, хотя в обыденной обстановке они встречаются в настоящее время на каждом шагу. Еще реже применяются жаргонизмы. Они фигурируют, в основном, в молодежной рекламе: *Вливайся!* (реклама «Фанты») и изредка в рекламе вычислительной техники и технологии, поскольку язык этой области знаний и деятельности (технологии) сам находится на грани литературно-разговорного стиля и компьютерно-интернетского жаргона: *мобильные вампиры* (пользователи нового выгодного тарифа сотовых телефонов *Билайн*, щитовая и телереклама, 2005-2006 гг.). Некоторые слова являются очень частыми в рекламных продуктах, обычно они служат для «восхваления» рекламируемых объектов. В число этих слов входят: *цены, вкус, рай (джинсовый рай), мир (мир кожи в Сокольниках)*. *Цена: Гарантии качества и низкие цены* (телереклама, январь 2006 г.); *возмутительно низкие цены в сток-центре* (там же); *Ашан. Удар по ценам* (надпись на пакетах серии магазинов *Ашан*, январь 2006 г.). Таким образом, богатейшая лексика ЯР охватывает самые разные лексические пласты: и общеупотребительные слова и словосочетания, необходимые для описания и рекламирования товаров, услуг (коммерческая реклама), и политических личностей и мероприятий (политическая реклама), и взятые из других ЯСЦ лексические единицы (термины, номенклатура и имена собственные), в некоторых случаях перерабатываемые для пропаганды или уничтожения объекта, и разговорную, а также жаргонную лексику, опять-таки предназначенную для выполнения рекламной функции. В ЯР используются аббревиатуры и другие новые виды лексики, заимствуемые из иных ЯСЦ или создаваемые в рамках ЯР: пример названия организации (имени собственного из языка медицины): *Новая сеть стоматологических клиник МераДент, член медицин-*

ской ассоциации *МераМед (Россия – США)* (реклама-листовка 2003 г.).

В качестве важного уточнения следует сказать, что наряду с языком рекламы (ЯР), лексика которого используется собственно в рекламных произведениях, развивается в последнее время язык рекламного дела (ЯРД), содержащий определенное количество слов и словосочетаний, которыми называют: рекламные произведения и их части (слоган, рекламный текст или псевдотекст, об этом ниже)); лиц, занимающихся рекламной деятельностью, – креаторов, копирайтеров, арт-директоров, рекламистов (чаще применяется разговорная форма – рекламщиков), сотрудников рекламных отделов и агентств; виды рекламной деятельности – медиа-планинг, составление и редактирование рекламных произведений, выпуск рекламных газет или рекламных страничек в общей прессе, средств наружной рекламы – рекламных щитов, биллбордов, растяжек, проведение протяженных во времени рекламных кампаний и т.д. ЯРД более всего характеризуется своей лексикой, в основном терминами, и их не следует смешивать с рекламными терминами и другими лексическими средствами самой рекламы. Терминологии ЯРД посвящена определенная литература – материалы выходящих и выходящих рекламных журналов, например, «Индустрия рекламы», «Наружка» и др., а также диссертация С.М. Харлицкого, которая ошибочно названа «Информационная структура термина (на примере русских терминов рекламы и связей с общественностью)» (Харлицкий 2003).

Для фразеологического уровня ЯР типично описанное в научной литературе явление использования так называемых прецедентных текстов (высказываний), паремий, афоризмов, традиционных фразеологизмов; их появление создает эффект знакомости, что повышает степень доверия к рекламе. Нередко данные прецедентные тексты подаются в сознательно деформированном виде, порождающем комический эффект и увеличивающем воздействие на чувства адресата. Так, в мебельном магазине появляется объявление *грандиозное застулье* (реклама большого выбора стульев и намек на фразеологизм *грандиозное застолье*). Подобные случаи можно считать правомерным применением языковой игры (Й. Хейзинга, В.З. Санников), получившей распространение в XX в.: *Даешь блины! Блины – народу!* (рекламные надписи на киоске, продающем соответствующую продукцию; не путать со слоганом!). *Кофе – он*

или оно? (обыгрывание в телевизионной сценке с артистом И. Калныньшем – лето 2003 г.). «Сроки действия больше не действуют!» (обыгрывание двузначности слов в телерекламе режима Суперджинс в оплате переговоров по мобильным телефонам – лето 2003 г.); *Хватит мечтать, пора обLADAtь* (обыгрывание шрифтов и видов письменности, щитовая реклама, лето 2004 г.).

Семантический уровень ЯР специфичен в двух аспектах. Для ЯР характерно применение лексических единиц в непривычном, необщепотребительном значении. Оно часто бывает очень выразительным, для чего используются метафоры, гиперболы. Например, это имеет место в слоганах и не только в них: «*Бочкарев*» - *правильное пиво*; *Фруттис очень сливочный*; «*Тонус*» - *честный сок по честной цене*; *ремонт с иголки* (реклама лаков и красок из Германии, щитовая реклама 2002 г.). Слова ЯР близки в семантическом плане к лексике разговорной речи, где определенные слова имеют диффузное значение. В литературе уже описано слово *вкус*, которое и вне ЯР имеет два значения: 1) вкус чего-л. и 2) вкус к чему-л. В рекламных произведениях метафорическое использование этого слова почти безгранично: *вкус желаний*; *кофе – вкус удовольствия*; *вкус хорошего настроения*; *вкусное настроение*; *вкус на грани возможного*; *миром правит вкус* (название кулинарной передачи по телевидению ОРТ, октябрь 2002 г.); *букет вкуса*; *Победа вкуса*. *Настоящий шоколад* (реклама на борту троллейбуса, 2003 г.). Как мы видим, слово *вкус* обыгрывается со всех сторон. Вторая семантическая особенность ЯР состоит в создании необычной сочетаемости слов, когда объединяются два или более слова, из которых одно приобретает совершенно новое значение, невозможное в общепотребительной речи: *мобильные вампиры*; *сток-центр – возмутительно низкие цены*; *студия загара*; *жилой комплекс Кутузовская Ривьера* (щитовая реклама, 2004 г.). Выразительность подобных словосочетаний высока, привлекательность товара возрастает: *Orbit – самая сладкая защита от кариеса* (телереклама, 2004-2005 гг.).

Для синтаксического уровня ЯР характерно обилие неполных, односоставных и повелительных предложений (за исключением таких жанров, как рекламный очерк, интервью; это объясняется чисто прагматическими соображениями). Естественно, применение назывных, неполных, даже незаконченных предложений возможно при наличии контекста, например, в новом виде прессы – в реклам-

ных газетах (Лейчик 2000), где имеется общее название рубрики: *Развлечения* (название рубрики) и собственно рекламное объявление: *Досуг, т. 274-66-26; Всё. От 19-55* (строчное объявление) (рекламная газета «Центр-plus-восток», 2002, № 39, с. 18); *Перезеды* (название рубрики) – *Грузчики. Аккуратно, недорого+авт. 722-16-71* (строчное объявление) (рекламная газета «Экстра М Север», 2006, № 2, с. 23). (Понятие рубричной рекламы ввела О.А. Ксензенко). В телерекламе также могут быть встречены взаимосвязанные неполные предложения в условиях псевдиалога: *Вы все еще боитесь грязи? Тогда мы идем к вам!* (реклама стирального порошка Tide, конец XX – начало XXI в., в нескольких вариантах). Учитывая, что разным ЯСЦ присущи различные специфические особенности, важно подчеркнуть, что в синтаксическом плане, как и в лексическом, ЯР приближается к разговорной речи (подчас – это стилизация), в чем ЯР сходен с устными формами неспециальных сфер общения, в частности, с устными видами СМИ (радио, телевидение). Характерно, что в ЯР этот признак распространяется и на письменную форму (в том числе, в надписях на биллбордах, растяжках): *В Москве ярко, В Москве быстро* (реклама сети магазинов «Москва», 2004 г.). Этим данный язык противопоставляется печатным СМИ, публицистическому стилю, реализуемому в этих видах СМИ, и другим функциональным стилям, кроме собственно разговорного подстиля.

Переходя с уровней языка на речевые уровни, в том числе на уровень сверхфразовых единств и далее – на текстовый уровень, следует указать на сложные взаимоотношения теории языка с теорией текста (так называемой лингвистикой текста). Дело в том, что далеко не каждое из рекламных произведений можно назвать текстом, даже если оно имеет заголовок, начало и конец, отличается законченностью выражения мысли. С одной стороны, для некоторых из этих произведений характерно переключение с одного вида текста на другой, например, переход от эксплицитного диалога к монологу – комментарию, в частности, в телерекламе, относящейся к стирке, чистке одежды и посуды, к окраске волос и к лечению разных болезней. При анализе подобных произведений, включающих разностороннее описание объекта с обязательным неоднократным называнием этого объекта (в форме упоминания номенклатурного знака в середине и в конце произведения, часто в виде назывного предложения в последнем случае), с использованием

слогана в середине или в конце произведения (*Эльдорадо – родина низких цен* – телереклама, щитовая реклама и др., 2005-2006 гг.); даже дать название такому типу «текста» затруднительно. С другой стороны, только с большой натяжкой можно считать текстом материал строчных рекламных объявлений (Формановская 2003), когда, например в рубрике *Досуг* помещается объявление: «*Богини любви*». 504-30-40 или *Супердевушки у Нас*. 24 ч. 109-44-50 («Экстра М Север», 2006, № 1, с. 18). В последних случаях допустимо говорить о гипертексте, но лишь весьма условно. Вообще, как и «произведения» разговорной речи, создаваемые в ходе коммуникационного процесса, рекламные произведения диалогичны (эксплицитно или имплицитно): каждое высказывание в рекламной речи или в рекламном дискурсе (если имеет место использование дополнительных средств общения) предполагает потенциальную обратную связь с получателем (адресатом), и именно это приводит к незаконченности интонации в устной форме рекламы и нередко к внешней неполноте письменной формы – она восполняется графическими средствами дискурса. Например, в щитовой рекламе страховой компании изображена черная кошка, а текст гласит: *Приметы отдыхают* (иначе говоря, страхование будет удачным в любом случае). Из этого примера видно, что рекламные произведения могут не обладать общепринятыми признаками текста – связностью и законченностью. Еще пример псевдиалога с использованием неполных предложений: *Остеклить балкон? Поменять окно?* (реклама-листочка фирмы Бествинд). Понятно, что применение требований текста к подобным высказываниям вызывает возражения.

Говоря о лингвистической составляющей рекламных произведений (воздержимся от термина «рекламный текст» по указанным причинам), целесообразно коснуться еще вопроса о лингвистических жанрах рекламы. Поскольку рекламные произведения сближаются по структуре и направленности с произведениями других функциональных стилей определенного этнического языка, а, как известно, каждый жанр принадлежит к тому или иному стилю, в рекламе фигурируют привычные жанры, характерные для публицистического, делового, научно-технического и даже литературно-разговорного стилей: очерк, интервью (публицистический стиль), объявление (деловой стиль), беседа (литературно-разговорный стиль). Опубликованный в газете «Центр-plus-восток» (2006, № 1, с. 1) почти на целую полосу очерк «Один день на съемках порно-

фильма сделал из меня мачо» оказывается на поверку рекламой средства для повышения половой потенции «Сеалекс», поскольку в его конце приводится телефон для справок в Москве. Выбор жанра зависит от вида рекламы. Так, в некоторых рекламных газетах используются очерки, беседы, в других – иллюстрированные объявления о продаже разных товаров, строительстве дачных домов, ремонте автомобилей, всевозможных услугах (о различии просто объявления и рекламного объявления см. в статье: *Формановская 2003*, где показано, что административное объявление предназначено для информирования с целью упорядочения общественного поведения адресата, а коммерческая реклама – для информирования с целью создания потребительской активности: из получателя рекламы сделать потребителя товара и услуг; для гибридного рекламного объявления характерно совмещение свойств обоих жанров (там же, с. 32). Это реализуется в специфической лексике, синтаксисе и стилистических приемах утверждения, обещания, одобрения, восхваления, изумления, беспокойства за клиента и др.). В радиорекламе фигурирует пропаганда деятельности турагентств и лекарственных средств. Это жанры очерков и интервью. В щитовой рекламе на улице и в метро используются жанры рекламных объявлений (не забудем, что это может быть коммерческая реклама, политическая реклама с фотографиями и восхвалением кандидатов, а также предостерегающая реклама: о недопустимости превышения скорости автотранспорта, о соблюдении правил дорожного движения водителями и пешеходами (подробнее – в брошюре К. Кнорре «Наружная реклама», 2002)).

Известно, что рекламные произведения в последнее время начинают размещаться на любой свободной поверхности: на стенах домов, на биллбордах, на товарных сумках, на транспортных средствах, например, на бортах автомобилей и автобусов, в метро – на стенах вагонов и эскалаторов, на рекламных щитах и уличных растяжках и др. Естественно, во всех этих случаях применяются жанры, содержащие минимум информации и максимум средств привлечения внимания. В диссертации М.А. Кириленко перечислены традиционные жанры публицистического и делового стилей и, кроме того, вслед за Е.С. Кара-Мурзой, В.В.Ученовой и др., собственно рекламные жанры, зависящие от вида рекламы, от «рекламоносителя» и от объекта рекламирования: афиша, плакат, прейскурант, каталог (печатная реклама); краткое призывное обраще-

ние, реплика, развернутое радиообъявление, анонс, радиоафиша и др. (реклама на радио); традиционное устное объявление (*Пирожки! Пирожки!*); объявление, ролик, анонс, клип, видеофильм, рекламная передача (телереклама); вывеска, витрина и плакат (наружная реклама) (Кириленко 2004, 10-11). Имеют место и другие классификации, например, В.В.Ромата. Это – привычные печатные жанры: листовка, плакат, буклет, каталог, проспект, открытка, календарь; в рекламе по радио: радиоролик, джингл (рекламные куплеты, музыкальные фразы), рекламный диалог, объявления ведущих; в экранной рекламе – видеоролик, киноролик; в наружной рекламе – щиты, вывески, панно. В своей книге В.В. Ромат выделяет в рекламе всего один большой единый жанр – рекламное обращение, с чем вряд ли можно согласиться (Ромат 2000: 306).

Как мы видим, большинство жанров, используемых в разных видах рекламы, – неспецифические жанры. В то же время, в современных новейших видах рекламы эти традиционные виды рекламы сужают диапазон своей направленности (см. выше пример рекламного очерка). Расширяется практика перерастания простейших вывесок на двери магазина, в витрине или на прилавке в рекламу: *самые вкусные сосиски, обалденная селедка* (на прилавке), *Спорт Сити* (название магазина)+*мода, спорт, жизнь* (витрина этого магазина на проспекте Мира, Москва, 2002 г.), *Ваш сотовый телефон* (название магазина – 2002 г.). Родились и специфически рекламные жанры: музыкально-видео-кино-мультипликационные ролики на телевидении, например, детская телереклама Несквика и скелетонов; ср. также печатно-звуковые рекламные призывы – объявления по Интернету и даже рекламные объявления, рассылаемые по электронной почте: *Срочно снимем офис (помещение под офис). Ст. метро Калужская (можно в НИИ) от 20 до 40 кв. метров. Заоблачные цены не предлагать. Агентствам не беспокоиться. E-mail...* – получено по электронной почте в январе 2006 г. Из этого краткого описания видно, что проблема жанра решается в рекламной деятельности многообразно и вполне современно: диалогичность рекламного дискурса, как явствует, к примеру, из приведенного сообщения по электронной почте, присутствует в нем эксплицитно или имплицитно, но коммуникативность успешно достигается в любом виде и жанре рекламы. Добавим лишь, что не любое произведение рекламной речи поднимается до уровня дискурса, но тенденция к этому четко прослеживается.

Рассматривая жанровое разнообразие рекламных произведений, мы переходим к стилистическому блоку рекламной деятельности. На первый взгляд, функции рекламных жанров близки привычным функциям публицистического стиля: информирование и воздействие. Однако при более внимательном анализе выясняется, что, например, в коммерческой рекламе воздействие должно быть только положительным (в прессе оно может быть и отрицательным), а в целом ряде рекламных жанров выполнение стилистической функции (ее можно прямо назвать отдельной рекламной функцией) достигается и специфическими – неязыковыми – средствами: это музыкальные или псевдомузыкальные средства, стихотворное или псевдостихотворное изложение рекламного призыва, к чему неспособны публицистические жанры. Иначе говоря, стилистический блок рекламы может быть с полным основанием назван художественным блоком. Ср. удачную предупреждающую рекламу с антитезой: *Проскочив на красный свет, можно попрощаться с белым* (телереклама, 2005 г., 15 июля) или: *Разговаривая по телефону за рулем, вы рискуете навсегда остаться вне зоны доступа* (щитовая реклама 2004 г.). См. также удачную рифмованную рекламу: *есть идея, есть ИКЕА* (щитовая реклама, 2002 г.).

Как мы видим, в рекламных произведениях используются средства не только лингвистической, но и литературоведческой стилистики: и жанры художественных произведений, и метафоры, и метонимии, и синекдохи («*Каблучок*» – название обувного центра, 2005 г.), и гиперболы (*зубная помада Avon 200% цвета* – щитовая реклама, 2004 г.), и риторические приемы, в том числе риторические вопросы (*А в вашем доме есть Арбидол?* – телереклама лекарственного средства, январь 2004 г.), и музыкальные жанры – частушки, отдельные музыкальные фразы; в изобразительной рекламе появляются краткие сценки, рисунки, анимация и др. При всех обстоятельствах, реклама – это культурный феномен, и тот факт, что уровень этих псевдохудожественных произведений бывает весьма низок, зависит от таланта копирайтеров и их помощников. (Пример рекламы очень низкого уровня – частушка: *Эх ты, ух ты, ешьте Главпродукты!* – радиореклама по «Маяку», 2001-2002 гг.). Говоря о рекламе в целом, необходимо отметить, что цель рекламного дискурса может быть не достигнута из-за этих причин.

Коммуникативные неудачи в сфере рекламы – это отдельная проблема. К примеру, реклама лекарственного средства против за-

поя: «*Антизап*». Помогли многим – поможем и Вам!» (газета «Телепрограмма», 2006, № 1, с. 23 – описание действия, заказ и телефон в Москве), вероятно, вызовет отрицательную реакцию из-за того, что приведенное сокращение может быть расшифровано в заголовке как *антизапор*. Еще пример: *Покупайте автомобили здесь! Теперь и авто с пробегом. Москва автоцентр* (уличная растяжка, 2005 г.). Такая реклама рассчитана только на специалиста. Неудачной должна быть признана телереклама новых тарифов на переговоры по мобильному телефону Билайн: *Ты – лучше!* (зима 2005-2006 гг.). В то же время, художественные приемы в рекламе бывают очень удачными, особенно если они подкрепляются юмором, языковым или изобразительным: *Что с моими волосами – они как солома. Тебе нужен специальный шампунь для соломы* (анекдот в ответ на рекламу шампуня, о котором в телерекламе-диалоге говорится по поводу волос, ломких, как солома – Кнорре 2002: 181).

Таким образом, все изложенное в статье было направлено на доказательство тезиса: реклама это сложный разноаспектный, многокомпонентный дискурс, включающий, прежде всего, языковые/речевые единицы, подкрепляемые разнообразными приемами и средствами (от чисто информационных до художественных) и направленный на формирование спроса на материальную и духовную продукцию, на сбыт этой продукции при обеспечении максимальной прибыли изготовителю или посреднику при продаже. Рекламная деятельность – это, во-первых, дискурсивная деятельность и, во-вторых, прерывный процесс с остановками («станциями»), которыми являются рекламные произведения (простые и сложные, комплексные тексты и псевдотексты). Доказательством того, что реклама – это процесс, является проведение так называемых рекламных кампаний, состоящих из нескольких этапов; в них реализуются рекламные модули – рассказы разных людей, тексты, каждый из которых является все более убедительным подтверждением успешности применения рекламируемого объекта, с завершающим этапом – использованием слогана. Примером может послужить описанная в одной из работ МГУ им. М.В. Ломоносова рекламная кампания препарата «Иммунал» фармацевтической компании «Lek» (2004 г.). Другим доказательством является постоянная смена растяжек магазинов «Москва» на улицах города в 2004-2005 гг. с разными рисунками и текстами.

Процент участия рекламы в успешности сбыта различной продукции возрастает с каждым годом, растет и роль рекламы в международном разделении труда и торговли в условиях глобализации экономики. Достижение успеха в этой интернациональной деятельности – тема отдельного исследования (Лейчик, в печати).

Литература

1. *Буянова Л.Ю., Кондрашов П.Е.* К соотношению терминов и понятий «дискурс – речь – текст» // Современная лексикография и терминология: достижения, проблемы, перспективы. Сб. науч. трудов. Краснодар: Кубанский ГУ, 2003. С. 140-152.
2. *Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
3. *Кара-Мурза Е.С.* «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты // Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 164-186.
4. *Кириленко М.А.* Жанрово-стилистические особенности рекламы мобильной связи. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2004.
5. *Кнорре К.* Наружная реклама. М.: Бератор-Пресс, 2002.
6. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. язык, 1998.
7. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. *Лейчик В.М.* Культура речи в рекламной газете // Slavica quinquiescensia. VI. Linguistica. Translatologia. Материалы V Междунар. конф. «Теория и практика преподавания славянских языков и литературы» 5-7 мая 2000 г. Pécs, 2000. С. 149-154.
9. *Лейчик В.М., Кара-Мурза Е.С.* Два подхода к языку рекламы // От слова к делу. Сб. докладов X конгресса МАПРЯЛ. Гос. ин-т русского языка им. А.С.Пушкина. М., 2003. С. 133-145, 134-140.
10. *Лейчик В.М.* Дискурс – речь – текст // Междунар. конф. «М.В.Ломоносов и развитие русской риторики». Москва, 24 ноября 2004 г. М., 2004. С. 106-110.
11. *Лейчик В.М.* Создание и использование номенклатурных единиц в современном русском языке // Стереотипность и творче-

- ство в тексте. Вып. 8. Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. М.П. Котюровой. Пермь, 2005. С. 156-162.
12. *Лейчик В.М.* Язык рекламы в контексте глобализации и этниза-ции (в печати).
  13. *Маркетинг: Толковый терминологический словарь-справочник.* М.: Инфоконт, 1991.
  14. *Ромат В.В.* Реклама. СПб: Питер, 2002.
  15. *Формановская Н.И.* Объявление – реклама – рекламное объявление (к уточнению характеристики жанра) // Проблемы рече-вой коммуникации: Юбилейный сборник к 80-летию проф. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2003. С. 24-34.
  16. *Харлицкий С.М.* Информационная структура термина (на при-мере русских терминов рекламы и связей с общественностью). Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2003.
  17. *Galliot M.* Essai sur la langue de la réclame contemporaine. Toulouse, 1955.

Ф.А. Литвин

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ ИЛИ ПРЕДИКАТИВНОСТИ?

О предикативности сказано и написано много – и много разно-го. В этом нет ничего удивительного. С одной стороны, в лингвистике (особенно отечественной) предикативность рассматривается как одно из ключевых понятий синтаксиса, а потому редко какое описание синтаксиса может обойтись без определения (или переопределения) этого центрального понятия, со всеми вытекающими отсюда последствиями. С другой стороны, интерпретация понятия предикативности оказывается почти такой же множественной, как и количество интерпретаторов. Это вытекает не только из сложности понятия, но и из его «генеалогического древа»: оно «родом» из логики, что в большей или меньшей степени предопределяет разброс в интерпретациях, в зависимости от того, сколько там от логики, а сколько от лингвистики. Такое разнообразие интерпретаций вполне естественно, и задачей продолжающегося обсуждения предикативности не может быть сведение этого многообразия к минимуму, не говоря уже о полной унификации, поскольку множественность описаний есть норма научного описания сложного объекта, а не патология. В настоящей статье мне хотелось бы остано-виться на отношениях между разными интерпретациями предика-

тивности и тем самым разными синтаксическими описаниями, в которые входит понятие предикативности, и обсудить, в какой мере эти различные интерпретации способствуют «стереоскопическому видению» номината.

В лингвистической литературе, естественно, отражено наличие разных интерпретаций термина «предикативность»: многие авторы отмечали, что этот термин может вписываться в разные терминологические ряды, как междисциплинарные, так и собственно лингвистические, и отношения между содержанием термина в таких случаях тоже квалифицировались очень неодинаково. (М.И. Стеблин-Каменский не без сарказма замечает: «Дело в том, что, как это часто бывает с терминами в традиционной грамматике, «предикативностью» называют несколько разных вещей, притом нередко – одновременно, хотя, по-видимому, обычно полагают, что имеют в виду какую-то одну определенную вещь.» (Стеблин-Каменский 1974: 136-137).

Г.Г. Почепцов замечает, что кроме «предикативности¹» («актуализация как синтаксическое явление») есть «предикативность²» (связь логического субъекта и логического предиката предложения). Хотя эти два явления, называемые предикативностью, «соотносительны», автор рассматривает их как «термины-омонимы» (Почепцов 1981: 166). Если исходить из более или менее общепринятого понимания омонимии, то приведенное выше именование «термины-омонимы» означает, что у них нет общих («нетривиальных» (Апресян 1995: 185)) компонентов значения. Такая оценка семантических отношений в данном случае не кажется убедительной: возможность функционирования одного и того же термина в разных терминологических рядах не связана априорно с резким изменением его семантической структуры (даже если такие терминологические ряды разнодисциплинарны). Таково же, по-видимому, и восприятие этой ситуации автором: в следующем же предложении он говорит о разных значениях слова: «В разных теориях предложения свойство центральности придается предикативности в одном или другом значении слова».

Ю.А. Левицкий тоже говорит о разных «предикативностях»: грамматической и коммуникативной (Левицкий 1995: 140), но исходит при этом из очевидной семантической связи между этими разными употреблениями термина (т.е. о его неомонимичной многозначности; сама проблема омонимичности автором не затрагива-

ется): и в том, и в другом случае речь идёт об отношениях категорий предмета и признака (там же: 139). Обоснование положения о семантической общности дано в приводимой автором цитате из работы В.Г. Адмони: «... все эти отношения (в двусоставной структуре предложения, в актуальном членении предложения и в суждении) не абсолютно подобны, имеют свои особенности. Но сходство их все же носит глубокий характер, и, что очень важно, не случайно, а объясняется тем, что все эти три отношения восходят, каждое по-своему, к одному и тому же источнику, а именно так или иначе отражают одни и те же черты, вообще свойственные человеческой мысли как психологическому процессу». Такой ход рассуждений представляется убедительным и фактически снимает вопрос об омонимии термина «предикативность» в разных (в том числе и междисциплинарных) его употреблениях.

Проводимое в упомянутой работе Ю.А. Левицкого разграничение разновидностей предикативности отражает тенденцию к разграничению предложения как единицы языка и высказывания как единицы речи (коммуникации, речевого общения) – тенденцию, заметно усилившуюся в последние десятилетия, что представляется мне одним из проявлений смены научной парадигмы в языкознании XX века, результатом которой явились не просто признание равноправности «лингвистики языка» и «лингвистики речи», но и проистекающий из такого признания повышенный интерес к «лингвистике речи» (см., напр. Литвин 1992, Литвин 2000).

Рассмотрение предложения в этих двух разных ракурсах (ср., напр., термины *sentence-type* и *sentence-token*) требует учёта большего количества факторов, чем в связи с единицами предлежащих предложению ярусов языковой иерархии. Причиной такого осложнения можно считать особый статус этого яруса: на каждом из нижележащих уровней происходит усложнение содержания единицы системы, но только на уровне предложения такое накопление достигает «критической массы» для выполнения той функции, ради которой эта система существует, – осуществления коммуникации. Но именно поэтому единица этого уровня оказывается «двуликим Янусом», один лик которого обращен к системе, а другой – к коммуникативному пространству. В лингвистической литературе не раз использовалось сравнение с листом бумаги, плавающим на (спокойной) водной (или иной жидкостной) поверхности, – этот единый объект видится из воды (жидкости) не так, как из воздуш-

ного пространства. В предложении существенным оказывается и то, что в «лингвистике языка» оно представляет собой завершение синтеза (что и явилось основанием для квалификации этого уровня как высшего в языковой иерархии, завершающего накопление качества, необходимого для функционирования системы «по назначению»). В «лингвистике речи» возникает проблема понимания, и предложение есть начало анализа «молекулы коммуникации», необходимого для выявления «атомов» смысла. Об этом «различии векторов» иногда говорят, пользуясь терминами «грамматика говорящего» («путь снизу вверх» по ступеням языковой иерархии) и «грамматика слушающего» («путь сверху вниз»). Описания системы «снизу вверх» и «сверху вниз» не являются зеркальными отражениями друг друга, они различны хотя бы потому, что выполняют разные задачи и представляют собой две разные проекции одного устройства (не говоря уже о том, что анализ для выявления «атомов» смысла может потребовать не только «пути сверху вниз» но и «пути дальше вверх», но уже по ступеням иной иерархии – к сверхфразовому единству, тексту, интертексту). Эти разные описания, отличаясь друг от друга в силу разного положения наблюдателя по отношению к наблюдаемому, в современной научной литературе часто называют дополнительными (см., напр. Литвин 2005: 12-14).

К описанию предложения и высказывания сказанное относится в полной мере, в том числе и в связи с предикативностью. Это хорошо иллюстрируется терминологией, избранной Ю.А. Левицким для именованья двух разных «предикативностей»: одна из них определяется как коммуникативная, а другая как грамматическая, т.е. коммуникативное в определённом смысле противопоставляется грамматическому. При нынешнем состоянии науки о языке никто не скажет (или мало кто скажет), что коммуникативное противопоставляется грамматическому как экстралингвистическое лингвистическому, т.е. что лингвистика не занимается изучением коммуникативного процесса (в той мере, в какой он осуществляется средствами системы языка). А противопоставление коммуникативного грамматическому означает, что описание некоторого корпуса материала осуществляется в разных системах координат, что может привести к более или менее существенным различиям в самих описаниях, но не лишает эти описания соотнесённости, поскольку корпус материала остаётся одним и тем же, а выявляемые в описаниях

сходства и различия отражают глубинно идентичные отношения (можно сказать, цитируя приведённое выше высказывание В.Г. Адмони, что они «восходят к одному и тому же источнику»). В случае с предикативностью таким смысловым инвариантом является представление о коммуникации, как о сообщении (лат. *praedicatio* – *объявлять во всеуслышание, извещать, заявлять* от *praе* *впереди, вперёд* и *dicere* *говорить, сказать* (Дворецкий 1976)) о чём-то – начиная от факта существования этого «чего-то» до его разнообразных свойств и качеств. (Это, конечно, то, что классик назвал бы «этимологическими фокусами», но по словарю первое значение латинского *praedicator* – *объявляющий, возвещающий*, а значение *praedicativus* – *утвердительный, категорический*.) В наш просвещённый век, когда уже первокурсники-филологи знают об асимметрии языкового знака, нет необходимости объяснять, что сообщение не обязательно требует наличия минимум двух отдельных знаковых единиц языка, что эта двучленность информационного кванта может соответствовать, а может и не соответствовать двучленности представления этого кванта средствами языка. В «системе координат» коммуникативного акта один из противочленов может быть назван не в составе предикативного биннома, а за пределами минимальной единицы вербальной коммуникации – высказывания или вообще не назван, а «мысленно извлечен» из ситуации (представленной вербально). В «системе координат» системы языка двучлен может быть «закамуфлирован» в составе словоформы («*Объявляю заседание открытым*», «*Захочешь – вернешься*») или представлен в конструкции как свойство класса слов (особенно наглядно это в междометных предложениях).

«Предикативность предложения» («грамматическая», «конструкционная» и т.п.) есть свойство грамматической конструкции, «вводящее» эту конструкцию в круг грамматических способов выражения сообщения как основы коммуникации. Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что язык представляет собой организованное множество нежёстких, «размытых» систем, и поэтому вполне закономерно, что это свойство выражается не одним единственным, а множеством способов. Кроме того, оказывается существенной способностью конструкции выступать в таком качестве самостоятельно или только в составе более сложной конструкции. Иными словами, это свойство не просто есть у конструкции или его нет – оно может быть разной силы, т.е. градуированным: обла-

дающие свойством предикативности конструкции могут характеризоваться как готовые к самостоятельному, грамматически автономному коммуникативному функционированию или к грамматически зависимому, хотя и коммуникативному («вторичная предикативность», «полупредикативность») – ср., напр., англ. *The children saw the cat jump*, где *the cat jump* представляет собой предикативный бином, который, однако, может функционировать лишь как составная часть другой предикативной конструкции, а потому квалифицируется как «вторично-предикативная» («полупредикативная» конструкция, или русск. «Директор приказал выплатить Иванову деньги» и «Директор приказал Иванову выплатить деньги», где во втором предложении *Иванов* входит в полупредикативную конструкцию с глаголом *выплатить*, тогда как в первом предложении это слово грамматически подчинено глаголу (см. Литвин 1999: 72-73); о степенях предикативности (см., напр. Литвин 1984). Такое разбиение предикативных конструкций на подмножества покоится не на строго логических основаниях, а на «логике языка»: физически одна и та же конструкция может оказаться представленной в обоих подмножествах – ср., напр., англ. *'At the party I heard Mr. Jones sing.'* *'Mr. Jones sing! Ridiculous!'* (см. Литвин 1990).

«Предикативность высказывания» («коммуникативная», «позиционная») не может быть ориентирована на готовность конструкций функционировать в акте вербальной коммуникации: она является частью описания уже имеющего место коммуникативного акта, компоненты которого *ipso facto* способны в нём функционировать, и ориентирована на членение состава этого акта на минимальные коммуникативные составляющие. Такое членение может в результате давать отрезки, конструкция которых характеризуется языковой («грамматической») предикативностью, но это не является обязательным, поскольку «система координат» при таком описании иная: коммуникативное пространство регулируется иными факторами.

В результате лингвистические объекты получают разные описания, которые могут значительно различаться, в силу их дополнительности по отношению друг к другу (Литвин 1995; Литвин 2000: 68-69).

Мы имеем основания говорить о «разных предикативностях». Но мы имеем не меньше оснований рассматривать эти разные пре-

дикативности как разные проекции, разные способы представления того, как осуществляется вербальная коммуникация.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М., 1995.
2. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
3. *Левицкий Ю.А.* От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию. Пермь, 1995.
4. *Литвин Ф.А.* О степенях предикативности // Филологические науки. 1984. № 4.
5. *Литвин Ф.А.* Глагольные и безглагольные модели предложения // Системность на разных уровнях языка. ИИФФ СОАН, Новосибирск, 1990.
6. *Литвин Ф.А.* Предложение и высказывание как объекты синтаксического описания // Проблемы синтаксического членения предложения. Тезисы докладов. Смоленск, 1992.
7. *Литвин Ф.А.* Лингвистика речи – один из итогов XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. М.: МГУ, 1995.
8. *Литвин Ф.А.* Заметки о порядке слов в русском предложении // Язык и коммуникация: изучение и обучение (третий выпуск). Орел, 1999.
9. *Литвин Ф.А.* Еще о предложении как единице синтаксического описания // Язык. Глагол. Предложение. К 70-летию Георгия Георгиевича Сильницкого. Смоленск, 2000.
10. *Литвин Ф.А.* Многозначность слова в языке и речи. 2-е изд. М., 2005.
11. *Почепцов Г.Г.* Предложение // И.П. Иванова и др. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
12. *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в языкознании. Л., 1974.

М.Л. Макаров

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
НОВОЕ ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

XX век ознаменовался возникновением целого множества междисциплинарных исследовательских направлений, связывавших лингвистику с другими сферами знания – как гуманитарного, так и естественно-научного, инженерного. С одной стороны, это было

закономерной реакцией на сосюрковский редуционизм системно-структурного языкознания, с другой стороны, логика развития науки о языке неуклонно возвращала в поле зрения лингвистов того самого «говорящего человека», о недостаточном изучении которого говорили ещё младограмматики. Возращение это было каждый раз своеобразным: какой-либо аспект изучения человека – психологический, социологический, культурологический и т.п. – входил в альянс с лингвистикой и давал характерное «двойное» имя новой дисциплине. При этом, социолингвистика, психолингвистика, географическая и математическая лингвистика и т.п. настолько прочно заняли место в мировой науке, сформировав свою собственную проблематику, методологию, институциональную идентичность, что в наши дни их статус фактически не подвергается сомнению. Более того, места хватает и более современным подходам, способным, казалось бы, потеснить традиционные: примером могут служить не просто складывающиеся отношения психолингвистики и когнитивной лингвистики. Очевидно, что многие из названных направлений пересекаются по предмету, методам и задачам. Порой не так просто разграничить этнографию коммуникации, социолингвистику (особенно интерактивную), лингвострановедение, лингвокультурологию, критический дискурс-анализ и т.п. Достаточно близко к этому ряду располагается направление, о котором пойдёт речь ниже, – лингвистическая антропология.

Лингвистическая антропология – это относительно новый «бренд» лингвистического знания. Причины её возникновения и сфера её распространения имеют внятно очерченные временные, географические и методологические рамки. В первую очередь, приоритет термина «антропология» свойствен североамериканской науке. В Европе за ту же сферу интересов, как правило, отвечает даже не этнография, а чаще всего – «этнология». Серьёзных идеологических расхождений за этим, на самом деле, нет, – скорее всего, дело в своеобразии национальных научных традиций. Мы в данном отношении оказались оригинальнее, назвав головное научное учреждение в этой области знания Институтом этнологии и антропологии РАН. Однако, на мой взгляд, в современном контексте исследования человека, языка и культуры именно «лингвистическая антропология» представляется перспективным с разных точек зрения подходом. О том, что лингвистическая антропология стала самостоятельной дисциплиной в академической практике, свиде-

тельствуют одноименные курсы в расписании, опубликованные видными издательствами учебники и хрестоматии (Duranti 1997; Duranti 2001), разного уровня конференции и т.д.

И всё же есть смысл начать с самого начала: развитию лингвистической антропологии предшествовал ряд важных изменений в языкознании и смежных дисциплинах.

Во-первых, как и в психологии (общей, социальной и когнитивной), в лингвистике явно возрос интерес к явлениям социально-го и культурного порядка: всё чаще её интересуют когнитивные и семиотические функции «языка-в-речи» в широком социокультурном контексте, связывающие внутренние «движения души» с внешним миром эмпирических объектов, культурных артефактов, специфических форм поведения. С другой стороны, симптоматично стремление переосмыслить с когнитивных позиций общую этнографию и этнографию речи, что особенно заметно в рамках европейской этнологии. Учитывая генетическую связь американских направлений коммуникативистики (например, разговорного анализа) с этнометодологией и культурно-антропологической традицией в лингвистике, восходящей к трудам Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, нетрудно увидеть в этих тенденциях предпосылку возникновения лингвистической антропологии. «Прямыми предками» лингвистической антропологии можно считать социолингвистику и этнографию коммуникации, представленные работами Д. Хаймса, Дж. Гамперца, интеракционную микросоциологию Э. Гоффмана и аналитическую философию Дж. Остина, вызвавшую к жизни теорию речевых актов.

Во-вторых, важным фактором развития современной науки оказалось распространение и растущая популярность идей Л.С. Выготского, психологическая теория социализации которого для многих учёных стала центральным концептом, трактующим язык как основной культурный медиум мышления и деятельности, включённый в систему социальной жизни общества, что в свою очередь тесно связано уже с изысканиями в рамках когнитивной антропологии. Тем самым когнитивно-психологические и когнитивно-антропологические проблемы всё чаще решаются посредством анализа языкового общения. В этом же русле следует рассматривать ренессанс культурной психологии (ср. Лебедева 1999; Вежицкая 1997: 376-404; Much 1995; Shweder, Sullivan 1993). Добавим сюда интересные работы по фольклористике, лингводидактике, со-

циально-когнитивной психологии, теории овладения языком – и картина научного контекста лингвистической антропологии постепенно заполняется.

В-третьих, важнейшей предпосылкой развития лингвистической антропологии стал «дискурсивный переворот» в лингвистике и других социальных науках, вследствие чего язык рассматривается как дискурс, как «энергия» – в соответствии с деятельностным принципом В. фон Гумбольдта. Развитию идей дискурсивного переворота способствовала концепция М.М. Бахтина, популярность которой заметно возросла во второй половине XX в., причём не только и даже не столько в России, сколько в Северной Америке и Европе.

Хотя определённые теоретические пристрастия разделяли Старый и Новый свет, подобно Атлантическому океану. В Европе отдавали предпочтение *этнолингвистике* (справедливости ради, следует упомянуть, что и в США этнолингвистика «отметилась» несколькими авторами в середине прошлого столетия). Объясняется это, главным образом, всё тем же общим приоритетом «этнологии» и её производных. Тем не менее, вслед за американским исследователем Алессандро Дуранти (Duranti 1997; Duranti 2001), я постараюсь показать принципиальную осознанность выбора двух слов, определяющих наименование дисциплины: именно «лингвистическая антропология», а не «этнолингвистика» или «антропологическая лингвистика». Подход, помещающий изучение языка и культуры в широкий антропологический контекст, ясно обозначил в своё время Д. Хаймс: “the study of speech and language within the context of anthropology” (Hymes 1963: 277). Фактически, в соответствии с этим подходом, язык рассматривается как некий «культурный ресурс», а речевая деятельность – как «культурные практики» (Duranti 1997: 2).

Лингвистическая антропология – это безусловно междисциплинарное направление, опирающееся на методы и теоретические принципы других наук, в частности, лингвистики и антропологии, с целью постижения разнообразных проявлений языка как множества культурных практик, т.е. как системы коммуникации, в которой (вос)производятся интрапсихические и интерпсихические феномены, формирующие и составляющие социальное устройство общества, его культурный уклад. В трудах ведущих антропологов первой половины XX в. язык занимал одно из главных мест в их

теоретических построениях. Лингвистическая антропология сегодня нацелена на этнографически обоснованное описание языкового общения – речевой действительности в широком шербовском понимании – в реальных условиях, в реальном времени, с участием реальных людей. Это означает, что привычные «говорящий» и «слушающий» выступают прежде всего как субъекты в своих социальных ролях, принадлежащие сложным социальным институтам, входящие в разветвлённые коммуникативные сети, обладающие соотносимыми наборами ожиданий, представлений, ценностей.

Лингвистическая антропология часто представляется в качестве одной из четырёх традиционных ветвей антропологии, наряду с археологической, биологической и (социо)культурной. Однако в отличие от ранних определений исследовательского поля лингвистической антропологии современное направление несводимо к *любому* изучению языка антропологами. Равным образом оно несводимо к изучению набора «экзотических» текстов, часто попадающих в поле зрения антропологов, изучающих «примитивные» сообщества, часто не имеющие письменности. Описание структуры языка, на котором говорят малоизученные племена в долине Амазонки, не превращает автоматически исследователя в лингвистического антрополога. Последнего от лингвиста или этнографа отличает своё особенное сочетание целей и методов исследования. Причём это не только примат изучения реального употребления языка – его с лингвистической антропологией делят, например, социолингвистика или диалектология. Главной отличительной чертой становится постижение языка как набора символов, конституирующих социальную ткань общества, в которую вплетены индивидуальные и социальные представления реальных или возможных миров. Такая направленность анализа позволяет по-новому взглянуть на проблемы, традиционно интересующие антропологов: истоки власти и её легитимации, циркуляцию социальных репрезентаций, культурные основания расизма и межэтнических конфликтов, процессы социализации и конструирования собственного «Я», соотношения ритуализации поведения и социального контроля, социально-когнитивные особенности жизнедеятельности, вопросы эстетики и потребления, культурные контакты и социальную динамику и т.д.

Как исследовательское поле, лингвистическая антропология начинается с теоретического предположения о том, что слова, вер-

нее, их выбор, «имеют значение», а также с эмпирических данных, свидетельствующих о том, что языковые знаки как репрезентации действительности, связывающие нас с ней, никогда не бывают *нейтральными*: они всегда участвуют в конструировании культурных феноменов разного уровня сложности, помогают формировать культурную идентичность и культурные различия. Великий методологический прорыв, который обеспечил структурализм в гуманитарных науках, частично объясняется тем, что большую часть интерпретации можно было бы свести к процессам сравнения и, следовательно, «различения» объектов. То, что лингвистические антропологи добавляют к этому интуитивному основанию интерпретации, можно сформулировать следующим образом: различия «живут» не только в символических кодах их репрезентации. Различия не кончаются там, где замена одного звука другим, например, глухого – звонким, даёт новое слово, а замена одного слова другим – новое словосочетание. Различия живут там, где слово становится речью и тесно переплетается с социальной деятельностью человека, порой замещая одно другим. Именно структуралисты заставили нас обратить внимание на то, что НЕ сказано, но подразумевается, наконец – на значимость молчания. Когда мы начинаем сравнивать то, что «сказано», с тем, что «не сказано», мы создаём контекст, своего рода систему координат для оценки того, что было «сказано». Но вот вопрос: насколько глубоко и насколько широко мы должны развернуть свои поиски? И вопрос этот не ограничивается тем, сколько высказываний, или сколько говорящих субъектов, или сколько языков следует проанализировать. Это вопрос о предназначении этнографии, её достоинствах и пределах. Это вопрос о границах феноменов, которые мы считаем релевантными для определения природы языка, т.е. того, чем он является и чему служит. Эти границы чрезвычайно широки, но фактически они определяются рамками деятельности человека и его понимания. Мы не можем мыслить себе всё мироздание одновременно, и большая часть изысканий в русле лингвистической антропологии занимается тем, как слова в конкретном акте коммуникативного взаимодействия сначала участникам социального действия, а потом и его исследователям дают некую точку зрения на мир, способ его интерпретации и «переживания». Человек уникален тем, что способен думать о том, как он думает. Это непосредственно связано с его способностью оперировать символическими репрезентациями,

в конечном итоге – с его языковой способностью. Однако язык – это больше, чем инструмент рефлексии, с помощью которого мы постигаем превратности собственного мышления. Язык вводит нас в пространство коммуникативного взаимодействия, которое отчасти было для нас уже «уготовано», – пространство, в котором некоторые параметры и различия начинают приобретать больший вес, чем другие; пространство, в котором каждый наш выбор оказывается в какой-то мере обусловлен тем, что произошло ранее, и формирует предпосылки для того, что может произойти в дальнейшем.

Взять, к примеру, приветствия. Во многих культурах приветствия имеют форму вопроса или пожелания о состоянии здоровья (англ. *How are you?* рус. *Здравствуйте* и т.п.). В других культурах это может быть вопрос о местоположении, направлении движения, как, скажем, в Полинезии – пример, широко обсуждавшийся Р. Ферсом (Firth 1972). Анализ данных и подобных им явлений порождает целый ряд вопросов и возможных объяснений. Являются ли приветствия речевыми формулами? Если да, то почему ответ «имеет значение»? Несёт ли содержание такого стандартного обмена какие-либо сведения о коммуникантах, их семьях, предках, языковом сообществе в целом? Откуда они знают *кого*, *когда* и *как* надо приветствовать? Как определяются ситуации приветствия, отличаются ли они от аналогичных ситуаций в других сообществах?

В соответствии с вышесказанным, лингвистическую антропологию отличают этнографические методы исследования, хотя сами по себе они вряд ли способствуют определению институциональной идентичности новой дисциплины, поскольку этнографическими методами пользуется немало сфер знания. Отличительной чертой лингвистической антропологии может служить как раз взгляд на говорящего и слушающего как социальных деятелей, на язык – одновременно как на ресурс и продукт социальной интеракции, на языковые коллективы – одновременно как на реальные и как на потенциальные сообщества, границы которых постоянно (вос)производятся и корректируются в многочисленных коммуникативных актах. Хотя при этом лингвистическая антропология отдаёт себе отчёт в том, что она отнюдь не отрицает достижений традиционной структурной лингвистики, скорее, наоборот, она строится на структурном языковедческом фундаменте, намечая принципиально новый круг вопросов и новую исследовательскую «повестку дня».

Уровень идеализации языка как объекта исследования в структурной лингвистике потребовал и к человеку отнестись как к идеальной абстракции. Идеальная языковая способность и по сей день остаётся главным объектом исследования формальной лингвистики. Для лингвистической антропологии, наоборот, объектом и предметом исследования является, следуя великолепной метафоре Тони Моррисона (Morrison 1994), **язык как мера жизни** (*language as the measure of our lives*). Поэтому лингвистический антрополог сосредоточен не на языковой способности, а на речевой деятельности (*competence vs. performance*), на дискурсе в конкретной ситуации. Вместо того чтобы искать объяснения нашего когнитивного подобию в терминах языковой способности, лингвистический антрополог заинтересован тем, как речевая деятельность (язык в широком смысле – как дискурс) делает нас разными. И здесь он не ограничивается нарративами и метанарративами, он самым пристальным образом наблюдает за речевыми событиями, где важна сама структура участия и неучастия, тип социальной организации, доминирования и подчинения, распределения ответственности и т.п. Лингвистический антрополог обязан уметь слушать и слышать всё, что говорят люди. Он должен вникнуть в то, что *именно они* в данном речевом событии считают главным, что *именно для них* имеет значение, с какими намерениями они участвуют в интеракции, какие цели преследуют. Технические средства анализа (аудио- и видеоборудование, цифровая техника) облегчают исследовательскую практику, но главным вопросом остаётся теоретический инструментальный анализ. Подразумевается, что в ходе анализа непрерывное «переживание» окружающего мира каким-то субъектом должно быть разбито на удобные для обработки отрезки, подлежащие тщательному изучению посредством рекуррентных процедур анализа. Важным «сомнением» здесь остаётся вопрос соответствия принципов сегментации культурного опыта исследователем с сегментацией собственного опыта непосредственным участником наблюдаемого события. К сожалению (или по счастью – зависит от методологической точки зрения), мы не можем спрашивать людей о целесообразности изучения их повседневной практики посредством выделения традиционных единиц анализа языка: фонем, морфем, предложений, сверхфразовых единств, языковых игр, пропозиций и имплицатур и т.п. Все эти слова утрачивают своё обаяние, а порой – всякий смысл за рамками своих научных парадигм. Оста-

ётся вопрос – где нам взять такую единицу анализа, которая позволила бы изучать предмет исследования, не превращая каждого информанта в антрополога с нашими собственными аналитическими пристрастиями?

В качестве одного из возможных сценариев изучения свойств устойчивых дискурсивных практик мы естественным образом обращаемся к фольклору как языковому материалу, прошедшему отбор временем и «верифицированному» на исключительно большой группе «информантов». Однако уже здесь необходимо кое-что уточнить в нашем отношении к традиционным понятиям и категориям. Лингвистическому антропологу, имеющему дело с текстовыми свидетельствами даже современной ему культуры, всегда приходится учитывать то обстоятельство, что его информанты – «люди, ориентированные на другой дискурсивный опыт» (Богданов 2001: 37).

История культуры, как и «история» речевого события – это предмет конструирования, отправная точка которого не линия времени, а современность. Идеологическая (в широком смысле) структура повседневности заставляет относиться к истории речевого события с учётом настоящего и будущего. Сама современность, с этой точки зрения, может быть понята как процесс постоянной реорганизации прошлого в отношении будущего и, соответственно, «переформулирования» традиции. «Аутентичность», таким образом, оказывается «методологической химерой». Например, то, что сегодня безоговорочно считается хрестоматийно выражающим «аутентичный характер» русской культуры (в частности, музыка П.И. Чайковского), ещё недавно казалось слишком западным, а подлинно русским – как у западного слушателя, так и у русского – слыл экзотический ориентализм «Танца персидских рабынь» из оперы Мусоргского «Хованщина», «Арабские танцы» из «Руслана и Людмилы» Глинки и «Половецкие пляски» Бородина (Богданов 2001: 38).

Если язык традиции полагается языком повседневности, то ясно, что этот язык является общим и вместе с тем ничейным, неразличимым в его субъективной «монологической», и объективной, «диалогической», индивидуации. Будучи «заложником» повседневности, исследователь истории культуры и устойчивых дискурсов является вместе с тем носителем выражаемой через них традиции. Лингвистическая антропология, как и любая другая научная

дисциплина, имеет дело с фактами, не только индуцируемыми из реальности, но и дедуцируемыми в эту реальность.

Например, фольклористика – один из «источников и составных частей» лингвистической антропологии – давно подтверждает зависимость представлений об изучаемых устойчивых текстах от инкорпорированных в общественное сознание повествовательных структур. Научная конвенция на предмет значения исследуемого объекта вырабатывается из столкновения «разноименных» и «разнодисциплинарных» дискурсов, несущих многообразные эпистемологические и дидактические установки. Общее значение определяется в этом случае эффектом «обозримого контекста» (*observable context*) (Leech 1974: 74). Для фольклорных повествовательных текстов – «это контекст виртуальной согласуемости опыта исследователя и опыта респондента, с одной стороны, и опыта разных респондентов и разных исследователей – с другой» (Богданов 2001: 46). Аргумент в пользу такой согласуемости может быть найден в наличии устойчивого воспроизведения схожих фольклорных нарративов на протяжении длительного времени в разноязычной и разнокультурной среде. Схожесть формы, сюжетов, мотивов таких нарративов – как в диахронической, так и синхронической перспективе – всё это свидетельствует не просто об осмысленности выражаемого ими содержания, но и о том, что мы можем говорить об определённом единстве в его понимании, эксплицируется ли такое единство языком «теологического», «научного» или же просто «общечеловеческого» гуманитарного дискурса. Поэтому фольклорные тексты, обладая глубоким «персональным» смыслом для исследователя, хранят произвольность «общего» смысла.

Поиск «общего» смысла заключается в соотнесении постулируемого исследователем факта с социокультурным контекстом его интерпретационной модели. Критерий подобного соотнесения – текст, который может быть прочитан самим исследователем и, предположительно, понят в этом прочтении другим. Полагая фольклором традиционное наследие какой-либо общности людей, перед исследователем встаёт проблема репрезентативности или – *прецедентности* – выражающих это наследие текстов. Как известно, прецедентными называются тексты, которые могут быть охарактеризованы как семиотически и психологически значимые для той или иной группы лиц в пределах определённого хронотопа, социокультурного контекста, причём эти тексты постоянно воспро-

изводятся, а их знание предполагается как само собой разумеющееся (Караулов 1987: 216; ср. Слышкин 1999; Красных 2001; Красных 2002; Гудков 2003 и др.]. Это – основа коллективного дискурса, условие идеологического (в широком смысле) взаимопонимания и критерий социальной идентификации.

В то же время уже А.А. Потебня, касаясь гносеологических проблем фольклорной преемственности, заметил, что последняя, хотя и подразумевает «полные» тексты определённой вербальной традиции, в действительности осуществляется по принципу «сжатия» этих текстов до уровня семантически маркированных элементов коммуникации (Потебня 1976: 517). Психологическое стремление к «сжатию» общеизвестных текстов определяется самой степенью известности этих текстов. Любой язык представляет собой избыточную систему. В какой-то мере это относится и к *дискурсу повседневна* как современному фольклору. Выделение «ядра поля» и его «периферии» – вопрос конвенции участников общения. Так, специфика выражаемой фольклором коммуникации позволила в своё время авторам словаря фольклора предложить его определение как категории, обозначающей не просто некие объекты социокультурной реальности (тексты и явления), но в большей степени – способы их коллективного использования; следовательно, важна не суть, но форма, характер фольклорной коммуникации.

После пионерских работ Д. Хаймса и его последователей стало ясно, что коммуникация – это не только форма, в которой выражается многообразие культурной традиции, но и её содержание. Коммуникативные модели, в которых переживается общение, следует рассматривать прежде всего как способ символизации общей социальной деятельности. В структуре такой – виртуальной или реальной – деятельности особое значение традиционных устойчивых форм коммуникации состоит в том, что они выступают в функции символического регулятора социальных связей и поведенческих тактик. Будучи стереотипно воспроизводимыми, речевые и неречевые формы коммуникации служат элементарными действиями, поддерживающими трансляцию уже так или иначе санкционированного коллективного опыта. В широком смысле такой опыт является опытом социализации и инкультурации субъекта, а в узком смысле – опытом овладения социальным поведением.

Дискурс повседневна отвечает основным требованиям социализации. Являясь одним из устойчивых компонентов культуры,

фольклор в гораздо более заметной степени, чем просто язык, выражает социальную зависимость субъекта от общества и власти.

Семиотическая специфика любого текста, выражающего ролевые *схемы* той или иной культуры, в широком смысле релевантна идеологической модальности общества – идеалам, нормам и обычаям, манифестирующим собой характер социального взаимодействия в рамках определённой социальной группы. «Классы ролей» и «классы текстов» сопоставимы по функциональной изоморфности. Пространство современного фольклора социально стратифицируется, дробится, и его рисунок постоянно изменяется – современник оказывается носителем различных фольклоров, объективируемых им, как это ни парадоксально, именно постольку, поскольку они же им и субъективируются. «Логическим завершением данной ситуации будет – да и уже становится – обнаружение фольклорного дискурса в границах микрокоммуникативного (например: муж и жена, сослуживцы, друзья и враги и т.д.) или даже персонального дискурса» (Богданов 2001: 60).

Подобный подход позволяет избежать того, что П. Бурдьё (Bourdieu 1991) назвал «ошибкой окказионализма» (*occasionalist fallacy*), критически пересматривая некоторые работы представителей конверсационного анализа и лингвистической антропологии. Суть этой ошибки он видел в недооценке макросоциальных факторов, остающихся «за кадром» конкретной интеракции. Таковыми факторами могут быть расовая, гендерная, классовая принадлежность. Бесспорно, знание макросоциологических характеристик наблюдаемых коммуникантов составляет важную часть их «истории», актуализирующейся в речевом событии. Однако, здесь остаётся немало вопросов без ответа – в первую очередь касающихся соотношения микро- и макроуровня анализа, равно как остаётся опасность неправомочного обобщения и некорректной категоризации.

Так, анализируя «женский язык» С. Гэл (Gal 1989) справедливо отрицает любую эссенциалистскую идеализацию того, что принято называть “*woman’s voice*”, что имплицитно предполагает наличие иной «женской» культуры. Вместо этого С. Гэл выдвигает гипотезу о существовании противоречивого комплекса лингвистических практик, отличных среди женщин разной классовой или этнической принадлежности, занимающего широкий диапазон от противостояния до адаптации, от отрицания до реконструкции господ-

ствующих культурных ценностей (Gal 1989: 4). Если уж вести речь о языке, власти и гендере, то для начала неплохо было бы выяснить что именно считается властью и языком власти в кросс-культурном аспекте. Мы должны быть готовы к тому, что «власть» означает совершенно разные «феномены» в разных культурах. Соответственно, будут отличаться и дискурсивные практики.

Лингвистические антропологи отталкиваются от предположения о существовании характеристик или параметров коммуникации, которые можно уяснить только «изнутри» – посредством пристального изучения того, что люди *делают* в речевом событии, посредством соотнесения слов, молчания, жестов и других знаков с контекстом их актуализации. Это позволяет раскрыть природу речи как социального действия и помогает увидеть, как слово *становится* социальным действием, определяя наше место в мире, нашу идентичность.

Что касается идентичности лингвистической антропологии в рамках института научного знания, то главным итогом её развития на сегодняшний день следует считать определение круга принципиальных вопросов, ответы на которые конституируют новое направление. К тому же есть опыт, который позволяет выстроить теоретический и, что особенно важно, методологический фундамент лингвистической антропологии.

Обобщая всё, сказанное выше, можно утверждать, что рассуждения приверженцев лингвистической антропологии весьма логично доказывают корректность его наименования: не антропологическое изучение языка (*антропологическая лингвистика*) и не этническая обусловленность языка (*этнолингвистика*, главная слабость здесь – проблемность определения самой категории «этнос»), а именно изучение человека и его культуры посредством изучения его речевой деятельности. Логическим образом это направление «замыкает» круг «двойных» дисциплин – социолингвистики, прагмалингвистики, дискурс-анализа, лингвокультурологии и т.п. В каком-то смысле это возврат к хорошо забытой проблематике, – к тем вопросам, с которых начиналось возрождение человеческого фактора в языке. В то же время это принципиально новый уровень синтеза знания, его интерпретации и представления. Именно этими своими качествами лингвистическая антропология претендует на статус нового научного направления.

Литература

1. *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. – СПб.: Искусство-СПб, 2001.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
3. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
5. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001.
6. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
7. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ-С, 1999.
8. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Наука, 1976. – С. 33-220.
9. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Дис. ...канд.филол.наук. – Волгоград, 1999.
10. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1991.
11. *Duranti A.* Linguistic Anthropology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
12. *Duranti A.* (Ed.) Linguistic Anthropology: A Reader. – Oxford: Blackwell, 2001.
13. *Firth R.* Verbal and Bodily Rituals of Greeting and Parting // The Interpretation of Ritual. – London: Tavistock, 1972. – P. 1-38
14. *Gal S.* Between Speech and Silence: The Problematics of Research on Language and Gender. – Papers in Pragmatics, №3 (1), 1989. – P. 1-38.
15. *Hymes D.* Objectives and Concepts of Linguistic Anthropology // The Teaching of Anthropology. – American Anthropological Association. Memoir 94. – 1963. – P. 275-302.
16. *Leech G.* Semantics. – Harmondsworth: Penguin Books, 1974.
17. *Morrison T.* The Nobel Lecture in Literature. – New York: Knopf, 1994.
18. *Much N.* Cultural Psychology // Rethinking Psychology. – London: Sage, 1995. – P. 97-121.

19. Shweder R.A., Sullivan M.A. Cultural Psychology: Who Needs It? // American Review of Psychology, 1993. – Vol. 44. – P. 497-523.

Н.В. Маханькова

ПОВЫШЕНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА,
КАК СПОСОБА ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Искусство чтения сродни процессу творения. С одной стороны, в истинно художественном произведении нет "лишних" слов, однако, являясь законченным для творца, художественное произведение «есть... *долгая линия развития*, в которой самое создание есть лишь точка, лишь момент...» (Горнфельд А.Г.), за которым последует творчество самого читателя, способного увидеть в произведении новые смыслы (микро, макро, иносмыслы) и содержание. Следовательно, можно говорить о «*со-творчестве*» читателя и автора, которое осуществляется благодаря воздействию на читателя (адресата) следующих средств:

– автор (коммуникативное намерение или замысел, опирающиеся на реальный жизненный и языковой опыт и авторское понимание жизни; ориентированные на определенного адресата);

– средства выражения (номинативные средства выражения; синтаксис: правила построения фразы, предложения, фразовый стереотип; композиция текста, его связность; письменная и жанровая компетенция);

– содержание номинативное (элементы ситуации, фрагменты действительности, культурный контекст, социум) и коммуникативное (отношение автора и адресата к предмету высказывания); стратегии письма;

– деятельностный аспект, в котором текст можно рассматривать как процесс его сотворения (структурная компетенция) или понимания, основанного на читательской, жанровой компетенции и читательских стратегиях.

В результате воздействия данных средств на читателя, а также посредством постижения *главных ценностей текста* (человек, деятельность и культура), у него (читателя) формируется целостность своего и авторского «Я», происходит диалог культур посредством книги, как «духовного завещания одного поколения другому» (Бахтин 1979).

Анализ затруднений и особенностей читательской деятельности студентов и учащихся, способов работы с текстом побудили

нас сформулировать рабочее определение понятия «творческое чтение». Под «творческим чтением» (ТЧ) нами понимается вид текстовой деятельности, направленный на выявление разных уровней связей внутри и вне текста. Выявление *внутренних* связей (скрытые связи между высказываниями в тексте) предполагает овладение двумя уровнями чтения: содержательно-фактуальным и содержательно-концептуальным.

Содержательно-фактуальный уровень чтения (уровень осмысления внешней структуры текста) реализуется в логическом, композиционном и языковом планах (аспектах) и предполагает следующие умения читателя: умение раскрыть способ развертывания предметно-смыслового содержания (логический аспект); умение представить иерархическую структуру логических линейно-развернутых рассуждений (композиционный аспект); умение выявить знаковую форму описания предмета, соотносимого с целями высказывания (языковой аспект).

Содержательно-концептуальный уровень чтения, предполагающий проникновение до внутренней ядерной структуры текста, осуществляется в интенциональном, предметном и семантическом планах благодаря следующим умениям читателя: умение выявлять характер направленности текста, замысел, цели, задачи отправителя и получателя текста (интенциональный аспект); умение определить систему явлений и предметов, по поводу которых автор намерен нечто сообщить (предметный аспект); умение раскрыть отношения (их типы) между предметами (семантический аспект).

Владение содержательно-фактуальным и содержательно-концептуальными уровнями чтения предполагает использование материала текста на репродуктивном и репродуктивно-продуктивном уровнях речи. *Продуктивный уровень* чтения обеспечивается благодаря выявлению *внешних связей текста* – т.е. связей между информацией текста и ранее усвоенными знаниями – происходит понимание – обретение таких знаний, которые отражают «суть вещей, соединяют ранее известное с уже известным, превращают ранее разрозненное в систему» (Бахтин 1979), ориентированную на применение этих знаний. Таким образом, в результате понимания знания становятся частью внутреннего мира личности, оказывая воздействие на ее деятельность.

Основанные на различных уровнях мыслительной деятельности (распознавания, осмысления, применения, анализа, синтеза и оцен-

ки), внешние связи реализуются в деятельностном, когнитивном и личностном аспектах. Именно на развитие данных групп умений должны быть направлены задания к текстам на продуктивном уровне чтения.

Деятельностный аспект, основанный на процедурах творческой деятельности, предполагает следующие умения читателя: умение самостоятельно переносить ранее усвоенные знания и умения в новую ситуацию; умение видеть проблему знакомой ситуации; умение видеть новую функцию объекта; умение определять структуру объекта (проблемы); умение видеть альтернативу решения или его способа; умение комбинировать ранее усвоенные способы деятельности в новые применительно к возникшей проблеме.

Научить читать на иностранном языке долгое время значило понимать, оценивать и использовать полученную информацию. Конечная практическая цель обучения чтению на иностранном языке определялась овладением техники зрелого чтения, которое характеризуется скоростью, соответствующей виду чтения (ознакомительное, изучающее, поисковое), сопровождается хорошим пониманием читаемого, совершается с минимально выраженной внутренней речью («визуальное чтение») и сопровождается наименьшей затратой сил учащегося (Бердяев 1994).

Полагаем, что наряду с другими средствами отражения действительности (музыка, литература, живопись, танец) профессиональное владение словом дает человеку еще один способ познания мира и самого себя. Вот почему процесс чтения рассматривается нами не только как путь поиска информации, но и как *средство введения обучаемых через литературу в мир человеческих отношений, нравственных ценностей, направленное на самоопределение и самопознание (рефлексия) читателя посредством чтения*. Тогда стратегией обучения является: от подлинного понимания текста, а это всегда «выход за пределы того, что в нем непосредственно сказано» (Брудный 1998), к пониманию других людей (представителей другой культуры) и пониманию самого себя.

Не случайно, системообразующими категориями в теории читательского развития личности являются категории «читательского развития», «читательской социализации», «литературного развития», «читательского воспитания личности», предполагающими не только вооружение обучаемых рациональными способами работы с книгой, но также освоение культуры умственного труда (при рабо-

те с книгой), «культуры общения с книгой как формой искусства», направленное на определение своего места и роли в этом мире, построение картины мира средствами литературного текста.

Обучая творческому чтению на иностранном языке, черпая свои знания из психологии и лингвистики текста, психолингвистики и теории текстовой деятельности, преподаватель стремится к тому, чтобы читающий из лица просто воспринимающего, созерцающего превратился бы в лицо сопереживающее. С психологической точки зрения процесс общения посредством чтения не оканчивается пониманием текста, а продолжается принятием со стороны читающего какого-то решения, ведущего к определенному поступку. В этом проявляется когнитивная функция понимания, в результате которой знание становится частью внутреннего мира личности и влияет на регуляцию ее деятельности.

Это означает, в тексте письменного сообщения передаются не только мысли автора, но и его отношение к сообщаемому материалу, его чувства и эмоциональное состояние, что опосредованно может склонить читающих к принятию каких-то *решений*, к свершению определенных *поступков*, а также послужить толчком для формирования его собственных мыслей, чувств и черт характера. С другой стороны, нравственный потенциал книг, согласно Е.Н. Ильину, порождает особую систему гуманистических знаний – убеждений.

Вот почему необходимо изучать не только *что* читают студенты, но и *как* они читают и самостоятельно работают с книгой с тем, чтобы реализовать в практике обучения элементы всех видов содержания, наблюдаемых в любом тексте: знания, отражающие предметное содержание учебного курса; интеллектуальные и практические навыки и умения, которыми должны владеть студенты; черты творческой деятельности, характерные способности обучаемых к творчеству; мировоззренческие и поведенческие качества личности, которые определяют отношение обучаемых к объективной действительности и их поведение в жизни.

Необходимо отметить, что творческое чтение ориентировано не только на деятельность и образ мира, но и на личность читателя, что предполагает несколько моментов. Во-первых, мотивацию, позитивную установку и идентификацию себя с персонажами. Особой проблемой представляется воспитание позитивного отношения

обучаемого к чтению и текстовой деятельности, так как чтение призвано доставлять обучаемому удовольствие.

С другой стороны, чтение и текстовую деятельность можно рассматривать как способ актуализации личности, как особый путь самоутверждения. Личностный аспект творческого чтения имеет прямой выход на формирование активной личностной позиции, на воспитание у обучаемых творческого начала и умения принимать самостоятельные решения в жизни, деятельности и в сфере отношений. И, наконец, различные стили и стратегии чтения это способ решения проблемы «автономии» обучаемого.

Таким образом, согласно нашему подходу, технология обучения студентов творческому чтению и работе с иноязычным текстом должна быть построена на принципе перехода от внешней, наблюдаемой текстовой структуры к внутренней (глубинной) его структуре с последующим переходом от внутренних связей текста на внешние.

Исходя из заданной стратегии, для нас важно научить студентов активно, *творчески* осваивать информацию, заложенную в иноязычном тексте, для чего необходимо обеспечить *трехуровневое усвоение материала*, а именно: 1) запоминание и последующее воспроизведение изучаемого материала, способствующие *накоплению знаний*, фактических сведений из прочитанного; 2) *применение* знаний на практике, умение пользоваться знаниями в сходной обстановке, по образцам и шаблону; 3) применение знаний в оригинальной, нестандартной обстановке, предполагающее *творческий подход* к решению задач, трансформацию знаний, их комбинацию и самостоятельную оценку явлений, фактов, событий. Данный уровень требует от студентов анализа, объяснения, толкования изучаемого материала.

Реализация трех уровней усвоения материала способствует эффективному овладению и владению текстовой информацией на любом уровне мыслительной деятельности и тем самым приводит к творческому развитию студента средствами изучаемого предмета.

Рассмотрим, что может быть *результатом* этого развития. В соответствии с последними нормативными документами по иностранному языку, процесс обучения творческому чтению, построенный на личностно-деятельностном подходе, формирует у студентов широкий гуманистический взгляд на мир, основанный на об-

щечеловеческих ценностях, и вносит существенный вклад в повышение *гуманитарного* содержания высшего образования.

Процесс овладения механизмом творческого чтения выступает в качестве мощного механизма *личностного* развития студентов, создает основу для развития общего и лингвистического кругозора студентов и для воспитания у них правильного понимания языка как общественного явления.

Целенаправленное формирование речевых навыков и умений творческого чтения активизирует работу памяти, мышления и других психических процессов и, тем самым, способствует *умственному развитию студентов*. Становление личности обучаемого осуществляется в процессе формирования его иноязычного речевого поведения, итогом этого процесса является речевое развитие обучаемого, которое выступает в качестве основы всякого образования.

Социальная сущность процесса обучения творческому чтению заключается в передаче обучаемым *творческого опыта* и *опыта эмоционально-ценностного отношения* человека к миру, в способности интегрировать самые разнообразные сведения из различных сфер деятельности человека. Использование иноязычного текста, в качестве средства передачи и приема информации об окружающей действительности из самых различных предметных областей, создает благоприятные предпосылки для расширения общеобразовательного кругозора.

Существенную роль в становлении личности студента играет то, что в процессе освоения механизма творческого чтения он овладевает *общеучебными умениями*: работать с книгой, справочной литературой, словарями, пользоваться услугами Интернета и т.д. Это способствует формированию у студентов познавательной активности, стремлению к самосовершенствованию в овладеваемой ими деятельности.

Успешность реализации развивающей функции чтения на практике зависит как от *материала* для чтения, используемого в процессе обучения, так и от *методов обучения*. В связи с этим к содержанию применяемых в обучении текстов предъявляются иные требования, на основе которых происходит отбор учебного материала и составляется его методическая типология.

Анализ методической литературы по вопросу выявил различные требования, предъявляемые к содержанию иноязычных текстов, а именно, текст должен:

- обладать *обучающим потенциалом* (возможностью совершенствовать на его материале речевых умений и лингвистической компетенции); *идейно-воспитательным* потенциалом;
- служить средством создания *мотивации* изучения иностранного языка;
- быть *информативным*, обогащать учащихся в доступной им форме новыми знаниями, явлениями, обладать *познавательной ценностью*;
- вызывать личностную заинтересованность обучаемого, соответствовать его возрасту, *познавательным и эмоциональным запросам*;
- содержание текста должно быть *доступным*, а сам текст *читабельным*, что предполагает: четкость композиционно-смысловой структуры, логичность изложения, возможность адекватного восприятия информации текста, обусловленного его лингвистическими характеристиками. Логико-смысловая структура, информационная насыщенность текста, его сюжет и языковая сложность должны соответствовать виду чтения и его назначению.

Итак, для того, чтобы текст давал преподавателю богатый материал для идейно-эстетического воспитания студентов и способствовал развитию у них чувства языка, он должен быть «интересным по содержанию и блестящим по форме, безукоризненным по языку и глубоким по идейно-нравственному воздействию на читателей».

Таким образом, в методике преподавания иностранных языков традиционно выделяют *два принципа отбора содержания* текстов: принцип воспитательной ценности текстов и соответствие содержания текста, его функционального стиля, жанра и тематики интересам обучаемых. На наш взгляд, выявление требований, предъявляемых к содержанию текстов должно осуществляться, исходя из целей обучения иностранному языку, вообще, и целей чтения на иностранном языке, в частности. В своем исследовании мы ставим особый акцент на развивающей цели обучения иностранному языку, а именно – формирование умений творческого чтения, что определило выбор требований к отбору содержания текстового материала в содержательном аспекте: 1) *востребованность* темы (про-

блемы) для читателя; соответствие содержания текстов возрастным интересам, потребностям, речевому и жизненному опыту обучаемых, для того чтобы вызвать сопричастность обучаемых, необходимо, чтобы содержание изучаемых текстов было актуальным для читателей; 2) наличие в тексте проблемности, *трудности* на языковом, содержательном и смысловом планах, как средства активизации учебно-познавательной деятельности обучаемых; 3) представленность в тексте *многообразия функциональных стилей текста, жанров и тематики*; выбор тех из них, которым студенты отдают предпочтение; 4) *художественная и эстетико-познавательная значимость* текстов; 5) *страноведческая насыщенность* текстов; 6) *занимательность, оригинальность*, привлекательность сюжета; эмоциональная окрашенность текстов, соединение в тексте реального и нереального («свежесть восприятия стимулирует творческий подход»); 7) распространенность сюжета в *других видах искусства*; 8) максимальная развивающая функция текста, предполагающая широкий способ понимания, связи с большим числом степеней свободы, и, как следствие, – неоднозначность его интерпретации; *диалогичность текста*, его «полифонизм, многоголосье», текст должен быть «разговорным».

В процессуальном аспекте нами выделяются следующие требования:

- применение *межпредметных связей* на содержательном и процессуальном уровнях;
- учет связей с другими *видами искусства* (отражение литературного произведения в музыке, живописи, кинематографе и т.д.);
- постоянное *усложнение рече-мыслительных задач*, предлагаемых студентам в процессе работы над текстом на всех уровнях мыслительной деятельности: распознавание, осмысление, применение, анализ, синтез, оценка;
- широкое применение *вопросов открытого*, дивергентного типа, стимулирующих творческую активность, воображение, мышление, а не только память;
- использование *проблемных ситуаций* на основе и в связи с прочитанным;
- учет *многоплановости* восприятия, осмысления, запоминания и воспроизведения текста;

– использование в практике преподавания методов, побуждающих к творчеству, стимулирующих активность студентов: проблемное изложение, проблемные вопросы, предварительные проблемные задания, проблемные задачи, исследовательский метод, учебные, ролевые и другие игры, беседы, обсуждения нарративного, эвристического, герменевтического характера;

– обучение строить по принципу «открытого действия», способ построения которого включает инициацию, проявление и удерживание другого действия. Принцип открытого действия предполагает продуктивную незавершенность обучающей деятельности преподавателя, его готовность эмоционально и операционально следовать за творчеством студентов, не теряя из виду целей педагогического процесса.

По нашему мнению, современные англоязычные произведения художественной литературы соответствуют указанным требованиям и могут быть одним их эффективных средств достижения таких основных целей обучения предмету «иностранный язык», как практическая, общеобразовательная, воспитательная и развивающая. Мы видим для этого несколько оснований.

Во-первых, язык современного художественного произведения не архаичен, его синтаксис и стиль разнообразны; текст содержит *аутентичный языковой материал*, максимально приближающийся к современной разговорно-литературной речи. Читая художественное произведение, обучаемый знакомится с различными функциями языка в общении. Использование текстов художественных произведений стимулирует развитие основных коммуникативных умений – чтения, аудирования, говорения.

Во-вторых, специфической особенностью текстов художественной литературы является именно поливариантность их понимания (Брудный 1998). Описываемые автором проблемы носят жизненный характер, а их решение не предполагает однозначности. Следовательно, само содержание художественного текста провоцирует использование *творческих типов упражнений*.

В-третьих, использование лучших образцов англоязычной прозы, разных жанров и функциональных стилей будет способствовать развитию лингвострановедческой и культурной компетенции обучаемых, т.е. достижению общеобразовательной цели обучения.

В-четвертых, текст художественного произведения помогает обучаемому овладеть *эмоционально-ценностным опытом общения*.

Преподаватель, в свою очередь, в ходе анализа художественного произведения, (которое является поиском себя в книге), глубже узнает студентов, видит их «психологический портрет». Только в этом случае реализуется развивающий потенциал литературы, знание которой в чистом виде не работает. Таким образом, текст художественного произведения может быть использован для достижения искомым целей обучения.

Воспитание и умственное развитие во многом зависят от умения читать в истинном смысле этого слова, т.е. **понимать прочитанное**, которое рассматривается как частный случай более широкой проблемы взаимопонимания между людьми; как воссоздание смысла содержания текста теми же способами, какими пользовался его автор, при этом, уровень понимания определяется числом факторов понятых в тексте.

Согласно нашему подходу, понимание текста означает такое его восприятие и осмысление, в ходе которых педагогом овладеваются различные уровни чтения и определяются потенциальные возможности текста для творческой читательской деятельности обучаемых по определенным критериям (многоплановость восприятия, осмысления, запоминания, воспроизведения).

Многоплановость восприятия предполагает использование специфической разновидности текстов, обеспечивающих «полифонизм, многоголосье» (М.М. Бахтин) восприятия.

Многоплановость осмысления предполагает упорядочение и отбор различных фактов и идей текста, их последующее использование, анализ, обобщение и оценку.

Многоплановость запоминания предполагает использование заданий-задач, направленных на формирование различных видов памяти, применение мнемонических приемов в процессе работы над текстом.

Многоплановость воспроизведения означает умение читателя воспроизвести содержание текста на репродуктивном, репродуктивно-продуктивном и продуктивном уровне, а также создание ситуаций игрового проживания литературного произведения (обусловленное тем, что человек удерживает два плана восприятия: воображаемое содержание литературного текста и реальное игровое осуществление) от лица персонажей текста, от имени автора, от читателя (разной эпохи) и т.д.

Полагаем, что учет многоплановости восприятия, осмысления, запоминания и воспроизведения читаемого создает предпосылки для формирования у студентов учебно-творческих умений.

Задачи воспитания и образования подрастающего поколения не могут быть решены вне вопросов обучения чтению, вне вопросов повышения культуры чтения (иноязычных текстов в том числе), понимаемой в самом широком смысле этого слова. В учебно-творческой деятельности формула развития обучаемого выглядит следующим образом: от опыта личности студента и учителя - к анализу художественного произведения и от него - снова к личности читателя. В основу модели был положен принцип работы с текстом, согласно которому «мы оперируем с самого начала с тем, что стоит за текстом <...> изменяющийся мир событий, ситуаций, идей, чувств, побуждений, ценностей человека – реальный мир, существующий вне и до текста» (Леонтьев 1997).

Полноценное использование воспитательного, образовательного, развивающего, профессионально-педагогического и дидактического потенциала творческого чтения создает прочную основу для формирования творческого, интеллигентного человека; практически владеющего иностранным языком. Результатом этого явится личность, способная переносить полученные знания, умения и навыки в профессиональной деятельности учителя иностранного языка, осуществляя преемственность способов творческой деятельности учителя вуза– студента– ученика школы.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. – 356 с.
3. *Береговская Э.М.* Чтение – средство, цель, удовольствие // ИЯШ. – № 3. – 1998. – С. 43–46.
4. *Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. – Ростов н-Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
5. *Бородин В.А., Бородин С.М.* Учим читать: Уроки динамического чтения. – Л.: Лениздат, 1985.
6. *Брудный А.А.* Психологическая герменевтика: Учебное пособие. – М.: Лабиринт, 1998.

7. *Вайсбурд М.Л., Блохина С.А.* Обучение пониманию иноязычного текста при чтении как поисковой деятельности // ИЯШ. – 1997. – № 2. – С. 33–38; 1997. – №1. – С. 19-24.
8. Возрастная динамика самореализации творческой личности/ Рудкевич Л.А., Рыбалко Е.Ф. // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 89-106.
9. *Гальскова Н.Д., Соловцева Э.И.* К проблеме содержания обучения иностранному языку на современном этапе развития школы // ИЯШ – 1991. – № 3. – С. 31-36.
10. *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века: В поисках практико-ориентированных образовательных концепций. – М.: Совершенство, 1998.
11. *Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А.* Когда книга учит. – М.: Педагогика, 1988.
12. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. Учебник для вузов. Изд. второе. – М.: Издательская корпорация "ЛОГОС", 1999.
13. *Клычникова З.И.* Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983.
14. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997.
15. *Лернер И.Я.* Дидактические основы методов обучения. – М.: Педагогика, 1981.
16. *Пассов Е.И.* и др. Учитель иностранного языка: Мастерство и личность / Е.И. Пассов, В.И. Кузовлев, Б.И. Царькова. – М.: Просвещение, 1993.
17. *Филатов В.М.* Программы обучения иностранным языкам в педагогическом колледже. / КЛАСС. Всероссийский научно-методический журнал по раннему обучению ИЯ. – 1997. – № 1-2.

И.М. Некрасова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

(на материале английского языка)

Явление политической корректности, идейного течения, появившегося в странах Запада в 60-х годах XX в., исследуется, прежде всего, как социальный и культурный феномен, затрагивающий расовые, гендерные, религиозные и прочие проблемы современного общества. Что касается лингвистической стороны вопроса, политкорректность рассматривают либо как один из важных факторов межкультурной коммуникации, т.е. в этнолингвистическом ракурсе (С.Г. Тер-Минасова), либо как одно из проявлений гипотезы Сепира-Уорфа (характерно для западных СМИ), т.е. в аспекте психолингвистики. Вместе с тем, лексика политкорректности представляет интерес и для лингвиста, как продукт процесса эвфемизации, хоть и заданного сознательно подборниками политкорректности, но протекающего под влиянием языка.

Всю рассмотренную нами лексику мы сгруппировали не по внеязыковому (тематическому) признаку, а с точки зрения ее формы и содержания, при этом были обнаружены следующие тенденции: 1) изменение внутренней формы тесно связано с формированием положительной коннотации; 2) для эвфемизмов в области политкорректности характерно расширение лексического значения слова и обобщение понятия; 3) невыраженность значения рода (пола) вытесняет родовые пары; 4) словосочетание является ведущей формой эвфемизмов. Остановимся на этих особенностях подробнее.

1. Изменение внутренней формы и характера коннотации.

Начнем со слова *black*, которое самым первым получило статус социального табу. Движение политкорректности началось с работы Али Мазруи «Политическая социология английского языка» и последовавшего за ней «восстания» африканцев, возмущенных негативной коннотацией слова *black*: «черный» = плохой (аналогично *negro* от лат. *niger* – «черный»). Оба слова были вытеснены словосочетанием *African American*, которое содержит не расовый, а национальный признак. Однако это породило новую проблему, уже языкового плана: как быть с фразеологизмами и сложными словами *black sheep* («черная овца» или «белая ворона» в рус.яз.), *black*

market (черный рынок), *black day* (черный день), *blackmail* (шантаж, досл. «черная почта») и др., которые, так уж сложилось исторически в языке, и не только английском, ассоциируются с негативом. Можно регулировать в обществе сознательное словоупотребление в отношении определенных групп населения, но можно ли вытеснить из общественного сознания элементы языка?

К числу удачных примеров создания эвфемизмов, обладающих непротиворечивой внутренней формой, можно отнести слова, обозначающие коренное население США. Так, индейцев (*Red Indians*) предложено называть «уроженцами /местными жителями» (*Native Americans*), что является более корректным вариантом в географическом отношении, т.к. «исправляет» ошибку Колумба. Аналогичным образом индейское население в Канаде теперь называют *First Nations*. Слово «эскимос» (*Eskimo*), обязанное своим происхождением одному из алгонкинских языков восточной Канады и означающее предположительно «завязывающая лыжи», приобрело за последнее время отрицательную коннотацию (ср. *чукча* в русском языке) и замещается собственными именами народов, проживающих на Аляске – *Aleut* («алеуты» = люди), *Jupik*, *Iniut*.

Положительную коннотацию получают наименования людей, характеризующихся какими-л. отклонениями от нормы или особым социальным статусом. Толстяки (*fat people*) становятся «людьми с полноценной фигурой» (*full-figured*) или «горизонтально озадаченными» (*horizontally challenged*). Пожилых людей (*the elderly*, от *old* – «старый») теперь называют *mature persons* (зрелые) или *senior citizens* (старшие граждане), а пожилой возраст и пенсионное удостоверение именуется словосочетаниями с включением прилагательного «золотой»: *golden years* и *golden passport*. Мотивирующий признак слова *poor* (бедняки) – «не имеющий собственности» – вытесняется в эвфемизме *economically disadvantaged* признаком «лишенный возможностей /преимуществ». Подаяние же бедным в церкви (*alms*) желательно называть *poor relief* (облегчение, утешение) или *welfare* (материальная помощь, благотворительность).

Некоторые эвфемизмы, используемые в сфере юриспруденции и вооруженных сил, преследуют цель «смягчить» негативную оценку некоторых фактов или событий, а в ряде случаев и скрыть их истинный характер. *Department of Prison* – министерство, в ведении которого находится пенитенциарная система, теперь именуется *Department of Corrections* (т.е. «тюрьма» замещается на

«исправительные учреждения»), а малолетних правонарушителей (*juvenile delinquents*) предпочтительнее называть *children at risk* или *troubled youth*. Неизбежное в ходе войны уничтожение врага (*killing the enemy*) и сопутствующая этому смерть гражданских лиц (*civilian deaths*) маскируются процессом «нейтрализации цели» (*neutralizing the target*) и «параллельных /сопутствующих потерь» (*collateral damage*); в обоих случаях наблюдается стремление избежать упоминания понятия «человек», «люди». Сходным образом «затушевывается» истинная сущность терроризма (лат. *terror* – ужас, устрашение): СМИ нередко именуют террористов *militants* (воинствующий, драчливый) или даже *misguided criminals* (введенный в заблуждение / неверно направленный преступник). В последнем эвфемизме ведущим признаком внутренней формы выступает пассивный характер причастия, которое лишает описываемое лицо статуса деятеля и, таким образом, снимает с него ответственность за содеянное.

Также обращает на себя внимание тот факт, что термины политкорректности зачастую затрагивают терминологию в той или иной области и вступают в противоречие с научной корректностью. Например, слово *sex* в значении «пол», имеющее отрицательную коннотацию в ряду однокорневых слов «сексуальность», «сексуальная связь», предложено заменить языковым термином *gender* – грамматический род, который ранее употреблялся лишь как шуточный синонимический вариант слова *sex*. Физиолого-медицинский термин *female* (женский пол) не признается радикальными феминистками. В отношении больных, страдающих синдромом Дауна, не рекомендуется употреблять термин «монголизм» (*mongolism*), несмотря на то, что он достаточно точно характеризует одно из внешних проявлений данного заболевания (предложенный эвфемизм – *slanting eyes* – «миндалевидные глаза»). Исторические термины, связанные с христианским летоисчислением, «до / после рождества Христова» (*Anno Domini / before Christ*) вытесняются словосочетаниями *Common Era / Before Common Era* (*common* – общий), не акцентирующими вид конфессии. С другой стороны, термин «гомосексуал» (вместо «гомосексуалист») или «биполярное аффективное расстройство» (маниакально-депрессивный психоз) используются сегодня научным сообществом не под давлением активистов политкорректности, а потому, что они адекватнее описывают сущность изучаемых явлений.

2. Расширение значения слова и обобщение понятия.

В рассмотренном нами материале можно выделить довольно большую группу эвфемизмов с предельно обобщенным (по сравнению с замещаемым словом) значением. Так, наименование *people of colour* относится к людям, имеющим любой, кроме белого, цвет кожи. Слово *Asian*, активно употребляемое в Великобритании, охватывает выходцев из различных стран – Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланка и др. Представителей любой конфессии теперь можно называть *people of faith* – «люди веры», при этом религиозные чувства людей другого вероисповедания не будут затронуты. В то же время, один из главных христианских праздников – Рождество (*Christmas*), сущность которого отражается в самом названии, фактически теряет свою внутреннюю форму при замещении словом *holiday* (праздник): *Winter Holiday* и *Happy Holidays* как поздравление с Рождеством.

Эвфемизм *visually impaired* (люди с ослабленным зрением) относится и к незрячим, и к людям, частично потерявшим зрение, тогда как значение предшествующего слова-табу *blind* (слепой) более конкретно. Аналогичным образом обстоит дело с обозначением людей, имеющих различные дефекты слуха (*hearing impaired*). *Physically challenged* (физически проблемный) охватывает людей с любым физическим недостатком, будь то человек с переломом руки, калека или жертва паралича. Собирательное понятие-эвфемизм *mentally retarded / ill* (умственно отстающий / больной) обобщает целый ряд слов: *idiot, moron, backward, imbecile, cretin* и т.д. И, наконец, самое отвлеченное по значению слово, которое может быть отнесено к человеку с любым физическим, психическим или умственным отклонением – *differently-abled* (альтернативно одаренный), подчеркивает не отсутствие каких-либо способностей у человека, а иной способ их проявления. Этот мотивирующий признак отражает реалии действительности, поскольку люди с каким-л. физическим недугом компенсируют его более высокой степенью развитости другого качества (например, у незрячих необычайно хорошо развиты слух и слуховая память), больные аутизмом, как правило, обладают высоким интеллектуальным коэффициентом, а дауны очень милы и доброжелательны по отношению к окружающим.

Приведенные выше примеры эвфемизмов содержат какое-л. собирательное слово – *colour, faith, impaired* и т.д. При этом расширение значения затрагивает оба основных компонента ЛЗС: де-

нотат (объем значения) охватывает уже не один, а несколько классов объектов; сигнификат (содержание понятия) расширяется за счет включения в него новых признаков.

Иногда процесс расширения значения протекает градуально, благодаря чему первоначальный мотивирующий признак постепенно ослабляется и замещается новым, например:

negro → *coloured* → *black* → *Afro-American* / *African American*.

Здесь следует принять во внимание тот факт, что слово *black*, с которого, как мы помним, началось движение политкорректности, в 70-х г.г. приобрело положительную коннотацию как выражение этнической самобытности, но затем вновь «вышло из моды». По сути, средним звеном этой градуальной цепочки является лексема *coloured*, и расширение значения происходит следующим образом:

черный цвет (расовый признак) →
цвет (любой) → *национальный признак*.

Еще один градуальный ряд смены эвфемизмов –
crippled → *handicapped* → *disabled* →
differently-abled / *special*

иллюстрирует ослабление мотивирующего признака от почти описательного «искалеченный, хромой» (*crippled*), через признак «лишенный какой-л. возможности» (*handicapped* / *disabled*) к предельно-обобщенному значению «особый, иначе одаренный».

Стремление к генерализации является очень характерным признаком лексики политкорректности, в качестве противоположного примера можно привести, пожалуй, только один случай: в США *Oriental* (люди с Востока) рассматривается как слово с уничижительным оттенком и замещается более дифференцированными по значению *Chinese-American*, *Korean-American*, *Japanese-American*, в зависимости от национальности обозначаемого человека.

3. Тенденция к невыраженности значения рода (пола).

Одна из главных составляющих политкорректности – попытка отразить в лексике равноправные отношения представителей обоих полов. Как известно, в английском языке нет грамматической категории рода. Значение рода (пола) у одушевленных существительных выражается лексически, при помощи местоимений *he* / *she*, родовых пар *man* – *woman* (в т.ч. и в составе сложных слов), *boy* – *girl* и др. Единственным лексико-грамматическим средством выражения жен.р. служит суффикс *-ess*, охватывающий лишь сравнительно малочисленную группу лексики. Вместе с тем, и при наличии в

языке родовых пар, наблюдается тенденция к использованию гендерно-нейтральных существительных, ср.:

waiter / waitress → *server*
steward / stewardess → *flight attendant*
policeman / ~woman → *police officer*
fireman / ~woman → *fire fighter*.

В качестве противоположного примера мы можем привести только один случай – попытку создать существительное, обозначающее незамужнюю женщину, как производное от *bachelor* (холостяк): *bachelorette* (существующее в английском языке для обозначения этого понятия слово *spinster*, по мнению идеологов политкорректности, ничуть не лучше, чем *old maid* – «старая дева»). При этом в родовой паре *bachelor* – *bachelorette* интересно отметить использование суффикса *-ette* с уменьшительно-ласкательным значением, а не специального суффикса жен.р.

Существительное *man* в значении «человек» замещается неопределенно-личным местоимением *one* или существительными *people*, *person*, например:

Man does not live on bread alone → *People* do not live on bread alone (в тексте Библии, изданном NIV Inclusive Language Edition в 1996 г.);

“*Man of the Year*” → “*Person of the Year*” (название журнала-приложения газеты Time, хотя в недавнем прошлом были выпуски “*Women of the Year*”).

Другие примеры замещения: *chairman* → *chairperson*, *congressmen* → *member of congress*.

Любопытно отметить, что несколько иначе решается проблема половой дискриминации в современном немецком языке, а именно, путем регулярного употребления родовых пар типа *Sportler* – *Sportlerin*. Эта возможность обеспечивается наличием в немецком языке суффикса *-in* со значением деятеля жен.р., который может быть присоединен практически к любому одушевленному существительному. Согласно последним правилам орфографии, чтобы избежать повтора понятия во мн.ч. *Sportlerinnen und Sportler*, но сохранить различие в роде, в письменной речи используют своеобразную «контаминацию» обоих существительных за счет т.наз. *Vinpen-I* (заглавного I внутри слова): *SportlerInnen*. Таким образом, задачи, которые выдвигает течение политкорректности, могут ре-

шаться по-разному, в зависимости от специфики языка, особенно, если затрагивается сфера грамматики.

4. Форма эвфемизмов.

Как показывает проанализированный материал, эвфемизмы в форме простого или сложного слова представляют собой единичные примеры: *Eskimo – Aleut, man – person, black – Afro-American*. В подавляющем большинстве случаев в процессе эвфемизации образуются словосочетания разного семантического типа:

а) атрибутивные, с прилагательным /причастием /существительным /числительным в качестве зависимого слова в препозиции:

golden years, misguided criminal, flight attendant, First Nations,
или с предложной группой в постпозиции:

people of colour, children at risk, a person with autism;

б) релятивные, с наречием в качестве зависимого слова в препозиции:

physically challenged, economically disadvantaged;

в) реже объектные, с зависимым существительным в постпозиции:

neutralizing the target.

По форме зависимости все словосочетания представляют собой примыкание, как это обычно имеет место в английском языке.

Высокая частотность словосочетания как формы эвфемизма вытекает из его природы: эвфемизм возникает как иносказание-парафраза, некая описательная форма, которая преследует цель говорить «вокруг и около», намекая на предмет речи, но не называя его конкретно.

В заключение следует отметить, что решающим моментом успешности процесса эвфемизации является, на наш взгляд, содержание мотивирующего признака, который был положен в основу нового наименования. Известно, что означаемое языкового знака мотивируется так или иначе отражаемой в нем действительностью. Если мотивирующий признак выбран удачно, и внутренняя форма эвфемизма не противоречит явлениям реальности, то данное новообразование будет принято языковым коллективом. Эту мысль подтверждает целый ряд фактов «неприятя» терминов политкорректности, причем зачастую даже представителями тех социальных групп, ради которых они создавались. Так, ветеран второй мировой войны, инвалид с ампутированной конечностью Билл Вик предпо-

читает эвфемизмам *handicapped* и *disabled* слово *cripple*, которое не говорит об «отсутствии каких-л. возможностей» или о «неполноценности». В своей автобиографии «I'm not handicapped; I'm crippled» Билл пишет, что он может делать то же самое, что и любой нормальный человек, за исключением спринта, прыжков в высоту и некоторых других вещей. А больные аутизмом возражают против словосочетания *a person with autism* (человек с аутизмом), поскольку считают себя и свой недуг одним целым. В этой связи вспоминаются слова Конфуция, относящиеся еще к тому времени, когда «имя» понималось не как условное название предмета или человека, но как то, что содержит в себе правила обращения с именуемой вещью или объяснение поведения именуемого объекта: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть образовано». Оставим эту цитату без комментариев.

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Политическая корректность, или языковой такт // Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 215-228.
2. Толстая Т.Н. Политическая корректность // Двое. М., 2001. С. 297-330.
3. http://en.wikipedia.org/wiki/Political_correctness
4. <http://en.wikipedia.org/wiki/Euphemism>
5. <http://www.infobitte.de/free/lex/wpdeLex0/Binnen-I>

Н.Н. Орехова

СЕМИОТИКА ЗАГЛАВНЫХ НАПИСАНИЙ В ДИАХРОНИИ:
ОТ ДЕЛИМИТАЦИИ К ПРОПРИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Dexi et animam levavi

Среди фундаментальных научных публикаций Юрия Анатольевича Левицкого, помимо главного направления – устройства и функционирования языка во всех его измерениях – есть работа, затрагивающая вопросы номинации (Левицкий 2005: 114-115). В продолжение темы посвящаю юбилею данную статью.

В определенной мере в европоцентрической теоретической лингвистике традиция использования заглавных (прописных) букв воспринимается как нечто незыблемое. В действительности это не так: история заглавных написаний (ЗН) отражает не только разные

этапы письма, когнитивные процессы, особенности номинации в неразрывной связи с культурно-историческими условиями функционирования конкретных языков. Наряду с европейской традицией заглавных/маюскульных написаний последние отсутствуют в ряде письменностей Азии и (редко) Европы. Это китайская письменность и ее производные, иврит, арабица, деванагари с многочисленными производными, руны Европы и Азии, грузинское письмо. Если в китайском письме логографический принцип, закрепляющий определенную понятийную систему, а не знаки языка не приспособлен для передачи собственных имен (Журавлев 1982: 68), то другие «беззаглавные» письменности не выработали заглавных написаний (кроме армянской). Фонография и силлабография не препятствуют озаглавливанию, и его отсутствие скорее свидетельствует о стойкой приверженности традиции сакрализации религиозных памятников как боговдохновенных, не допускающих графических инноваций; возможна и иная мотивация.

Чтобы по возможности полно охарактеризовать генезис заглавных написаний, обратимся к современному употреблению последних. Краткие обобщения наиболее удачно представлены в отечественной и немецкой теории письма (Зализняк 1979: 83; Adelong 1984: 20-41).

Заглавные написания полифункциональны, по-разному прагматически ориентированы: 1) участвуют в членении текста (абзац) и делимитации предложения; 2) маркируют проприаты и примыкающие к ним группы слов; 3) оформляют акронимы; 4) дистинктивный потенциал ЗН активно используется в письменно-печатной практике, рекламе, электронных СМИ. Заглавная буква является полноправным вариантом графемы (аллограф), ей свойственен не только увеличенный размер, но (часто) и специфическое начертание. В плане выражения конфигурация заглавных букв восходит к маюскулу и эпиграфике. Прием озаглавливания соответствует общей тенденции варьирования, диверсификации письменного кода в процессе его эволюции. Увеличенный размер символов усиливает дистинктивность кода, поэтому неслучайно, что исторически первичным было участие ЗН в композиционном и топографическом членении текста. Так, в египетских свитках начало текста выделялось цветом (*лат. rubber* «красный» > *рубрика*), но логографический тип письма (иероглифы) не обеспечивал варьирование размера символов-понятий. Иное дело греческая и латинская письмен-

ность. Уже в раннем средневековье свитки на латыни как непрерывный атрибут включают *протозаглавие* в виде писанных маюскулом традиционных формул INICIPIT LIBER, EXPLICIT LIBER (книга начинается ... заканчивается). Неудобства папирусного свитка были преодолены к IV в после перехода на пергаменный кодекс, когда страница стала восприниматься как графико-топографическое единство, что стимулировало рубрикацию посредством инициалов в маюкульном начертании, нередко орнаментированных и иллюминированных (делимитация заглавия, название главы, раздела). Таким образом, *первой прототипической ситуацией использования ЗН* (правильнее было бы именовать их протозаглавными) была *делимитативная функция*, в истории письма это является новым когнитивным ходом, отражением рефлексии о целесообразности смыслового расчленения текстового континуума.

В *англосаксонских* памятниках заглавное написание после точки (единственного) до XIII в. пунктуационного знака) отмечены с VIII в.: (1) he wolde drifan to ðes cinizes tune ƿy he nyste hwæt hi wæron 7 hine man ofsloh ƿa. Ðæt wæron ƿa erestan scipu denistra manna ƿe land gesohton (речь идет о том, что король Бреарик, не зная о прибытии викингов, поехал к дому другого правителя и был убит. Это был первый набег датчан на землю англичан). Англо-саксонская хроника по списку Peterborough 787 г. (Back 1984). В данном случае комплекс «точка + заглавная буква» сигнализирует о новом смысловом повороте – от описания к обобщению.

Вторая прототипическая ситуация, хотя и хронологически отстоит от первой едва ли не на тысячелетие, семиотически тесно связана с ней. Имеется в виду употребление заглавной буквы как дополнительного, факультативного маркера членения после точки. Точка (в отличие от современной нормы) была весьма далека от функции знака конца самостоятельного грамматико-смыслового единства, а маркировала любые относительно законченные конструкции. Использование комплекса «точка + заглавная буква» - следующий когнитивный шаг в длительном процессе осознания текста как состоящего из связанных общим замыслом, но в определенной мере автономных структурных единиц. Спорадически данное употребление встречается в памятниках на латыни с конца VII в.:

(2) Tamquam in heresim declinates ab ecclesiastico federe segreget. Sed hoc non omnibus placebat episcopis. (Зап. Германия, VII в.) (Щетинкин 1984).

(3) < > in iordane flumene confrienter peccara sua, Erat iohannes vestitur pilis cameli circa lumbor eius: Et praedicabat dicens. Venit fortior me < > Франция. Евангелие от Марка. VII в. Примечательно, что в (3) заглавное написание следует не после точки, а после запятой и двоеточия, поскольку в пунктуационном узусе той эпохи еще не дифференцировались знаки конца и середины предложения.

Заслуживает внимания и тот факт, что в немецких памятниках (даже в инкунабулах) встречаются, на первый взгляд, немотивированные заглавные написание, которым не предшествует знак препинания. В подобных случаях ЗН маркируют «синтаксические швы» и /или разделяют предложения. Приводим фрагмент оригинала: (4)

Albrecht von Eyb. Ehebuchlein. 1472. Книга о браке содержит рассуждения о преимуществах и «неудобствах» супружества с ал-

люзиями на соответствующие высказывания Сократа) (Nagucka 1972).

В среднегреческих (византийских) памятниках комплекс «точка + заглавная буква» встречается, судя по оказавшимся доступным текстам, не ранее XI в., что обусловлено традиционализмом сакральных текстов, как специфической приметой стойкости в православии в его противостоянии «схизматикам-латинянам». Примечательно, что комплекс первоначально используется в неканонических текстах, гомилиях, толкованиях Писания: (5) *Обε* *σ*τ*ρ*α*φ*ε*ι*ς *ε*λεу τ*ο* π*ε*τ*ρ*ω *υ*α*ρ*ε. *Ο*πισ*ω* μου *σ*α*τ*α*ν*α. Он обратился к Петру и говорит: «Отойди от меня, сатана. Толкование Св. Иоана Златоуста на послание к римлянам. Ок. 1080 г. В кириллические памятники (Русь, Болгария, Сербия) данный прием проникает не ранее XIII-XIV вв., а в румынских источниках встречается только с XV в. (Амфилохий: IV).

Третья прототипическая ситуация – это собственно озаглавливание проприатов во всем многообразии таксономических подклассов. С точки зрения формы *озаглавливание собственных имен осуществляется по уже устоявшейся модели выделения частей текста посредством укрупненных начертаний, но безотносительно к функции членения и топологии композиционных частей*. Содержательная же сторона озаглавливания имеет другую мотивационную основу. В языковом сознании на определенном этапе осуществляется категоризация номинируемых денотатов на основе признака «единичность/уникальность – множественность». Данная оппозиция манифестируется в единицах письменного кода на иконической основе, в результате чего аксиологически значимый денотат укрупняется графически. Пишущий осуществлял эгоцентрическую оценку, имянаречение с учетом этнокультурной, религиозной, социальной значимости денотата, что связано с личностным, субъективным модусом (Пронштейн 1987); последнее протезирует лабильность зоны заглавных написаний онимов, наблюдаемой и в наши дни.

Попытаемся охарактеризовать основные этапы озаглавливания проприатов в ряде европейских письменностей. Одним из первых опытов озаглавливания может служить надпись (граффити) из Помпеи (конец 70-х гг I в н.э.): (6) *hec vanatio pugnabet. V k. Septembres et Felix ad ursos pugnabet*. Это сражение состоится за 5 дней до сентябрьских календ и Феликс сразится с медведями (Щетинкин

1984). Озаглавливание антропонима Felix принадлежит к ранним, но довольно регулярным выделениям собственных имен в классической латыни. Однако маюскульное написание *хрононима* *September* достаточно необычно. Возможные интерпретации:

- инерция соположенности с традиционно (еще в эпиграфике) выделяемой точками цифирью, формирующаяся тенденция заглавных написаний любого слова после точки;
- особый личностный смысл хрононима, сражение именно в указанный срок с участием гладиатора Феликса.

Традиция озаглавливания антропонимов была унаследована всеми латинопишущими языками Западной Европы вслед за христианизацией, за исключением долго сохранявших руническую письменность и поздно христианизированных Скандинавии и Исландии. Озаглавливание отмечено отчетливой спецификой в восточном ареале (Византия, южные и восточные славяне, Румыния), опиравшимся на другую письменную традицию и конфессионально все более и более противостоявшим влиянию папского престола.

Динамика озаглавливания собственных имен весьма полно представлена в письменных памятниках Франции, где зафиксированы общие ономазиологические процессы в контексте культурно-исторических реалий. Территория Франции (Галлия) рано вошла в орбиту римской цивилизации (с I в. до н.э.), а после распада империи королевство франков в силу благоприятного стечения обстоятельств (географическое положение, климат, отсутствие сильных геополитических конкурентов, ранняя феодализация и рост городов) динамично развивалось. Синтез античного наследия с христианством («Франция – любимая дочь католической церкви») протезировал росту грамотности, книжной учености, культуры. Страна рано испытала благотворное влияние Каролингского возрождения (рубеж IX в.), способствовавшего распространению грамотности (даже девочки из дворянских семей обучались в монастырских школах), росту числа скрипториев, привлекавших богословов из сопредельных стран. * Параллельно происходило развитие приемов письма, в частности, получивший широкое распространение (в т.ч. в Англии, Ирландии, Германии) каролингский минускул – книжное письмо с инновационным в ту эпоху пробелом (Добиаш-Рождественская 1987: 208).

---

* Пользуюсь случаем выразить благодарность за содержательные консультации по медиевистике коллеге, доценту О.А. Руденко.

Не прерывавшаяся латинская традиция озаглавливания проприатов получает дальнейшее развитие. В актовых источниках озаглавливаются имена правителей (*Lex Salica*, VI в), топонимы, связанные с важными политическими событиями – Strazburg (Страсбургские клятвы 843-844 г.г.). В связи с часто совершаемыми паломничествами по святым местам озаглавливаются соответствующие топонимы; в агиграфических памятниках – имена местных святых: Rome, Constantinoble, Anioche, Capadoce; Eulalia, Alexis, Leodegarius (Смольников 2005: 25-32).

В соответствии с устоявшимся канонem «писать имя Божье прикровенно» *nomina sacra* контрактируются и пишутся под титулом (Добиаш-Рождественская 1987: 199). Вместе с тем другие имена, упоминающиеся в Священном писании, озаглавливаются: Pilad, Erod, Noe, Abraham, David (14: 18-36).

Приблизительно с рубежа X в. довольно регулярно озаглавливается теоним *Deu, Dieu*. Житие св. Леодегария (Смольников 2005: 28-29).

Приращение корпуса озаглавливаемых имен, рост ономастируемых подклассов наглядно представлены в эпической поэме «Песнь о Роланде (конец XI – начало XII в.в.). «Песнь» повествует о достаточно ординарном событии в длительной истории соперничества за Пиринейский полуостров христианских народов и арабских завоевателей. Подобно «Слову о Полку Игореве», когда неудачная военная экспедиция под пером гениального автора приобретает общенациональное звучание, французская поэма, созданная через 2 столетия после события, впитала, наряду с духом христианской жертвенности, новые мотивы – рыцарской доблести, верности обету, служения сюзерену – в соответствии с формирующимися канонами нового литературного жанра, рыцарского романа. Безымянный автор стоит на позиции общенациональной значимости военного похода, скрупулезно перечисляя топонимы – провинции Франции и сопредельных территорий, участвовавших в экспедиции: France, Espagne; Sarraguce; Bretagne, Peitou, Normandie, Provence, Lumbardis, Flandes, Saisonie (Смольников 2005; Щетинкин 1984).

Озаглавливаются этнонимы Arab, Frank – едва ли не самое раннее ЗН данного таксономического подкласса. В общем контексте героизации события маюскульное написание приобретает ойконим *val de Runes* (долина реки Рюн, небольшого водного потока) – ме-

сто, где погиб арьергард, возглавляемый графом Роландом (Смольников 2005: 35-64).

Возникновение рыцарского романа на рубеже XIII в. связано с инновацией, получившей широкое и длительное распространение у латинопишущих, позднее и у кириллопишущих народов. Это озаглавливание *абстрактных апеллятивов*, изначально обозначавших куртуазные, этические, общекультурные ценности: Chastee, Honour, Genius, Mort, Fortune, Corruption, Art, Natur, etc. В данном случае речь идет уже не о собственно онимамах, а о *ситуативно генерализированных номинациях*, по сути противоречащих онтологии онимов как индивидуализирующего типа. Подобные номинации мотивированы личностно, аксиологически, отсюда берет начало узуальное озаглавливание денотатов на основе аксиологического приоритета, будь то прагматические соображения (реклама), этические установки, демонстрация уважения к высокому социальному статусу адресата или общественного института (Милостивый Государь; мой верный Друг; этот высокий Ареопаг и т.п.). Примечательно, что в английской прессе узуальное озаглавливание прагматически значимых денотатов встречается с конца XVII в.

Генерализирующая модель озаглавливания расширяет сферу употребления, проникает в ставший популярным животный эпос (а), научную прозу (б):

(а) Renart, Roy Renart, Lion, Mouton, Oliphans, Iricon. Венчание на царство Ренара-лиса. 1270 г. (б) Scens, Retorique, Musique, Gramair, Logique, Geometrie, Astronomie. Гильом де Машо. О поэзии 2-я половина XIV в (Смольников 2005: 267-270).

В трактате Ж. Де Мена (перевод из Вегеция) озаглавлены названия ветров: Chorus, Auster, Vulturinus, Nothus и др., в чем сказывается соединение ранней, дохристианской традиции обожествления/олицетворения стихий с актуальной в контексте сочинения мотивацией – необходимостью учета направления и скорости ветра при действиях кавалерии (Искусство кавалерии. Середина XIII в.).

Отдельного упоминания заслуживает динамика ЗН в титулатуре. В «Песне о Роланде» титулатура правителей не озаглавляется: le duc Oder, dux Neimes, emperer Carles, rei Marcilie; аналогичная практика сохраняется до середины XIII в. – le cont de Doai (Коронация Людовика). Но уже со второй половины XIII в. встречаются озаглавливание ЗН титулатуры правителей провинций и церковных иерархов: le Duc de Dyjon, Monseigneur le conte de Anjou, Mon so-

ingnor Artaul (Дижонские, Ангулемские, Нормандские грамоты 1266, 1281, 1293 г.). По-видимому, официальный жанр и содержание памятников (вопросы земельной собственности, ренты, привилегии) протезировали озаглавлению. Королевская титулатура встречается в маюскульном написании позднее. Один из первых опытов находим в посвящении переводчика Табари фрагмента «Этики» Аристотеля (1375 г.), выполненного для короля Франции: Par le Roy, vostre royal Majeste.

В Кабошъенском ордонансе Карла VI 1413 г., документе общенационального значения (реформы финансов, армии, суда, городского управления) королевская титулатура представлена в ставших впоследствии традиционных формулах: Charles, par la grace de Dieu Roy de France, Nostre Sir. В неофициальных источниках встречаются также строчные написания: le roy Charles (Ж. Шателен. Хроника. II половина XV в.); королевские указы локального /частного характера могли содержать разные графические варианты титулатуры: Charles, par la grace de Dieu roy de France (Указ от 10 мая 1486 г.). Вместе с тем набирающая силу централизация и ослабление политического влияния провинциальных правителей в определенной мере отразилась в строчных написаниях титулатуры – le roy de Navarre (Хроника Валда. Конец XIV - начало XV вв.).

Англо-саксонские памятники VII – X вв. не демонстрируют каких-либо особенностей в озаглавлении, для них характерен более ограниченный набор таксонимических подклассов. Однако поворотное событие всей истории Англии, норманское завоевание, нашло отголосок и в озаглавлении. В англо-саксонской хронике 1066 г., повествующей о масштабности норманского вторжения и переходе престола к Вильгельму Завоевателю, только его имя озаглавлено трижды на одной странице – в отличие от строчных написаний имен погибшего короля англосаксов Гарольда, его эрлов, святого Михаила, топонимов Westminstre, Scotland (ранее эти классы узуально озаглавливались). В последующий период процесс озаглавления развивался в общем русле западноевропейских тенденций с ориентацией на французские образцы, имел место общеевропейский бум озаглавления аксиологически значимых генерализованных апеллятивов в XVI-XVII вв.

В конце XVII в. в орфографической норме были закреплены единственные в европейских письменностях заглавные написания этнонимов (German, Russian, Latin) и относительных прилагатель-

ных (the Byzantine art) как слабые отголоски былой моды озаглавливать едва ли не каждое существительное в «серьезных» жанрах.

В письменности Германии процессы озаглавливания не отличались от общей тенденции следования латинским образцам. В 30-40гг. XV в. церковный реформатор М.Лютер предпринял перевод священного писания на немецкий язык (верхненемецкий диалект). Немецкий теолог, будучи человеком недюжинного критического ума, не мог не задаться вопросом: как осуществить перевод, сохранив слово Божье, Его послание всему человечеству, не допустив профанации Священной книги? В первой редакции перевода (приблизительно 1530 г.) Лютер упразднил уже выходящие из употребления в латыни контракции священных имен и несколько расширил их репертуар (Newe Testament, Bapst), добавив титулатуру (Kaiser, Fürst, Hohenpriest). В редакции же 1546 г. озаглавливаются не только апеллятивы, тесно связанные с сакральным содержанием (Tempel Schrifftgelerte, Wunder), но и широкий круг других (в переводе сохранены заглавные написания: (...) Und sprach zu jenen, Ts stehet geschrieben, Mein Haus soll ein Bethaus heissen. Ir aber habt eine Mudergruben draus gemacht. Und es giengen zu jm Blinden und Lamem im Tempel, und er heilete sie. Da aber die Hohenpriester und Schrifftgelerten sahen die Wunder, die er thet, und die Kinder im Tempel schreien <...> И говорил им, написано, Дом Мой домом Молитвы назовется. Вы же сделали его Вертепом разбойников. И приступили к нему Слепые и Хромые в Храме, и он исцелил их. Но Первосвященники и Книжники видели Чудеса, которые он сотворял, и Детей в Храме (которые) восклицали <...> (Wolf 1999: 183).

Авторитет лютеровского перевода как эталонного текста был настолько велик, что ускорил процессы нормирования на всех языковых ярусах. По аналогии с озаглавливанием практически всех существующих в Библии подобная практика перешла в художественные, научные тексты, документы; озаглавливание апеллятивов (генерализованные номинации) копируется в письменностях Франции, Англии, проникает и в Восточную Европу (Польша), но ЗН ограничены сферами теологии, философии поэзии, драмы классицизма. В XVIII в. маюскульные написания существительных становятся частью немецкой орфографической нормы (Adelung 1984, Freeborn 1992) и ряда других германских языков. В рамках современных подходов ЗН апеллятивов расцениваются как плеонастические, снижающие дистинктивность имен собственных. Эту зону не

удалось модернизировать в рамках осуществляемой с 1996 г. реформы графики и орфографии в германоязычных странах; преуспели в этом только Дания (реформа 1948 г.) и фризскоговорящие территории Германии и Дании.

Вопрос об истории заглавных написаний в славяно-русской письменной традиции совершенно не изучен и достаточно сложен, поэтому ограничимся лишь обозначением основных этапов. К тому же его некорректно рассматривать без обращения к греческим памятникам. «Письменность приходит вслед за религией» (А. Дирингер), и для славянских книжников сакральные тексты всегда были освящены авторитетом византийского вероучительства. В византийских памятниках рубежа XIV в. ЗН онимов не отмечены, *nomina sacra* (всего 15 имен) писались под титлом, что также является графическим выделением; другие священные имена не озаглавливались: *παυτοκράτρ*, *αγγελ*, *ιεροσολυν*. Как известно, письменная традиция Византии отмечена очень жестким традиционализмом, что мотивируется идеологией империи ромеев. Консерватизм был культурной, религиозной и политической доминантой, если учесть, что Византия являлась прямой преемницей античного наследия, форпостом «истинной христианской веры»; в социуме веками культивировался традиционализм, чувство превосходства перед «варварами» Европы, славянами и другими этносами. Непререкаемый авторитет Византии как духовного лидера православного мира отразился в неукоснительном следовании греческим письменным стандартам у кириллописущих восточных и южных славян. Только с XIV в. в неканонических памятниках встречаются отдельные заглавные написания теонимов и тематически близких к ним слов, на что повлияло сокращение почтительных написаний *nomina sacra* (Strycker 1977: 127). В нашей выборке таких случаев немного: Πιστoς Κυριu «верящие в Церковь» (Акафист 1320 г.); Κυριe Ιησου Χριστε церковь Иисуса Христа» (триодь постная 1382 г.); Χαιρετε Αυτος «слава Всевышнему» (Часослов 1428 г.).

В русских памятниках единичные ЗН проприатов встречаются с конца XIV в: это имена правителей, редко топонимы. При наличии нескольких антропонимов озаглавливаются аксиологически приоритетные: в лето 1643. Юрьи испросиси оу брата своего царюполку переяславль а царюполку дасть суждаль (Ипатьевская летопись конца XIV в.). Озаглавлен контекстуально значимый оним –

имя князя – наследника при переходе княжеского стола к старшему брату. В переводной литературе ЗН встречались чаще (антропонимы, топонимы, этнонимы) под воздействием протографа (Хроника Григория Амартола XIV в.; Александрия нач. XV в.; труды Доната и др.). Вместе с тем в отечественной правописной практике не была отрелфлексирована целесообразность озаглавливания в качестве регулярного приема. Переход к скорописи, широкое распространение приемов вязи (под влиянием греческих образцов) наряду с распространением выносных написаний и диакритиков-акцентов потенциально снижали дистинктивный потенциал заглавных букв.

Как известно, графические инновации берут начало в неофициальных текстах и деловой письменности, откуда заимствуются в более высокие жанры. Бытовавшие с конца XV в. начерки и приемы письма «противопоказаны» озаглавливанию, в чем убеждает просмотр памятников XVI-XVII вв.:

Са заединѣ еще чадо Небоиса ѿтѣмъ,
 Воли Не прещася чадѣ на добры(х) кра(с)ны(х) жен ѿтеческия до-
 чери Не ложися чадѣ вмѣсто заточное Небоиса Небоиса мУдра/
 Будра/ Боися глУпа (Повесть о Горе-Злосчастии. Серед. XVII в.
 (Пронштейн 1987). В этом типичном образце скорописи видно, на-
 сколько визуально нагружена строка за счет выносных написаний,
 безотрывных соединений букв, крючков и завитков; у ряда строч-
 ных букв (е,ч,н,д,з) увеличен размер, в т.ч. в середине слова; по
 конфигурации заглавное Б (Будра) идентично строчному (боися), а
 дистинктивность собственного имени усилена «извне», путем ис-
 пользования так называемой «черты» как словоразделителя – весь-
 ма архаичный прием. Говоря в целом, функциональная не востребо-

ванность и несформированность начертаний заглавных букв не способствовали их распространению также и в печатных изданиях с четким книжным полууставом.

Объяснять почти тысячелетний разрыв в озаглавливании проприатов в латиницированной и кириллицевой традиции только с внутривидовых позиций представляется упрощением. Принцип аксиологического приоритета, как мотив озаглавливания, в значительной мере обусловлен культурным сценарием, явными и неявными психологическими установками, которыми руководствуются пишущие, менталитетом конкретных этносов. С позиции культурологии и этнопсихологии культурный сценарий Запада связан с унаследованной от Рима концепцией личности как юридического лица, впоследствии экономического субъекта в сословной иерархии (З Гуревич 1980). Это можно видеть в позднеантичном и раннесредневековом озаглавливании имен представителей даже низших слоев (гладиатор Феликс, женщина фривольного поведения *Magion* служанка Ирида, ученик пекаря *Mickelot*), не говоря уже о легитимных правителях.

В Византии формально существовал кодекс Юстиниана (VI в.) (Культура Византии 1984), созданный в полном соответствии с римским правом, но его роль можно сравнить разве что с ролью сталинской конституции в СССР. Социум не был экономически структурирован, а индивид не был встроены в сословно-корпоративную иерархию (как на Западе), не являлся юридическим лицом, собственником или наемным работником. Обожествление императора, сакрализация власти и бесправие личности формируют в массовом сознании концепт незащищенности, ничтожности индивида перед лицом государственной машины. В раннем этническом сознании восточных славян не было полной деиндивидуализации, но сформировалась приоритетность интересов сообщества, «мира» как этнокультурная константа Руси-России. В период ордынского владычества правящая верхушка переняла стереотипы и иерархические отношений в восточных деспотиях («а мы холопов своих вольны казнить и миловать») в наиболее грубых формах, что наложилось на византийское «наследие» сакрализации власти. Так сформировался авторитарный культурный сценарий Руси и Российской империи, проросший в XIX в. даже в такие неидеологизированные сферы, как характер и специфика нормализационных процессов, кодификационной деятельности (Орехова 2000: 186).

Что же касается процессов озаглавливания проприатов, то этнокультурные сценарии Запада и Востока Европы опосредованно влияли на озаглавливание в направлении «индивидуализация» vs «деиндивидуализация». И, конечно же, для русской традиции нельзя не учитывать собственно системных моментов: позднего формирования письменной нормы, в т.ч. графико-орфографической (конец XVIII в.) и столь же позднего оформления трехчленной модели антропонима: «личное/христианское имя – патроним – фамилия» (Никонов 1974, Полякова 2005).

Литература

1. *Амфилохий*, архимандрит. Палеографическое описание греческих рукописей – М.: Синод. Тип. 1876-1879. Вып. I-IV.
2. *Григорьев В.П.* История испанского языка. – М.: Высш. школа, 1985.
3. *Гуревич А.Я.* Средневековой мир: культура безмолвного большинства. – М.: Книга, 1980.
4. *Добиаи-Рождественская О.А.* История письма в средние века. – М.: Наука, 1987.
5. *Журавлев В.К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М.: Наука, 1982.
6. *Зализняк А.А.* О понятии графемы // *Balkanica*. Лингвистические исследования. – М.: Наука, 1979.
7. *Культура Византии. IV-первая половина VII вв.* – М.: Наука, 1984.
8. *Левицкий Ю.А.* Что в имени тебе моем? (заметки о семантике и функционировании имен) // *Язык и история. Междунар. Сб. науч. трудов.* – Глазов: ГГПИ, 2005.
9. *Никонов В.А.* Имя и общество. – М.: Наука, 1974.
10. *Орехова Н.Н.* Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языка). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2000.
11. *Орехова Н.Н.* Ранние славяно-русские памятники в контексте межкультурных контактов (графика и орфография) // *Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 28.* – Воронеж, 2004.
12. *Полякова Е.Н.* Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII-XVIII вв. // *Ономастика в кругу гуманитарных наук. Мат. междунар. науч. конф.* – Екатеринбург, 2005.

13. *Проништейн А.П., Овчинникова В.С.* Развитие графики кирилловского письма. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. Ун-та, 1987.
14. *Смольников С.Н.* Антропонимия в системе модальных отношений// Ономастика в кругу гуманитарных наук. Мат. междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2005.
15. *Щетинкин В.Е.* Практикум по истории французского языка.- М.: Высш. школа, 1984.
16. *Шшимарев В.К.* Книга для чтения по истории французского языка. – Л.: Наука, 1954.
17. *Adelung J.* Von den orthographischen Zeichen (1788) // Texte zur Geschichte der deutschen Interpunktion und ihrer Reform 1462-1983. Georg Olms Verlag, 1984.
18. *Back O.* Groß- und kleinschreibung in anderen sprachen. Texte zur Geschichte der deutschen Interpunktion und ihrer Reform 1462-1983. Georg Olms Verlag, 1984.
19. *Freeborn D.* From Old English to standard English. – L.: The McMillan Press, 1992.
20. *Gottshed J.C.* Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. – Leipzig, 1748.
21. *Nagucka R.* An Early English reader (16th – 17th centuries). – Warszawa, 1972.
22. *Strycker E.* de Notes sur l'abreviation des nomina sacra olans des manuscripts hagiographiques grecs // Studia codicologica. – Berlin, 1977.
23. *Wolf G.* Deutsche Sprachgeschichte: ein Studienbuch. – Tübingen / Basel: Francke, 1999.

З.Д. Попова

КОГНИТИВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ СОЧИНЕНИЯ

Сочинение как вид синтаксической связи при внешней простоте не перестает беспокоить синтаксистов своей постоянно ускользающей от строгого определения содержательной стороной. Говорят, что если зажигаются звезды, значит, это кому-нибудь нужно. Если в системе языка наработаны специальные сочинительные союзы, значит, они нужны для выражения какого-либо содержания. Но какого?

Юрий Анатольевич Левицкий отдал много сил и времени для поисков ответа на этот вопрос. В библиографии его работ тема сочинения звучит с 1980 года и до наших дней. Этим объясняется

мой выбор предмета статьи для юбилейного сборника Юрия Анатольевича.

Размышляя над семантикой сочинения, Ю.А. Левицкий обратился к категориям логики. Он выяснил, что сочинение языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) выражает соподчинение двух элементов некоторому третьему, чаще всего вербально не выраженному (Левицкий 2003: 116). Это мнение обычно разделяют и другие исследователи сочинения (см. например, Троицкий 1987: 14-15). Ю.А. Левицкий разработал детальную классификацию сложносочиненных предложений, основанную на формальных и структурно-семантических признаках с учетом обратимости/необратимости сочиненных частей, их симметричности/несимметричности и некоторых других (Левицкий 1991: 143).

Выяснилось, что три сочинительных союза И, А, НО участвуют в выражении не трех, как постулировалось в традиционных грамматиках, а значительно большего числа логико-синтаксических отношений, хотя и существует их связь, главным образом, с выражением уподобления и сопоставления (Там же, с. 144). Логическими аналогами для этих видов отношений являются конъюнкция и дизъюнкция, а также операция деления понятий (Левицкий 2003: 121, 129). Проанализированы семантические ограничения на сочинительную связь языковых единиц (Там же, с. 307-308). Намечен подход к когнитивным характеристикам сочинительной связи. Ю.А. Левицкий находит когнитивный аспект синтаксических связей в соотношении их содержания с определенными сторонами или ступеньками процесса познания. Сложные предложения, например, соотносятся со сложными суждениями и их разновидностями (Левицкий 2003: 129-132).

Разработанная автором теория сочинения – надежный фундамент для ее дальнейшего углубления. Одним из направлений развития этой теории становится в настоящее время развертывание ее когнитивного аспекта.

В качестве труда, представляющего такое направление, можно привести исследование К.Я. Сигала. Он провел серию теоретико-экспериментальных наблюдений над моделированием сочинения словосочетаний в простом предложении. Выяснилось, что структурирование сочинительных словосочетаний в простом предложении – сложный психолингвистический процесс, совершающийся при порождении текста. «Синтаксическое равноправие компонентов

отражает в речевом высказывании когнитивное уравнивание нескольких концептов в системе представлений и оценок говорящего» (Сигал 2004: 155). Равноправие сочиненных компонентов определяется когницией, прагматикой и эмоцией говорящего (Там же, с.287). На материале сочинения в рамках простого предложения К.Я. Сигал приходит к выводу, что сочинение представляет в языковой структуре концепт *множество* и способы его синтаксической категоризации (Там же, с. 382). Автор справедливо заключает, что изучение сочинения позволяет лингвистам проникать в область когнитивной деятельности человека (Там же, с. 385).

Тем более проникать в область когнитивной деятельности человека позволяет изучение сочинения в рамках сложного предложения. Из сказанного выше для нас становится очевидным, что говорящие используют сочинение для передачи того приравнивания концептов, которое состоялось в концептосфере говорящего. Являются ли предметы или ситуации, образы которых наличествуют в качестве одиночных концептов или пропозиций, состоящих из многих актантов и ситуантов, равноценными в объективной действительности или в координатах строгой логики, для говорящего не имеет значения. Ему важно, что он их приравнивал в своем сознании. С этой когнитивной точки зрения все сочиненные конструкции, не объяснимые с позиций логики и научного осмысления фактов объективной действительности, получают удовлетворяющее нас толкование.

Проиллюстрируем эту мысль анализом нескольких сложносочиненных предложений из новеллы Василия Шишлова «Первый снег», опубликованной в газете «Коммуна» от 29 декабря 2005 г. Вот небольшой фрагмент из этой новеллы.

Редкие снежинки, крупные, как бабочки, летели сверху медленно, нехотя, будто присматривались и выбирали темные пятна на земле, куда они должны опуститься и прикрыть эту черноту.

А таких черных пятен становилось все меньше и меньше; снег шел половину вчерашнего дня и всю ночь, с утра перестал, а к вечеру опять посыпались редкие снежинки.

Ярче и выпуклей чернели голые ветки лип, тополей и березок во дворах, на гроздьях рябин появились белые шапочки, и казалось, что кто-то шулки ради развесил на деревьях красные корзиночки с кипенно-белой ватой...

*Дышалось легко, морозец был слабеньким и не мог убить щеко-
чущего ноздри арбузного запаха первого снега...*

Обратим внимание только на сочинение простых частей в составе сложных и так называемых слитных предложений.

- ... *присматривались и выбирали...* Логические отношения между этими «действиями» снежинок можно определить как целевые: присматривались, чтобы выбрать... Однако автор не определяет эти отношения, оба «действия» снежинок не реальны, автор приписывает их снежинкам лишь в своем воображении, где эти действия существуют в единстве и неразрывно связаны друг с другом.

- ... *с утра перестал, а к вечеру опять...* В реальной действительности события первой и второй части совершались во времени последовательно, и автор изображает их в той же реальной последовательности, иконически. Выбор союза А в данном случае обусловлен его специфической семантикой: к содержанию сочинения он добавляет сему некоторой неожиданности, некоторой эмоциональной реакции на смену фаз снегопада в течение суток.

- ... *появились белые шапочки, и казалось, что...* Логически между выделенными двумя частями устанавливаются отношения каузации: появление белых шапочек вызывает определенное впечатление у говорящего. Но автор не стремится устанавливать вид отношения между наблюдаемой картиной природы и своей её оценкой, свое видение ситуации он совмещает, сливает с возникшим у него сравнением, представляет то и другое как одновременно существующее в единстве.

- ... *был слабеньким и не мог убить...* В этом примере отношения между частями при их логическом анализе предстают совершенно однозначно как причинно-следственные. Но автор довольствуется приписыванием морозу сразу двух признаков и не заботится о выражении характера отношений между ними.

Множество подобных примеров показывает, что отношения между пропозициями, описываемыми в сложносочиненных предложениях, говорящие представляют так, как считают достаточным для сообщения, так, как им удобнее или легче мыслить, а не так, как они могли бы быть раскрыты в логике. Не случайно, развитию сложноподчиненных предложений способствует становление научного стиля, для которого выражение логических отношений в ученых трудах не безразлично.

Сочинение как способ выражения связей между компонентами разных уровней системы языка может использоваться, таким образом, как сигнал увязывания двух концептов или пропозиций, находящихся в достаточно разнообразных логико-семантических отношениях. Для говорящего важнее, как концепты или пропозиции совмещаются в его речевом сознании, чем то, как их можно рассмотреть с позиций логики.

Когнитивные перспективы учения о сочинении нам представляются привлекательными.

Литература

1. *Левицкий Ю.А.* Сложносочиненное предложение. Пермь: Изд-во Томского ун-та. Пермское отделение, 1991.
2. *Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003.
3. *Сигал К.Я.* Сочинительные конструкции в тексте. М.: «Гуманитарий», 2004.
4. *Троицкий Е.Ф.* Компоненты сочинительной конструкции и их отношения. Учебное пособие к спецкурсу. Смоленск: Изд-во СГТИ, 1987.

Н.И. Пушкина

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ
И КОГНИТИВНОМ АСПЕКТАХ

(На примере инфинитива и причастия)

Утверждение о том, что «слова светятся отраженным светом вещей» (цитируется по Кубряковой 1978: 3), позволяет рассматривать части речи как проекции в мир языка разных по своей сути и восприятию человеком объектов действительности, исследовать их номинативные (ономасиологические) функции (непосредственную роль в процессах номинации) и как отражается в них внеязыковая действительность. В связи с этим особый интерес представляют неличные формы глагола – инфинитив, причастие, в некоторых языках деепричастие, герундий, отличающиеся, в силу своей гибридности, сложной проблематикой, касающейся частеречного статуса неличных форм, их номенклатурного состава, соотношения с личными формами, общих принципов их выделения и классификации, а также специального изучения того, что именуют неличные

формы глагола, к обозначению каких объектов мира они обращены и к каким фрагментам действительности они относятся.

При рассмотрении указанных вопросов целесообразно обратиться к широкому пониманию глагола. Широкое (традиционное) понимание глагола принимается многими лингвистами зачастую как само собой разумеющееся, без специального обоснования. Однако, как справедливо указывает Л.Л. Буланин, широкое понимание глагола создает о глаголе более целостное представление и обладает преимуществами системного подхода. При таком понимании глагол как часть речи представляет собой семантико-грамматический разряд слов; его основные формы не являются частями речи и не стоят на одном уровне с другими частями речи – существительными, прилагательными и т.д., в том числе и с самим глаголом (Буланин 1986: 11). Аналогичную точку зрения высказывает О. Есперсен, рассматривая «вербиды» (причастия и инфинитивы) как особый промежуточный разряд между существительными и глаголами и отмечая необходимость признания неестественным разъединение английского *eat* и *eaten* в таких предложениях, как *He is eating the apple*, *He will eat the apple*, *He has eaten the apple*, *He eats the apple*. В связи с чем непредикативные формы лучше рассматривать вместе с предикативными (Есперсен 1958: 96). В.В. Виноградов подчеркивает, что подводимое под категорию глагола слово обычно представляет собой «сложную систему многочисленных форм, которая образует парадигму спряжения...» (Виноградов 1972: 345) Одним из доказательств широкого понимания глагола является конфигурационная гипотеза Л. Бэбби, в соответствии с которой части речи могут быть однозначно определены в терминах конфигурационных поверхностей структуры, в которых выступает исходная категория V. Те категории, которые выпадают из типичной для глагола парадигмы системы спряжения – причастие, деепричастие, инфинитив, определяются автором как «глагольные части речи» в противовес, например, русской лингвистической традиции, считающей данные категории формами глагола, для чего они формально подводятся под более общую категорию репрезентации глагола. В рамках конфигурационной гипотезы глагольные части речи рассматриваются как «контекстные варианты исходного V». Конфигурационная гипотеза объясняет, каким образом исходная категория V реализуется в поверхностной

структуре языка в виде инфинитива, деепричастия, причастия, суфина и т.п. (Бэбби 1985: 171-172).

Такое понимание глагола подкрепляется и когнитивным взглядом на природу частей речи, связывающую сложную историю возникновения глагола не только с осознанием различия форм движения, изменения объектов, но и с эволюцией единиц, с помощью которых осуществлялась вербализация первых коммуникативных актов человека. Глагол рождался как единица хронотопная, совмещающая в своем значении и идею движения в пространстве, и идею процессуальности, причинности, течения во времени в соответствии с его фазовыми характеристиками (Кубрякова 1996: 222). При этом делается очень важный вывод о том, что вопреки утверждениям о «нелогичности», «иррациональности» отнесения многих слов к одной части речи, создание таких слов в актах словообразования является величайшим достижением языка и расширяет наши знания, так как фиксируются структуры, соотносящие в пределах одного слова категориальные характеристики разных частей речи: одну наследуемую от мотивирующего слова, а другую в акте транспозиции в определенную часть речи (Кубрякова 1996: 224; 1997).

Данные большинства исторических исследований свидетельствуют о том, что все неличные формы прошли через длительную стадию вербализации – приобретения глагольных свойств, закрепления семантики действия, и что генетически все неличные формы глагола восходят к имени.

Так, в английском языке и в других германских языках инфинитив исторически оценивается как отглагольное существительное, обладающее в древнеанглийский период парадигмой склонения (Адмони, Ярцева 1978: 22; Есперсен 1958: 159 и др.). Характеризуя инфинитив как отглагольное существительное, Э. Прокош указывает на то, что оно имеет более тесные связи с собственно-глагольной системой, и каждое отглагольное образование имеет общее значение глагольности (Прокош 1954: 217). В среднеанглийский период начинается процесс вербализации инфинитива, который связан с появлением у инфинитива видо-временных и залоговых форм. Вербализация инфинитива проявляется в более интенсивном развитии субъектных отношений между инфинитивом и именными членами предложения и связывается с утратой многих

именных черт, главным образом именных грамматических категорий (Расторгуева, Жданова 1972: 116).

В среднеанглийский период произошло совпадение двух форм инфинитива – простого и сложного. Древнеанглийский предложный инфинитив, представляющий форму дательного падежа с предлогом *to*, имел значение цели. В среднеанглийский период древнеанглийский инфинитив утрачивает окончание древнеанглийского дательного падежа и совпадает по форме с простым инфинитивом (Смирницкий 1965: 81). И лишь в конце ранненовоанглийского периода, когда инфинитив, утратив флексию, совпал с некоторыми личными формами глагола и стал нуждаться в особом морфологическом показателе, частица *to* закрепляется как морфологический показатель инфинитива, перестав осмысляться как предлог, утратив первоначальное направление цели (Иванова, Чухоян 1976).

Считается, что и в удмуртском языке (одном из пермских языков уральской семьи языков финно-угорской ветви) инфинитив имеет отыменное происхождение на основе имен, обозначающих действие. Исследователи утверждают, что об этом говорят остатки употребления инфинитива в определенно-притяжательных и падежных формах в отдельных родственных языках (Грамматика современного удмуртского языка 1962).

В русском языке происхождение инфинитива интерпретируется как «этимологическая память» данной глагольной формы. Исторически русский инфинитив, выражавший как и сейчас «само название действия», восходит к отглагольным существительным в формах дательного и винительного падежа (динамически направленных падежей), но в отличие от существительных не имел склонения (см. напр.: Шелякин 1996; Кузнецов 1953: 203). Падежные формы отглагольных существительных свидетельствуют о том, что эти существительные обозначали «субстантивированные действия в качестве объекта динамической направленности субъекта». После полного оглаголивания существительных, что представляется возможным объяснить как стремление представить само глагольное действие отстраненным объектом, возникший из них инфинитив сохранил первоначальную функцию своего источника и расширил сферу функционального применения. Инфинитив стал обозначать «действие, по отношению к которому устанавливалась прямая (положительная) или обратная (отрицательная) направленность субъекта».

екта». Формальными следами происхождения инфинитива является его подчиненная позиция в ряде словосочетаний (*обещал принести и т.д.*) и дательный падеж существительных со значением носителя обозначенного им действия (Шелякин 1996: 288-289).

Инфинитив, существующий в грамматических системах типологически различных языков, определяется как «загадочная по своему современному значению категория глагола» (Пешковский 1956: 128). Загадочность этой категории, по объяснению В.В. Богданова, проявляется в ее особом семантическом поведении, в двойственном – глагольно-именном характере, специфическом синтаксическом функционировании и, следовало бы добавить, в особом грамматическом статусе – в обладании определенными грамматическими категориями (Богданов 1980: 164). Л. Теньер называет инфинитив смешанной категорией, средним членом между категорией глагола и категорией существительного (Теньер 1988: 433).

Инфинитив универсален, так как имеется для всех глаголов, за исключением нескольких случаев дефектных (с неполной парадигмой) претерито-презентных глаголов (Адмони, Ярцева 1978). Исследователи полагают, что существует объективная закономерность, заставляющая языки вырабатывать в своих грамматических системах инфинитив. Именно эта закономерность и служит причиной всех необычных свойств инфинитива (Богданов 1980: 164).

Инфинитив – это такая неличная форма, которая дает отвлеченное, обобщенное понятие о действии, вследствие чего инфинитив по своей семантике близок личной форме глагола. Принадлежность инфинитива к системе глагольных форм зачастую связывают с тем, что инфинитив представляет глагол в словаре и может быть назван «словарной формой» [Dictionary form] глагола (Palmer 1930: 157; Бархударов, Штелинг 1973: 212). Однако Л. Теньер считает обычай, принятый в современных западных языках, называющих глагол с помощью инфинитива, крайне неудачным, так как он парадоксален и вреден. «Парадоксален потому, что для обозначения глагола нелогично прибегать к той форме, которая не является глагольной. Вреден потому, что он внушает и пропагандирует ту ложную мысль, что инфинитив – это глагол» (Теньер 1988: 434). Л. Теньер указывает и на то, что способ называния глагола с помощью инфинитива далеко не универсален. Традиция, принятая для древних языков, требует, чтобы латинские и греческие глаголы назывались в форме 1-го лица единственного числа настоящего вре-

мени изъявительного наклонения: ср. латинский глагол *amo* «я люблю» или, например, в баскском языке глагол обозначается по его причастию: ср. глагол *bilhatu* «искавший» (Теньер 1988: 434). В инфинитиве связь действия с деятелем формально не выражена, но логически предполагается. В тех случаях, когда действие, выраженное инфинитивом, соотнесено с подлежащим предложения, инфинитив определяется как субъектный.

Следует отметить, что соотнесенность действия с его деятелем выявляется при употреблении инфинитива в предложении более последовательно, чем у других неличных форм глагола, что, по-видимому, объясняется тем, что инфинитив, подобно глаголу, выражает действие, обозначенное основой, тогда как, к примеру, причастие передает признак или указывает на обстоятельства, при которых совершалось другое действие (Жигадло, Иванова, Иофик 1956: 161-162).

Вопрос об инфинитиве в русском языке особенно волновал грамматистов (Виноградов 1972: 342). Ряд исследователей отделяли инфинитив от имени с глагольной основой, и указывали на то, что инфинитив не принадлежит к числу ни предикативных, ни атрибутивных форм глагола. Инфинитив был объявлен особой частью речи и рассматривался как слово, не причастное к спряжению, как «отглаголия» (Виноградов 1972: 342). Другие лингвисты подчеркивали, что инфинитив в современном русском языке – «глагольный номинатив», исходная форма глагола «*nominativus*», в которой потенциально заложено отношение к лицу: неопределенная форма глагола благодаря своей отвлеченности представляется нам простым голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями (Виноградов 1972: 343; Пешковский 1956). Решая вопрос о функциональной сущности инфинитива, М.А. Шелякин утверждает, что обычные определения инфинитива как формы глагола, обозначающей «голое» «наиболее общее название действия без морфологически выраженных категорий лица, времени и наклонения, не отражают его функциональной сущности» (Шелякин 1996: 288). Более содержательным, по мнению М.А. Шелякина, признается развиваемое в последнее время понимание инфинитива Г.А. Золотовой, полагающей, что «в речи, с помощью лексико-синтаксических средств, при поддержке интонации, инфинитив всегда означает модально-окрашенное действие» (Золотова 1982: 260).

В семантической структуре предложения английского, русского, удмуртского языков инфинитив особенно значим как зависимый предикат. Независимый предикат имеет, как правило, форму финитного глагола. Такой глагол занимает матричную позицию и ему присущи только глагольные свойства. При этом зависимый предикат, занимающий аргументную позицию, должен обладать некоторыми свойствами непредикатов – вещных существительных (Богданов 1980: 165). Это явление называется номинализацией или субстантивацией глагола, которая представляет собой частный случай трансляции или транспозиции (Теньер 1988: 378-380, 434; Балли 1955: 130-131). При инфинитивной транспозиции (инфинитивизации) процесс перехода глагола в имя при этом не завершается, поскольку инфинитив сохраняет глагольные свойства. Такая транспозиция называется неполной и все гибридные классы типа причастия, деепричастия, герундия и т.д. могут служить ее примерами. Таким образом, основное назначение инфинитива, пониженного в семантической иерархии, состоит в уточнении и восполнении предиката (матричного или другого зависимого), которому он подчинен, поскольку предикаты фиксируют координаты происходящего (факт экзистенции, положения дел, времени его существования), наряду с обозначением признаков, свойств, которые они могут приписывать предмету речи (Богданов 1980: 166). Данный факт объясняется тем, что глаголы, в отличие от существительных, не самодостаточны, следовательно, для установления их референциальной отнесенности необходимо их связывание с участниками ситуации – с существительными [подробнее см. Кубрякова 2004: 231].

Причастие, которое совмещает в себе глагольные и атрибутивные свойства, определяется как скрещенная глагольно-прилагательная категория (Виноградов 1972: 221) или смешанная часть речи (Пешковский 1956: 128), по существу прилагательное, образованное от глагола (Есперсен 1958: 96), что ставит его в ряде языков на особую позицию среди остального лексического состава (Мещанинов 1978: 281). Таким образом, причастие причастно одновременно и к категории глагола, и к категории прилагательного, поэтому греческие грамматисты дали ему название «я принимаю участие, я причастен», «то, что причастно к характеристике существительного и глагола», которое латинские грамматисты перевели как *participium* (Теньер 1988: 467; Есперсен 1958: 96).

Л. Теньер отмечает, что греческие грамматисты, будучи тонкими знатоками синтаксиса, с самого начала поняли двойственную природу причастий, и это понимание подсказало им тот термин, который нельзя не признать удачным (Теньер 1988: 467). Причастие обозначает действие, совершаемое лицом или предметом и представленное как признак, проявляющийся во времени, как его свойство, полученное в результате действия.

Английское причастие по происхождению является именем прилагательным. О.Есперсен считает, что такого рода прилагательные были образованы от глагола (Есперсен 1958: 96). Генетическая связь имени прилагательного и причастия проявляется в общей системе склонения и в функционировании в качестве препозитивного определения. Однако уже к началу древнеанглийского (ДА) периода причастия прошли определенный этап вербализации и могли выражать видовые, временные и залоговые различия. Более интенсивно развитие глагольных свойств у причастия осуществляется в среднеанглийский (СА) период с разрушением системы склонений причастий и с утратой способности передавать грамматические категории рода, числа, падежа (Иванова, Чахоян 1976: 206). Происходит дальнейшее изменение формы причастия I. Создаются омонимичные морфологические формы причастия I и отглагольного имени.

Наряду с процессом оглаголивания причастия, столь активно продолжающимся в СА период, отмечается обратный процесс – процесс утраты глагольных признаков причастиями некоторых глаголов и превращения их в прилагательные. Такой процесс, по мнению В.Д. Аракина, является естественным следствием развития системы личных форм глагола в новоанглийский (НА) период (Аракин 1955: 244). Выделение из глагольной системы отдельных причастий, которые утрачивают глагольные признаки и превращаются в обычные прилагательные типа *amusing*, *interesting*, продолжается и в новый период истории английского языка.

В дальнейшем (в XV в.) процесс вербализации причастия I идет более интенсивно, так как причастие I втягивается в парадигму глагольных форм за счет появления у причастия формы страдательного залога и перфектной формы – *being written*, *having written*, *having been written*.

В русском языке причастие определяется как особая форма глагола, совмещающая признаки глагола и прилагательного – значе-

ния действия и признака предмета и занимающая крайне периферийное положение в системе глагола. Отмечается, что степень близости причастия к прилагательным не идет ни в какое сравнение с некоторыми чертами сходства деепричастий и наречий. Адъективация причастий, сопровождающаяся утратой их глагольных признаков – явление, которое широко представлено в русском языке (Шигуров 1993:11).

В удмуртском языке причастие (отглагольное прилагательное) представляет собой глагольно-именную форму, выражающую действие, которое воспринимается как признак лица или предмета и совмещает свойства глагола и прилагательного. Все удмуртские причастия образуются от основ глаголов и отличаются друг от друга переходностью / непереходностью обозначаемого действия: *кышкась пи* – «*пугающийся мальчик*» и *кышкатись пи* – «*пугающий мальчик*».

Причастие II является по своему происхождению отглагольным прилагательным, постепенно вошедшим в систему глагола, отличающаяся как глагольная форма некоторыми особенностями при сочетании с дополнениями. Причастие II выражает и временные различия. Причастие II отличается от всех других глагольных форм как по значению, так и по грамматическим характеристикам. Причастие II относится исследователями на периферию глагольной системы; оно выражает не сам процесс как таковой, а результат или следствие процесса, состояние, качество лица или предмета, приобретенное или приобретаемое вследствие воздействия внешних факторов: письмо оказывается «написанным», стол – «накрытым», комната – «освещенной» или «освещаемой», человек – «приехавшим», «любимым», «удивленным» и т.п., то есть имеет значение перфектности (Смирницкий 1959: 260; Бархударов, Штелинг 1973: 212, 230; Вежбицкая 1996: 38). Причастие II не имеет форм словоизменения. В связи с этим Д.А. Штелинг отмечает тот факт, что «глагольный статус» причастия II ставится под сомнение его морфологической неизменяемостью, четко выделяющей причастие II в системе глагола. Между тем, глагол как часть речи «наиболее богат формами словоизменения» и даже неличные формы глагола (инфинитив, причастие, герундий) обладают формами, образующими коррелятивные пары с залоговым значением (*to write* – *to be written*), перфектные-неперфектные формы (*to write* – *to have written*) (Штелинг 1996: 124).

В.Я. Плоткин, рассматривающий в английском языке в качестве причастия только причастие II, отмечает высокую степень его автономности относительно глагола (Плоткин 1989: 134). Причастие отличается от глагола семантически, так как обозначает не само действие, а обусловленное им состояние одного из актантов, обычно пациенса. С этим В.Я. Плоткин связывает преобладание в семантике причастия моментов предшествования действия состоянию и неактивности денотата имени, с которым связано причастие. Однако такое преобладание не исключает и иных семантических моментов. Причастие сближается с прилагательным, выполняя аналогичные для прилагательного синтаксические функции – определения в препозиции к имени (*a locked door*) или в постпозиции (*a door locked for the night*), члена составного сказуемого: *The door is locked*. Сближение с прилагательным проявляется также в словообразовательных и транспозиционных потенциях причастия: оно принимает типичный для прилагательного отрицательный префикс (*unspoken, unchanged*), преобразуется в наречие. Поскольку причастие II выражает не само действие, а его следствие: *decidedly, unpreparedly* (Плоткин 1988: 134), но не может быть образовано от глаголов, которые не обозначают действия, предполагающего достижение того или иного предела или результата, например, от глаголов бытия и положения в пространстве: *to be, to live, to sleep, to stand, to lie* и т.п. Такие формы, как *been, lain* употребляются лишь в составе аналитических форм перфекта.

Английскому причастию II в удмуртском языке соответствуют причастия с суффиксом *-м* (*-ем, -эм*). Причастия на *-м* обозначают действие, совершаемое над предметом. По своему значению они соответствуют причастию прошедшего времени страдательного и действительного залогов русского языка: *Тани кыллэ кымам пыжъёс – Вот лежат опрокинутые лодки*. Причастия на *-мын* по своим значениям соответствуют кратким формам русских причастий прошедшего времени страдательного залога и употребляются в функции сказуемого: *Ваньмыз та будосъёс вож буюм пульёсын жикыт кенерамын – Все эти растения аккуратно огорожены зеленым полисадником* (Грамматика 1962: 262, 269).

В.В. Богданов рассматривает причастие как результат транспозиции «глагол-прилагательное». Причастие есть результат «неполной транспозиции, поскольку оно способно сохранить многие глагольные свойства, то есть иметь собственные актанты и сиркон-

станты» (Богданов 1977: 162). Аналогичную точку зрения выражает Е.С. Кубрякова, рассматривая транспозицию в качестве «мостика между частями речи», который позволяет языку отразить зыбкость границ между предметом и процессом или признаком: при постановке рядом других имен одно из них воспринимается как начало субстанциальное, другое признаковое (Кубрякова 1978: 66). Относительно причастия Е.С. Кубрякова отмечает, что причастия обычно рассматриваются не как самостоятельная часть речи, а как подкласс глаголов и что основанием для этого оказывается то, что в своей смысловой структуре они сохраняют глагольные значения – время, вид, залог. Кроме того, при наступившей транспозиции они «по-прежнему удерживают в своей смысловой структуре большую часть значений, релевантных для исходных глаголов, лексические значения глаголов не претерпевают в актах транспозиции никаких изменений» (Кубрякова 1978: 98).

В целом же, проблемы инфинитива, причастия и других гибридных неличных форм, в частности, вопросы их частеречной принадлежности, в современной лингвистике решаются относительно их лексики, грамматики, прагматики, обращения к речевой деятельности. Элементы «кластерного пучка», которым представлена та или иная часть речи (в нашем случае неличная форма совмещает в себе свойства разных частей речи – именные и глагольные), согласуются между собой, выражая, тем самым, некий баланс между семантикой и функцией соответствующего слова и предписывая ему передачу концептов из определенного круга значений, способность выступать в составе дискурса для реализации определенных коммуникативных функций (Кубрякова 2004: 231).

Литература

1. Адмони В.Г., Ярцева В.Н. Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия // Историко-типологическая морфология германских языков. М.: Наука, 1978. С. 92-145.
2. Аракин В.Д. Очерки по истории английского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1955.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
4. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1973.

5. *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: ЛГУ, 1977.
6. *Буланин Л.Л.* Категория залога в современном русском языке. Л.: ЛГУ, 1986.
7. *Бэбби Л.* К построению формальной теории «частей речи» // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика. Вып. XV. М.: Прогресс, 1985. С. 171-203.
8. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
9. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.
10. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртия, 1962.
11. *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
12. *Жигadlo В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л.* Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.
13. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
14. *Иванова И.П., Чахоян Л.П.* История английского языка. М.: Высшая школа, 1976.
15. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978.
16. *Кубрякова Е.С.* Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. М.: РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1996. С. 218-224.
17. *Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М.: РАН. Институт Языкознания, 1997.
18. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
19. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: МГУ, 1953.
20. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.

21. *Пешковский А.Н.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.
22. *Плоткин В.Я.* Строй английского языка. М.: Высшая школа, 1989.
23. *Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.
24. *Расторгуева Т.А., Жданова И.Ф.* Курс лекций по истории английского языка. Выпуск III и IV. Развитие языка в среднеанглийский и новоанглийский периоды. М.: Высшая школа, 1972.
25. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959.
26. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
27. *Шелякин М.А.* О функциональной сущности русского инфинитива // Словарь. Грамматика. Текст. М.: РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1996. С. 288-302.
28. *Шигуров В.В.* Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1993.
29. *Штеллинг Д.А.* Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. М.: МГИМО ЧЕРО, 1996.
30. *Palmer H.E.* A Grammar of Spoken English on a Strictly Phonetic Basis. Cambridge. W.Heffer & Sons Ltd. 1930.

И.М. Румянцева

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ
ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ОЩУЩЕНИЙ И ВОСПРИЯТИЯ

На протяжении многих лет автор данной статьи занималась обучением взрослых людей иноязычной речи специальными лингво-психологическими методами, основанными на психотерапии и психокоррекции, в виде психологических тренингов.

Применение психотерапевтических средств в такой необычной сфере было продиктовано осознанием того, что речь – это не просто внешняя система знаков, служащая для общения (что традиционно называется языком и составляет предмет обучения), но и внутренняя неотъемлемая часть самого человека, точнее, часть его психофизиологии и психики.

Наше обучение иноязычной речи исходило из того факта, что формирование речи зависит от развития всех без исключения психических процессов, как когнитивных, так и эмоциональных, причем эти процессы являются не только взаимопроникающими, или, по терминологии Л.М. Веккера, «сквозными», но и – непременно речевыми составляющими.

«Речь, – писал Л.М. Веккер, – занимая особое положение среди сквозных психических процессов, все же, как и память, воображение и внимание, принадлежит к их числу и тем самым связана со всеми остальными психическими явлениями» (Веккер 2000: 606).

Чтобы активно овладеть иноязычной речью, требуется тренировка и развитие целого комплекса психических процессов: внимания, восприятия, памяти, мышления, воображения (с непременным учетом закономерностей их функционирования). В данной статье мы кратко остановимся на новых технологиях развития восприятия, которые составляют лишь небольшую часть разработанного нами Интегративного лингво-психологического тренинга (ИЛПТ).

В жизни нас окружает большое разнообразие предметов, людей, явлений, событий, которые мы одновременно воспринимаем и ощущаем.

Вот наше ухо отреагировало на раскатистый и мощный гул над головой, а глаз выхватил яркие всполохи огня, осветившие потемневшее небо; вот лицо окропили редкие мокрые капли, и вскоре тело отозвалось болью под ледяными струями воды, а пересохшие губы уловили ее свежий привкус... Мы не только восприняли это явление как грозу с громом, молниями и дождем, но и ощутили ее чувственно и физически. Вот мы откусили ярко-красное яблоко и почувствовали сладость его вкуса, шероховатость кожицы и терпкость аромата. Психологи сказали бы, что яблоко мы восприняли, а его цвет, запах, текстуру и вкус ощутили.

Иными словами, *мы воспринимаем предметы и явления в их сложном целом, а ощущаем их отдельные свойства и качества: звук, цвет, запах, вкус, форму, размер, характер поверхности, температуру и тому подобное.*

Мы испытываем также органические ощущения, которые получаем из рецепторов, расположенных во внутренних органах: например, ощущения жажды, голода, боли, телесного холода и жара, давления крови, легкости или затрудненности дыхания.

«Ощущение и восприятие, – пишет С.Л. Рубинштейн, – теснейшим образом связаны между собой. И одно, и другое являются чувственным отображением объективной реальности, существующей независимо от сознания, на основе воздействия ее на органы чувств: в этом их единство». Но восприятие, по словам С.Л. Рубинштейна, – это обычно «осознание чувственно данного предмета или явления; в восприятии перед нами обычно расстилается мир людей, вещей, явлений, исполненных для нас определенного значения и вовлеченных в многообразные отношения, этими отношениями создаются осмысленные ситуации, свидетелями и участниками которых мы являемся» (Рубинштейн 1999: 177).

Определяя ощущения и восприятия, говорят также, что «они составляют сенсорно-перцептивный уровень психического отражения», так называемые образы, которые возникают при непосредственном воздействии предметов и явлений на органы чувств (Общая психология 1998: 204).

Данное определение как нельзя лучше указывает на непосредственную связь восприятия и речи. Так, Л.М. Веккер отмечал, что «слуховые, зрительные или кинестетические образы слов – в прямом и точном смысле этого понятия – частный случай образов и, соответственно, частный случай психических процессов», отвечают их сенсорно-перцептивному уровню, но уже не предметного, а речевого восприятия (Веккер 2000: 609). (А речевое восприятие, добавим мы, является неотъемлемой частью общего восприятия.)

Ощущения, или иначе сенсорика (от лат. *sensus* «чувство», «ощущение») всегда сопрягаются с моторикой (от лат. *motus* «движение») – «всей сферой двигательных функций организма, объединяющей биомеханические, физиологические и психологические аспекты» (Словарь практического психолога 1998: 204). Как считал И.М. Сеченов, мышечное чувство примешивается ко всем ощущениям, усиливает их и помогает связать в единое целое. Психофизиолог М.М. Кольцова отмечает, что «за последние годы получено много фактов в исследованиях на животных и на взрослых людях, которые показывают, что именно в двигательной области объединяются нервные импульсы со всех органов чувств» (Кольцова 1998: 64).

Наши ощущения очень многообразны и многолики, в связи с чем существуют различные их классификации. По характеру органов чувств издавна принято различать пять основных видов, или

модальностей ощущений: 1) зрительные, 2) слуховые, 3) обонятельные, 4) осязательные, 5) вкусовые. Очень часто к этим модальностям добавляются еще и следующие виды ощущений: 6) двигательные и статические, 7) равновесия и координации движений, 8) вибрационные, 9) температурные, 10) органические. Однако и такую расширенную классификацию ощущений нельзя назвать исчерпывающей.

Более того, специализация ощущений не исключает их всевозможных взаимодействий и комбинаций. Это проявляется, например, в явлении *синестезии* – «слиянии качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную» (Рубинштейн 1999: 184). Относительно часто встречающейся формой синестезии является «цветной слух», когда качества зрительной модальности переносятся на слуховую. Хорошо известен тот факт, что таким слухом обладал А.Н. Скрябин. Явление синестезии находит свое отражение и в самом языке. Так, всем знакомы выражения «холодный взгляд» и «горячее прикосновение», «теплые слова» и «кричащие краски» и т.п.

Наши сложные и многоликие ощущения входят в структуру *восприятий*, которые также имеют виды или модальности, однако, поскольку мы воспринимаем вещи и явления в их сложном целом, эти модальности определяются по тому, какой орган чувств, или анализатор, играет в том или ином случае восприятия ведущую роль. Таким образом, обычно так же выделяют *слуховые, зрительные, осязательные, обонятельные, вкусовые и двигательные восприятия*. Но такая трактовка видов восприятий, конечно же, представляется упрощенной и необходима для их анализа, потому что любое восприятие, как правило, является *смешанным* – полимодальным: в нем задействуются сразу все возможные виды анализаторов. Известный психолог В.А. Артемов приводит пример созерцания водопада, восприятие которого мы называем зрительным. «Но не следует забывать, – говорит он, – что в восприятии водопада имеются также слуховые и двигательные ощущения» (Артемов 1958: 104). Однако и такое объяснение восприятия водопада является, на наш взгляд, неполным, поскольку наверняка вы почувствуете запах этого водопада, прохладу, влажность и вкус долетевших до вас водяных брызг. К вашему восприятию, несомненно, примешаются яркие эмоции, эстетические впечатления и пережи-

вания. Такое восприятие будет считаться уже сложным. Любое эстетическое восприятие является сложным; к сложным видам восприятий относятся также *восприятия пространства и времени*.

Мы воспринимаем тот или иной предмет, то или иное явление на основе ощущений, и все же восприятие не исчерпывается содержанием этих образующих его ощущений. Действительно, в процессе восприятия к нашим ощущениям присоединяются определенные эмоции и чувства, представления и понятия, образы фантазии, возникавшие в нашем прошлом опыте. Так, вы бывали когда-нибудь ночью в лесу? Там ствол отдаленного дерева может представиться зловещей фигурой незнакомого человека, а его раскидистые ветви – цепкими руками, пытающимися схватить вас за одежду. Там огоньки светлячков могут показаться глазами хищного зверя, а тени шелестящих листьев – шуршащими крыльями летучих мышей. Несомненно, такое восприятие ночного леса характерно для человека, которым движет страх и беспокойство: к его ощущениям явно примешиваются образы фантазии.

Иногда говорят, что наше восприятие *селективно*. Из всей массы вещей и явлений мы выхватываем и воспринимаем в данный момент то, что вызвало наибольший интерес и внимание.

Восприятие одних и тех же вещей у разных людей могут отличаться в зависимости от их прошлого опыта, профессии, интересов. Припоминается случай, когда во время ремонта квартиры, маляр поставил ведро с краской на прикрытое полиэтиленом старинное пианино – им оно воспринималось не более, чем удобная подставка.

Под влиянием настроения, чувств, эмоций, различных психических состояний восприятие вещей может оказаться разным и у одного и того же человека. Так, сегодня вы проснулись в прекрасном расположении духа, и снегопад за окном показался вам чудесной зимней сказкой, а на следующий день под воздействием обстоятельств ваше настроение ухудшилось, появилась головная боль или простуда, и тот же снегопад стал восприниматься как проклятие судьбы. А вспомните, какими яркими красками расцветает мир, когда человек находится в состоянии влюбленности. Тогда обостряются и становятся богаче все ощущения, и жизнь воспринимается как сплошной праздник. Но как меркнет и чернеет этот мир, когда наступает стресс или депрессия.

Подобная зависимость восприятия от прошлого опыта, эмоций, настроения, знаний называется *апперцепцией*. Апперцепция делает восприятие более объемным, глубоким, содержательным, но иногда она же его и ограничивает, превращает в несколько одностороннее, а порой и искаженное, что можно увидеть в приведенных выше примерах. И, тем не менее, в каждом акте перцепции имеется факт апперцепции. Например, даже тогда, когда мы просто слышим какой-то звук или видим какой-то цвет, наш мозг, чтобы их воспринять и распознать, автоматически сличает этот звук или цвет с теми «акустическими» и «цветовыми» эталонами, которые уже были в нем запечатлены.

Ощущения иногда называют *каналами восприятия*: по ним информация о внешнем мире и внутренних состояниях человека поступает в его мозг, предоставляя человеку возможность впитывать эту информацию и ориентироваться в окружающей среде. Нередки факты, когда дети, в раннем детстве помещенные в закрытые стены дома ребенка или узкую кровать больницы и лишенные возможности видеть, слышать, обонять и осязать краски, звуки, запахи и предметы большого внешнего мира, начинали резко отставать от своих сверстников в своем психическом и речевом развитии.

Для того, чтобы восприятие окружающего мира было полным, ярким, насыщенным, для того, чтобы мозг питался новой информацией, наши каналы восприятия нужно постоянно «прочищать» и расширять. Особенно необходимо это становится во взрослом возрасте, когда начинает наблюдаться естественный процесс сужения этих каналов.

Спросите себя, давно ли вы наблюдали, как зимним вечером, нежно мерцая, кружились снежинки в волшебном свете фонаря? Давно ли вы ощущали, как свеж и сладок на вкус морозный воздух? Давно ли вы замечали бездонную синеву звездного неба? Думается, что давно. Ведь это ребенок радуется, лова губами солоноватые дождевики и ощущая всей кожей их живительную прохладу; это он видит, как утоляют жажду росой нарядные ромашки, это он слышит звон голубых полевых колокольчиков... Куда уходит то ощущение чуда, когда мы становимся взрослыми, возможно ли вернуть его? – Мы ответим, что возможно. И обязательно нужно. Потому что вместе с возвращенным ощущением чуда и полноты жизни к нам придет и новая, необходимая нам иноязычная речь. Придет так, как приходит к ребенку речь родная: вместе с запахом

дождя и красками полевых цветов, вместе с движением танца и звуками соловьиных трелей.

Иноязычная речь придет к нам по всем каналам восприятия, не только в виде лингвистической информации, но и в виде целого оркестра сопровождающих ее ощущений: звуковых, зрительных, обонятельных, осязательных, двигательных, которые волеются в речевые образы, и, даже оставшись частично на периферии сознания, закрепят эту лингвистическую информацию в нашей памяти.

Именно поэтому Г. Лозанов придавал такое большое значение *периферийному восприятию*, т.е. восприятию, действующему на окраине сознания и даже за его пределами. «В захлестнутом информацией современном мире, – писал Г. Лозанов, – было бы неоправданно концентрировать наше внимание только на той информации, которая сознательно попадает в эту категорию (т.е. осознанной информации – И.Р.). Вне ее имеется другая информация, которую мы усваиваем благодаря *периферийной перцепции* (курсив наш – И.Р.). Эта перцепция организована сложным образом и осуществляется не только вне области сознательного внимания, но и внутри этой области, в микроструктуре воспринимаемых элементов. Всеобъемлющее и одновременное использование процессов сознательного и бессознательного восприятия позволяет справиться с большим объемом знаний. Это также относится и к другим бессознательным функциям, которые могут быть использованы в различных целях одновременно и совместно с сознательными функциями» (Лозанов 1982: 92).

Для обеспечения более широкого и объемного восприятия наши ощущения, чувства, да и сами органы чувств необходимо тренировать и развивать. С этой целью в ИЛПТ и используются специальные психотехники – упражнения по раскрытию всех каналов восприятия, – которые выполняются на иностранном языке и для его постижения. Приведем лишь некоторые примеры таких упражнений.

Так, к теме изучения названий цветов мы подобрали различные музыкальные отрывки, которые попросили во время прослушивания увидеть в цвете (для большего обострения чувств и ощущений прослушивание проходило в полной темноте). В частности, были предложены: 1) фрагмент «Испанского танца» (Э. Грандоса), который ученики представили в мощных и ярких красках – красных и оранжевых, со всполохами золотого, рыжего и лилового как огонь

цветов; 2) фрагмент «Лебеда» (К. Сен-Санса), который был увиден в мягких, пастельных, бело-голубых и бело-розовых тонах; 3) отрывок из музыкального произведения Ж.-М. Жарра «Кислород», который вызвал ассоциации со сложными оттенками бирюзового как глубины вод, совершенно прозрачного как пузырьки воздуха и глубокого синего как пространство космоса цвета, 4) отрывок из музыки Р. Вагнера к опере «Гибель богов», который произвел впечатление чего-то темного, черного, тревожного, устрашающего, а также 5) фрагмент симфонической картины М.Чюрлениса «Лес», который ученики увидели в сочно-зеленых и солнечно-желтых красках. Как можно заметить, это упражнение дает человеку возможность ощутить синестезию звука и цвета.

Следующее упражнение предназначено для раскрытия и расширения канала обонятельного восприятия и обогащения его иными модальностями перцепций. Для большего обострения чувств и ощущений оно также проводилось в полной темноте. Суть этого упражнения заключалась в том, что ученикам предлагалось «в слепую» понюхать три разных аромата, связать эти запахи с личными воспоминаниями или фантазиями и рассказать на их основе короткую историю, а также сделать зарисовку своих ассоциаций (уже, конечно, при свете) акварельными красками и цветными карандашами. Все запахи были сложными, неоднозначными, состоящими из различных компонентов, а потому не просты для восприятия. Так, в детскую вишневую микстуру от кашля мы добавили ложку клубничного варенья и несколько капель лимонного сока – получился первый аромат. Следующий аромат представлял собой смесь запахов всевозможных кулинарных специй: корицы, гвоздики, черного перца, укропа, кардамона, миндального ореха и т.п. И третий аромат состоял из запаха капли французских духов, душистого цветочного мыла, мужского крема для бритья и нежного детского талька. На основе этих ароматов было придумано множество историй, реальных и сказочных: о первой любви – светлой и грустной, о волшебных яблоках, дарующих молодость и здоровье, о коварной колдунье, варящей на огне свое страшное зелье. Было нарисовано много чудесных рисунков: персиковых садов, рождественских пирогов, прекрасных незнакомок и даже пира пиратов.

Здесь мы отчетливо видим, насколько сложно и неоднозначно наше восприятие, насколько связано оно с другими психическими процессами. И в наших силах сделать его еще богаче и глубже,

чтобы воспринимать этот мир во всей его полноте и красоте, а вместе с ним и иноязычную речь, как важную и неотъемлемую его частичку, которую, превратив в живой организм при помощи наших чувств, эмоций и ощущений, можно человеку привить и развить.

Одно из самых действенных и любимых учениками упражнений или психотехник по развитию всех видов ощущений и восприятий – «оживление» известных картин природы. Можно раздать ученикам, например, репродукции известных произведений художников из коллекции Третьяковской галереи и попросить не только описать эти картины на иностранном языке, но и передать настроение каждой картины, выразить те эмоции, которые она вызывает у зрителя. Нужно, чтобы они прочувствовали ощущения цвета и света, холода и тепла, влаги и сухости, которые исходят из этой картины, чтобы услышали в ней звуки, почувствовали в ней запахи. Вот, например, картина И.К. Айвазовского «Черное море». Выполненная в мрачных, сине-свинцовых тонах она вызывает чувство тревоги. Серое небо нависает так низко, что возникает ощущение тяжести и давления туч. Можно почувствовать плотную влагу, которой напоен воздух, ощутить йодистый запах морской воды и невидимых водорослей, услышать перекаты морских волн, крики редких чаек и далекие раскаты грома, почувствовать брызги ледяных капель на лице и ощутить их солоновато-горький вкус... А вот иная картина – «Рожь» И.И. Шишкина. Эта картина спокойная и теплая. Она напоена запахом созревших злаков, полевых трав и хвои придорожных сосен. В ней слышится стрекот кузнечиков и жужжание пчел. И если она и дышит одиночеством, то одиночеством светлым как бегущая вдаль дорога и само уходящее лето.

Еще один вид упражнений – для развития слухового восприятия – это придумывание рассказов и разыгрывание сценок на основе череды прослушанных шумов. Шумы могут быть хорошо опознаваемыми, например, топот ног по лестнице и свист полицейского (милиционера), а также такие, которые допускают различные толкования, например, шипение змеи или масла на сковороде. Здесь к тренировке уха добавляется движение, и так же, как и в предыдущих упражнениях, происходит развитие всех прочих психических процессов: внимания, памяти, мышления, воображения, которые, в свою очередь, помогают развиваться речи.

Таким образом, все наши упражнения, хоть и имеют определенную направленность, скажем, развитие слухового или зрительного восприятия, отражают связь и взаимозависимость всех психических процессов и действительно полифункциональны.

Литература

1. *Артемов В.А.* Курс лекций по психологии. Харьков, 1958.
2. *Веккер Л.М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 2000.
3. *Кольцова М.М.* Ребёнок учится говорить. СПб., 1998.
4. *Лозанов Г.* Ускоренное обучение и возможности человека // Перспективы. Вопросы образования № 1-2. UNESCO, Париж; М., 1982.
5. *Общая психология (Курс лекций) / Сост. Е.И. Рогов.* М., 1998.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1999.
7. *Румянцева И.М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004.
8. *Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин.* Минск, 1998.

Г.Г. Сильницкий

ТРЕХМЕРНАЯ СИСТЕМА МЕЖЧАСТЕРЕЧНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Трёхмерная семантическая модель, предлагаемая в качестве основания для классификации лексического заполнения основных знаменательных частей речи (существительного, глагола, прилагательного, наречия) в рамках единой системы, определяется тремя аспектами значения слова, выделяемыми лексической семантикой: денотативным, сигнификативным и коннотативным. Согласно традиционному определению, *денотативное* значение слова отображает некоторый класс референтов, т.е. явлений объективной действительности, объединяемых определенным набором релевантных семантических признаков, составляющих в своей совокупности *сигнификативное* значение данного слова. Факультативное *коннотативное* значение слова отображает дополнительные оценочно-стилистические семантические «обертоны», зачастую более или менее субъективного характера.

Широко распространенным в специальной литературе является отождествление понятий *денотата* и *референта*: «Обозначаемый словом фрагмент действительности называется **денотатом**... Денотат может представлять собой как целый класс предметов, так и конкретный единичный предмет, который иногда называют **референтом**» (Глинских, Петрова 1998: 155, 156). Возникает вопрос о соотношении терминов «денотат» и «денотативное значение». Являются ли они синонимичными? Если отождествлять «денотат» с «референтом», т.е. с явлением объективной действительности, правомерно ли проводить аналогичное отождествление с референтом «денотативного значения»?

Представляется, что значение *отображает* референт, *соотносится* с ним определенным образом, но по своему существу отличается от него, как и от всей экстралингвистической действительности в целом, именно своей отнесенностью к семантической, т.е. собственно *языковой* сфере.

По словам тех же авторов, «на основе *связи* материальной оболочки слова с денотатом формируется денотативное значение, а на основе ее *связи* с сигнификатом, т.е. понятием или представлением, возникает сигнификативное значение» (выделено мной, Г.С.) (Глинских, Петрова 1998: 155). Таким образом, значение определяется здесь как *связь, соотношение* одного элемента (материальной оболочки слова) с другим (денотатом или сигнификатом); но отношение двух элементов никак не может отождествляться с каким-то одним из них, отдельно взятым.

В данной работе мы будем исходить из положения о том, что денотативное и сигнификативное значения, именно в качестве *значений*, относятся к одной и той же *языковой* семантической сфере и, таким образом, имеют больше общего и более тесно связаны между собой, чем с отображаемым ими (т.е. противостоящим им обоим в качестве *объекта* отображения) экстралингвистическим миром референтов. Соответственно, данные два типа значений будут рассматриваться как относящиеся к двум иерархически соотносенным семантическим уровням в составе самого лексического значения, т.е. в качестве двух последовательных этапов отображения объективного референта.

При данном подходе различие между денотативным и сигнификативным семантическими уровнями видится в том, что первый более непосредственно, второй – более опосредствованным обра-

зом отображают одно и то же, общее для обоих явление экстралингвистической действительности. В этом смысле можно говорить о *первичном* отображении референта денотативным значением слова и о *вторичном* его отображении сигнификативным значением.

Следует подчеркнуть в этой связи, что двухуровневая иерархическая модель когнитивных процессов играет существенную роль в современном науковедении. Так, в общей методологии науки принято различать «эмпирический» и «абстрактный» («концептуально-теоретический») уровни исследования. Аналогичным образом, в психологии представление и понятие трактуются как два взаимосвязанных последовательных этапа психического отображения явлений объективной действительности: «Понятие и представление взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга... Представление образно-наглядно... Оно отражает явление в его более или менее непосредственной данности, а в понятии... раскрываются существенные стороны явления в их взаимосвязи» (Рубинштейн 1946: 358-359).

Представление в данном определении может трактоваться как психологический аналог семантического понятия денотативного значения (в предлагаемом его понимании), понятие – таким же аналогом сигнификативного значения.

В подтверждение предлагаемого различия понятий денотата и денотативного значения могут быть приведены примеры мифических терминов типа «кентавр», «русалка» и т.п. При отсутствии у них реально существующего экстралингвистического денотата/референта, они отнюдь не лишены наглядно-образного семантического содержания, не отличающегося в принципе от такового у слов, соотносенных с объективными референтами, и соответственно трактуемого нами как «денотативные значения», соотносенные с «виртуальным» денотатом/референтом. Еще более весомым представляется аргумент, основанный на анализе семантического содержания любого литературного художественного произведения (романа, повести, рассказа, пьесы). Описываемые в нем события и образы, как правило, являются плодом творческого воображения автора, т.е. не имели места в реальной действительности и соответственно лишены референтов/денотатов в буквальном значении этих терминов. Однако эти виртуальные события зачастую воспринимаются как «более реальные, чем сама жизнь», что, согласно выдвигаемой нами гипотезы, возможно лишь при наличии у этих опи-

саний наглядно-образных «денотативных значений» (наряду с более абстрактными сигнификативными значениями, выявляемыми в процессе специальных филологических исследований).

С другой стороны, относительная автономность денотативного и сигнификативного уровней в структуре лексического значения проявляется в многочисленных примерах изменения сигнификативного значения референта при константном денотативном значении: см., например, эволюцию сигнификативных значений слова 'молния', при сохранении его наглядно-образного денотативного значения, от древних времен («копье Зевса», «молот Тора» и т.д.) до современности («разряд атмосферного электричества»). И наоборот, из истории науки и литературы известны многие случаи «опережения» сигнификативными значениями (научными гипотезами, абстрактными литературными замыслами) их подтверждения и воплощения на более конкретном денотативном уровне.

Из сказанного следует, что вышеприведенное противопоставление денотативных и сигнификативных значений является относительным: те и другие представляют результат обобщения, производимого на основании выделения (интуитивного или рационально мотивированного) наиболее существенных признаков соответствующих референтов. Различие заключается в степени осознанности и концептуальной обоснованности такого выделения. С данной точки зрения, денотация и сигнификация представляют два последовательных этапа единого процесса языкового отображения объективного мира, «эмпирический» и «концептуально-теоретический». Как было отмечено выше, денотативные значения более непосредственно, сигнификативные – более опосредствованно отображают объективные явления-референты.

Система денотативных значений сложилась «стихийно» в процессе эволюции языка, воплощая корпоративный опыт его носителей в освоении внешнего и внутреннего мира человека, и представляет собой «непосредственно данную», *первичную* языковую картину мира – классификацию объективных явлений, сложившуюся в результате многовековой жизнедеятельности бесчисленных поколений на основании *имплицитных* (интуитивных) дифференциальных семантических признаков. *Эксплицитная* формулировка сигнификативных значений знаменует собой один из аспектов сознательного анализа носителями языка его первичной семантической структуры, направленного на выявление его внутренней сущности;

язык становится не только «инструментом» взаимодействия людей, но самостоятельным *объектом* осмысления.

На этом уровне вырабатывается своего рода «метаязык», «язык о языке», находящий наиболее отчетливое выражение в одноязычных толковых словарях, где *денотативное* значение заглавного слова, известное пользователю из его непосредственного жизненного опыта, подвергается логическому анализу с целью экспликации его *сигнификативной* семантической структуры, т.е. выявления состава его релевантных семантических признаков и отношений между ними не на основании интуитивного, некритического опыта, а путем рационального сопоставления различных денотативных значений и выделения их общих и различительных смысловых компонентов, составляющих содержание словарной статьи. На данном этапе осуществляется *вторичный* процесс классификации самих денотативных значений, аналогичный тому, как эти последние классифицируют соответствующие референты.

Поскольку одно и то же объективное явление (и непосредственно отображающее его денотативное значение) может иметь несколько различных интерпретаций, сигнификативные экспликации денотативных значений в различных словарях являются результатом творческой работы индивидуальных ученых (зачастую анонимных) и могут в большей или меньшей мере не совпадать между собой. Таким образом, денотативное значение представляет более константную, сигнификативное значение – более вариативную составляющую структуры лексического значения. Это различие проявляется, в частности, в спорах, участники которых «говорят по существу об одном и том же, но по-разному понимают друг друга». Фактически здесь имеется в виду, что предметом спора является одно и то же денотативное значение, которому приписываются различные сигнификативные интерпретации. Поэтому можно сказать в определенном смысле, что денотативное значение – это то, *что* обозначается лексической единицей, сигнификативное – *как* оно обозначается.

Приведенные соображения выводят нас на дополнительное привлечение к анализу соотношений рассматриваемых типов значений двух взаимонезависимых бинарных подходов, апробированных на других языковых уровнях – принципов «актуального членения» и «непосредственно составляющих». Первый из них традиционно применяется при синтаксическом анализе структуры предло-

жения, второй – на морфемно-словообразовательном уровне (а также на синтаксическом, но в ином плане, чем предыдущий).

При первом подходе семантическая структура высказывания расчленяется на два смысловых компонента – *тему* и *рему*, выступающих соответственно в роли носителей уже известной и новой информации. Согласно вышеприведенным определениям имеются определенные основания для трактовки денотативного значения, наиболее константного и конкретного семантического составляющего, изначально известного носителям языка, в качестве «тематического» компонента семантической структуры лексического значения, сигнификативное значение, «поясняющее» первое, эксплицирующее его релевантные признаки – в качестве «рематического». Данный подход придает лексическому значению характер внутренне расчлененной, развивающейся структуры, т.е. сближает статичное в традиционном понимании значение слова с динамической структурой предложения, открывая возможности трактовки первого как «свернутый» аналог второго.

Это сближение внутренних структур слова и предложения, позволяющее поставить вопрос о «внутреннем (свернутом) семантическом синтаксисе» лексического значения, получает дополнительный импульс через экстраполяцию метода НС с формальной структуры слова на семантическую. Поскольку данный метод применим к структурам, содержащим не менее трех составляющих, в нашем случае он предполагает наличие в составе лексического значения третьего, *коннотативного* семантического уровня.

В результате совмещения методов актуального членения и непосредственно составляющих получаем следующую схему. На первом уровне членения денотативное значение слова фигурирует в качестве *первичной темы (T1)*, сигнификативное – в качестве *первичной ремы (P1)*. На втором уровне членения объединенный комплекс «денотативное + сигнификативное значения» служит *вторичной темой (T2)*, коннотативное значение – *вторичной ремой (P2)*:

Семантическая иерархическая структура лексического значения

Итак, нижепредставленная классификация лексических значений основана на трехмерной системе семантических координат, двух основных (денотативной, сигнификативной в вышеуказанном их определении) и одной факультативной (коннотативной). Лексическое значение трактуется здесь в качестве динамической семантической структуры, подлежащей последовательному «актуальному членению» по принципу непосредственно составляющих. Каждый из этих трех относительно автономных семантических параметров характеризуется в настоящем исследовании своим набором классификационных категорий, определяемым по своим собственным критериям.

Исходя из презумпции единства объективного мира и многообразия возможных способов его концептуальной интерпретации, нами принимаются следующие два тезиса:

1) Выделенные семантические категории являются в известной мере типологически константными; для начальной иллюстрации этого положения в основном тексте статьи примеры приводятся на русском языке, в итоговой таблице – на английском.

2) Любое лексическое значение относится к одной и только одной денотативной категории, смысловое содержание которой может в принципе эксплицироваться конъюнкцией нескольких сигнификативных и коннотативных категорий.

I. Денотативные семантические категории

Межчастеречные семантические классификации денотативных значений носят название «тезаурусных». В известном тезаурусе П. Роже слова английского языка группируются по 1000 категорий на основании экстралингвистических характеристик соответст-

вующих референтов, представленных в оглавлении соответствующих классификационных рубрик, без экспликации их сигнификативных структур и, следовательно, объединяемых под той или иной рубрикой на основании смысловых связей, «интуитивно» устанавливаемых исследователем.

Тезаурусные классификации являются одномерными (параллельная представленность антонимичных групп слов не нарушает в принципе однолинейного построения классификации). Задача настоящего исследования состоит в разработке методологических основ двух- или, при наличии коннотативного значения, трехмерной классификационной схемы, ячейки которой образуются пересечением определенной денотативной и определенной сигнификативной категорий (с факультативным участием третьей, коннотативной категории). Денотативные значения условно приводятся в столбцах, сигнификативные – в строках данной схемы. Каждое конкретное лексическое значение должно относиться к одной денотативной и одной или нескольким сигнификативным категориям.

На денотативном уровне речь идет о сведении содержания традиционных тезаурусных классификаций к небольшому числу наиболее обобщенных денотативных категорий (имеющих, в идеале, константный типологический статус). В качестве таких исходных («первично-тематических») денотативных классификационных рубрик в данной работе постулируются наиболее широкие категории, отображающие на «интуитивной» основе (в качестве «самоочевидных») обобщенные экстралингвистические типы референтов: *материальные предметы («субстанты»)*, *процессы, признаки и абстрактные понятия*. Наиболее фундаментальный семантический статус этих «базовых» денотативных категорий проявляется в том, что они в максимальной степени определяются категориальными частеречными значениями на грамматическом уровне. Так, глаголы «специализируются» на обозначении процессуальных, прилагательные и наречия – признаков референтов; существительные, являясь единственной частью речи, обозначающей материальные референты и абстрактные понятия, способны также выражать все остальные типы денотативных значений, т.е. характеризуются наиболее широким семантическим диапазоном.

Класс материальных референтов («субстантов») соответственно подразделяется на следующие денотативные подклассы:

Неодушевленные референты: 'камень,' 'вода', 'ветер', 'гора'.

«*Органические*» референты (живые организмы и их органы): 'дерево', 'волк', 'рука', 'ветка'.

Антропоморфные референты: 'человек', 'отец', 'старик', 'негр', 'француз', 'учитель'.

Приведенные подклассы субстантов представлены в восходящей последовательности уровней семантической сложности: каждый из них имплицитно включает все предыдущие, включая в свой семантический состав их релевантные признаки с дополнением каких-то новых характеристик, специфичных для данного подкласса.

Как было отмечено выше, любое денотативное значение, по определению, относится к одной и только одной из перечисленных шести базовых денотативных категорий, каждая из которых подлечит уточнению по второй, *сигнификативной* координате.

II. Сигнификативные семантические категории

Если денотативные категории в предлагаемом понимании наиболее непосредственным образом отображают ту сферу объективной действительности, к которой относится референт данного лексического значения, то сигнификативные категории, выявляемые в результате вторичного семантического анализа («квантования») лексических значений, «высвечивают» внутрилексемную семантическую структуру слова, состав вторичных обобщенных семантических признаков (сем), образующих эту структуру. Поскольку объективная действительность богаче содержанием любого ее семантического отображения, возможны различные варианты сигнификативной интерпретации одного и того же круга референтов. Этим определяется наиболее творческий – и, вместе с тем, наиболее дискуссионный – характер данного этапа семантического исследования.

Предлагаемые сигнификативные категории первоначально подразделяются на подклассы *нереляционных* и *реляционных* категорий.

I. Нереляционные сигнификативные категории

На данном секторе сигнификативной классификационной оси выделяются четыре категории, условно именуемые классами «информационных», «энергетических», «социальных» и «онтологических» значений, первоначально установленных на английском глагольном материале (Сильницкий 1986; Сильницкий 1988), затем примененных к адъективным значениям (Кузьмин 2003; Кузьмин,

Сильницкий 2002) и в последнюю очередь экстраполируемых на существительные.

1. Семантически маркированный класс **«информационных»** значений характеризуется релевантным дифференциальным признаком отображения явлений, так или иначе связанных с информационными состояниями или процессами в психике человека и животных (сенсорное восприятие, эмоции, воля, мышление, личностные характеристики и проявления и т.д.), с различными формами передачи и переработки информации (коммуникация, речь) и с информационными, или семиотическими артефактами, результатами «информационной» деятельности человека («семиотические» значения - «третий параметр» действительности по К. Попперу: наука, искусство, философия, религия и т.д.).

К семиотическому подклассу информационных значений, в частности, относятся различного рода мифические порождения человеческой фантазии (*дракон, валькирии*) и «проблематичные» референты, реальное существование которых не может быть эмпирически доказано или опровергнуто (*мировая душа, привидение*).

2. Семантически немаркированный (относительно предыдущего) класс **«энергетических»** значений отображает явления, лишённые вышеуказанного дифференциального признака, т.е. не связанные с какими-либо информационно-психическими факторами. Сюда относятся субстанциальные и процессуальные референты материального (физического или физиологического) порядка. Последние («человек», «животное») характеризуются сочетанием физиологического (биологического, органического) «базиса» и психической «надстройки». В тех случаях, когда данное конкретное лексическое значение не содержит эксплицитно представленной в его семантической структуре «информационной» (в вышеопределённом смысле) семы, оно будет относиться к энергетическому классу.

Информационный и энергетический семантические классы связаны однонаправленным отношением логической импликации: информационные значения могут включать энергетические признаки в качестве периферийных в семантической структуре соответствующего лексического значения, тогда как энергетические значения несовместимы (с вышеприведённой оговоркой) с информационными. Таким образом, информационные значения являются, в принципе, более сложными, чем энергетические.

(Следует отметить, что термины «информационный» и «энергетический» употребляются здесь в условно-расширительном смысле, по аналогии с кибернетическими понятиями «энергетических» и «информационных» систем («hardware» – «software», «железки» – «программы»): вторые, составляющие *raison d'être* компьютера, не могут реализоваться иначе, чем на основе первых, тогда как первые имеют реальное материальное существование независимо от вторых).

3. Семантический класс **«социальных»** значений отображает различные типы «социальных» отношений и действий, которые «по своему смыслу, подразумеваемом действующим или действующими, отнесены к поведению других и этим ориентированы в своем протекании» (Гайденко 1990: 13), т.е. выходят за рамки жизненной сферы отдельных индивидов. Сигнификативные значения данного класса характеризуется *совмещением информационных и энергетических* признаков в их составе. Так, слово *фирма* выражает сложное значение, включающее семы *персонал, помещение, оборудование, цель, профессиональная деятельность* и т.д.; слова *экспорт – импорт* совмещают в своих значениях энергетическую сему «перемещения определенного товара в пространстве» с информационной семой «корпоративной целенаправленной деятельности».

4. Если предыдущий класс определяется *конъюнкцией* информационных и энергетических значений, то четвертый, **«онтологический»** семантический класс характеризуется их *дизъюнкцией*. Данный класс включает значения более высокого уровня обобщения, которые могут в принципе реализоваться в различных контекстах в качестве *либо* энергетических, *либо* информационных значений. Сюда относятся значения «экзистенциальные» (*быть – создать, причина – следствие*), «модальные» (*возможность, попытка, помощь – препятствие*), «темпоральные» (*длительный, ежемесячный*), значения «количества» (*увеличить – уменьшить, обильный – скудный*), «качества» (*свойство, характеристика, атрибут*), «наличия» (*иметь – дать, находка – потеря*) и др.

Приведенные четыре денотативных семантических класса образуют закрытую систему, элементы которой в своей совокупности исчерпывают все логические возможности. Так, если принять информационные и энергетические значения в качестве двух базовых

сигнификативных признаков, получаем следующую подсистему нереляционных сигнификативных значений:

Сигнификативный класс	I	E
1. Информационные значения	+	-
2. Энергетические значения	-	+
3. Социальные значения	+	+
4. Онтологические значения	-	-

Отрицательные показатели у четвертого класса указывают на то, что ни информационная, ни энергетическая отнесенность онтологических значений непосредственно не обозначена в их семантической структуре, чем и определяется их более обобщенный статус. В этой связи возникает вопрос о соотношении категории онтологических значений, наиболее обобщенной на сигнификативной оси, с категорией абстрактных значений на денотативной. Сама отнесенность этих категорий к двум различным семантическим координатам указывает на относительность их обобщающих функций: каждая из них обобщает значения, представленные на противоположной оси. Если условно принять, что денотативные значения представлены в столбцах, сигнификативные – в строках двухмерной классификационной таблицы, то денотативная категория «абстрактные значения» обобщает сигнификативные значения, представленные в соответствующих строках, тогда как сигнификативная категория «онтологические значения» аналогичным образом обобщает денотативные значения в соответствующих столбцах. И лишь в точке пересечения этих категорий приводятся значения, наиболее обобщенные во всей рассматриваемой системе в целом (подробнее см. дальше).

Предлагаемая семантическая классификация, как и любая другая, построенная на достаточно обширном фактическом материале, не может не содержать ряда промежуточных случаев, совмещающих две или более категориальные характеристики (напомним, что лексическое значение, по данному выше определению, может совмещать несколько сигнификативных значений). Так, например, онтологическая сема «каузация бытия» может сочетаться с семой всех остальных семантических классов: энергетического (физический подкласс: *построить дом*, физиологический подкласс: *родить ребенка*), информационного (*написать поэму*), социального (*назначить губернатора*); *наследство*, *собственность* совмещают

онтологическую сему «наличие» с социальной «экономической» семой и т.д.

Проиллюстрируем наиболее показательные сочетания нереляционных сигнификативных категорий с денотативными.

1. «Субстанты»

1. Неодушевленные материальные референты:

- 1) Энергетические признаки: *камень, вода; мост, железная дорога.*
- 2) Информационные признаки: *книга, компьютер, микроскоп.*
Семиотические признаки (подтип информационных): *талисман.*
- 2а) Информационные + социальные признаки: *гимн, закон, конституция.*
- 3) Социальные признаки: *страна, государство; капитал.*
- 4) Онтологические признаки: *вещь, предмет, артефакт.*

2. «Органические» референты (живая материя):

- 1) Энергетические признаки: *растения, животные.*
- 2) Семиотические признаки: *козел отпущения, жертвенное животное;*
сюда же относятся неантропоморфные мифические существа: *единорог, гидра, гарпии.*
- 3) Онтологические признаки: *организм, орган.*

3. «Антропоморфные» референты:

- 1) Энергетические признаки (антропологические, возрастные): *неандерталец, негр, старик.*
- 2) Информационные признаки: *мыслитель, созерцатель.*
Семиотические признаки: *кумир, образ (литературный), мальчик для битья;* сюда же относятся антропоморфные мифические существа: *кентавр, русалка.*
- 2а) Информационные + социальные признаки: *ученый, профессор.*
- 3) Социальные признаки: *политик, демократ, революционер, налогоплательщик.*
- 4) Онтологические признаки: *человек, Homo sapiens.*
- 4а) Онтологические + антропоморфные семиотические признаки: *Бог, ангел; душа.*

2. Процессы

Процессуальные денотативные значения определяются на сигнификативном уровне в терминах семантически однородных (неделимых на более мелкие процессуальные компоненты) элемен-

тов – «состояний». Носителями состояний являются «актанты». Актант служит потенциальным носителем более одного состояния.

Различаются два основных типа состояний: «операциональные» и «терминальные» (Сильницкий 1986; Глинских, Петрова 1998).

Семантически маркированные *операциональные* состояния (*a*) выступают в роли причины некоторого последующего состояния, носителем которого является иной актант, чем носитель данного операционального состояния. Иными словами, операциональное состояние отображает каузальное воздействие одного актанта на другой.

Семантически немаркированное *терминальное* состояние (*c*) лишено данной семантической характеристики, т.е. является конечным в семантической «хроноструктуре» данного лексического значения. Терминальные состояния подразделяются на два типа:

- *результативное* терминальное состояние является следствием некоторого предшествующего операционального состояния (*a/c*): *открыть, удивить*;
- *нерезультативное* терминальное состояние представлено в семантической структуре слова безотносительно к какому-либо предшествующему воздействию (*-/c*): *открыться, удивиться*.

По аналогии, операциональные состояния подразделяются на те же два подтипа:

- *результативные* операциональные состояния являются причиной реализованного терминального состояния (*a/c*): *открыть (дверь)*;
- *нерезультативные* операциональные состояния отображают воздействие, результат которого не эксплицируется в семантической структуре данного лексического значения и в принципе остается проблематичным (*a/-*): *толкнуть (дверь)*.

Различные сочетания вышеуказанных типов состояний определяют следующие сигнификативные подклассы процессуальных значений:

1. «Процессивы», не содержащие в своей семантической структуре операционального состояния, подразделяются на «стационарные» и «нестационарные», во многих случаях грамматически оформляемые в русском языке оппозицией «несовершенный – совершенный вид».

Стационарные процессивы характеризуются наиболее простой семантической структурой, включающей одно-единственное нерезультативное терминальное состояние (-/с):

- 1) Энергетические: *гореть, жить, спать*.
- 2) Информационные: *знать, видеть, хотеть, скучать, говорить, значить*.
- 3) Социальные: *служить*.
- 4) Онтологические: *быть, иметь*.

Нестационарные процессивы выражают временное отношение последовательности, связывающее в хроноструктурных рамках данного процессуального значения некоторое маркированное (выраженное в корне слова) терминальное состояние *с* с немаркированным состоянием *-с* того же актанта, контрадикторно противопоставленным первому. Мы здесь имеем дело с *привативной семантической оппозицией* в *синтагматическом* плане: значения данного типа отображают «мутационный» переход актанта из одного состояния в противоположное. В зависимости от временной последовательности этих привативно противопоставленных терминальных состояний различаются *инхоативные* (-с/с) и *конклюзивные* (с/с) нестационарные процессивы:

- 1) Энергетические: *загореться, ожить, заснуть* (-с/с) – *погаснуть, проснуться* (с/с).
- 2) Информационные: *узнать, увидеть, заскучать, заговорить, обозначить, пожелать* (-с/с) – *расхотеть* (с/с).
- 3) Социальные: *отслужить* (с/с).
- 4) Онтологические: *измениться* (с/с).

2. «Оперативы» содержат нерезультативное операциональное состояние, т.е. выражают воздействие одного актанта (субъекта) на другой (объект), терминальное состояние которого, имплицитное самим фактом оказываемого на него воздействия, остается неопределенным. Так, например, оператив *ударить* может, в зависимости от контекста (как правило, от денотативного значения прямого дополнения), имплицитировать различные терминальные состояния объекта: «движение» (*ударить по мячу*), «нарушение структурной целостности» (*ударить по стеклу*), «болевое ощущение» (*ударить человека по лицу*) или отсутствие какого-либо видимого результата вообще (*ударить по столу*).

- 1) Энергетические: *толкнуть, тронуть, укусить, наступить* (ср. “surface-contact verbs” у Ч.Филлмора (Филлмор 1981: 423)).
- 2) Информационные: *просить, приказать, предложить*.
- 3) Социальные: *напасть (на противника)*.
- 4) Онтологические: *воздействовать, влиять, способствовать, препятствовать*.

3. «**Каузативы**» характеризуются наиболее сложной семантической структурой, включающей как операциональное, так и терминальное состояние, реализованное (a/c) или потенциальное (a/(c)). Во втором случае, в отличие от оперативов, потенциальное (нереализованное) терминальное состояние является здесь эксплицитно представленным (названным). В русском языке каузативные глаголы в несовершенном виде выражают потенциальность терминального состояния, в совершенном – его реализованность; ср. зажигают (НС) – не зажгут (СВ); тонул, тонул (НС) – не утонул (СВ).

- 1) Энергетические: *бросить, сломать, вылечить*.
- 2) Информационные: *доказать, сообщить, показать, обидеть*.
- 3) Социальные: *демократизировать, завоевать, обогатить*.
- 4) Онтологические: *причинить, создать, уничтожить*.

3. Признаки

Признаковые сигнификативные значения:

1. Энергетические: *быстрый, сильный, круглый, красный, живой, больной; домашний, деревянный*.
2. Информационные: *умный, веселый, настойчивый, понятный, убедительный; книжный, знаковый*.
3. Социальные: *богатый, бедный, знатный; феодальный, экономический*.
4. Онтологический: *адекватный, случайный, возможный*.

4. Абстрактные значения

Абстрактные денотативные значения представлены на наиболее высоком уровне обобщения на денотативной оси, подобно онтологическим значениям на сигнификативной. Как было отмечено выше, сигнификативные «онтологические» значения обобщают денотативные значения в столбцах двухмерной классификационной таблицы, денотативные «абстрактные» значения обобщают сигнификативные значения в ее строках. Приводим примеры абстракт-

ных денотативных значений, обобщающих соответствующие ряды нереляционных сигнификативных значений:

1. Энергетический ряд: *материя, масса, энергия; килограмм.*

2. Информационный ряд: *информация, коммуникация; наука, физика, химия, биология; искусство, литература, музыка, живопись; философия, религия; понятие, идея; квант, ампер, эрг; бит (информации).*

Семиотический ряд: *знак, символ; значение.*

3. Социальный ряд (+ синтетическое значение): *сообщество, коллектив.*

4. Онтологический ряд: *форма – содержание, количество – качество, возможность – необходимость; функция;*

(+ синтетическое значение): *система, структура, класс, группа, множество; целое; действительность, реальность, абсолют;*

(+ аналитическое значение): *элемент, компонент, часть, составляющая;*

(+ координативное/некоординативное отношения): *тождество/различие;*

(+ доминантное значение): *доминанта; субстанция, сущность;*

(+ субординативное значение): *субдоминанта; признак, атрибут, свойство.*

Как было отмечено выше, в точке пересечения онтологических и абстрактных классификационных параметров представлены наиболее отвлеченные («категориальные» в аристотелевском смысле) понятия во всей семантической системе языка.

II. Реляционные сигнификативные категории

«Реляционный» подкласс сигнификативных значений отображает различные типы отношений между референтами, иллюстрируемые ниже на примерах материальных и абстрактных значений существительных.

Реляционные значения подразделяются на *партитивные, иерархические* и *интерактивные*.

1. Подкласс партитивных значений отображает соотношения *части* и *целого*. Здесь, в свою очередь, различаются два варианта: *синтетический* и *аналитический*.

Синтетические значения являются реляционными «с точки зрения» целого, т.е. отображают соответствующие референты как эксплицитно многосоставные (и, таким образом, соответствуют

традиционным «собирабельным именам»): *армия, семья, династия, толпа; научная школа, оркестр; созвездие, лес; система, структура, класс, множество.*

Аналитические реляционные значения отображают референт как часть целого (*элемент, компонент, часть, член, участник, деталь*).

2. Иерархические значения отображают различные типы *отношений* между референтами, определяемые критериями их *равноправия* («*координативные отношения*») или *неравноправия* («*доминантно-субординативные отношения*») в составе ситуации:

Координативные отношения: коллега, одноклассник; брат.

Доминантные отношения: хозяин, руководитель; воспитатель; старший (по возрасту), отец.

Субординативные отношения: слуга, подчиненный; воспитанник; младший, сын.

3. Интерактивные значения отображают различные типы *функций*, выполняемых референтами в ситуации. Различаются *субъектные, объектные, инструментальная, «конъектные»* (*пространственно-временные*) семантические функции (см. Сильницкий 2005):

Субъектная функция: писатель, нарушитель; выключатель.

Объектная функция: слушатель, получатель, обвиняемый.

Инструментальная функция: помощник; орудие.

«Конъектная» функция:

Пространственная: местонахождение, местоназначение.

Временная: срок, зима.

Одно и то же лексическое значение во многих случаях совмещает интерактивное значение с иерархическим: *руководитель, врач* – доминантное + субъектное значения; *подчиненный, пациент* – субординативное + объектное значения, и т.д.

Интерактивный подтип реляционных значений может трактоваться как свернутое обозначение «усеченных» ситуаций, т.е. ситуаций, представленных не в синтаксически-развернутом виде предложения, а в семантической структуре отдельного слова, выделяющей какую-то часть входящих в их состав референтов. Эти свернутые ситуации во многих случаях имеют формальное выражение в словообразовательной структуре слова: *учитель – ученик*, англ. *employer – employee*. Таким образом, понятие «ситуации» получает двойное семантическое толкование как (а) эксплицитно-развернутая семантическая структура предложения и (б) импли-

цитно-свернутая семантическая структура лексического значения отдельного слова.

Приводим примеры соотношений реляционных сигнификативных категорий с денотативными и нереляционными сигнификативными категориями:

1. «Субстанты».

1. Неодушевленные материальные референты:

1) Партитивные значения:

- синтетические: *созвездие; механизм, сооружение;*
(+ информационные): *библиотека;*
- аналитические: *ручка (двери), ножка (стола); деталь.*

1) Интерактивные значения:

- субъектные: *амортизатор, генератор;*
- объектные: *изделие;*
- инструментальные: *инструмент, катализатор;*
(+ информационные): *микроскоп, компьютер;*
- пространственные (+ информационные): *аудитория (помещение), школа (здание);*
(+ социальные): *мэрия, ратуша; город, деревня;*
(+ аналитические): *район, регион, участок;*
- временные (+ социальные): *эпоха, дата, век («XIX, XX век» – время события); испытательный срок, срок контракта.*

2. «Органические» референты (живая материя):

1) Партитивные значения:

- синтетические: *улей, муравейник, стадо; лес;*
(+ онтологические): *вид (биологический), род;*
- аналитические: *мозг, сердце; ствол, корень;*
(+ онтологические): *организм, орган.*

2) Интерактивные значения:

- субъектные (+ доминантные): *вожак (стаи);*
- объектные: *порода (скота);*
(+ семиотические): *жертвенное животное, козел отпущения.*

3. Антропоморфные референты:

1) Партитивные значения:

- синтетические (+ энергетические /биологические, временные/): *раса, этнос; поколение;*
(+ социальные): *нация, империя, семья;*
(+ информационные): *университет;*

- (+ субъектные): *правительство, команда;*
 (+ информационные): *научная школа, оркестр;*
 (+ объектные, + информационные): *аудитория (состав слушателей);*
 (+ онтологические): *общество, человечество;*
 – аналитические (+ социальные): *член, участник; депутат;*
 (+ информационные): *академик, оркестрант.*
- 2) Иерархические значения:
 – координативные (+ субъектные): *сотрудник;*
 (+ информационные): *соавтор;*
 – доминантные (+ социальные, + субъектные): *вождь, президент, работодатель, директор;*
 – субординативные (+ социальные, + объектные): *верноподданный, служащий.*
- 3) Интерактивные значения:
 – субъектные (+ социальные): *деятель, производитель;*
 (+ информационные): *преподаватель, обвинитель;*
 – объектные (+ социальные): *пациент, потерпевший;*
 (+ информационные): *ученик, слушатель, обвиняемый;*
 – инструментальные (+ социальные): *посредник, координатор.*
2. Абстрактные значения.
5. Субъектный ряд: *субъект, каузатор, агенс; причина.*
 6. Объектный ряд: *объект, пациент; следствие.*
 7. Инструментальный ряд: *инструмент, средство.*
 8. Пространственный ряд: *пространство, место, территория;*
 (+ информационное значение): *километр; меридиан, экватор;*
 (+ онтологическое значение): *мир, мироздание, вселенная, природа, космос.*
9. Временной ряд: *время;*
 (+ информационное значение): *минута, час, год;*
 (+ онтологическое значение): *вечность;*
 (+ координативное отношение): *одновременность;*
 (+ доминантно/субординативные отношения): *предшествование/следование.*

* * *

Приводим итоговую двухмерную денотативно-сигнификативную классификацию, иллюстрируемую английскими примерами:

		MAT	ORG	P	PROC	ATTR	ABST
	ENERG	Stone	Tree, dog	Negro	Motion	Hot	Matter
	IN-FORM	Microscope		Speaker	Speech	Instructive	Information
	SEM	Flag	Mascot	Idol, image	Denotation	Symbolic	Meaning
	SOC	Hall	Mascot	Deputy	Revolution	Democratic	Community
	ONTOL	Thing	Organism	Person	Process	Attribute	Existence
RELATIONAL	PART	Detail	Hand	Member	Analysis	Partial	Component
	WHOLE	Galaxy	Herd	Race, army	Synthesis	General	Aggregate
	DOMIN	Fulcrum		Master	Rule	Main	Superiority
	SUB-ORD	Pendant	Parasite	Servant	Service	Subsidiary	Inferiority
	COORD			Colleague	Cooperation	Coordinate	Equality
	SUBJECT	Catalyst, generator	Man-eater	Employer	Produce, production	Productive	Cause
	OBJECT	Cutting	Breed	Employee	Undergo	Breakable	Effect
	IN-STRUM	Microscope	Guinea pig	Assistant	Employ, Use	Useful	Utility
	SPATIAL	Desert	Burrow	Residence	Reside	Local	Space
	TEMPORAL	Summer, age (век)		Generation, child	Last, hibernate	Temporal	Time

III. Коннотативные семантические категории

Третья координата предлагаемой семантической системы играет менее существенную классификационную роль, чем первые две. Если место любого лексического значения в «семантическом пространстве» соответствующего языка определяется его обязательной соотносительностью как с денотативной, так и с сигнификативной координатой, то коннотативная характеристика слова является факультативной.

К коннотативному семантическому параметру мы относим лишь те значения, которые содержат *оценочную* характеристику,

положительную или отрицательную, в качестве семантического признака, *дополнительного* к основному лексическому значению слова. Там, где оценочная сема составляет единственное (или основное) семантическое содержание лексического значения, последнее относится к *сигнификативному* онтологическому классу (подкласс «Оценка»).

Различаются следующие основные типы оценки (Сильницкий 1987):

- общая оценка: *хороший – плохой*;
- прагматическая оценка: *успех – неуспех*;
- эстетическая оценка: *красота – уродство*;
- этическая оценка: *добро – зло*;
- оценка истинности: *истина – заблуждение, правда – ложь* (в последнем случае оценка истинности сочетается с этической оценкой).

Приводим примеры коннотативной (в вышеоговоренном смысле) оценки:

1. «Неорганический» референт:

- 1) Энергетические значения: *орнамент, декорация, украшение*.
- 2) Информационные значения: *шедевр, шлягер, «хит», гвоздь программы*.
- 3) Социальные значения: *золотой век, рай*.
- 4) Онтологические значения: *образец, эталон*.

2. «Антропоморфный» референт:

- 1) Энергетические значения: *красавец*.
- 2) Информационные значения: *гений, мудрец, святой, благодетель – злодей*.
- 3) Социальные значения: *лидер, герой, меценат*.
- 4) Онтологические значения: *кумир, звезда*.

3. «Процессуальный» референт:

- 1) Энергетические значения: *расцвет – увядание*.
- 2) Информационные значения: *хвала, восхищение – хула, порицание, критика*.
- 3) Социальные значения: *подвиг – преступление; апофеоз, триумф*.
- 4) Онтологические значения: *улучшение, усовершенствование – ухудшение*.

4. «Признаковый» референт:

- 1) Энергетические значения: *оздоровительный – смертоносный*.
  - 2) Информационные значения: *благородный – подлый, злоумышленный, предательский*.
  - 3) Социальные значения: *преуспевающий, заслуженный – коррумпированный*.
  - 4) Онтологические значения: *положительный – отрицательный, хороший – плохой, полезный – вредный; блестящий, отборный, благоприятный*.
5. «Абстрактный» референт:
- 1) Социальные значения: *прогресс – регресс*.
  - 2) Онтологические значения: *апогей, зенит, идеал*.

Литература

1. *Гайденко П.П.* Социология Макса Вебера // М.Вебер. Избранные произведения. Предисловие. М., 1990.
2. *Глинских Г.В., Петрова О.В.* Введение в языкознание. Нижний Новгород, 1998.
3. *Кузьмин Л.А.* Квантитативные аспекты межуровневых связей в адъективной лексике современного английского языка // Шестые Поливановские Чтения. Часть II. Смоленск, 2003. С. 52-59.
4. *Кузьмин Л.А., Сильницкий Г.Г.* Сопоставительный анализ семантических систем глагола и прилагательного в английском языке // Актуальные проблемы германистики и романистики. Вып. 5. Смоленск, 2002. С. 6-23.
5. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
6. *Сильницкий Г.Г.* Семантическая структура глагольного значения // Проблемы структурной лингвистики 1983. ИРЯ АН СССР. М., 1986. – С. 3-15.
7. *Сильницкий Г.Г.* Семантическая структура оценочных глаголов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. ИЯ АН СССР. М., 1987. С.105-108.
8. *Сильницкий Г.Г.* Семантические классы «информационных» и «энергетических» глаголов и их квантитативно-формальные характеристики // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тезисы докладов научной конференции. Тарту, 1988. С. 80-82.
9. *Сильницкий Г.Г.* «Зональный» семантический синтаксис // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реали-

- зация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сборник статей к юбилею проф. Н.А.Кобриной. СПб, 2005. С. 221-232.
10. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 369-495.
  11. *Sil'nitskij G.G.* The Structure of Verbal Meaning and the Resultative. // Typology of Resultative Constructions. Amsterdam / Philadelphia, 1988. P. 87-100.
  12. *Silnitsky G.* Correlational system of verbal features in English and German. In: Contributions to Quantitative Linguistics. Dordrecht / Boston / London, 1993. P. 409-420.

Ю.В. Терещина

ИДЕЯ ПРИЧИННОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Причинность как проявление универсальной связи вещей, состояний и событий получает выражение в языке через функционально-семантическую категорию «каузативности» / «каузальности». Понятие «каузативность» в лингвистике неоднозначно и включает в себя обширный и разнообразный круг языковых явлений: от конструкций с одушевленным агенсом, воздействующим на лицо/предмет и вызывающим реакцию со стороны последнего, при узкой трактовке каузативности (Кацнельсон 1972), и до конструкций, выражающих причинно-следственные отношения, при широкой трактовке данной категории (Недялков, Сильницкий 1969). Анализ «от семантики к форме», используемый в функциональной лингвистике, требует ясного понимания природы причинности и ее форм. Такое понимание невозможно без обращения к философским основаниям данной категории, истории ее становления и развития.

Идея причинности зародилась в древности как обобщение опыта и практической деятельности первобытных людей. В мифологическом мировоззрении причинность связывалась с идеей порождения: происхождение природных и общественных явлений объяснялось цепью рождений мира и бессмертных богов из Хаоса. С формированием философии причинность «включается в ее систему как фундаментальный принцип познания» (Худяков 1985: 111).

Ранних древнегреческих философов-«физиков» волнует вопрос о причине, первоначале мира. Эти два понятия – «причина» и «начало» – неразрывно связаны в термине «архэ», который ввел в

употребление Анаксимандр (Маслиева 2002: 188). «Физики», отвечая на вопрос о первопричине всего сущего, пытаются отойти от антропоморфных мифологических представлений и ищут объективное, существующее вне человеческого сознания, субстанциальное начало мира. У Фалеса этим началом является вода, у Анаксимена – воздух, у Гераклита – огонь, у Анаксимандра – «апейрон» (неопределенное, вечное и бесконечное первовещество). Эти стихии уже не содержат в себе черт антропоморфного, но сохраняют следы мифологического происхождения – они трактуются как живые и органические (Лосев 1963).

Принцип причинности впервые был сформулирован древнегреческим атомистом Левкиппом: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости» (Маслиева 2002: 188). Этот принцип получил развитие у Демокрита, который сводит первоначала других мыслителей к атомам, которые, в отличие от выдвигавшихся ранее идей, содержат принцип предела делимости материи. Атомы вечны, неизменны, неделимы, не возникают и не уничтожаются. Все вещи, включая богов и человека, все многообразие сущего проистекает из их соединения и разделения. Движение атомов подчинено строгой необходимости, которая отождествляется с причинностью. Случайность – лишь неизвестная разуму причина. У Демокрита причины происходящего, существуя искони, содержали в себе все без исключения уже бывшее, происходящее и теперь будущее (Лурье 1970: 213).

В дальнейшем крайний детерминизм Демокрита нашел отражение в трудах стоиков, которые ввели тотальную доктрину ананкэ: все в природе «происходит по предшествующим причинам в силу естественного сцепления и переплетения причин, и всем вершит необходимость» (Цицерон 1985: 310). Вместе с тем, подобное мировоззрение вызвало критику со стороны эпикурейцев, которые задались вопросом:

*Коль не могут путем отклонений первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиной испоконь века,
Как у созданий живых на земле неподвластная року,
Как и откуда скажи, появилась свободная воля...*
(Лукреций Кар. О природе вещей) (Абрамов 2002: 24).

Эпикур решил вопрос следующим образом: он наделил атомы способностью самопроизвольного отклонения, которую он рассматривал по аналогии с внутренним волевым актом человека, и тем самым ввел в философию, наряду с причинностью, «идею об объективности случайности» (Спиркин 2003: 70).

В учении Платона причинами всего многообразия мира являются вечные, неизменные, самостоятельно существующие сущности – идеи. Отдельные предметы создаются, разрушаются и воспроизводятся потому, что в умопостигаемом мире имеется причина, которая делает вещь именно этой вещью. Таким образом, идеи с точки зрения Платона можно рассматривать как образцы, целевые причины вещей. Помимо целевой, Платон говорит и о действующей причине, когда описывает создание Космоса в диалоге «Тимей». Платон различает «творца» Космоса – демиурга, и тот «первообраз», глядя на который он сотворил Вселенную: "... Для всякого очевидно, что первообраз был вечным; ведь космос – прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург – наилучшая из причин" (Платон 1999). Единое, таким образом, раздваивается на «первообраз», идею блага, изначально присущую творцу (целевая причина), и демиурга, действующую причину (Гайденко 1999а). Платону также принадлежит термин «причина» – «аитиа», отличный от понятия «начала» – «архэ» (Маслиева 2002: 189).

Философская мысль Древней Греции достигла наибольшей высоты в творениях Аристотеля, который вобрал в себя и систематизировал все достижения античной науки. Аристотель, проанализировав значения, в которых употребляется слово «причина», выделил четыре вида причин:

1. Материальные, то, из чего состоят вещи, их субстрат (например, медь – причина статуи).
2. Формальные, в которых форма (активный творческий фактор, стимул) проявляет себя, образуя сущность, субстанцию бытия.
3. Действующие или производящие – рассматривающие источник движения и превращения возможности в действительность, «первое начало изменения или покоя» (например, отец – причина ребенка).
4. Целевая или конечная причина, отвечающая на вопрос «Ради чего?» (например, причина прогулки – здоровье) (Радугин 2004: 60; Аристотель 1999).

Четыре вида причин Аристотеля мыслятся им как четыре принципа бытия каждой вещи, диалектически слитые в одно нераздельное целое, но главными для него «являются формальная и целевая причины, представляющие аспекты одного и того же определяющего телеологического фактора» (Макаров 1982: 64). Под телеологическим фактором понимается «первое сущее», «первопричина» Аристотеля – вечный и неподвижный первый двигатель, высшая форма, «чистый акт», «мышление мышления», «целевая причина всего существующего, источник бытия и сущности всех остальных вещей» (Гайденко 1999а).

По мнению Г. Патти, представления Аристотеля о причинности распространяются и на область языка. Так, «глагол является формой эффективной причины, и либо субъект, либо объект может выступать в виде материальной причины. Если субъект обладает к тому же и умственными способностями, мы можем приписать событию также формальную, телеологическую или преднамеренную причины» (Патти 2002: 137).

Аристотелю также принадлежит выделение прямой и опосредственной каузации: «...Все движущиеся тела приводятся в движение чем-нибудь. И это происходит двояким образом, а именно: или движение производится не самим движущим, а чем-нибудь другим, что приводится в движение движущим, или им самим...» (Аристотель 1999).

Телеологические воззрения на природу причинности господствовали в течение всего средневековья. Реальностью, первопричиной всего сущего является, по христианскому вероучению, сверхъестественное начало – Бог, который сотворил мир актом своей воли, благодаря своему могуществу. «Вначале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог», как сказано в Новом Завете в Евангелии от Иоанна. Божественная воля является, таким образом, верховной причиной всякого бытия, ибо, по словам Дунса Скота, «ничто, кроме воли, не является причиной всего того, чего хочет воля» (Гайденко 1999а). В гносеологии Бог видится как высшая цель познания. Смысл человеческого бытия состоит в уподоблении Богу, соединении с ним в «божьем царстве». Итак, Бог, как и в философии Платона и Аристотеля, мыслится как соединение действующей и целевой причин.

Представления Аристотеля о четырех причинах как о четырех принципах бытия каждой вещи получают развитие у Фомы Аквин-

ского, который различает четыре уровня бытийности вещей в зависимости от актуализации формы. На низшем уровне форма есть *causa formalis* сущего, т.е. представляет лишь внешнюю определенность вещи. К этой ступени принадлежат неорганические стихии и минералы. На следующей ступени форма предстает как *causa finalis*, конечная причина вещи; последней поэтому внутренне присуща целесообразность, она имеет душу, изнутри формирующую ее – таковы растения. Третий уровень – животные, здесь форма есть *causa efficiens*, действующая причина, поэтому сущее имеет в себе не только цель, но и принцип деятельности. Наконец, на четвертой ступени форма предстает уже не как организующий принцип материи, а сама по себе (*forma per se, forma separata*). Это дух, или ум, разумная душа – высшее из сотворенных сущих (Гайденко 1999 а).

Развитие научных представлений о причинности тесно связано со становлением физики в XVI-XVII веках. Открытия Коперника, Галилея, законы механики Ньютона изменили средневековую картину мира. Причинно-следственные отношения в трудах Галилея и Ньютона рассматриваются наряду с учением о силах, вызывающих изменения в движении тел. Они определяют величину, характер и направленность изменений. Важной особенностью причинно-следственных взаимодействий считается строго однозначное их развертывание во времени, при котором одна причина в конкретных условиях порождает лишь одно следствие (Сачков 2003: 102-103). Таким образом, причинность рассматривается как некая внешняя сила, воздействующая лишь на количественные характеристики объекта, его положение в системе.

Фундаментальные открытия в механике потребовали философского обоснования целей, задач и методов науки. Фрэнсис Бэкон, родоначальник нового подхода к науке, провел строгое разграничение предмета и функций физики и метафизики: физика изучает законы природы и только фактические действующие причины, а метафизика – Бога и конечные (целевые) причины (Лосев 1999).

Процесс устранения из физики всех причин, кроме действующих, получил развитие у Рене Декарта, сформулировавшего главный принцип картезианства: наука должна устанавливать не просто (математический) закон, описывающий поведение объекта, но находить причины всех явлений природы. Тем не менее, П.П. Гайденко отмечает, что конечные причины физических явлений Де-

карт выводил из «самоочевидных первоначал», установленных им в метафизике (Гайденко 1999b).

Последователь Ф. Бэкона и Р. Декарта Бенедикт Спиноза провозгласил принцип причинности основой существования всех вещей. Однако, в отличие от Декарта, конечную причину он выводит не из ментальной, а из объективной действительности, стремясь объяснить мир из него самого. Он утверждал, что существует единая, находящаяся вне сознания субстанция, которая является причиной самой себя (*causa sui*) и не нуждается ни в каких других причинах (Спиркин 2003: 117).

Форма причинности в механике постепенно распространяется на естествознание и соотносится с моделью жестко детерминированного мира, которая получила яркое выражение в концепции Лапласа. Пьер Лаплас был убежден, что все многообразие мира сводимо к неизменным и неделимым частицам, движущимся по законам механики. Зная все о начальных условиях движения всех частиц в бесконечной Вселенной, сверхчеловеческий ум смог бы, опираясь на законы механики, вывести все будущие и прошлые состояния Вселенной (принцип механистического детерминизма) (Овчинников 2002: 100). Причинность осознается как основополагающий онтолого-гносеологический принцип, детерминирующий внешние, количественные характеристики объектов, возводящий в абсолют необходимость и исключаящий случайность. Однако, по замечанию А.Н. Колтышева, такая форма причинности, не учитывающая качественную сторону предметов, «приводит к абсурду, поскольку возникновение нового качества в таком мире невозможно» (Колтышев 1995: 16).

XVII-XVIII вв. – время господства действующих причин в философии. Вместе с тем следует отметить, что в истории философии и науки были представлены и иные идеи, сходные с телеологическими воззрениями на причинность Платона. Так, Готфрид Вильгельм Лейбниц ввел представление о монадах – мельчайших духовных элементах бытия, обладающих активностью и деятельной силой. Единство и согласованность монад – результат гармонии, предустановленной Богом, который возвышается над материальным миром, являясь его «виновником и господином» (Спиркин 2003: 121).

Иную концепцию причинности развивал Давид Юм с позиций скептицизма. Он исходил из тезиса о недоступности человеческому

познанию ничего, кроме образов и восприятий. Следовательно, причинные отношения не объективно существующие, а лишь результат причинной связи восприятий. Идея причинности возникает из регистрации сознанием определенных отношений между объектами: 1) отношений смежности в пространстве и времени; 2) отношения предшествования причины следствию во времени; 3) постоянной и регулярной связи причины и следствия. В результате человеческого разум, по Юму, делает ложный вывод о необходимости связи между причиной и следствием, тогда как объективно, «ни в одном из единичных примеров действий тел мы не можем, несмотря на крайнюю тщательность, найти что-либо, кроме следования одного явления за другим» (Юм 1965: 75). Тем самым он, вслед за Дж. Локком, ставит под сомнение познаваемость причин. Позиция Юма позднее была положена в основу позитивистского толкования причинности.

Иммануил Кант продолжает тенденцию, наметившуюся в трудах Дж. Локка и Д. Юма. Причинность в его учении – одна из категорий рассудка (категория отношения, наряду с субстанцией и взаимодействием), априорная форма мышления, структурно упорядочивающая восприятия человека. Рассудок способен познать только явления – «вещи в себе», как они существуют в сознании человека. В мире явлений царит необходимость и действующие, механические причины, и каждое явление А обусловлено В, которое мы называем его причиной. Причинный ряд бесконечен, но человеку свойственно стремление обрести абсолютное знание, получить «абсолютную целокупность условий», некую первопричину. При попытке применить категории рассудка, в частности причинность, по отношению не к явлениям, а к «вещам в себе», рассудок запутывается в противоречиях. Мир «вещей в себе» закрыт для чувственного восприятия, теоретического разума и, следовательно, науки. Кант, однако, в отличие от агностика Д. Юма, говорит о познаваемости «вещей в себе» в мире свободы, где действует практический разум. Движущей силой последнего является воля, которой он ставит цель. Цель по Канту есть «причинность из свободы», а свобода – «независимость от определяющих причин чувственно-воспринимаемого мира». Автономия воли, таким образом, состоит в том, что она определяется не внешними причинами, а своим собственным нравственным законом, который она ставит над собой (Кант 1999; Радугин 2004: 141-142).

Гегель разрабатывает диалектическую концепцию причинности. Он утверждает, что причину нельзя отделять от следствия (действия) – они нераздельны, поскольку «причина, которая не производила бы никакого действия, не была бы причиной, равно как и действие, которое не имело бы причины, уже не было бы действием» (Гегель 1999). При таком механистическом понимании причинности неизбежно представление о бесконечности причин и действий, следующих одно за другим, и появляется необходимость в первоначальном. Гегель преодолевает бесконечность причинной цепи тем, что принимает за основу самопричинение. Он признает спинозовское представление о субстанции как причины самой себя и показывает, что «субстанция проявляется в акциденциях именно через причинность». Она переливает свое содержание в действие в процессе своего самоопределения. Это не формальное внешнее механическое взаимодействие, а «перенос внутреннего содержания объекта-причины в объект-действие». В процессе диалектического движения причинность угасает в действии, и возникает «диалектическое тождество причины и действия, их единство» (Колтышев 1995: 17). Таким образом, Гегель возвращается к внутреннему, качественному, а не количественному истолкованию причинности.

Позитивисты отрицают как объективный характер причинной связи, так и ее особенность как связи порождения. Так, основоположник позитивизма Огюст Конт, описывая стадии интеллектуальной эволюции человека, отмечал, что на первой, теологической стадии, все явления объясняются на основе религиозных представлений; на метафизической стадии сверхъестественные факторы заменяются в объяснении природы причинами; задача третьей стадии, позитивной, – отказаться от метафизических наслоений в науке, в частности, от претензии науки на раскрытие причин явлений (Радугин 2004: 241). Тем самым он высказывает идею, изрекаемую еще Галилеем («для физика важнее установить закон, описывающий процесс изменения явлений, чем искать умопостигаемые причины последних») и Ньютоном («Причину... свойств сил тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю») (Гайденко 1999b).

Позитивистские системы Конта, Спенсера и Милля создавали научную картину мира, в основе которой лежал принцип механистического истолкования действительности. Процесс естественно-научного знания на рубеже XIX-XX веков, связанный с развитием

квантовой физики, поставил под вопрос механистическую методологию, основанную на принципах ньютоновской физики, и разрушил прежнюю картину мира. В квантовой физике параметры, знание которых необходимо, чтобы предсказать будущее состояние системы, – это то, одновременное определение чего принципиально невозможно в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга. Параметры системы могут быть вычислены лишь до некоторого уровня точности, поэтому квантовая физика имеет дело с вероятностью и статистическими закономерностями (Колтышев 1995: 20). Если ранее считалось, что действие причины порождает протекание процесса строго однозначным образом, то сейчас, согласно квантовой теории, «одно и то же силовое (энергетическое) воздействие приводит к разнообразию в следствиях: одна и та же причина способна породить множественность следствий» (Сачков 2002: 155). В настоящее время можно говорить о становлении новой формы причинности – вероятностной.

Кризис механистического детерминизма и утверждение вероятностной причинности привели к популярности агностической позиции на природу причинности. Эмпириокритик Э.Мах утверждал, что понятие «действующей причины ведет свое происхождение от анимистических представлений дикаря, проводящего аналогию между странными для него явлениями природы и его собственными действиями, благодаря чему в его сознании проявляется «проблеск мысли о своей и чужой воле» (Маслиева 2002: 191-192).

Логические позитивисты занимались анализом научных высказываний и обобщений и при этом исходили из предпосылок, что все знания выражаются с помощью языка, в виде высказываний. Анализируя причинные высказывания, Р. Карнап постулировал следующее положение: «Утверждение является каузально истинным, или С-истинным, если оно представляет собой логическое следствие всех основных законов» (Маслиева 2002: 192). Р. Карнап также обратил внимание на тот факт, что при попытке объяснить понятие «причина» обращаются к словам «производит», «вызывает», «создает», «творит», что, по его мнению, является «элементами анимистического мышления». Однако при характеристике причинной связи на уровне современного научного мышления употребляют те же термины, несмотря на то, что за ними стоит уже иное содержание (Маслиева 2002: 192).

Бертран Рассел критикует понятие «причины», сложившееся в трудах большинства философов-эмпиристов, и точку зрения Д. Юма на причинение. Он утверждает, что «неизменное сосуществование или следование не есть то, что мы имеем в виду под причинностью: причинность имплицитно их, но не наоборот» (Рассел 1997: 486). Б. Рассел выводит собственную концепцию причинности, основанную на понятии «квазипостоянства». Он считает, что «вещь» или часть материи «не должна рассматриваться как отдельная, постоянная субстанциональная сущность, а как цепь событий, имеющих определенную причинную связь друг с другом», которую он и называет «квазипостоянством» (Рассел 1997: 489). В связи с этим он формулирует причинный закон следующим образом: «Если в определенное время дано событие, тогда во всякое несколько более раннее или несколько более позднее время в каком-либо месте по соседству имеется очень похожее событие» (Рассел 1997: 489). Этот закон, по Расселу, имеет вероятностный характер и не так жестко детерминирован временными параметрами, как причинность в механике. На основе причинного закона Б. Рассел описывает концепцию «причинных линий», понимая под последними «временную последовательность событий, так относящихся друг к другу, что если даны некоторые из них, то что-то может быть выведено из других» (Рассел 1997: 490). Таким образом, для Рассела основополагающей является внутренняя причинность, которую он рассматривает как постоянство вещи, качества, структуры, изменений.

Новая модель познания, основанная на законах микромира, привела в XX в. к усложнению понятия «причинности», представлению о многообразии каузальных отношений. Огромную роль в современной науке играет вероятностная причинность. Все более утверждается целевая причинность, которая «раскрывает объективный материальный характер причинной целесообразности в эволюции, проявляющийся в эффективности поведения биологических систем и обеспечивающий сохранение и выживание живых организмов в процессе причинного взаимодействия с окружающей средой» (Колтышев 1995: 20). Биологическая причинность выделяется при исследовании особенностей процесса причинения в биохимических и связанных с ними поведенческих реакциях живых организмов (Колтышев 1995: 21-22).

Решающее значение при функционировании живых, социальных и искусственных самоуправляемых систем имеет информационный вид причинности. Информационная причина характеризуется системностью, она образуется двумя неразрывно связанными друг с другом производящими началами – структурным и вещественно-энергетическим. Первое выражает содержание информации, и его изменение является информационным событием, а второе служит средством физического существования и воздействия первого начала на источник как носитель следствия информационной причины (Украинцев 1976: 300).

Некоторые исследователи выделяют также социальную причинность, характеризующую причинные связи и отношения в развивающихся общественных структурах, другие подводят этот вид причинности под более широкое понятие социального детерминизма.

Для лингвистики и психологии важную роль играет когнитивный вид причинности, который «обеспечивает в науке концептуализацию объекта познания, порождение знания, конвенциональный фон и самопроизводимость» (Никитин 2002: 44). К особенностям данного вида причинности относятся ее «много-многозначность», т.е. локализованность каждого компонента общей причинности в различных сферах жизнедеятельности общества, и ее социально-динамический характер воздействия, обусловленный тем, что «отдельные последствия, производимые частями полной причины, зависят от целого» (Никитин 2002: 43-44).

Причинность в лингвистике тесно связана с понятиями «каузальность» и «каузативность» – двумя качественными разновидностями значения «каузации» или «причинения» (Веливченко 1990: 4).

Традиционно под «каузальностью» понимается выражение причинной зависимости синтаксическими средствами, например, с помощью особой группы союзов и их фразеологических эквивалентов, а «каузальным предложением» называется придаточное причины (Ахманова 1966: 193-194). Позднее понятие «каузальности» расширяется до выражения причинно-следственных отношений в полипредикативных комплексах: в сложно-подчиненных предложениях и простых предложениях с инфинитивными, причастными, герундиальными и предложными оборотами (Болтунова 1985: 107). В.Ф. Веливченко определяет каузальность как «причи-

нение через обусловленность» (Веливченко 1990: 4). Обусловленность объединяет языковые категории причины, следствия, условия, цели и уступки, которые можно рассматривать как «отражение детерминированности явлений действительности», их «упорядоченности по отношению друг к другу». Центральное место в системе данных категорий принадлежит полю причины (Евтюхин 1996: 138-139).

Понятие «каузативность» связывалось прежде всего с выражением причинения, побуждения в рамках глагольной формы. Так, в классическом «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо «каузатив» определяется как «глагольная форма, способная выразить ту мысль, что субъект заставляет выполнять действие, а не действует сам» (Марузо 2004: 131). Ш. Балли в свое время предлагал разграничить два класса глаголов: обычные, выражающие совершение действия самим субъектом, и каузативные, обозначающие каузацию действия или состояния субъектом. Каузация, или причинение «сделать так, чтобы...», по Ш. Балли, – причинно-целевое логико-семантическое отношение (Максапетян 1990: 7). Сближение причинного и целевого аспекта каузативности обнаруживается и у С.Д. Кацнельсона. Автор относит к каузативным только конструкции с действующим лицом в функции каузатора, предполагая тем самым преднамеренное воздействие на объект (Кацнельсон 1972: 86-87).

В фундаментальном труде по каузативности «Типология каузативных конструкций» В.П. Недялков и Г.Г. Сильницкий рассматривают класс каузативных конструкций, определяемый его соотносительностью с единицами референтного или онтологического уровня – каузативными ситуациями. Последние являются макроситуациями, содержащими как минимум две микроситуации – каузирующую, или антецедент, и каузируемую, или консеквент, связанные между собой отношением каузации к. Отношение каузации рассматривается как синоним причинно-следственного отношения, тем самым каузативность анализируется как семантико-синтаксическая категория, которая находит выражение не только в рамках глагола. В.П. Недялков и Г.Г. Сильницкий выделяют супraseгментный способ выражения причинения, при котором каузация выражается всей грамматической конструкцией (например, *Мы вернулись: пошел дождь.*), и несупraseгментный, где к выражается дискретным элементом – каузативной связкой. Последняя может

быть союзной, предложной, именной и глагольной. Союзные и именные связки, в свою очередь, способны выражать причину или следствие (Недялков, Сильницкий 1969). Таким образом, понятие «каузативности» расширяется и фактически приравнивается к «каузальности», и категории «причины» и «следствия» анализируются в комплексе, как две стороны одного целого – причинности. Однако, в дихотомии «причина-следствие» доминирующей признается вторая часть отношения, поскольку «каузируемое состояние является конечной целью каузативной конструкции, его конечным состоянием «на выходе», и представляет большой интерес для говорящего и слушающего (Недялков, Сильницкий 1969: 7).

В докторской диссертации Г.Г. Сильницкого исследуется класс каузативных глаголов, выделяемых по семантическому признаку как глаголы, «выражающие различные виды причинно-следственных отношений» (Сильницкий 1974: 3). Каузативные глаголы моделируют каузативные ситуации, т.е. «выражают воздействие и терминальное состояние» (Сильницкий 1974: 11). По типу терминальных ситуаций автор выделяет семантические классы каузативных глаголов, среди которых особый интерес представляют глаголы, выражающие каузативные семиотические ситуации. Семиотические ситуации характеризуются особым типом терминального состояния – «восприятием», под которым понимается «психическое отображение (моделирование) объектом некоторой перцептивной ситуации», наличие у объекта определенной информации, представляющей «действительное или мнимое отображение некоторого ситуативного референта»: *He knew that you were ill*. Каузативные семиотические ситуации образуются путем применения оператора каузации к семиотической ситуации, т.е. путем распространения последней субъектом и состоянием воздействия («коммуникацией»): *I told him that you were ill* (Сильницкий 1974: 15-16). По сути, данный класс каузативных глаголов является языковым выражением информационной формы причинности.

Ю.Д. Апресян, а вслед за ним и Г.А. Золотова вводят в лингвистику понятие «автокаузации», т.е. самопричинения. Автокаузация может быть произвольной, когда субъект, действующий активно и целенаправленно, и каузируемый субъект совпадают в одном лице (*Отец едет на работу*), и непроизвольной, если каузируемый субъект «принимает вид» действующего, а каузатор или не назван, или выступает в форме «причинного обстоятельства» с

предлогом «от» или «из-за» (*От толчка книга падает на пол*) (Золотова 1973: 287).

Значение «каузации» или «причинения», по Г.А. Золотовой, «содержится в семантической структуре большей части переходных глаголов с разными типовыми значениями» (Золотова 1973: 288): 1) каузация бытия (строить, разрушить); 2) каузация признака (белить, наполнять); 3) каузация состояния (печалить, радовать); 4) каузация локализации (положить, повесить); 5) каузация владения (дать, взять); 6) каузация пространственного перемещения (нести, везти); 7) каузация владения информацией (сообщить, уведомить); 8) каузация контакта (открыть, закрыть) и многие другие. Разные виды каузации не сочетаются между собой, но все сочетаются с каузацией действия, образуя усложненную поликаузативную конструкцию, выражающую цепь причинения: *Мальчик точит нож – Мать запрещает мальчику точить нож* (Золотова 1973: 295).

Н.Д. Арутюнова анализируя каузативные отношения с точки зрения участия в них лиц и событий выделяет следующие типы глаголов, содержащих компонент каузации: 1) классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями (*обусловить, привести к..., вызвать*); 2) личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого (*угovarивать, просить*); 3) личностные каузативы, представляющие событие как непосредственный результат действия некоторого лица (*сделать так, чтобы*); 4) событийные каузативы, представляющие событие как результат воздействия некоторой ситуации (личной или безличной) на агента действия или состояния (*Дождь вынудил нас вернуться домой*); 5) «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие, как стимулированное некоторым лицом (*ободрять, убеждать*); 6) «двуличные» каузативы, представляющие связь двух агентивных событий механического действия (*кормить*); 7) событийные каузативы, представляющие некоторое психическое событие как стимулированное агентивным или безличным событием (*раздражать, успокаивать*); 8) личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий – агентивного и безагентного (*гнуть, ломать*) (Арутюнова 1976: 176).

В отечественной лингвистике разные аспекты каузативности получили освещение в работах многих лингвистов: лексико-семантические свойства каузативов рассматривали Е.А. Гордон, М.С. Таненцапф, О.А. Хлебцова, семантико-синтаксические – В.М. Аринштейн, В.Б. Вялкова, И.Б. Долинина, О.Н. Журавлева, Е.Е. Корди, Ю.А. Левицкий, Е.В. Падучева, Н.И. Пушина, Н.А. Рубанова, В.В. Рябенко, К.Е. Тикоцкая, Л.А. Шарифова, каузативные глаголы и каузативные конструкции в диахронии исследовали О.И. Бродович, Э.М. Гжаниянц, Н.А. Миссюра, И.А. Наумова и др.

В зарубежной лингвистике преобладает формально-логическая точка зрения на «каузативность» как на причинно-следственное отношение. Так, Н.С. Барон определяет «каузативность» как отношение между двумя состояниями (X в момент времени T_1 и X' в момент времени T_2) и причина Z , которая обеспечивает необходимые условия для перехода от X к X' (Baron 1974: 299).

Каузативные глаголы рассматриваются как класс лексем, обладающих общей семой каузального воздействия – глубинным элементом CAUSE, который выражен формально (морфологические каузативы) или не представлен на поверхностном уровне (лексические каузативы). В последнем случае каузативы типа *to kill* выводятся из глубинной структуры *cause to die* или *cause to become not alive* (McCawley 1972: 141). Сходной точки зрения придерживались Н. Барон, Дж. Лакофф и Дж. Лайонз. Ряд лингвистов, в частности Д. Круз и Дж. Фодор, указывали на неадекватность такого подхода к анализу лексических каузативов в связи с различиями между лексическими и соответствующими аналитическими структурами с *cause*. Аналитические каузативы, в отличие от лексических, выражают опосредованную, а не прямую каузацию, отдельную, а не единую событийность (Cruse 1972; Fodor 1970). Истоки разногласий Н.В. Боронникова и Ю.А. Левицкий видят в том, что исследователю, при анализе семантики каузативов с помощью операторов типа «*cause*», приходится иметь дело не с «чистой» семантикой, а «пропущенной через язык» (Боронникова, Левицкий 2002: 197) – в результате путается *cause* ‘каузировать’ со словом естественного языка *to cause* ‘быть причиной’.

Не на формально-логическом, а на обыденном понимании причинности основано прагматическое представление о причинности М. Шибатани. Автор выделил два условия, необходимые для того, чтобы считать ситуацию каузативной: 1) отношение между двумя

событиями таково, что говорящий уверен, что «каузируемое событие» произошло в момент t_2 , который следует за моментом t_1 , временем «каузирующего события»; 2) отношение между каузирующим и каузируемым событиями таково, что говорящий уверен, что наступление каузируемого события целиком зависит от наступления каузирующего события; эта зависимость такова, что внушает говорящему уверенность, что каузируемое событие не произошло бы именно в то самое время, если бы не произошло каузирующее событие, при условии, что другие события остались бы прежними (Shibatani 1976). Важным моментом при отнесении ситуации в ранг каузативной является наличие следствия, результирующего воздействия. Ряд глаголов, в частности глаголы изменения состояния, изначально подразумевают наступление результата каузации (а), другие, например «контактные» и «побудительно-волитивные» глаголы, выражают только воздействие, а результат может отсутствовать (b) (Shibatani 1976; Аматов 2000):

(a) **John melted the ice, but nothing happened to it.*

(b) *John kicked the ice, but nothing happened to it.*

John told Mary to leave, but she didn't do it.

В одном из последних фундаментальных исследований по каузативам Дж. Сонг выстраивает типологию каузативных конструкций на основе анализа базы данных по 408 языкам и выделяет три главных типа каузативов:

1) AND тип определяется как бипредикативная каузативная конструкция, содержащая [Vcause] всегда предшествующий [Veffect], что отображает темпоральное следование событий-референтов. Граница между единицами минимальной предикации имплицитно или эксплицитно выражена координатором AND:

$S_1(S_2(\dots[V_{\text{cause}}]\dots)S_2+AND+S_2(\dots[V_{\text{effect}}]\dots)S_2)S_1$

2) PURP тип, состоящий из двух клауз, выражающих события X и Y, где X совершается с целью реализации Y. Порядок следования предикативных единиц, выражающих [Vcause] и [Veffect], не является строго заданным:

$S_1(S_2(\dots[V_{\text{effect}}]\dots)S_2+PURP+[V_{\text{cause}}]\dots)S_1$ или

$S_1(\dots[V_{\text{cause}}]\dots S_2(\dots[V_{\text{effect}}]\dots)S_2+PURP)S_1$

3) COMPACT тип, исторически представляющий собой результат редукции или грамматикализации типов AND и PURP. Он включает лексические и морфологические каузативные конструкции, которые являются монопредикативными (Song 1996):

$S_1(\dots[V_{cause}]+[V_{effect}]\dots)S_1$

Таким образом, понятие «каузативность» у Дж. Сонга расширяется и, помимо обозначения причинно-следственных отношений, включает конструкции, выражающие целевую причину.

В современной когнитивной лингвистике, центральным понятием которой является концепт как оперативная единица памяти, ментального лексикона, «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов 2001: 43), выделяется концепт «причина» как один из основных и быстро эволюционирующих. В связи с анализом эволюции концепта «причина» Ю.С. Степанов вводит в систему философских категорий новую – «факт» как определение причины в противовес «событию»-следствию (Степанов 1995). При этом автор основывается на исследовании З. Вендлера, проанализировавшего языковую дистрибуцию слов fact «факт» и event «событие» и пришедшего к выводу о возможности замещения «событий» номинализованными, а «фактов» – не полностью номинализованными словосочетаниями (Вендлер 1986). Ю.С. Степанов утверждает, что в настоящее время углубляется представление об асимметрии каузального отношения «причина – следствие» и происходит возврат к совместному анализу «причины» и «цели» (Степанов 2001: 950-951).

Идея причинности прошла в своем развитии разные стадии: наивное понимание причинности в первобытном обществе; причина как «первоначало» у древних греков; телеологическая причинность периода эллинизма и средневековья; действующая, «силовая» причина в механике и философии нового времени; внутренняя, качественная причина в немецкой классической философии; агностицизм Д. Юма и позитивистов в трактовке причинности. Современное научное представление о природе причинности исходит из положения о сложности данной категории и многообразии форм причинных отношений. Причинность в лингвистике получает выражение в категориях каузальности и каузативности, которые эволюционируют, расширяются и стремятся к охвату все более многообразных форм причинности: от репрезентации причинных зависимостей к сложным комплексам отношений причины и следствия, цели, условности и уступки, от внешней, действующей причины к телеологической и информационной причинности.

Литература

1. *Абрамов М.А.* Непредсказуемые судьбы свободы // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 22-39.
2. *Аматов А.М.* Семантика и синтаксис сложных предикатов с каузативным и побудительно-волитивным значением. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
3. *Аристотель.* Физика. // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.
4. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976.
5. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.
6. *Болтунова С.Т.* Обозначение причинно-следственных отношений простыми первообразными предложениями в английских научных текстах // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. – М.: Наука, 1985. – С. 107-118.
7. *Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А.* Лекции по истории лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.
8. *Веливченко В.Ф.* Языковые средства реализации каузативно-следственных отношений в тексте. Автореф. дис... к.ф.н. – Киев, 1990.
9. *Вендлер З.* Причинные отношения // НЗЛ. Вып.18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 264-277.
10. *Гайденко П.П.* История греческой философии и ее связи с наукой // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.
11. *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии и ее связи с наукой // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.
12. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.
13. *Евтюхин В.Б.* Обусловленность // Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 138-169.
14. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973.
15. *Кант И.* Критика практического разума // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.

16. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
17. *Колтышев А.Н.* Проблема причинности: история и теория. Автореф. дис... д.ф.н. – СПб., 1995.
18. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). – М.: Высшая школа, 1963 // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.
19. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.
20. *Лурье С.Я.* Демокрит. – М.: Наука, 1970.
21. *Макаров М.Г.* Развитие понятий и предмета философии в истории ее учений. – Л.: Наука, 1982.
22. *Максапетян А.Г.* Каузация (Лингвистические и экстралингвистические аспекты). – Ереван: ЕГУ, 1990.
23. *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
24. *Маслиева О.В.* Проблема причинности в философии и науке // Философия и академическая наука. – СПб.: РАН, СПб. науч. центр, 2002. – С. 188-206.
25. *Недялков В.П., Сильницкий Г.Г.* Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л.: Наука, 1969. – С. 5-19.
26. *Никитин А.Г.* Когнитивная причинность: особенности и функции // Гуманитарные науки: научно-теоретические и логико-методологические аспекты. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КГТУ, 2002. – С. 42-45.
27. *Овчинников Н.Ф.* Ограниченность причинности как принципа объяснения // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 87-111.
28. *Патти Г.* Причинность, контроль и эволюция сложности // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 137-154.
29. *Платон.* Собрание сочинений // Электронный ресурс: Библиотека в кармане. – М., 1999.
30. *Радугин А.А.* Философия. – М.: Центр, 2004.
31. *Рассел Б.* Человеческое познание. Его сферы и границы. – К.: Ника-Центр, 1997.

32. *Сачков Ю.В.* Автономность в причинных сетях // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 154-174.
33. *Сачков Ю.В.* Эволюция учения о причинности // Вопросы философии. – М.: Наука, 2003. – № 4. – С. 101-118.
34. *Сильницкий Г.Г.* Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1974.
35. *Спиркин А.Г.* Философия. – М.: Гардарики, 2003.
36. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35-73.
37. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.
38. *Украинцев Б.С.* Информационная форма причинности // Философские основания естественных наук. – М.: Наука, 1976. – С. 293-305.
39. *Худяков С.С.* Взаимосвязь философии и естествознания в становлении и развитии категории причинности // Категории диалектики и научное познание. – Уфа: Изд-во БГУ, 1985. – С. 110-126.
40. *Цицерон М.Т.* Философские трактаты. – М.: Наука, 1985.
41. Юм Д. Исследования о человеческом познании. Соч. в 2 т. Т.2. – М.: Наука, 1965.
42. *Baron N.S.* The structure of English causatives // *Lingua*, 1974. – Vol.33. – pp. 299-342.
43. *Cruse D.A.* A note on English causatives // *Ling.inquiry*. – Cambr.(Mass.), 1972. – Vol.3. № 3. – pp. 522-528.
44. *Fodor J.A.* Three reasons for not deriving 'kill' from 'cause to die' // *Linguistic Inquiry*. – 1970. – № 1. – pp.429-438.
45. *McCawley, J.D.* *Kac and Shibatani on the grammar of killing // Syntax and Semantics. Vol. 1.* – New York: Seminar Press, 1972. – pp. 139-149.
46. *Shibatani M.* The grammar of causative constructions: a conspectus. // *The grammar of causative constructions (Syntax and Semantics 6).* – New York, San Francisco, London: Academic Press, 1976. – pp. 1-40.

47. *Song J.J.* Causatives and causation: A universal-typological perspective. – London, New York: Longman, 1996. // hamminkj.cafeprogressive.com/cause.htm.

Е.В. Тетерлева

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ VS ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ТОЖДЕСТВА

Все восприятие мира основано на сравнении. Другими словами, наш мозг, хотим мы этого или нет, то и дело сравнивает (сличает) «мысленное досье» с актуальностью, при этом если какой-нибудь фрагмент информации (пусть даже воображаемый или ожидаемый) из «досье» совпадает с полученными впоследствии данными, то мы узнаём это, либо утверждаемся в своих догадках. Процесс узнавания может происходить автоматически (а это есть результат постоянного, вне зависимости от нашего желания, упражнения зрения и слуха), однако иногда приходится повторять операцию сличения несколько раз, так как существуют факторы, затрудняющие задачу узнавания. Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1976) среди таких факторов называет время, меняющее облик человека; нарочитое изменение внешности или голоса; существование внешне сходных людей; обстоятельства, заставляющие человека пожелать остаться неузнанным; нежелание воспринимать актуальное, которое представляется субъекту восприятия нереальным, и ему «не хочется верить в это»; когда вместо хранимого первоначального образа предлагается «улучшенная версия», и изумленный от неожиданности субъект не готов ее сразу записать себе в память и др.

В основе узнавания лежит операция идентификации, представляющая собой итог сличения результатов разного знания. «Акт идентификации устанавливает тождество объекта самому себе путем сопоставления свойств, признаков, фактов, данных в непосредственном наблюдении со сведениями или впечатлениями, зафиксированными в прошлом опыте» (Арутюнова 1976). Идентифицирующими могут быть абсолютно любые признаки – «случайные, временные и даже не характерные для данного лица или предмета» (Арутюнова 1976). Однако стоит заметить, что идентифицирующие признаки, как правило, не должны быть субъективно-оценочными.

Авторы статей, посвященных проблеме тождества и идентификации, часто цитируют Л. Витгенштейна: «Сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном

предмете, что он тождественен самому себе, – значит ничего не сказать» (Витгенштейн 1958). Если в логике между понятиями *тождество* и *идентификация* проводится знак равенства, то в языке оба эти понятия оказываются асимметричными. Более того, поскольку язык не очень-то строго придерживается логических законов, языковое тождество неинформативное на поверхностном уровне становится информативным на уровне того, что имплицитруется (Грайс 1985).

Ср.: (а) *Жизнь есть жизнь, и ничего с ней не поделаешь.* (К.Симонов)

Предложения данного типа (*A есть A*) чаще связываются с отрицательной оценкой *A* и представляют собой некую «формулу примирения с действительностью» (Николина 1984).

Ср.: (б) *Ложка – это ложка, ложкой суп едят.*

Кошка – это кошка, у кошки семь котят.

Тряпка – это тряпка, тряпкой вытру пол.

Шапка – это шапка, оделся и пошел. (И.Токмакова).

(в) *Мы с Букашевым, как слепые, ощупывали друг друга, чтобы убедиться, что мы – это мы* (Войнович).

Информативность высказываний (б) и (в) состоит в том, что они указывают на «особость» индивида или класса *A*, согласуясь с формулой «не чета другим».

Язык, как правило, стремится выразить один и тот же референт по-разному, с помощью разных имен, тем или иным способом формально различить имена, сделать высказывания о тождестве предмета самому себе «полезными» и информативными. Для этих целей язык располагает различными средствами выражения, не только многочисленными лексическими средствами, но и специальными синтаксическими моделями, способными заключать в себе семантику тождества. Наложение языковой формы на логическую семантику тождества дает возможность говорить о денотативном и номинативном тождестве как двух языковых семантических типах, которые отличаются друг от друга способом обозначения в них отождествляемого предмета. Денотативное тождество, опираясь на функцию идентификации, строится на отношениях имени и дескрипции, тогда как предложения номинативного тождества основываются на отношениях именованности. Классический тип номинативного тождества устанавливается между именами

собственными, показывая на двуименность одного предмета, на взаимозаменяемость имен (Арутюнова 1976).

Ср.: (а) *У входа показался высокий бледный юноша с длинными бакенбардами... Это и был художник (М.Лермонтов).*

(б) *Владимир Петрович, ну, он же Николай Иванович, ... (С.Голубов).*

Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев, И.Б. Шатуновский, Д. Вайс⁶ проводят различие между предложениями собственно тождества и предложениями идентификации, причем последние рассматриваются ими как частный случай предложений тождества.

Н.Д. Арутюнова полагает, что предложения, в которых реме соответствует имя собственное, выражают отношения идентификации. Они могут быть трансформированы в связочное предложение идентифицирующего типа.

Ср.: *Во время катастрофы пострадал Иванов. → Пострадавший – Иванов*⁷.

Как указывает Н.Д. Арутюнова, «специфика предложений идентификации заключается в том, что в них реме соответствует атрибутивно употребленная единичная дескрипция, а реме – имя собственное или дейктическое местоимение. Однако передвижение «событийной» дескрипции в позицию реме может разрушить отношения идентификации, преобразуя их в отношения предикации» (Арутюнова 1976).

Ср.: *Бэкон – родоначальник английского материализма*⁸.

Здесь содержится характеристика субъекта, которая должна быть прочитана так: *Бэкон положил начало английскому материализму.* «Дескрипция в таком употреблении содержит указание на некоторое действие, и для нее естественной является роль предиката» (Арутюнова 1976).

Понятие тождества в языке, считает А.Д. Шмелев (Шмелев 1990), оказывается парадоксальным и находит свое выражение в виде следующих "парадоксальных" предложений тождества:

1) "тавтология" (*А есть А*);

Люди есть люди.

⁶ Свои исследования Н.Д.Арутюнова, А.Д. Шмелев, И.Б. Шатуновский и Д.Вайс проводят на материале русского языка.

⁷ Пример Н.Д.Арутюновой.

⁸ Пример Н.Д.Арутюновой.

2) "противоречие", или "псевдоидентификация" (*А есть В*, где *А* и *В* – имена разных объектов):

Время – деньги.

Согласно Н.Д. Арутюновой, предложения с метафорическим предикатом сходны с предложениями тождества тем, что, во-первых, содержат фактуальное суждение; во-вторых, дают константную характеристику предмета; в-третьих, указывают на статичный (неградуированный) признак; в-четвертых, не допускают распространения признаковыми словами. В метафорических предложениях компоненты *А* и *В* – асимметричны – не допускают инверсии (Арутюнова 1976).

3) "собственно идентификация" (*А есть В*, где *А* и *В* – разные имена одного объекта):

Не было сомнений в том, что старик этот – сам гражданин Коробейников (И. Ильф и Е. Петров).

Высказывания собственно идентификации подразделяются А.Д. Шмелевым на два типа:

– «поясняющая идентификация» (когда компонент *А* неинформативен для адресата речи.

Ср.: *Кто такой Жак? – Жак – это моя собака (Булгаков).*

– «уточняющая идентификация» (когда компонент *А* обозначает актуализованную ипостась, данную в непосредственном наблюдении или знании, а компоненту *В* соответствует актуализуемая ипостась, обычно известная адресату речи из прошлого опыта.

Ср.: *Плеханова – не иначе как бывшая Губернаторская ... (И. Ильф и Е. Петров).*

4) "контрфактические ПТ" (*А был бы (не) А; А был бы (не) В* и т.п.).

Если б я был султан, я б имел трех жен.

И.Б. Шатуновский считает, что «в многообразной и неоднородной области предложений тождества выделяются два коммуникативно-семантических полюса. На одном – предложения, в коммуникативном фокусе которых идея (и, соответственно, показатель) тождества, связка тождества. Эти предложения употребляются в ситуации, когда заданы, известны объекты; вопрос в том, тождественны они или нет» (Шатуновский 1990). Данный тип И.Б. Шатуновский называет предложениями собственно тождества.

Ср.: *Петр Михайлович и сторож Валеркиного склада – одно и то же лицо (Л.Григорян).*

«Важной чертой предложений собственно тождества является семантическая и коммуникативная эквивалентность (равноправность, "равновесность") входящих в него объектных компонентов (термов *A* и *B*)» (Шатуновский 1990).

Предложения с местоименным показателем тождества *тот самый (что, который)* И.Б. Шатуновский считает отклоняющимися от образца предложений собственно тождества.

Ср.: *И снова у меня в ушах зазвучала музыка, та самая, что звучала по радио (М. Умнов).*

«Термы, заполняющие валентности показателя тождества в этой модели, неравноправны в коммуникативном отношении. Объект *A* является темой высказывания, в то время как объект *B* – ремой высказывания. В то же время эти термы совершенно равноправны с точки зрения семантического объема и степени референтности» (Шатуновский 1990) В коммуникативном фокусе таких предложений все еще стоит тождество.

К предложениям идентификации ближе находятся конструкции типа *A и есть B*.

Ср.: *Евстрат Спиридоньч и есть старик в полицейском мундире (А. Чехов).*

На другом полюсе – предложения, в которых «дано, известно, что данный объект тождественен какому-то из ряда объектов, но не известно, какому именно. Поскольку идея тождества не в фокусе, связка тождества выступает здесь в общем случае в нулевой форме. Предложения этого типа отвечают на вопрос *Кто это? Что это?*

Ср.: *Мужчина в сером костюме у окна – Павел Сергеевич (С. Труфанов).*

Такие предложения, по мнению И.Б. Шатуновского и являются предложениями идентификации. «С точки зрения содержательной структуры, констатирующим признаком предложений идентификации, (отличающим их от предложений тождества) является семантическая неравноправность, неоднородность составляющих их термовых компонентов. Компонент *A* обозначает нечто мимолетное, мгновенное или, по крайней мере, временное, непостоянное, преходящее или «приходящее». Компонент *B* относится к постоянному, устойчивому, неизменному» (Шатуновский 1990).

Таким образом, предложения тождества и предложения идентификации «выражают приравнивание, унифицируя две сравниваемые величины, т.е. ставя их перед знаком равенства» (Вайс

1985); однако предложения тождества не содержат информации о том, что неизвестное должно возводиться к известному. Следовательно, сущность предложений идентификации состоит в следующем: «они осведомляют слушающего о том, что выражение *X*, референт которого ему еще не известен (по крайней мере, так считает говорящий), может заменяться на выражение *У*, референт которого предполагается известным; в дальнейшем оба выражения могут употребляться для обозначения одного и того же объекта» (Вайс 1985). «Предложения идентификации «сводят» нечто мимолетное, временное, непостоянное к чему-то постоянному, устойчивому, надежно «закрепленному в мире», конкретное – к общему. Другими словами, идентифицировать – значит свести «явление» – к «сущности»..., узнать в «проявлении» – «сущность» (Шатуновский 1990). Всякое предложение идентификации – это предложение тождества, но не всякое предложение тождества содержит в себе семантику идентификации.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
2. *Вайс Д.* Высказывания тождества в русском языке: опыт их ограничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
4. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
5. *Николина Н.А.* Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984.
6. *Шатуновский И.Б.* Тождество и его виды // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
7. *Шмелев А.Д.* Парадоксы идентификации // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.

А.Н. Утехина

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

В многонациональных регионах, где проблема межъязыкового и межкультурного взаимодействия особенно актуальна, преподаются наряду с государственными (например, русский и удмуртский языки) также иностранные языки. Идея многоязычия и межкультурного воспитания подрастающего поколения становится актуальной в связи с пониманием необходимости готовить обучаемых к интеграции в образовательное поликультурное пространство своего региона и мировое культурное сообщество.

Интеграция обучения родному/неродному и иностранным языкам обусловлена: внутренним сходством языков, относящихся к одному классу процессов речевого развития; отношениями взаимодействия при их усвоении, так как обучение неродному языку опирается на знание родного; положением об овладении неродным языком как условии «продвижения» родной речи ребенка на высшую ступень осознания языковых форм (Л.С. Выготский); признанием роли неродного и иностранного языков как средства межкультурного общения, как способа приобщения к национальной и мировой культуре для достижения взаимопонимания в полиэтническом регионе.

Нам представляется необходимым в процессе обучения языкам – родному / неродному, иностранному первому и второму – уделять внимание национально-культурной специфике общения, при этом культурологический подход трансформируется в этнопедагогический.

Мы ориентируемся в процессе обучения языку на обучаемых как на носителей определенной национальной культуры, в основе которой находятся базовые общечеловеческие ценности, что стимулирует подрастающее поколение на изучение ценностей культуры своей страны и страны изучаемого языка, на сопоставительный анализ культурных различий и одновременно на поиск универсалий, общечеловеческих ценностей в различных культурах, а это содействует формированию толерантного сознания и переходу к диалогу как доминирующей форме коммуникации между поколениями и субкультурами.

Изучив сложившиеся стереотипы в отношении проявления национальных характерологических черт представителей удмуртской национальности (удмурты глазами русских – тихие, скрытные), представляется необходимым связать данные проявления с принятыми в удмуртской культуре нормами общения. Опираясь на работу Е.А. Николаевой «Друг к другу с добром», где достаточно основательно представлены проявления удмуртской коммуникативной культуры, основанной на ценностях, нормах, правилах и установках, или как сейчас принято говорить в науке – культурных стандартах. Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, психическое развитие ребенка происходит в ходе присвоения исторически выработанных форм и способов деятельности. Условия развития согласно данной концепции – физиологические особенности мозга (генетические) и общение. Ребенок как существо социальное развивает в себе качества, накопленные человечеством во взаимодействии со средой. А среда, в первую очередь, – это, в нашем случае, семья как носитель культурной традиции в воспитании и общении. Общение ребенка начинается в семье и постепенно расширяется. Семья является основой народной педагогики, ценностью для удмуртской традиции и для каждого ее представителя в течение всей жизни. Удмуртская семья внутренне характеризуется эмоциональной взаимосвязанностью, духовной близостью всех членов, а для ребенка – это источник коммуникативных ценностей. Семья является образцом поведения, стимулирует социальную активность и нравственную воспитанность молодого человека, учит жить среди людей и оставаться самим собой, по словам Е.А. Николаевой.

В семейном общении находят отражение мировоззренческие особенности удмуртской национальной культуры. Сложившиеся *культурные стандарты* в удмуртском этносе можно охарактеризовать следующим образом:

– *Сдержанность в проявлениях эмоций в общении.* Удмурты отличаются особой кротостью и теплотой, в семье общение идет ровно, спокойно, уважительно, с почтением к старшим, с трогательной любовью к детям. Ситуациям общения не свойственна яркость в проявлении чувств.

– *Неконфликтность* (миролюбие). Обычно удмурты стараются избежать конфликтных ситуаций, могут оставить проблемный разговор незаконченным, прогнозируя неблагоприятный исход.

Речь обычно исключает конфликтность и категоричность в любых ее проявлениях: кажется, может быть, наверное так.

– *Направленность на партнера.* В общении удмурты сосредоточены на собеседнике, а не на себе, что дает им возможность успешно освоиться в новых условиях, даже за счет смягчения, сокрытия своих особенностей.

– *Взвешенная тактика общения.* Удмурты умеют соотносить свои интересы с интересами партнеров по общению, учитывают особенности в проявлениях чувств, настроений собеседников. Многословность, преувеличения, подчеркивание трудностей не свойственны удмуртам и вызывают сомнения в искренности партнера по общению.

Конкретизация содержания обучения осуществляется в рамках наших исследований внутри следующих компонентов: предметно-содержательного, предполагающего трансляцию и усвоение знаний по языковым дисциплинам; культуроведческого, который включает языковой, речевой, литературный, страноведческий, этнографический материал; психолого-педагогического, в который входят общеинтеллектуальные действия обучаемых, в основе которых находятся психолингвистические положения об усвоении неродного языка – коммуникативно-деятельностный, когнитивный и личностный аспекты.

Опишем подробнее содержание лингвокультурологического компонента. Культуроведчески-ориентированный аутентичный учебный материал отбирается таким образом, что в нем налицо информационная представленность ценностных ориентаций изучаемой культуры: культура поведения в ситуациях обращения, приветствия и прощания, знакомства, выражения просьбы, благодарности и др.; бережное отношение к родному слову; уважение к старшим; семейные ценности, забота о близких; любовь к дому; трудолюбие; высмеивание пороков (глупости, лени); терпимость к проявлению индивидуальности; реалистичность, прагматичность мировосприятия; культурные традиции в сферах жизни, охваченных тематическими блоками.

Реализации отобранного культуроведчески-ценного материала служат виды культуроведческих заданий: 1) коммуникативно-познавательные задания на овладение формулами речевого этикета; 2) познавательно-поисковые культуроведческие задания; 3) культуроведчески-ориентированные дискуссии; 4) групповой

культуроведчески-ориентированный проект (трансформация текста, расширение текста, ролевая игра).

Технология работы с культуроведчески-ориентированными аутентичными текстами заключается в алгоритмизации последовательных учебных действий:

1 этап: введение в тему на основе презентации коммуникативного фрагмента: восприятие и понимание текста, контрастивный анализ культуроведческих явлений, интерпретация темы (обсуждение), выделение культуроведческого языкового минимума;

2 этап: вычленение смысловых аспектов культуроведческого характера;

3 этап: активизация культуроведчески-ориентированного учебного материала:

а) коллективные – обсуждение, сравнение, нахождение социокультурной информации в тексте, сопоставление с элементами родной культуры;

б) групповые – трансформация текста, анализ результатов индивидуальной деятельности;

в) индивидуальные – поиск дополнительной социокультурной информации, рефлексивный анализ собственной деятельности, выражение личного восприятия через рисунок;

4 этап: включение культуроведческой информации в ситуативно-коммуникативную деятельность – выполнение проектных заданий, дидактические фонетические, грамматические, речевые, ролевые культуроведческие игры, драматизация.

Лингвокультурологические аспекты реализуются на занятиях по практике языка в таких видах учебной деятельности, как, например, в драматизации, стимулирующей информационно-познавательную деятельность студентов, направленную в нашем случае на межкультурное образование. Особенность данного приема состоит в том, что, перевоплощаясь, студент раскрывает себя, развивает свою личностную индивидуальность, примеряя на себя ту или иную роль в заданной межкультурной ситуации. С другой стороны, необходимость работы в поликультурном коллективе способствует формированию умений социального взаимодействия в межкультурном контексте. Например, в ходе работы над темой «Наши праздники» студенты разыгрывают мини-спектакли «Свадебный обряд у удмуртов», «Татарская свадьба», «Свадебный обряд у русских» и «Еврейская свадьба». По окончании спектакля

проводилось обсуждение, в ходе которого были затронуты следующие вопросы: Какую роль играет в вашей жизни национальный праздник? Какие корни имеет данный праздник в вашей культуре? Соблюдается ли праздничная церемония сегодня? Насколько актуален национальный праздник сегодня?

Мы можем предложить студентам провести ролевую игру на тему «Наше поведение: табу – да или нет». Студенты знакомятся с перечнем способов поведения и выбирают – что является для каждой культуры табу. Затем показывают данные «некультурные» проявления, особенно осуждаемые в своей культуре, в виде мини-спектакля. Все участники после представления обсуждают «недостойное поведение» в своей культуре и приходят к выводу, что есть определенные виды табу в поведении, присущие всем взаимодействующим культурам (например, быть пьяным в общественном месте, говорить, не глядя на собеседника, чавкать во время еды, плевать на улице и т. д.).

Обучение умениям межкультурного взаимодействия основывается на разработанной нами системе культуроведческих проблемных заданий, представляющих собой:

1. *познавательные-поисковые задания:*

- задания на определение источников информации;
- определение критериев отбора культуроведческой информации по теме;
- группирование информации, выдвижение гипотез, поиск аргументов, формулирование выводов;
- оценивание эффективности отбора культуроведческих фактов для проникновения в суть проблемы;
- оценивание культуроведческой информации с позиций ее практической целесообразности;

2. *культуроведчески-ориентированные дискуссии:*

- развитие навыков описания и представления родной культуры;
- анализ, сопоставление и обсуждение вероятности изменения иерархии этнических ценностей в зависимости от контекста коммуникации;
- поиск и обсуждение возможных факторов, влияющих на культурное самоопределение;
- анализ и сравнение культурных групп с целью обнаружения культурного неравенства;

- обсуждение существующих точек зрения по вопросу культурного неравенства;
  - принятие участия в действиях против культурной агрессии, культурной дискриминации и культурного вандализма.
3. *культуроведчески-ориентированные ролевые игры:*
- контекстуальная импровизация (исторических фактов, семейных ценностей) особенностей коммуникации взаимодействующих культур;
  - ролевое представление проявлений родной культуры;
  - ролевое представление культуроведческих материалов (текстов, стихов, песен);
  - ролевое представление сложившихся стереотипов в отношении представителей взаимодействующих культур, табу в невербальном поведении.

Подобная дидактическая организация культуроведчески-ориентированного аутентичного учебного материала способствует формированию готовности у обучаемых к межкультурному взаимодействию в «микросреде» иной культуры, что обеспечивается: позитивным восприятием языковых и культурных различий; толерантным отношением к существованию культурных различий; освоением учебных стратегий межкультурного взаимодействия.

Опытно-экспериментальная работа по межкультурному образованию, проведенная аспирантами, соискателями, дипломниками позволила установить динамику формирования умений межкультурного взаимодействия и констатировать, что студенты *на мотивационном уровне:*

- проявляют интерес и желание овладеть нормами другой культуры;
  - обнаруживают чувствительность к ценностному смыслу культуроведческой информации (видят универсальное и специфическое в проявлениях иных культур);
  - выявляют культуроведческие несоответствия на уровне реалий, концептов, ценностей;
- на когнитивном уровне:*
- обладают знаниями универсальных категорий культуры, умеют выстраивать общую иерархию ценностей;
  - имеют тематический тезаурус культуроведческих ориентиров взаимодействующих культур;

– проводят сравнение сходств и различий в проявлениях других культур;

на эмоциональном уровне:

– обнаруживают толерантное отношение к культурным различиям;

– соотносят собственную точку зрения с системой взглядов других;

– эмоционально открыты в процессе межкультурного взаимодействия, идут на межкультурный контакт, чувствуя особенности представителей других культур, и проявляют к ним доброжелательное отношение;

на поведенческом уровне:

– активно участвуют в межкультурном общении, учитывают культурную обусловленность поведения представителей других культур;

– знают правила и формулы культурного этикета, адекватно применяют их в микросреде поликультурного взаимодействия;

– проявляют инициативу в выборе тематики межкультурного взаимодействия, умеют интерпретировать и использовать реалии взаимодействующих культур.

Данные опытно-экспериментальных исследований вселяют определенный оптимизм по поводу того, что лингвокультурологическая направленность языкового образования существенно повлияет на расширение функций языкового образования в плане подготовки обучаемых к устному и письменному общению с носителями конкретного языка в реальной жизненной ситуации.

Литература

1. Белогуров А.Ю. Проблемы развития этнорегиональных образовательных систем // Педагогика. – 2003. – № 1. С. 98-104.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. – М.: Издательский центр «Академия», 1998.
3. Утехина А.Н., Ажмякова Н.Н. Межкультурное воспитание младших школьников в процессе обучения иностранному языку: Монография. – Ижевск, 2004.

Языкознание, как и любая другая научная дисциплина, неоднократно переживало смену научной парадигмы. В свое время преобладающими были логический, натуралистический, психологический, коммуникативный подходы к изучению фактов языка. Синтаксис как раздел языкознания также находился под влиянием различных теоретических направлений. Подобно другим основополагающим понятиям лингвистики предложение трактовалось и трактуется по-разному в силу своей сложности. Каждый подход открывал предложение с новой стороны и обогащал общую теорию о предложении. В современной лингвистике наблюдается устойчивая тенденция рассматривать предложение, прежде всего, как языковую единицу. И как результат, больше внимания уделяется его формальной организации. Лингвисты стремятся абстрагироваться от факторов, характеризующих употребление предложения в речи. Нужно «сначала установить формальные признаки (признак) предложения как языковой единицы, а затем перейти к выяснению вопроса о том, как оно соотносится с мышлением и действительностью...» (Левицкий 2001: 42-43).

Будучи формальной единицей, предложение, однако, обладает информативным содержанием, представленным его семантической структурой. Элементами семантической структуры являются предикат, как обобщенное представление о некотором типе деятельности, и глубинные падежи, как генерализованное представление об участниках, партиципантах данного вида деятельности. Между глубинными падежами, как элементами семантической структуры, и членами предложения, как элементами поверхностной структуры, прослеживаются определенные соответствия и соотношения, но нет отношений изоморфизма.

Во многих современных синтаксических концепциях принято считать глагол организующим центром предложения. Глагол, во-первых, выступает как лексическая единица, называющая некоторое конкретное действие. Во-вторых, глагол способен представлять значение всей ситуации как единого целого, описываемой его лексемой, т.е. определять количество участников ситуации, их роли, их иерархию. Глагол обладает содержательной (семантической) и формальной валентностью. Основой содержательной валентности служат мыслительные категории. Формальная валентность базиру-

ется на способности данной языковой единицы сочетаться с другими единицами. Количество формальных и содержательных валентностей при глаголе не совпадает, поскольку содержательная валентность может быть выражена в предложении имплицитно или комплексно. Содержательная валентность выявляется в семантической структуре предложения, а формальная валентность – в поверхностной. Обязательная содержательная валентность – это наличие в семантической структуре глубинного падежа, обозначающего такого партиципанта, без участия которого это событие невозможно. Факультативная содержательная валентность обозначает партиципанта, чье участие не обусловлено самим событием, и которое является добавочным. Обязательная формальная валентность в отличие от факультативной формальной валентности заключается в способности некоторой языковой единицы требовать присутствия в поверхностной структуре других языковых единиц.

Одной из главных задач семантико-синтаксического описания считается перечисление всех возможных типов элементарных ситуаций и синтаксических средств их выражения. В языкознании неоднократно предпринимались попытки семантического моделирования предложения. Поскольку структура смысла предложения не дана в непосредственном наблюдении, она реализуется в поверхностной структуре или нескольких синонимичных поверхностных структурах предложения. В большинстве исследований моделирование семантики предложения производилось с опорой именно на уровень поверхностных структур, как доступных наблюдению. Неоднократно подчеркивалась ненадежность такого показателя как поверхностная структура при определении семантической структуры предложения. «Лексемы в разной степени конденсируют и затемняют семантическую структуру предложений, в том числе семантическую связь между актантами. Именно поэтому синтаксическая структура предложения – даже на уровне глубинной лексико – синтаксической структуры – может отображать семантическую структуру достаточно опосредованно» (Циммерман 1978: 77). Структурное моделирование отличается от семантического. При формальном моделировании сопоставляются структурно однотипные единицы и вычленяются их инвариантные конструктивные признаки. В семантическом моделировании учитывается денотат. В поверхностном подходе коренится главная причина неудач имеющихся опытов семантического моделирования. По-

этому предлагается единицей семантического моделирования считать структуру смысла предложения, или семантическую модель предложения. Представление семантических моделей, по-видимому, должно опираться именно на понятийные категории, а не на форму их реализации. «Понятийные категории даны в сознании и являются результатом опыта... Понятийные категории важнее грамматических, поскольку они всегда присутствуют в сознании, тогда как грамматические категории очень изменчивы и даже могут исчезать из языка» (Серебренников 1976: 13).

До настоящего времени в синтаксической науке не решена окончательно «проблема выбора рационального способа представления семантической структуры предложения и способов выявления и репрезентации семантических моделей предложения» (Бабенко 2002: 13). Главным методом семантического моделирования предлагается признать метод логического анализа. Кроме того, правильность данных логического анализа может быть проверена экспериментальным путем – методом перефразирования, методом грамматической модификации одного из компонентов модели, включением в контекст (Москальская 1974: 40-41). Многие ученые согласны с тем, что семантическая модель предложения ориентирована на объективную действительность. Если в модели отражена ситуация, то описать модель – значит описать ситуацию. «Описать ситуацию исчерпывающим и не избыточным образом значит назвать всех ее участников и только их, указав все свойства каждого участника и отношения между ними и только эти свойства и отношения» (Апресян 1996: 19). Семантическая модель предложения выявляется в процессе сопоставления валентностных структур глаголов с близкой семантикой. При этом выделяются инварианты этих структур, которые абстрагированы от частных признаков и включают только содержательно обязательные актанты. Эти структуры являются понятийными. В них закреплены результаты познавательной деятельности человеческого сознания. «Если валентностные структуры существуют в языке как структуры, образуемые конкретными глаголами с конкретными актантами, то содержательные структуры представляют собой абстракции, отражающие особенности валентности ряда глаголов...» (Кибардина 1992: 103). Таким образом, семантическая модель – это необусловленный, сводный, абстрактный инвариант.

При описании семантических моделей стремятся обозначить такие модели, которые могли бы быть универсальными хотя бы для нескольких языков. Хотя некоторые ученые скептически смотрят на возможность описания таких семантических моделей, большинство лингвистов высказывается в пользу единого универсального характера семантических категорий: «Единство окружающего нас материального мира как совокупности предметов и явлений, их свойств и качеств, познанных и познаваемых человеком, обеспечивает принципиальное единство отражения в сознании человека и на этой основе возможность понимания между людьми независимо от их принадлежности к разным расам и народам и от использования различных языков» (Слюсарева 1981: 73). Опираясь на тезис о единстве мира и универсальности человеческого мышления, исследователи отмечают, что количество семантических моделей ограничено. «Многообразные реальные отношения, или отношения – события, в мыслительно-речевых процессах типизируются (обобщаются) в ограниченное число логических, абстрактных отношений, отношений-схем. Как ни различны конкретные отношения между действиями и предметами «косить» и «клевер», «читать» и «книга», «петь» и «песня», в мыслительно-речевой деятельности они обобщаются в один тип отношений, что, в свою очередь, обуславливает их одинаковое выражение языковыми средствами...» (Печников 1977: 100).

В процессе описания денотативного плана предложения исследователи берут в качестве отправной точки разные элементы. Одни опираются на типологию предикатов, другие – типологию актантов при предикате, третьи рассматривают саму ситуацию в целом. Поскольку смысловая организация предложения отражает ситуацию, то первостепенную важность представляет вопрос о классификации ситуаций. Е.В. Клобуков отмечает, что для типологии ситуаций «оказывается важным противопоставление пяти сфер объективной действительности: физической (явление неживой природы), физиологической, эмоционально-психологической, интеллектуальной и социальной». Все эти пять сфер могут быть представлены предикатами действия, состояния, отношения и свойства» (Клобуков 1986: 47-48). В основном, лингвисты выделяют следующие семантические типы предикатов: 1) состояние, действие, процесс (Чейф 1975: 117-118); 2) действие, состояние, отношение (Лексико-семантические группы русских глаголов 1988); 3) действие и дея-

тельность; бытие, состояние, качество, отношение (Толковый словарь русских глаголов 1999); 4) действие, состояние, отношение, свойство (Клобуков 1986); 5) действие, отношение, процесс (или становление состояния) (Ноженко 1961: 120); 6) действие, состояние, свойство (Кибардина 1992: 102); 7) действие, процесс, состояние, свойство, качество (Селиверстова 1990: 27). Хотя ученые выделяют в целом одинаковые или схожие между собой семантические типы глаголов (предикатов), по объему их содержание не всегда совпадает. Содержание этих понятий характеризуется высокой степенью абстракции и не поддается точному определению. Различия в классификациях вызваны тем, что не всегда можно однозначно квалифицировать имеющее место событие. Объективная реальность – это не строгая схематизация событий. Одно часто плавно переходит в другое или одновременно совмещает в себе различные характеристики.

Для семантического моделирования не менее важен анализ отношения между предикатом и всеми глубинными падежами. Вопрос о количестве и значении падежей является одним из наиболее спорных моментов в падежной грамматике. Хотя названия глубинных падежей в разных концепциях часто совпадают, это не значит, что они равнозначны по содержанию. И, наоборот, разные названия иногда отражают близкие по сути значения. Как известно, одной из причин существующих разногласий является то, что любому семантическому исследованию присущ элемент субъективизма. Глубинные падежи с приписываемыми им значениями носят в определенной степени условный характер, что и порождает многочисленные подходы к их интерпретации. Анализ различных классификаций показывает, что в них нередко классифицируются элементы разных уровней. В некоторых рассматриваются актанты или аргументы глагола, т.е. речь идет о компонентах поверхностной структуры предложения. В других за основу берутся глубинные падежи как ментальные категории. В третьих перечисляются участники – участники события действительности. Поскольку между этими тремя сферами нет отношений абсолютного изоморфизма, то и различия в классификациях становятся неизбежными. Особенности классификации глубинных падежей определяются тем, что исследователь опирается как на факторы интралингвистической, так и экстралингвистической природы. В результате возникает возможность различной интерпретации одной и той же семан-

тической функции. Этим объясняется не только различное количество глубинных падежей в разных теориях, но и их набор. Вопрос этот решается исследователями в зависимости от избранной ими концепции и отражает подход лингвиста к тому, как он делит семантическую реальность.

В настоящей работе семантические модели простого предикатного выражения строятся согласно разработанной в ней классификации глубинных падежей. Сфера деятельности одушевленного партиципанта включает следующие области: физический акт, внутреннее состояние (эмоции, отношения), восприятие, обладание, коммуникация, существование, акт мыслетворчества. В определенных областях он – активный партиципant, в некоторых – инактивный, и есть области, где он может выполнять обе функции (например, в акте коммуникации). Под активным понимается партиципant, воздействующий на себя или окружающий его мир в силу его внутренних способностей, потенциала, присущего ему изначально. Неодушевленный партиципant вовлечен практически в те же области деятельности, что и одушевленный. Многие исследователи признают в роли активного партиципанта только какое-либо лицо. Однако ряд ученых приписывает активную функцию природным объектам и явлениям. Если исходить из принципа потенционности (т.е. способности осуществлять деятельность), то, согласно У.Чейфу, ею могут обладать не только живые существа (Чейф 1975: 129). Если признать за природными объектами и явлениями эту способность, то их можно считать энергией действия, его силой в чистом виде. Помимо природных стихий в данную группу целесообразно включать любой источник силы и энергии, в том числе и искусственного происхождения, если его функционирование не обусловлено целенаправленной деятельностью одушевленного партиципанта. В основном же, неодушевленные партиципанты выполняют инактивные функции.

В настоящей работе не рассматриваются те глубинные падежи, которые сочетают в себе характеристики каузального, комитативного характера, образа действия и меры. Обозначаемые этими падежами партиципанты обычно выходят за рамки элементарного события. Считается, что они являются «знаком самостоятельной ситуации и присоединяются к основной ситуации, образуя сложную номинацию – макроситуацию» (Клобуков 1986: 58).

Нами предлагается следующий набор глубинных падежей.

Агентив (Ag) обозначает любого одушевленного партиципанта, осуществляющего физический акт, акт коммуникации, акт психологического воздействия или акт мыслительно-волевой деятельности.

Бенефактивом (B) является обобщенный образ одушевленного партиципанта, который обладает или, наоборот, не обладает чем-то, который обретает или лишается чего-либо в силу случая. Событие с его участием не предполагает направленного действия со стороны других участников.

Адресатив (Ad) – обобщенное представление об одушевленном партиципанте, который становится получателем какого-либо материального объекта или информации. Процесс передачи всегда обусловлен волей и намерениями некоторого источника.

Экспериенсив (Ex) олицетворяет одушевленного партиципанта, наделенного способностью чувствовать, переживать различные эмоции, давать оценку происходящему и воспринимать окружающий мир посредством органов чувств.

Главная характеристика Пациентива (P) заключается в том, что он представляет одушевленного партиципанта, затрагиваемого действием, чье участие в событии инактивно. Он становится целью воздействия со стороны других партиципантов или является пассивным участникам определенных отношений с ними.

Элементив (El) обозначает самостоятельно действующую силу, способную влиять и физически и психически на окружающую действительность. Элементивом может быть предмет и не-предмет естественного и искусственного происхождения. Его функционирование обусловлено его внутренними потенциальными возможностями.

Объектив (O) – это типовая роль, включающая любого неодушевленного партиципанта, обладающего каким-то свойством или находящегося в определенном состоянии. Это также предмет воздействия со стороны других участников в зависимости от особенностей их функционирования.

Инструментив (L) – это глубинный падеж, объединяющий неодушевленных партиципантов, посредством которых осуществляется какая-либо деятельность и достигается определенный эффект.

Локатив можно охарактеризовать как местоположение, физическую локацию, пространственную ориентацию действия или состояния.

Поскольку непосредственных участников события бывает, как правило, не более трех, семантические модели содержат от одного до трех входящих в них глубинных падежей. «Вопрос о рассмотрении ситуаций с большим числом семантических актантов остается открытым. Как кажется, в естественных языках существует тенденция не обозначать одной лексемой семи-, восьми- и более актантные ситуации: для них охотнее используется сочетание лексем» (Мельчук 1999: 86).

В настоящей работе типы семантических моделей предложения описываются с учетом характера денотативных ситуаций. Связь между элементами рассматривается как действие, состояние или отношение в зависимости от типа события. Простые предложения описывают определенные элементарные события. Эти конкретные события можно обобщить. Тогда модель отражает некоторое обобщенное событие, в котором выделяются один или несколько компонентов. Действие связывает эти компоненты в единое целое. В нашем исследовании при определении семантических моделей учитываются, прежде всего, экстралингвистические факты, а именно, возможное совместное участие партиципантов в определенном рода события, что в свою очередь отражается на компонентном составе предложения. Модель представляет (отражает) семантическую структуру предложения, которая понимается нами как типовое содержание предложения. Модель состоит из компонентов, которые являются необходимыми и достаточными для выражения этого типового содержания.

Итак, при описании семантических моделей (СМ) за основу принимаются следующие положения:

- 1) СМ есть обобщенное ментальное отражение сходных событий действительности;
- 2) элементами СМ являются типовые образы партиципантов события, находящихся в определенной взаимосвязи друг с другом и выступающие в модели под названием «глубинных падежей»;
- 3) количество и характеристика глубинных падежей в СМ определяются типом отражаемого в модели события;
- 4) семантическая модель манифестируется в форме простого предложения.

Семантические модели простого предложения можно классифицировать по количеству входящих в них глубинных падежей. В

результате выделяются группы одночленных, двучленных и трехчленных моделей.

Одночленные модели отражают события, в которых фигурирует один единственный партиципant:

Агентив – Действие

Меннерс рыдал от ужаса... (Грин А.А.).

Экспериенсив – Состояние

Парень волновался (Толстой А.Н.).

Пациентив – Состояние

Янсен покраснел от удовольствия (Толстой А.Н.).

Элементив – Действие

Солнце поднималось все выше (Катаев В.П.).

Объектив – Состояние

А шар рвется вверх (Житков Б.С.).

Одночленные модели отражают только те события, в которых осуществляется действие, производимое активным партиципantом (агентом или элементом), и это действие замыкается на нем самом. Одночленные модели представляют также те события, в которых инактивный партиципant (пациент, экспериенцер, объект) переживает некоторое состояние или несет некоторое свойство. Одночленных моделей выделяется немного, поскольку все в действительности взаимосвязано и функционирует в едином комплексе. Разные партиципantы часто становятся участниками одного и того же события. Набор партиципantов в каждом отдельном случае определяется типом или характером события. События с двумя участниками типизируются в следующих моделях:

Агентив – Действие – Адресатив

Генерал (Ag) подозвал переводчика (Ad) (Толстой Л.Н.).

Агентив – Действие – Пациентив

Лукашка (Ag) все время молча глядел на Марьянку (P) (Толстой Л.Н.).

Агентив – Действие – Объектив

Дези (Ag) внесла шипящую сковородку (O) с поджаренной рыбой (Грин А.А.).

Агентив – Действие – Инструментив

Малый (Ag) в джинсовой куртке брэнчал на гитаре (I) (Калугин А.А.).

Агентив – Действие – Локатив

В троллейбус (L) вбежала девушка (Ag) (Булычев К.).

Бенефактив – Отношение – Объектив

Машины (O) принадлежат...**собственникам (B)** *особняков* (Беляев А.Р.).

Бенефактив – Отношение – Пациентив

У отца (B) была другая **семья (P)**... (Паустовский К.Г.).

Пациентив – Состояние – Локатив

Кошка (P) спала на **диване (L)**.

Элементив – Действие – Объектив

Ветер (El) и **волны (El)** ...**несли лодку (O)** ... (Грин А.А.).

Элементив – Действие – Пациентив

Ветер (El) разгонял **москитов (P)** (Булычев К.).

Элементив – Действие – Локатив

Пещеру (L) заволакивал серый **туман (El)** (Быстров А.М.).

Экспериенсив – Отношение – Объектив

Любит свою гармонию (O) Павка (Ex) (Островский Н.).

Объектив – Состояние – Локатив

Хижина (O) стояла на **острове (L)** (Головачев В.П.).

Экспериенсив – Отношение – Пациентив

Петровский (Ex) сразу узнал **Наполеона (P)** (Данилевский Г.П.).

В двучленных моделях представлены все типы событий с участием всех видов партиципантов. Группа двучленных моделей самая многочисленная.

Наибольшее число непосредственных участников события равняется трем. Типовым событиям этого класса соответствуют следующие модели:

Агентив – Действие – Адресатив – Объектив

Алексей Григорьевич (Ag) подарил **князюне (Ad)** разные **вещи (O)** (Данилевский Г.П.).

Агентив – Действие – Адресатив – Пациентив

Старик Геккерн (Ag) представил приемного **сына (P)** **императрице (Ad)** (Житков Б.С.).

Агентив – Действие – Пациентив – Локатив

Затем хозяин (Ag) увел **гостей (P)** в свою **мастерскую (L)** (Головачев В.П.).

Агентив – Действие – Объектив – Локатив

Кремнев (Ag) сунул **пистолет (O)** в **карман (L)** (Быстров А.М.).

Агентив – Действие – Пациентив – Инструментив

Остан (Ag) толкнул Балаганова (P) ногой (I) (Ильф И., Петров Е.).

Агентив – Действие – Объектив – Инструментив

Тут великий князь (Ag) стукнул посохом (I) в решетку (O) (Лажечников И.И.).

Элементив – Действие – Объектив – Инструментив

Вдруг ветер (EI) со всего размаха хлопает сенной дверью (I) в стену (O)... (Бунин И.А.).

Элементив – Действие – Пациентив – Инструментив

... ветер (EI) бил его (Грея)(P) по лицу мокрым углом (I) паруса... (Грин А.А.).

В трехчленных моделях отражаются только те события, которые представляют собой направленное на кого-то или что-то действие. Поэтому обязательными элементами модели являются как глубинные падежи, обозначающие активных участников (Агентив, Элементив), так и глубинные падежи, обозначающие наименее активных участников (Объектив, Пациентив, Локатив, Инструментив).

Принимая во внимание объективные причины, становится очевидным, что в большинстве событий участвуют два участника, реже три. Гораздо чаще других участников центральным участником события становится агент. Это, по-видимому, обусловлено его активной сущностью, а также тем, что, будучи одушевленным, он бывает задействован в более многочисленных сферах деятельности, чем неодушевленные участники. Агент способен вступать в отношения почти со всеми участниками, за исключением элемента и бенефицианта. Агент и элемент, будучи оба активными участниками, взаимоисключают друг друга. В основном, агент вступает в отношение с одним участником. Однако в тех случаях, когда агент воздействует на пациента или объект, то он может использовать при этом участник, инструмент или место. В других событиях с участием агента, пациента и объекта может состояться передача двух последних адресату. Сфера деятельности бенефицианта довольно ограничена, поэтому он может участвовать в событиях только с пациентом и объектом. Адресат, как уже было отмечено, может быть третьим участником в событиях с агентом, объектом или пациентом. Он также способен участвовать в событиях с каждым из этих участников в отдельности. Экспериментатор требует участия пациента или объекта. Пациент участвует в собы-

тиях со всеми партиципантами кроме объекта, поскольку по схожести функционирования они взаимоисключают друг друга. Элемент функционирует совместно с пациентом, объектом, инструментом и экспериенцером. Участие инструмента не пересекается со сферой деятельности бенефицианта. Место не функционирует в событиях совместно с бенефициантом, экспериенцером и адресатом.

Суммируя выше изложенное, можно сделать ряд выводов:

1) структура события отражается в семантической модели ППВ, в которой деятельность представлена предикатами действия, состояния и отношения, а партиципаны глубинными падежами;

2) в зависимости от количества представленных в модели глубинных падежей формируются одно-, двух- и трехчленные модели;

3) самой многочисленной является группа двухчленных моделей;

4) наиболее распространено участие Агентива;

5) наличие одного глубинного падежа может автоматически исключать из модели другой глубинный падеж в случаях, когда их функционирование схоже, или когда области их функционирования не пересекаются.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* О толковании словаря управления и сочетаемости русского глагола // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С.135-151.
2. *Бабенко Л.Г.* Предисловие // Экспериментальный синтаксический словарь. – М., 2002. – С.9-32.
3. *Кибардина С.М.* Функции субъекта и объекта в аспекте теории валентности // Теория функциональной грамматики. – С-П.: Наука, 1992. – С.100-113.
4. *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986.
5. *Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса. – Пермь: Изд-во Перм. ун-т, 2001. – 236 с.
6. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов. – справ./ Под общей ред. Т.В.Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
7. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Текст». Семантика, синтаксис. – М.: Языки русской культуры, 1999.

8. *Москальская О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1974.
9. *Ноженко П.Н.* К вопросу о связи семантики глаголов с грамматическим значением теории немецкого языка. Т.2. – Иркутск, 1961. – С. 119-130.
10. *Печников А.Н.* Некоторые вопросы семантики словосочетания // Семантика переходности. – Л.: ЛГПИ, 1977. – С. 99-104.
11. *Селиверстова О.Н.* Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания). – М.: Наука, 1990.
12. *Серебрянников Б.А.* Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира. – М., 1976. – С. 7-52.
13. *Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – 206 с.
14. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
15. *Циммерман И.* Синтаксические функции актантов, залог, переходность // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 71-79.
16. *Чейф У.* Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975.

Е.А. Широких

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ
НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕТЕРМИНАТИВОВ
(в английском и русском языках)

Проведя анализ существующих толкований неопределенности, мы рассматриваем это значение как отсутствие определенности (не-определенность или невыраженную определенность), которое может реализоваться в речи в виде различных синтагматических вариантов, в том числе неизвестности, неиндивидуализированности, неспецифичности, нежелания дальнейшего уточнения у говорящего и т.д.

Признавая, что в целом категория определенности-неопределенности базируется на количественном признаке, нельзя не отметить и возможность существования качественной неопределенности, на что указывают и философы, и лингвисты. Неопределенностью характеризуется любой скачок при переходе одного качества в другое. Если неопределенная референция предполагает отсутст-

вие точных границ, точных параметров объекта, то можно предположить, что в одних случаях это могут быть неточные количественные границы («много домов – мало домов, несколько домов»); в других – качественные границы («какие-то дома») (Маловицкий 1996). Следовательно, и неопределенные детерминативы можно условно разделить на две группы:

1) детерминативы, выражающие качественную неопределенность: в английском языке это *a, some, any, one*, а также *a certain* (который рассматривается как постдетерминатив в сочетании с неопределенным артиклем);

2) детерминативы, выражающие количественную неопределенность: английские *some any, several* (постдетерминатив), *every* и *a few* (постдетерминатив в сочетании с неопределенным артиклем).

Довольно большое число работ посвящено количественным детерминативам (определителям), в том числе работы П. Кристоферсена (Christophersen 1939), Ю.А. Левицкого (Левицкий, Погудина, Шутов 1973), Польской М.И. (Польская 1981) и т.д. В нашей работе мы остановимся на неопределенных детерминативах, выражающих неопределенное качество.

Многие исследователи подчеркивают своеобразную полифункциональность детерминативов *some* и *any*. Это объясняет разногласия, существующие в литературе, а также интерес к ним с практической точки зрения. Их семантику составляет неопределенность, так или иначе отраженная в указании на количественные или качественные признаки соотнесенного существительного. Употребление *some* предполагает наличие, существование какого-либо неопределенного качества. В этом значении *some* обычно употребляется перед исчисляемым существительным в единственном числе:

'You'll put this at once in the hands of some energetic inquiry man'.

Иногда подобное значение подкрепляется более широким контекстом: *'I mean, you can't cough at a time like that'. – "Why? Is this some etiquette I don't know about?"* (Chrichton 1994).

Как отмечают словари, в этом случае *some* может употребляться наряду с неопределенным артиклем:

I've read it in some book (= in a book);

Some woman came up to me and told we'd been to school together.

Can you give me some idea of the cost?

Также отмечается значение «какой-нибудь» (близкое к *any*):

Give me some work, I have nothing to do.

Some в значении неопределенного качества обладает неограниченной сочетаемостью:

- 1) *some* + вещественного существительное
a sort of some summer fabric (“*some sort of summer fabric*”);
- 2) *some* + абстрактное существительное:
in the grip of some strange power (“*sort of...*”);
- 3) *some* + существительное во множественном числе:
put on some shoes (“*some sort of shoes*”).

В значении качественной неопределенности английское *some* соответствует различным русским местоимениям, зачастую сразу нескольким: *какой-то*, *какой-нибудь*, *кое-какой*, *некоторый* и т.д. Различие между местоимениями с *-нибудь* и *-то* определяется прежде всего признаком альтернативности/неальтернативности в заполнении актантной позиции. Местоимения с *-нибудь* всегда показывают, что актантной позиции соответствует некоторый набор альтернатив, создаваемый элементами описываемого множества или членами класса. Но при этом актантная позиция будет или была бы заполнена только одной (или по крайней мере, одной, но не всеми) из возможных альтернатив:

Боюсь, что он женится там на какой-нибудь француженке.

Напротив, местоимения с *-то* указывают на отсутствие альтернативы или не несут информации о наличии альтернативы:

...И неясная боль надежды на какую-то возвышенную жизнь.

Также необходимо отметить роль актуального членения предложения. Так, в предложении *Можешь взять какую-нибудь из этих книг* отсутствует пресуппозиция существования, имеющаяся в предложениях с *один*, *какой-то*, которые употребляются в двуремных предложениях, где утверждение о существовании объекта скрыто переходит в тему (пресуппозицию) второй части. В предложениях с *какой-нибудь* нет такой пресуппозиции, но всегда есть пресуппозиция о существовании класса, названного существительным (класс «книг» в примере), и, следовательно, о существовании «какого-нибудь» (любого) члена класса.

Некоторые исследователи называют местоимения *some*, *one*, *any*, *certain*, *no* лексическими аналогами артикля, которые, значительно ослабляя свою семантику, не принимают ударения и поэтому приближаются к единицам аналитической морфологии (или десемантизируются), в частности некоторые говорят о возможности взаимозаменяемости местоимения *some* перед исчисляемыми су-

существительными в единственном числе и неопределенного артикля (Christophersen 1939).

Так, употребление *some*, как и неопределенного артикля, перед существительным может свидетельствовать о появлении в семантике слова семы «предметность»:

Except I felt I owed it to them to buy some little something (Capote 1974).

Ср.: *'Ernest, you talk like an uneducated son of a what-not*' (Wodehouse 1978).

Несмотря на близость семантики (одно инвариантное значение), вряд ли можно говорить о возможности взаимозамены местоимений и неопределенного артикля в большинстве случаев. Представляется, что сочетание *some* с именем существительным может означать: «говорящий не желает или не может назвать объект более точно», что, однако, не всегда можно определить:

At some point in the afternoon, a barber would come in to cut his hair (= какой-то момент) (Hailey 1986).

'I heard she got married to some rich guy in Pasadena, but it didn't take'.

Кроме того, в отличие от неопределенного артикля *some* обладает более самостоятельным значением и своеобразным влиянием на актуальное членение предложения. В случае с неопределенным артиклем сочетание с именем существительным приобретает значение «один из множества подобных». Поэтому *some* не может использоваться вместо неопределенного артикля также в некоторых случаях традиционного использования; мы не можем сказать, например, **Once upon a time there was some king who had some daughter* или **Some cat has nine lives*. Поскольку неопределенный артикль безударен, вся релативная нагрузка в сочетаниях с ним существительного приходится на само существительное; поэтому в сочетаниях с неопределенным артиклем естественно возникает противопоставление («один представитель из этого класса, а не другого»), так называемая «контрастная» рема, сопровождаемая логическим или эмфатическим ударением. Артикль как бы не отвлекает на себя внимание говорящих, в отличие от местоимения, вносящего дополнительное сообщение в инвариантное значение неопределенности.

Будучи качественным неопределенным детерминативом *any* может выражать «безразличие» к индивидуальному качеству («любой», «всякий», «безразлично который»):

You may take any book.

В значении качественной неопределенности *any* коррелирует с *a, every, either, all*:

He had believed that she was as wise as any woman could or ever ought to be (= every) (Saroyan 1999).

It is the sourest, blackest, vilest stuff ever invented by any man, and yet it's potent beyond all knowing, a few drinks, and the world spins (= a) (Chrichton 1991).

It is well known that radiologists have the shortest lifespan of any medical specialist (= all) (Chrichton 1990).

Несмотря на близость значения, *any* в отличие от *all* называет одного члена класса. Различие *any* и *every* заключается в акцентировании отдельного, случайно выбранного, индивидуального (в случае с *any*) или целого класса, состоящего из отдельных представителей (в случае с *every*). В *any* акцентируется компонент «отдельный, случайно выбранный».

Английское *any* в значении качественной неопределенности часто переводится на русский язык словом *любой*. Отличие этих слов определяется признаком заполнения актантной позиции. В семантическую структуру группы *any* входит больший диапазон значений этого признака. Так, *any* не требует, чтобы в фокусе внимания не стоял вопрос о том, заполнена ли актантная позиция или нет. Отсюда *any* широко употребляется в вопросительных предложениях, не имеющих импликационной семантической структуры:

'Is there any hope, Doctor?' – Есть ли какая-нибудь надежда (*любая).

Any в отличие от *любой* также широко употребляется в условиях полного отрицания:

I didn't pay any attention to what he said. – Я не обращал никакого внимания на то, что он говорил.

Любой не просто предоставляет адресату речи свободу выбора, а подчеркивает, что все альтернативы «хороши» («качественно все члены совокупности пригодны занимать актантную позицию»):

Если любой инженер может выполнить эту работу, то зачем приглашать специалиста.

Необходимо отметить, что местоимения *любой* и *какой-нибудь* различаются по роли в актуальном членении высказывания: *любой* всегда ударно, то есть представляет рему, в отличие от слова с *-нибудь*, которое всегда безударно и диктально:

Можно мне взять какую-нибудь книгу?

Любую ли книгу можно взять?

Кроме того, как отмечают многие исследователи, *any* может употребляться наряду с неопределенным артиклем с существительным в единственном числе «для выражения общего понятия, а также «неопределенного» или точнее, «обобщенного лица», где неопределенный артикль можно рассматривать, по мнению О. Есперсена, как ослабленное *any*:

A cat is not as vigilant as a dog (Есперсен 1958).

В целом, необходимо отметить, что *any*, несмотря на одно инвариантное значение с неопределенным артиклем («невыделенности из класса»), в отличие от него обладает более самостоятельным значением и подчеркивает компонент «безразлично который»:

'But would you know that the odds are against an artist, any artist, becoming great, getting recognized and, incidentally, well paid?' (Hailey 1986).

От *some any* отличается не просто употреблением в определенном типе предложения, но, прежде всего, своим значением, которое можно интерпретировать как «любой, какой бы то ни был», что объясняется отсутствием пресуппозиции существования. Употребляясь в вопросительном, отрицательном или условном предложении, *some* вносит в него пресуппозитивное утверждение:

'He is obviously working off a tip. But do you have any idea what's behind it?' (Chrichton 1993).

Ср. *'Could you give me some idea?' – 'Not on the phone'* (Vonnegut 1963).

В отличие от *some any* является неопределенным и для говорящего, и для слушающего (поэтому у слушающего могут возникнуть дальнейшие вопросы). *Some*, как и *any*, может употребляться в высказывании с модальностью желания, необходимости и т.п., но не выражает при этом значения «какой бы ни был», что объясняется отсутствием пресуппозиции существования. Так, предложения *Take some book* и *Take any book* различаются тем, что в первом случае имеется в виду «одну книгу из класса книг» (подобно неопределенному артиклю), во втором - «любую книгу, какую бы ни бы-

ло» (Гуревич 1998). В предложении, где употребляются одновременно *some* и *any*, контраст между ними становится еще более очевидным:

'Why don't you do something, act some way, any way at all?'

Слова *some* и *any* могут выражать как неопределенное качество, так и количество, что иногда вызывает определенные сложности интерпретации. На наш взгляд, в большинстве случаев можно воспользоваться перифразой *some* с помощью выражений "N of some kind" в случае качественной неопределенности или "some amount/number of N" в случае количественной неопределенности:

'We take some interest, you know', he added with a comical grimace, 'in old English churches' (Chesterton 1987).

Ср.: *The colossus of crime leaned over to the little rustic priest with a sort of interest* (Chesterton 1987), где индикатор неопределенного качества "a sort of N" точно указывает, что в данном случае мы имеем дело с качественной неопределенностью.

В целом, употребление *some* и *any* всегда обусловлено не типом предложения, а собственной семантикой этих местоимений, а именно – выражением количественной или качественной неопределенности. Семантическое различие между *some* и *any* основывается на том, что они по-разному раскрывают понятие количественно-качественной неопределенности, в их лексических значениях обобщены разные свойства, стороны этого понятия; кроме того, они по-разному соотносятся с другими неопределенными детерминативами. Так, *any* соотносится с *a, every, either, all*; в то время как *some* с *a certain, one* (в случае качественной неопределенности) и *several* (количественная неопределенность). Следовательно, несмотря на близость семантики, в большинстве случаев нельзя говорить о возможности субституции *some* или *any* неопределенным артиклем. Если неопределенный артикль в сочетании с именем существительным обычно имеет значение «один из класса подобных», то семантика *some* в случае качественной неопределенности, кроме того, включает компонент «какой-то неизвестный, неустановленный», и выражает неуверенность или недостаточную осведомленность говорящего, в то время как *any* имеет добавочный компонент «безразлично который, любой».

Довольно часто некоторые значения *some* объясняются с помощью выражения *a certain*. Его отличие от *some* может быть сведено к следующему: в случае с *a certain* происходит частичная ней-

трализация значения неопределенности, что, возможно, объясняется синкретизмом значений этого слова, в отличие от *some*, где неопределенность более полная. Использование *a certain* не обязательно подразумевает, что неопределенность в конце концов будет устранена. Иногда мы используем *a certain*, когда знаем имя или описание индивида и могли бы указать его точно, но не желаем делать этого, или возможно, из-за нашей осторожности, нежелания, или осведомленности слушающего. В некоторых случаях представляется возможной замена *a certain* на неопределенный артикль. *A certain*, как и неопределенный артикль, может указывать на добавление компонента «предметности» к значению слова (или выражения), то есть способствует субстантивации:

But that didn't alter the fact that Jeeves had attempted to do the dirty on me, and I suppose a certain what-d'you-call-it had crept into my manner during the above remarks.

В отличие от неопределенного артикля выражение *a certain* просто указывает на факт, что известно, что отдельный объект удовлетворяет данному условию, не указывая конкретно на данный объект, поэтому его можно назвать индикатором, заключающим в себе ссылку. Нам представляется важным также подчеркнуть, что в данном случае происходит определенная смена акцентов: внимание направлено уже не на само слово, следующее за артиклем, а на детерминатив.

Ср.: *'and if you will only allow me to do a little something for you it'll be a privilege'*.

В целом, сочетания с *a certain* можно перефразировать «я знаю (говорящий знает), о чем он говорит, но не скажет (слушателям)». Русским соответствием английскому выражению *a certain* могут послужить слова *определенный*, *известный*, которые можно рассматривать как прономинализованные прилагательные:

В известных случаях приходится действовать так, как подсказывает обстановка (= некоторых).

Кто-то писал ему, что известная особа скоро должна вступить в законный брак (= некая).

при определенных обстоятельствах (= некоторых).

По мнению некоторых исследователей, наличие *one* в системе языка представляет одну из самых ярких типологических черт английского языка (Александров 1970). В английском языке *one* означает, что говорящему известно (точно или хотя бы приблизительно-

но), кто/что именно имеется в виду, но он не хочет этого указывать. Использование *one* может быть вызвано или намерением вообще скрыть от слушающего информацию, или несущественностью конкретизации для сообщения:

I just came back from work one day and found a note waiting for me.

Несмотря на близость *one* к неопределенному артиклю, необходимо отметить, что местоимение *one*, в значении которого всегда сохраняется сема количественной характеристики, может быть использовано лишь как весьма относительное соответствие неопределенного артикля. В большинстве же случаев замена невозможна: *He heard a sound like...* (замена на *one* в данном случае не представляется возможной). Именно добавочные семантические наращения («Знаю, но не хочу указывать») препятствуют его использованию там, где требуется артиклевая неосложненная неопределенность: например, при квалификации объекта в предикативе (*He is a student*), при введении нового объекта в ситуацию (*A man entered the room*).

Представляется возможным отметить корреляцию *one* с неопределенными детерминативами *a certain, some, any* в различных контекстах:

And he remembered one evening having felt for an instant that he had done a very brilliant thing in writing the picture (= a certain) (Saroyan 1999).

I think he would have crossed over one day in any case, but the dog was the last straw (= some day) (Greene 1974).

Ср.: '*But some day you'll be an old grey monkey, Flambeau*' (Chesterton).

Отмечая близость семантики *one* к *a certain, some*, важно подчеркнуть также наличие пресуппозиции существования в сочетании с *one*. Кроме того, добавочные семантические наращения («Знаю, но не хочу указывать») препятствуют его использованию там, где требуется неосложненная неопределенность, и, следовательно, использование неопределенного артикля.

Английскому *one* в русском языке соответствует прономинализованное числительное *один*, которое употребляется в значении неопределенного местоимения «какой-то, некий»:

Итак, в одном департаменте служил один чиновник.

Таким образом, несмотря на близость семантики неопределен-

ного артикля и других неопределенных детерминативов (одно инвариантное значение неопределенности, «невыведенности из класса»), вряд ли можно говорить о возможности субституции. В целом, как показал анализ примеров, замена одних неопределенных детерминативов другими приводит к смене акцентов, а в некоторых случаях смысловым искажениям и потерям. Важно выделить основной момент, обуславливающий употребление рассмотренных детерминативов. Он заключается в том, что неопределенные местоимения несут дополнительную лексическую нагрузку, поэтому не могут служить чисто грамматическим, формальным средством для выражения неопределенности. Значение неопределенности в детерминативах, как правило, осложняется различными семантическими наращениями.

Семантические соотношения неопределенных местоимений с неопределенным артиклем связаны с особенностями актуального членения данной части высказывания. Существительное с неопределенным детерминативом всегда входит в рему высказывания. Неопределенный артикль обычно безударен; но местоимение все же обладает словесным ударением. Поскольку неопределенный артикль безударен, вся речевая нагрузка в сочетаниях с ним существительного приходится на само существительное. Артикль не отвлекает на себя внимание говорящих, в отличие от местоимения, вносящего дополнительное сообщение в инвариантное значение неопределенности.

Литература

1. Александров А.В. Синтаксическое функционирование группы неопределенных местоимений в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1970.
2. Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Артикль. Вопросы теории и типологии. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 1999.
3. Гуревич В.В. Семантическая производность в грамматике. – М., 1998.
4. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
5. Левицкий Ю.А., Погудина Э.Б., Шутов И.И. Система определителей (на материале английского, немецкого, французского языков): Пособие для слушателей ФПК под общей редакцией Ю.А. Левицкого. – Пермь, 1973.

6. *Маловицкий Л.Я.* Семантика переходности и семантика неопределенности // Проблемы лингвистической семантики: Материалы межвузовской научной конференции, Череповец, 1996 г. / Череп. гос. пед. ин-т. – Череповец, 1996.
7. *Польская М.И.* Семантико-синтаксический анализ слов с количественным значением в современном английском языке: Автореф. канд. ... филол. наук. – Л., 1981.
8. *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988.
9. *Шапкин А.П.* Многозначность *some* и *any* в английском языке XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963.
10. *Christophersen P.* The Articles. A study of their theory and use in English. – London: Oxford University Press, 1939.
11. *Hawkins John A.* Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction. – New York: Humanities Press–London, 1978.
12. *Kramsky Yiri.* The article and the Concept of Definiteness in Language. – The Hague–Paris, Mouton, 1972.

Д. Шшков

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СЕМАНТИКИ
ЧАСТИЦ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В современной лингвистике существует разделение языков на «языки частиц», т.е. такие, в которых имеется разветвленная система частиц и понятие частицы как класса общепризнано, и так называемые «слабопартиклевые» языки, где подобная система не развита или развита слабо, и наличие отдельного класса частиц вызывает споры. К первому типу следует отнести, в первую очередь, русский язык, ко второму — английский. Об уникальности русского языка в плане наличия в нем огромного количества частиц, передающих оценки и чувства говорящего и придающих особую окраску стилю речевого взаимодействия между говорящим и слушающим, писала А. Вежбицка. Она отмечала, что развитая система частиц в русском языке является отражением важного признака русской культуры – эмоциональности, которая выражается в свободном проявлении чувств, высоком эмоциональном накале русской речи, богатстве языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков. Напротив, важной особенностью англоязычной культуры, с точки зрения ученой, является то, что там

смотрят на поведение, оцениваемое как эмоциональное, без особого одобрения, с подозрением и смущением.

Это подтверждается анализом словарей: в 17-томном Академическом словаре русского языка насчитывается 131 частица, в Словаре русского языка С.И. Ожегова – 75 частиц (Николаева 1985: 8). В английском языке выделяют в среднем около 20 частиц. Однако несмотря на такое малое количество, частицы – сложный предмет для исследования, «неуловимый, противоречивый и умопотрясающий», по выражению А.Вежбицка (Wierzbicka 1986: 521). Еще 300 лет назад Дж. Локк утверждал: «Тот, кто захочет показать правильное употребление частиц и их значимость и силу, должен будет приложить немало усилий, проникнуть в собственные мысли и внимательно проследить различные состояния своего мышления в ходе рассуждения» (цит. по: Wierzbicka 1986: 520). Эти так называемые «маленькие слова» являются незначительными только по внешнему виду, а не по задачам в языке. Сложность изучения частиц связана с такими их особенностями как нечеткость прототипических признаков, размытость семантики, многообразие выполняемых частицами коммуникативных функций.

В современном языкознании с термином «частица» связывают четыре разряда форм (Николаева 1985: 3):

1. С исторической точки зрения первое значение частиц связывается с изучением языков древности – ведийского, хеттского, санскрита, греческого, латинского. В этой традиции значение слова «частица» лучше всего передать словом «коннектор», использовавшийся для введения индоевропейского предложения. Многие частицы этого рода в современной лингвистике назвали бы союзами.

2. Частицы – это неизменяемые компоненты, присоединяемые к полнозначным словам, так что формируются определенные грамматические формы, парадигматически и категориально соотносимые с формами, образуемыми и без частиц. В русском языке – это частицы *-то, -либо, -нибудь, бы* и т.п. (Николаева 1985: 3). В английском языке аналогичное толкование термина «particles» дают английские лингвисты Р. Кверк, С. Гринбаум, Дж. Лич и Я. Свартвик, которые использовали его для обозначения слов, стоящих после глаголов в сочетаниях типа *drink up, get away*, т.е. послелогов.

3. В рамках широкого толкования частицы соответствуют общему классу служебных слов в их противопоставлении словам знаменательным, полнозначным. В.В. Виноградов отмечал: «Частицы в широком смысле этого слова – то же, что «частицы речи». Частицами называются классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» (Виноградов 1986: 544).

В отличие от русских лингвистов, Г. Суит и О. Есперсен включали в класс частиц наречия. Так, О. Есперсен выделял пять частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, глагол и частицу. При этом последний из перечисленных классов – «particles» – характеризовался им отрицательно, как составленный из слов, не вошедших ни в один из четырех первых классов. Г. Суит, разделяя части речи на две основные группы – изменяемые («declinables») и неизменяемые («indeclinables»), – объединял в последнюю наречия, предлоги, союзы и междометия, называя их в совокупности частицами («particles»).

4. Четвертое значение термина «частица» соотносится со способностью языковой единицы выступать в функции передачи разнообразных коммуникативных характеристик сообщения. Это слова типа *вот, же, только, даже* в русском языке, *even, only, just, yet* – в английском. В.В. Виноградов охарактеризовал частицы как «несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридно-полуграмматического, полулексического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны. Вот за этими-то группами «частичных» слов и сохраняется обычно звание «частиц» в собственном смысле» (Виноградов 1986: 545).

Изучение семантики частиц неотделимо от понятия номинации. Широкое толкование номинации определяется следующим положением: все выделяемые человеческим сознанием, даже несубстанциональные, элементы действительности получают языковое обозначение, и, следовательно, обозначающие их знаки также должны быть включены в круг средств номинации. Сторонники такого подхода к явлению номинации отмечают, что в человеческом сознании нет непроходимых граней между отражением вещи, про-

цесса, свойства и отношения, поэтому последние могут опредмечиваться в сознании человека и получать обозначение именами существительными, как и предметы (Гак 1998). Процесс обозначения психических состояний и эмоций говорящего также относят к номинации. При этом подчеркивается тот факт, что слова и предложения, выражающие мысли и понятия, вместе с тем обозначают предметы и события, на которые направлены эти мысли и понятия. В отношении чувств и эмоций отмечается возможность их осознания, классификации и словесного обозначения (или обозначения с помощью интонации), т.е. получения ими языкового обозначения. Таким образом, в содержательном плане понятие номинации следует трактовать как «обозначение всего отраженного (или отражаемого) и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» (Гак 1998: 314-315).

Подобное толкование номинативной функции как способности языковой единицы соотноситься с элементом внеязыковой действительности позволяет значительно расширить круг номинативных средств языка, включив в него многие служебные слова. Так, В.Г. Гак полагает, что грамматические, в том числе синтаксические, средства языка могут становиться номинативными единицами, но не самостоятельно, а только в сочетании с другими языковыми единицами, элементами, в составе другой языковой единицы, т.е. следует говорить о несамостоятельной номинативной функции (Гак 1998: 315-317).

Тем не менее, по вопросу о номинативном статусе частиц все языковеды, занимающиеся их изучением, приходят к единому выводу: частицы не обладают номинативной функцией, так как не имеют референтов во внеязыковой действительности (Жигадло и др. 1956, Волкова 1987). Даже широкое толкование явления номинации не дает оснований причислять частицы к номинативным средствам языка. В отличие от предлогов и союзов, обозначающих отношения, существующие во внеязыковой действительности (например, пространственные отношения, выражаемые предлогами *в*, *на*, *под* и др.), частицы ничего не обозначают, а только выполняют функцию выделения некоторого компонента высказывания. По существу частицы являются маркерами некоторых значений (поэтому они значимые знаки), но значений очень общих и не содержательных, а коммуникативных. Поэтому вполне объяснимо, что

существующие теории знаков не годятся для объяснения сущности частиц: они рассчитаны на содержательную номинацию – либо понятий, либо реальных сущностей, либо отношений.

Таким образом, общепринятое мнение таково: частицы не являются номинативными единицами языка. Это делает вопрос о семантике частиц одним из наиболее сложных при их анализе.

Поскольку лексическое значение есть род номинативного, многими лингвистами был сделан вывод о том, что частицам не присуще собственное лексическое значение.

С другой стороны, внесение различных частиц в предложение по-разному влияет на его смысл. Так, два предложения отличаются только частицами: (1) *Still Tom came to see her off*; (2) *Tom already came to see her off*. Вокруг каждого из этих высказываний можно предположительно воссоздать совершенно различное контекстное окружение, определяемое различием семантики частиц:

(1) *There were some reasons and Tom apparently shouldn't have come but he could/decided to come.*

(2) *Tom came to see her off but left by the moment of speech.*

Следовательно, каждая частица имеет собственное значение. Вопрос в том, как охарактеризовать это значение.

Некоторые языковеды – А.М. Пешковский, А.А. Шахматов – утверждали в этой связи, что значение, присущее частицам, является грамматическим. При этом делается ссылка на его особый, абстрактный характер или подчеркивается роль частиц как выделителей значений других слов и словосочетаний и делается вывод о наличии у частиц грамматического значения выделения. В этой связи необходимо четко определить сущность грамматического значения.

М.В. Никитин отмечает, что, говоря о значениях лексических и грамматических, мы интересуемся значениями не столько по типу их содержания, сколько по характеру выражения, по характеру их выявления в структуре языковых выражений (Никитин 1996). В отличие от лексических значений, грамматические значения действительно всегда абстрактны и реляционны. Однако, по мнению М.В. Никитина, абстрактности значения недостаточно, чтобы считать его грамматическим. Различие между лексическим и грамматическим значениями следует искать не в характере стоящих за ними понятий, а в особом модусе существования каждого из них. Здесь релевантны такие признаки грамматического значения как

семантическая неавтономность, синтаксическая несамостоятельность, обязательность употребления, морфологическая слитность с показателями лексического значения. Очевидно, что значения частиц не отвечают этим критериям и не могут считаться грамматическими.

Пытаясь описать значение частиц, лингвисты прибегают поэтому к помощи внешних категорий. Так, А.И. Смирницкий раскрывает значение частиц через категорию отношения, но особого рода: «Частицы показывают отношение говорящего к высказыванию, особо выделяя и уточняя какой-либо момент» (Смирницкий 1959: 387). Значение частиц связывают также с дополнительными оттенками, которые они привносят в значения других слов, словосочетаний и предложений. Также семантику частиц определяют как имплицитные смыслы, вносимые ими в высказывание, опираясь при этом на понятие пресуппозиции, заднего плана. Против интерпретации значения частиц как дополнительных смыслов выступал М.Г. Поляков; он писал, что частица и выделяемое ею слово остаются двумя отдельными единицами со своими значениями, между которыми не происходит никакого семантического взаимопроникновения. Действительно, значения слов не меняются. Они и не могут меняться в силу отсутствия у частиц денотативного значения и, следовательно, отсутствия понятийной связи между частицей и выделяемым ею словом. Тем не менее уже на уровне соположения двух слов, одним из которых является частица, обнаруживается явное «приращение» смысла, вызванное ее присутствием.

Итак, частицы могут выражать отношение говорящего к высказыванию по линии выделения того или иного компонента, вносить различные смысловые оттенки и соотносить высказывание с внелингвистическим контекстом. Важно также и то, что оттенки значения, вносимые частицами, нацелены на слушателя как определенная гарантия правильного восприятия высказывания, т.е. их основным назначением является не передача информации о непосредственном предмете речи, о её денотативной или субъективной оценке, а участие в организации самого процесса коммуникации. Значения такого рода М.В. Никитин назвал коммуникативными, противопоставив их когнитивным и прагматическим (Никитин 1996: 607). Специфика коммуникативных значений состоит в том, что они имеют коммуникативное содержание, т.е. организуют и изъясняют коммуникативный процесс, не составляя при этом

предмета речи, а подстраиваясь к референциальному содержанию соответствующей коммуникативной единицы (Никитин 1996: 616).

Толкование значения языковой единицы как ее функции, назначения, характерно для функционального направления в лингвистике. В рамках функционального подхода язык рассматривается как функциональная система, где функции элементов существуют для обеспечения выживания системы. Значение рассматривается как «работа», выполняемая языковым выражением. Поскольку основной функцией языка является коммуникативная, значение языкового выражения можно также описать как его потенциальный вклад в коммуникативную функцию высказывания, частью которого оно является.

При рассмотрении значения частиц важно обратить внимание и на тот, отмечаемый многими лингвистами, факт, что одна и та же частица может вносить различные оттенки в значения различных предложений. Это связано с контекстуальной обусловленностью семантики частиц. Частица не существует сама по себе: она живет только в окружении, только в среде проявляя свое значение.

Таким образом, с одной стороны, значение частиц определяется высказыванием, в частности его коммуникативной целеустановкой, а с другой – частицы добавляют некоторые дополнительные смысловые оттенки высказыванию, в котором они функционируют. В целом, значение частиц можно охарактеризовать как коммуникативное, являющееся дополнительным к референциальному содержанию высказывания.

Понятие контекста, эксплицитного или имплицитного, является принципиальным для прагматики и коммуникативной лингвистики: «...раскрытие смысла недескриптивных слов неотъемлемо от их употребления в контексте и ситуативно обусловленном высказывании» (Арутюнова, Падучева 1985: 8). Существует мнение, что частицы приобретают содержание только в контексте, и, соответственно, можно говорить только лишь о коннотативном значении частиц, хотя они и способны нести на себе прагматическую информацию, то есть оценку говорящим действительности. Однако в русском языке существуют целые высказывания, которые полностью состоят из частиц: **вот ведь, ведь вот же, вот это да, вот то-то же, ну вот ведь как, вот те на** и т.д. (следует подчеркнуть, что таким высказываниям свойственно преимущественно диалогическое употребление).

Понятие контекста или ситуации оказывается в центре внимания лингвистики текста, « ... главная задача которой в изучении референции ... референциальная функция – явление внелингвистического, но внутрисемиотического порядка» (Барт 1978: 448). Р. Барт отмечал, что «до тех пор пока высказывание не соотнесено с ситуацией, оно остается с точки зрения связного текста лишь не имеющей значения пропозициональной функцией; для того чтобы превратить эту функцию в суждение, ее нужно поставить в новые связи, соотнести с определенной ситуацией ... смысл наших рассуждений сводится к тому, чтобы раз и навсегда недвусмысленно признать за ситуацией, на которую ориентирован связный текст, статус полноправного компонента его структуры» (Барт 1978: 446-447). Под ситуацией понимается система взаимосвязанных онтологических компонентов. А.В. Бондарко в рамках функциональной грамматики рассматривает понятие категориальной ситуации, под которой понимается некая типовая содержательная структура, базирующаяся на определенном функционально-семантическом поле, которая представляет собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей семантической ситуации.

Способствуя включению предложения в контекст, частицы и другие служебные единицы в свою очередь сами нуждаются в контексте; Т.М. Николаева отмечает, что ориентация на контекст есть у всех частиц, но у некоторых есть установка на контекст (Николаева 1985: 103): например, частицы **же**, **и** (в значении **также**, **именно**), **вот**, **ведь** и их комбинации (**а вот**, **вот и**, **ну вот**, **вот бы**, **да вот**) обязательно требуют эксплицитного контекста, и их обо-собленное употребление не является значимым.

При изучении функционирования частиц в высказывании необходимо учитывать понятия минимального и максимального контекста. В основе минимального контекста лежит один предикат, в основе максимального – как минимум два. Так называемые «акцентирующие частицы» (термин Е.А. Стародумовой) употребляются в минимальном контексте (**только**, **лишь**, **даже**, **хотя**, **хотя бы**, **именно**, **как раз**). Релятивные частицы (и иногда, факультативно, акцентирующие) обычно функционируют в максимальном (**все же**, **ведь**, **просто**, **вот (и)**, **так (и)**, **тоже**, **также** и др.) Ряд частиц, по мнению Е.А. Стародумовой, реализуют свою семантику независимо от контекста, то есть могут функционировать в «нулевом» контексте, так как они функционируют независимо от пропозиций. Это

частицы **почти, чуть не, чуть ли не, едва ли не, далеко не решительно, буквально, словно, будто, как бы, как-то** и др.

Таким образом, с 80-х годов утверждается взгляд на частицы как на функциональный, а не грамматический класс слов, который отличается от других служебных единиц тем, что их наличие или отсутствие не влияет на условия истинности высказывания (то есть опущение частицы не отражается на этих условиях). Прагматика рассматривает частицы как единицы, которые влияют на прагматические условия употребления высказывания и функции которых состоят в выражении прагматических значений. Необходимость прагматического подхода к изучению частиц вызвана тем, что коммуникативное задание высказывания часто не может быть выполнено без введения в высказывание частиц, а также других служебных единиц. Поэтому и семантика частиц может и должна рассматриваться в контексте всего высказывания.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М., 1985.
2. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. – М., 1986.
4. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
5. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.
6. *Николаева Т.М.* От звука к тексту. – М., 1985.
7. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. – М., 1959.
8. *Wierzbicka A.* Lexicography and Conceptual Analysis. – New York, 1986.

Tanya Bizon

WHAT THE “GOOD LANGUAGE LEARNER” CAN TEACH US

One of the teacher's goals in teaching second/foreign language is to have successful learners and to help poorer students. Joan Rubin, in her article “What the ‘good language learner’ can teach us”, suggests that the teacher can help the less successful students by paying attention to the good learner's strategies. She claims that the poorer learner hardly does his assignment while the good learner seeks the opportunities to hear the language: he watches foreign language movies, reads foreign

newspapers, books, joins clubs, etc. She lists seven strategies which the teacher should know about:

1. The good language learner is a willing and accurate guesser.
2. The good language learner has a strong drive to communicate, or to learn from communication.
3. The good language learner is often not inhibited. He is willing to appear foolish if communication results.
4. The good language learner is prepared to attend to form; the learner is constantly looking for patterns in the language.
5. The good language learner practices pronouncing words and making up sentences.
6. The good language learner monitors his own speech and the speech of others.
7. The good language learner attends to meaning.

The author thinks that the good learner has or seeks all these strategies and the poorer learner does not. Employing the strategies the teacher should take into account the following facts: 1) the material which might require memorizing, or oral drill; 2) the learning stage; 3) the age of the learner; 4) the context – if the language practice is limited; 5) individual styles – some people are comfortable when something is written, some people learn better by visual means, etc; 6) cultural differences.

The author of this article indicates at least three variables on which a good learner's success depends: aptitude, motivation and opportunity. To predict success, there are some tests mentioned in the article which can give some idea about a person's ability. These tests give information about the strategies a good learner uses. Sometimes, a student with a natural ability to acquire a foreign language can be a poor learner because of his limited motivation. In the article, Rubin refers to different studies; for example, Macnamara calls motivation the difference between a classroom and the street as a place to learn a language. However, the author of the article thinks that a good learner has higher motivation to communicate, no matter where he is. Cooper emphasizes that to promote language learning we must put a learner in such situations which demand his use of language. Francis thinks "that students will learn to do what they themselves exert themselves to do" (Rubin). Opportunity lets the learner practice what he has learnt. The good learner creates and takes opportunities, he uses the language when he is not required and seeks opportunities to hear the language. He attends foreign

language movies and uses the foreign language with other students outside class.

The author suggests that teachers encourage the learners by what they know about the world and about communication to second language learning. She writes:

“The teacher should help students understand how topic, context, mood, human relationships help him narrow down the possible meaning of a sentence, or a word. He should help the students guess what the linguistic function of a particular item might be” (Rubin).

Joan Rubin thinks that it will help students to become a better language learner. She believes that there are other practices of the successful language learner which need exploring. The author suggests that some of them could be found in the literature for memorizing techniques. In the future, when this problem is researched more thoroughly and the strategies are incorporated in the methodology, the teacher will lessen the difference between the good and poorer learners.

This article suggests an unusual way in which the teacher can help a poorer learner. According to the article, the teacher should pay more attention to a successful learner and the techniques which a good learner uses to acquire a second/foreign language. In the article I did not come across the definition of a “good language learner” which makes me jump to the conclusion that a good language learner is one who uses her seven strategies. Let me now examine each in more detail.

1) The good language learner is a willing and accurate guesser. Rubin says that the good learner may listen to a phrase, pick out the words he/she understands and infer the rest. Does being a good guesser really make a learner good? If it describes a good learner, then what is a poorer learner? A poorer learner can guess and catch the meaning of the rest also. He can be wrong about the meaning, but it doesn't necessarily make him poorer. I support the author when she mentions that the ability to guess can change with age. Adults stratify their guessing from the more general to the specific. Studies (Jerome Bruner and N.H. Mackworth and F.A. Mosher and K.R.Hornsby) show that adults use more different strategies in guessing than children do, and they are more efficient guessers. I agree with the idea that the good learner uses his feel for grammatical structures and clues from the lexical items. He recognizes that he makes inferences to the purpose, intent of a message or communication, but that depends on the learning stage. The author

remarks that “language learners can use different strategies at different points in time in the learning process”.

2) The good language learner has a strong drive to communicate, or learn from communication. I believe that is one of the best strategies to learn/ improve the learning language. The learner tries to paraphrase or use gestures in order to explain what he is trying to say. But can everyone communicate easily? The author does not mention a very important fact of personality. At least we should remember about two types of learners – introverts and extroverts. In most cases, the introvert will probably not use that strategy. He will not say anything unless he is sure that what he is going to say is right and contains no mistakes. Does it make an introvert a poorer learner? Unfortunately, sometimes teachers think so.

“Some children are outgoing and sociable and learn the second language quickly because they want to be like their English-speaking peers. They do not worry about mistakes, but use limited resources to generate input from native speakers. Other children are shy and quiet. They learn by listening and by attending to what is happening and being said around them. They say little, for fear of making a mistake. Nonetheless, research shows that both types of learners can be successful second language learners” (McLaughlin).

3) That also disproves the next strategy which is that the good learner is willing to make mistakes. The good learner is willing to appear foolish and to make mistakes in order to learn and to communicate. He is willing to live with vagueness. On any stage of learning the language, learners can not avoid mistakes and many teachers support this. They tell the students not to be afraid to make a mistake while they are learning something new. It is good when someone can do that, but what if you are an introvert who might say less but say it properly? Such students are not willing to make mistakes, but they might be willing to communicate.

“Nor should it be assumed that children have fewer inhibitions or are less embarrassed than adults when they make mistakes in a second language. If anything, children are likely to be shyer and more embarrassed before their peers than are more mature adults. Certainly, children from some cultural backgrounds are extremely anxious when singled out and called upon to perform in a language they are in the process of learning” (McLaughlin).

Once again, this strategy and the previous one can be very dependent on personality and culture.

4) The good learner attends to form and looks for patterns in the language, constantly analyzing, categorizing, and synthesizing. I feel that to use this strategy a person needs to devote adequate time and utilize experience. I absolutely agree with the author that this device can not be used on a certain level of the learning language and depends on age. The more experienced the learner is attending to form, the more successful he will be. That is why it is easier for a person to learn his second or third foreign language.

5) The good language learner practices. That is where motivation is very important. The learner looks for native speakers, goes to the movies or to cultural events, speaks in class all the time and is willing to repeat. From my teaching experience, I noticed that the more successful students in my group were more interested in practicing their English every time I brought native English speakers to class. My more successful students were willing to communicate even after the class; they volunteered to help the foreigners afterwards. But I could not make the poorer students get more interested and involved in the communication. I could not motivate them until they wanted it themselves.

6) The good language learner always monitors his speech, learning from his mistakes. The well-known proverb "Live and learn" will never get old. We learn from our own mistakes and only "practice makes perfect". Usually the most advanced language learner pays attention to his speech, how it is being received, and whether his performance meets the standards he has learned. It comes with experience and intelligence.

The good language learner attends to meaning. He attends to the context of the speech act, to the relationship of the participants, to the rules of speaking, and to the mood of the speech act. He pays more attention not to what is being said but how it is being said: intonation, phonological cues and context. I would not consider that as a strategy. Every person is born with the ability to learn the language and the ability to react. I am sure that every learner pays attention to the above factors. Loud speech and different intonation can not help but attract the attention of a human being. Even a child who does not speak the first language can understand the general mood of a sentence. I did not find in the article enough support for this strategy.

Good learning can depend on different factors: motivation, aptitude, opportunity, age, attitude, personality, etc. In the article the writer fo-

cuses on the first three. She thinks that the learning language process depends mostly on motivation, aptitude and opportunity. I agree with the fact that motivation is the ultimate in SLA. According to Gardner and Lambert, there are two kinds of motivation: instrumental and integrative. The latter correlates more with successful language learning. Some people think that the best way to learn a foreign language is studying/ living in the country where that language is spoken. However, as the article says, a learner with perfect abilities for learning languages might not be successful in it without motivation. With strong motivation a person can do the impossible to achieve his goal. Speaking of aptitude, Rubin numbers the tests which could predict success in learning languages and tell the teacher about the learner's ability and what can be done about that. However, there is not enough support how learning a second/foreign language can depend on aptitude. For me, aptitude is a combination of intelligence and experience influenced by motivation. The learner cannot be experienced without motivation and opportunity; the latter is the third factor on which a good language learner depends according to Joan Rubin. When I was a student in Russia, we did not have any opportunities to meet native English-speakers because our town was closed to foreigners. We did not have access to good audio-visual means; most of those which we had were of bad quality or old. Now Russian students have a lot of opportunities to learn a foreign language abroad but most can not afford it. I do not think that because of this we were poorer students. For me, opportunity is like a lottery which not everybody can win. I agree with the author of this article when she says that the learner has no or little opportunity for practice if the language learning takes place in the classroom; he does not have opportunity for real communication purposes. However, I think the author contradicts herself. At the beginning of the article, she is talking about the role of motivation: a good learner has higher motivation to communicate, no matter where he is. According to her, a learner is good if he attends to practice the learning language where that language is spoken, but, on the other hand, she says that he can learn a language in the classroom as long as he has a strong motivation. I would not say that that learner is good because he is lucky to have such a chance to practice the language in the country where that language is spoken. From that, one can not judge how good or bad the language learner is. I think opportunity can not be considered as one of the major factors in acquiring a foreign language. Certainly, it can make learning languages easier and

faster. It does not make a learner better or poorer, but makes him more experienced.

The three factors which I consider the most important for influencing the learning process are personality, motivation and age. The first is a major psychological factor which can explain why some students are better at learning languages than others. It is well-known that extroverts and introverts, for example, require different methods of teaching and different strategies of learning. Using the same method of teaching a group, the teacher should not expect the same result from extroverts and introverts. Both types can have strong motivation but use different strategies. I thoroughly agree with the author that motivation influences the learning process. It makes the students look for opportunities, be a good guesser, etc. I believe that adults are more motivated than children. For example, a good job or an opportunity to study in a university abroad can motivate adults to learn the language and to seek the strategies. As studies show, the more foreign languages the learner knows, the quicker and better he acquires the learning language. The intelligence and the experience with learning the languages motivate learners to use the devices. As the author says, the older learners are more efficient guessers. Adults are more willing to make mistakes and to communicate than children. At the end of the article, Rubin mentions age as a minor factor. I strongly believe that age should be considered as one of the important factors which influences the learning process.

It is true that everybody is born with the ability to learn a first language and it is equally common knowledge that some people are more successful in learning a second/foreign language than other people. There are some students who can learn a second language without the teacher and the classroom situation. I am convinced that there are many misconceptions about how students learn languages. To my mind, there are no good or poor language learners, but there are less or more successful learners. There are students with different personalities and less or higher motivation, who use different strategies to acquire the learning language. Every individual is dependent on certain factors which influence the successful language learning. These factors differ from one language learner to another. It is reasonably important for teachers to know and realize these factors and to be aware of cultural and individual differences in language learning style. Unfortunately, sometimes language classes are big and a teacher does not have time for every student in the class. In most cases, a teacher controls the group and ignores an

---

individual which sometimes makes the teacher jump to the wrong conclusions about the success of different learners. A teacher believes that a good language learner is a good example and a stimulus for a poorer student. Most of the time, a teacher believes that learning about the strategies of the more successful students, the poorer learners can improve their learning language. If all learners were of the same personality, had the same motivation and opportunity, were of the same age, in a word, used the same techniques, how easy it would be for teachers to teach and for learners to learn. It would be an ideal world of learning.

Literature

1. *McLaughlin B.* Myth and Misconceptions About Second Language Learning: What Every Teacher Needs To Learn.
2. *Rubin J.* What the 'Good Language Learner' Can Teach Us". TE-SOL Quarterly. P. 41-51.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акмалова Ф.Ш.*, к.филол.н., старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск)
- Боронникова Н.В.*, к.филол.н., ст. преподаватель кафедры общего и славянского языкознания Пермского гос. университет (ПГУ) (Пермь).
- Бразговская Е.Е.*, к.филол.н., доцент кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета (Пермь).
- Васильев Л.Г.*, д.филол.н., профессор, Калужский госпедуниверситет (Калуга).
- Ворожцова И.Б.*, д.пед.н., профессор, зав. кафедрой лингводидактики, УдГУ (Ижевск).
- Гельберг С.Я.*, к.филол.н., профессор кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Гуревич В.В.*, д.филол.н., профессор МГПИ (Москва).
- Гусынина Е.Б.*, к.филол.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Донецких Л.И.*, д.филол.н., профессор, зав.кафедрой современного русского языка, УдГУ (Ижевск).
- Журавлев В.А.*, д.физико-мат.н., профессор, ректор УдГУ (Ижевск).
- Кайшева Р.П.*, к.пед.н., профессор кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Каракулина Ю.С.*, аспирант кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Карасик В.И. д.филол.н, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского ГПУ (Волгоград).
- Караулов Ю.Н.* чл.-корр РАН, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).
- Колодкина Л.С.*, к.пед.н., старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Крейдлин Г.Е.* д.филол.н., профессор кафедры русского языка, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) (Москва).

- Лейчик В.М.* д.филол.н., профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. института русского языка им. А.С. Пушкина, академик Российской академии естественных наук (РАЕН) (Москва).
- Литвин Ф.А.* д.филол.н., профессор, зав. кафедрой английской филологии Орловского госуниверситеа (Орел).
- Макаров М.Л.* д.филол.н., профессор, Тверской госуниверситет (Тверь).
- Маханькова Н.В.*, к.пед.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Некрасова И.М.* к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков ПГПУ (Пермь).
- Орехова Н.Н.*, д.филол.н., профессор ГГПИ (Глазов).
- Попова З.Д.* д.филол.н., профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ, заслуженный деятель науки РФ (Воронеж).
- Пушина Н.И.*, д.филол.н., профессор, зав.кафедрой грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Румянцева И.М.* главный научный сотрудник Института языкознания РАН, д.филол.н., д.психол.н., (Москва).
- Сильницкий Г.Г.* д.филол.н., профессор, зав. кафедрой английской филологии Смоленского ГПУ, заслуженный деятель науки РФ СмолГУ (Смоленск).
- Терешина Ю.В.*, аспирант, ассистент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Тетерлева Е.В.*, к.филол.н., доцент кафедры английского языка, ф-т иностранных языков, Пермский государственный педагогический университет (Пермь).
- Утехина А.Н.*, д.п.н., профессор, зав.кафедрой дидактики раннего обучения иностранным и национальным языкам, ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Широглазова Н.С.*, к.филол.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск)/
- Широких Е.А.*, к.филол.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Шишков Д.Ю.*, аспирант кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
- Bizon Tanya*, professor, Valencia Community College. Florida, USA.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Акмалова Ф.Ш., к.филол.н., старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск)
2. Боронникова Н.В., к.филол.н., ст. преподаватель кафедры общего и славянского языкознания Пермского гос. университет (ПГУ) (Пермь).
3. Бразговская Е.Е., к.филол.н., доцент кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета (Пермь).
4. Васильев Л.Г., д.филол.н., профессор, Калужский госпедуниверситет (Калуга).
5. Ворожцова И.Б., д.пед.н., профессор, зав. кафедрой лингводидактики, УдГУ (Ижевск).
6. Гельберг С.Я., к.филол.н., профессор кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
7. Гуревич В.В., д.филол.н., профессор МГПИ (Москва).
8. Гусынина Е.Б., к.филол.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
9. Донецких Л.И., д.филол.н., профессор, зав.кафедрой современного русского языка, УдГУ (Ижевск).
10. Журавлев В.А., д.физико-мат.н., профессор, ректор УдГУ (Ижевск).
11. Кайшева Р.П., к.пед.н., профессор кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
12. Каракулина Ю.С., аспирант кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
13. Карасик В.И. д.филол.н, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского ГПУ (Волгоград).
14. Караулов Ю.Н. чл.-корр РАН, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).
15. Колодкина Л.С., к.пед.н., старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
16. Крейдлин Г.Е. д.филол.н., профессор кафедры русского языка, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) (Москва).
17. Лейчик В.М. д.филол.н., профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. института русского языка им. А.С. Пушкина, академик Российской академии естественных наук (РАЕН) (Москва).
18. Литвин Ф.А. д.филол.н., профессор, зав. кафедрой английской филологии Орловского госуниверситеа (Орел).
19. Макаров М.Л. д.филол.н., профессор, Тверской госуниверситет (Тверь).
20. Маханькова Н.В., к.пед.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
21. Некрасова И.М. к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков ПГПУ (Пермь).
22. Орехова Н.Н., д.филол.н., профессор ГГПИ (Глазов).
23. Попова З.Д. д.филол.н., профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ, заслуженный деятель науки РФ (Воронеж).
24. Пушина Н.И., д.филол.н., профессор, зав.кафедрой грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
25. Румянцева И.М. главный научный сотрудник Института языкознания РАН, д.филол.н., д.психол.н., (Москва).
26. Сильницкий Г.Г. д.филол.н., профессор, зав. кафедрой английской филологии Смоленского ГПУ, заслуженный деятель науки РФ СмолГУ (Смоленск).
27. Терешина Ю.В., аспирант, ассистент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).

28. Тетерлева Е.В., к.филол.н., доцент кафедры английского языка, ф-т иностранных языков, Пермский государственный педагогический университет (Пермь).
29. Утехина А.Н., д.п.н., профессор, зав.кафедрой дидактики раннего обучения иностранным и национальным языкам, ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
30. Широглазова Н.С., к.филол.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск)/
31. Широких Е.А., к.филол.н., доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
32. Шишков Д.Ю., аспирант кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ, УдГУ (Ижевск).
33. Vizon Tanya.

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ
И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.

*Юбилею Удмуртского государственного университета
и 75-летию профессора Левицкого Юрия Анатольевича
посвящается*

Дизайнер А.В. Ботя

Лицензия ЛР № 020411 от
Подписано в печать 28.04.06
Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л.   Уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ №

Типография Удмуртского университета.
426034, Ижевск, Университетская, 1.